Б.С. БРАТУСЬ
АНОМАЛИИ ЛИЧНОСТИ

МОСКВА «мысль»
ББК 88 Б87
РЕДАКЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Рецензенты:
д-р психол. наук-В. В. Давыдов, д-р филос. наук В. А. Лекторский
0304000000-129 004(01)-88
ISBN 5-244-00008-X

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Предисловие можно назвать громоотводом» — считал немецкий ученый Г. К- Лихтенберг. И действительно, в предисловии автор обычно старается заранее оправдаться, объяснить, почему он выбрал именно эту тему и данный угол ее рассмотрения, эти, а не другие методы исследования и способы изложения. Автор хорошо знает недостатки и слабости своей работы и потому стремится в предисловии первым назвать хотя бы некоторые (чаще, правда, не главные) из них, обезоружив тем самым своих будущих критиков и недоброжелателей. Этому же служит подчеркивание в предисловиях того, что исследование носит «предварительный характер», что «необходимы дальнейшие, более углубленные разработки» и т. п.

Но на предисловие помимо оправдательных, «громо-отводящих» функций автор — осознанно или неосознанно — возлагает и надежду куда более важную и значимую для него,— надежду привлечь «своего» читателя, подать знак, что книга написана именно для него. Таким «своим», «заветным» читателем не обязательно может быть узкий специалист в данной области, которому в силу профессиональной необходимости надобно следить за выходящей литературой (данную категорию можно назвать читателями-потребителями, пользователями). Не обязательно это будет читатель, которому книга понравится и который найдет ее в ряде мест «полезной», «любопытной» или «забавной» (таких читателей можно условно отнести к «зрелищному» типу — им обычно нужна новая картинка, заставка на интересную тему, которая овладевает их вниманием лишь на краткое время, до появления следующей экспозиции). «Своим» является тот, порой еще не встреченный, но тем не менее вполне реальный для автора читатель — сегодняшний или будущий,— который незримо присутствовал при написании книги, спорил с автором, подбадривал его, требовал от него искренности и

правды, все новых исправлений и переделок. Именно такого читателя-собеседника представлял себе автор. Для него он в конечном счете пишет книгу (а не для безликой «научной общественности»), его он боится оттолкнуть неряшливостью письма и поспешностью выводов, его суда он ждет. Но помимо читателей-собеседников, читателей-потребителей есть и те, кому предлагаемый подход, способ изложения и в конечном счете сама личность автора чужды, кому потребны иные книги и иные авторские позиции. Задача предисловия — предупредить этих читателей от пустой для них траты сил и внимания.

О чем же данная книга, которую не воображаемый, а реальный читатель («свой» или «чужой» — пока неведомо) держит в руках? Эта книга об общих проблемах психологии личности, о том, что такое психическое и личностное здоровье, о том, по каким внутренним механизмам возможно уклонение от нормы, появление аномалий личности, о том, наконец, какие перспективы, пути предупреждения и коррекции этих аномалий может предложить психологическая наука. Разумеется (и здесь, как легко видит читатель, мы. используем «громо-отводную» функцию предисловия), автор отнюдь не претендует на окончательное решение каждого из названных вопросов. Эти вопросы вообще не имеют окончательных решений, ибо относятся скорее к категории «вечных». Как все вечное, они актуальны в любое время, но все же бывают периоды, когда они

становятся особенно остры. В психологической науке это связано с требованиями практического использования ее данных, с возрастанием роли «человеческого фактора» в производстве и общественной жизни. Отсюда возникает потребность нового пересмотра проблемы нормы и патологии, аномалий и здоровья личности. Попытка обосновать некоторые подходы к такому пересмотру и предпринята на последующих страницах. Проблема аномалий развития личности последовательно рассмотрена на трех основных уровнях: философско-мировоззренческом, общепсихологическом и конкретно-прикладном. Автор стремился показать живую связь философии, этики, психологии, практики и, следовательно, необходимость взаимопонимания, сближения, взаимодействия представителей этих областей в решении насущных задач современного человекознания.

...Предисловия в научных монографиях обычно заканчиваются перечнем лиц, которым автор во многом обязан, которым хотел бы выразить свою благодарность. И это справедливая традиция. Развернутое научное исследование лишь с достаточной долей условности можно приписать авторству исключительно одного человека. И коллега, дарящий тебя вдумчивой беседой, и любознательный студент, задающий «каверзный» вопрос, и испытуемый в психологическом эксперименте, и твой редактор, терпеливо исправляющий погрешности стиля,— все они участвуют, соавторствуют в работе, выполняют в ней свою незаменимую роль. Но есть люди, встреча и общение с которыми особенно памятны и важны для научной судьбы автора и назвать которых в первую очередь — его прямой долг. Такими людьми для автора данной книги были профессора П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, Б. В. Зейгарник, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия. Уже один перечень этих славных для отечественной и мировой психологии имен говорит о том. как повезло автору.

Хотелось бы также особо поблагодарить профессоров В. В. Давыдова и В. А. Лекторского, чьи суждения и оценки рукописи книги способствовали утверждению ее концепции; всех коллег, сотрудников, студентов, аспирантов и соискателей, участвовавших в совместных исследованиях, дискуссиях и спорах; Т. Н. Братусь за неоценимую помощь и поддержку в работе.

ГЛАВА I
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ НОРМЫ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
1. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ДИХОТОМИИ «НОРМА — ПАТОЛОГИЯ»

Хотелось бы начать эту главу с одного личного воспоминания — первого столкновения с реальной сложностью проблемы нормы и патологии.

Лет двадцать тому, в конце 60-х годов, мне, тогда старшему лаборанту кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского университета, доверили проведение нескольких демонстраций в клинике душевных заболеваний, которые приурочивались к соответствующим разделам общего курса лекций по патопсихологии, читаемых тогда на факультете профессором Б. В. Зейгарник. Студенты-третьекурсники, для которых готовились эти демонстрации, с нескрываемым любопытством впервые переступали порог психиатрической клиники, где им должны были показать проявления патологии мышления, нарушений личности и самосознания. Больные для демонстраций подбирались

соответствующие, что на преподавательском жаргоне называется «студенческими случаями», т. е. с предельно ясным, без диагностических вариаций выражением именно тех нарушений, о которых шла речь в общем курсе лекций.

Однако демонстрации на большинство студентов производили разочаровывающее впечатление. Дело в том, что студенты не видели в больных, которых приводили к ним, ничего особенно «патологического». Вместо ожидаемых с замиранием сердца «сумасшедших», «безумцев» с опасным и непонятным поведением, перед ними оказывались вполне по внешнему виду «нормальные люди», которые вели себя «как все»: здоровались, охотно беседовали, высказывали иногда весьма интересные мысли и т. п. А то, что они могли вдруг начать с жаром говорить о преследовании их со стороны соседей или инопланетян, казалось студентам поправимым, для чего надо лишь найти действенный способ убедить их, что они заблуждаются.

Когда же я добросовестно выдвигал один за другим общепринятые критерии анормальности, указывая на явные ошибки в суждениях больных, на алогичность их высказываний, на отсутствие в реакциях психологически понятной связи с фактами реальной жизни и т. п., то чуть ли не каждый студент спешил привести похожие, на его взгляд, случаи из своего опыта, из наблюдений за другими, из описаний художественной и популярной литературы, короче, сводил все к формуле — «а с кем этого не бывает».

Словом, демонстрация рассыпалась, цели своей не достигала: студенты не видели искомого патологического явления, например бреда как такового, а видели в целом нормального, «как все», разве немного в чем-то ошибающегося и почему-то упорствующего в своих ошибках человека. Разумеется, тут сказывалась и моя неопытность как преподавателя — сам был лишь вчерашним студентом. Однако и позднее приходилось наблюдать подобную тенденцию — представления о патологии до тех пор кажутся ясными и очевидными, пока думаешь, как думает большинство непосвященных, усвоивших, что сумасшедший — это обязательно бросающийся на стенку и выкрикивающий непонятное. Когда же имеешь дело не с описанием в учебнике того или иного изолированного синдрома, а с его конкретным носителем — живым человеком, со своей судьбой, интересами и особенностями,— то вопрос, что есть норма и что — патология, теряет свою ясность и простоту, становится расплывчатым и трудноуловимым. И хотя профессиональные клиницисты — психиатры и психологи — научаются со временем безошибочно, иногда по одному лишь жесту, слову, внешнему виду человека определять его внутреннее состояние, относить его к нормальному или патологическому, сущность и теоретические (а не интуитивно-эмпирические) основания дихотомии «норма-патология» до сих пор остаются и для них самих недостаточно ясными. Впрочем, судите об этом сами.

Пожалуй, самым расхожим остается для многих психологов и психиатров понимание нормы как, во-первых, чего-то среднего, устоявшегося, не выделяющегося из массы и, во-вторых (что необходимо связано с первым) — наиболее приспособленного, адаптированного к окружающей среде. Такое понимание хорошо согласуется со здравым смыслом и имеет весьма глубокие корни в житейском сознании, прочно отождествляющем нормальное и общепринятое (заметим, что и студенты не видели патологии именно на этом

основании, поскольку демонстрируемые больные вели себя, по их мнению, «как все»).

Данный статистически-адаптационный подход к пониманию нормы вызывает, однако, резкую и, видимо, столь же, как и сам этот подход, давнюю критику. Интересно, что его критиковали еще старые психиатры, хотя, казалось бы, они должны были первыми найти в нем опору для тех особых и редких, по статистике, отклонений психики, с которыми встречались в клинике душевных болезней. Они указывали на то, что отождествление нормальности с часто встречающимся резко снижает представление о человеческом развитии, низводя его до уровня приспособления к расхожим шаблонам поведения. Старый французский психиатр К. Кюльер говорил, что «в тот самый день, когда больше не будет полунормальных людей, цивилизованный мир погибнет, погибнет не от избытка мудрости, а от избытка посредственности». Согласно Ч. Ломброзо, «нормальный человек — это человек, обладающий хорошим аппетитом, порядочный работник, эгоист, рутинер, терпеливый, уважающий всякую власть, домашнее животное». М. Ферри сравнивал нормального человека с готовым платьем, которое продают в больших магазинах, и т. п.'

Непринятие статистических и адаптивных критериев нормы как достаточных звучит и во многих современных исследованиях. Приведем для примера два критических рассуждения. Первое, касающееся принципа адаптивности и основывающееся на клинико-психологическом и общегуманистическом подходах (по сути парафраз и развитие вышеприведенных мнений старых психиатров), принадлежит известному польскому психологу и клиницисту К. Домбровскому. Он считает, что способность всегда приспосабливаться к новым условиям и на любом уровне свидетельствует о моральной и эмоциональной неразвитости. За этой способностью скрываются отсутствие иерархии ценностей и такая жизненная позиция, которая не содержит в себе элементов, необходимых для положительного развития личности и творчества [2].

Второе критическое рассуждение исходит из более строгих, естественнонаучных оснований. Статистический подход предполагает необходимость количественного измерения свойств исследуемого объекта и установление с помощью математики соответствующих средних показателей. Понятно, что для столь сложного объекта, каким является психика, необходимы выделение и учет не одного и не двух, а по крайней мере нескольких свойств. Однако, даже если отвлечься от сложнейшей, не решенной до сих пор (и неизвестно, решаемой ли в принципе *) проблемы верификации этих свойств и адекватного перевода в количественные показатели, применение такого подхода сталкивается на практике с серьезными трудностями. Это убедительно показано Ю. Б. Гиппенрейтер. Она пишет: «Пусть «нормальными» будут считаться такие степени отклонения какого-нибудь свойства от математического среднего, которыми обладает половина популяции; тогда по '/4 популяции разместятся на обоих полюсах «оси» этого свойства в зонах «отклонения» от нормы. Если мы теперь возьмем не одно, а два независимых свойства, то при тех же условиях в «нормальной» зоне окажется уже '/4 часть популяции, а остальные 3/4 попадут в зоны «отклонения»; при пяти независимых свойствах «нормальным» окажется один человек из 32, а при десяти свойствах — один из 1024!» [4] Так что

последовательное применение статистического подхода может обернуться парадоксом — среднестатистическим нормальным окажется крайне редкое явление вопреки исходному априорному представлению о среднем, нормальном как о наличном у большинства.

* Согласно строгому определению ГОСТа, измерение — это нахождение значения физической величины опытным путем с помощью специальных технических средств. Сразу возникает вопрос: возможно ли представить все существенные показатели характера и личности в виде «физических величин», а если нет, то применимо ли к ним тогда само понятие «измерение» в строгом значении слова? Или здесь при-ложимо лишь менее жесткое представление? «Надо помнить,— писал академик А. Н. Крылов,— что есть множество «величин», т. е. того, к чему приложимы понятия «больше» и «меньше», но величин, точно не измеримых, например: ум и глупость, красота и безобразие, храбрость и трусость, находчивость и тупость и т. д. Для измерения этих величин нет единиц, эти величины не могут быть выражены числами...» [3]

Чтобы обойти эти сложности, исследователи — осознанно или неосознанно — используют разные приемы. Наиболее простой и весьма распространенный из них — принятие негативных критериев нормы. Согласно этому подходу, норма понимается прежде всего как отсутствие каких-либо выраженных патологических симптомов. Если у человека не обнаруживается этих симптомов, значит, он нормален, значит, он здоров. Понятно, что данный подход в лучшем случае очерчивает границы круга, в котором следует искать специфику нормы, однако сам на эту специфику никоим образом не указывает.

Не решает проблемы и подход с позиций культурного релятивизма, который является по сути вариацией статистически-адаптационного подхода. Согласно этой вариации, о норме и патологии можно судить лишь на основании соотнесения особенностей культуры определенных социальных групп, к которым принадлежат исследуемые индивиды: то, что вполне нормально для одной социальной группы, для другой будет выглядеть как патология. Существует целый ряд солидных исследований, дающих примеры межкультурных различий, как в макромасштабе (например, между Востоком и Западом), так и в микромасштабе (например, между различными слоями и социальными группами одного и того же общества). Однако, по справедливому суждению В. В. Лучкова и В. Р. Рокитянского, при таком подходе по крайней мере два обстоятельства делают невозможным однозначное определение нормального и патологического поведения: множественность социальных общностей, «социумов», к которым принадлежит любой индивид, и неоднородность предъявляемых каждым таким «социумом» требований. «В силу этих обстоятельств поведение индивида регулируется не единым набором норм, а множеством требований, хотя и связанных между собой, но не совпадающих и подчас не согласуемых друг с другом (требования семьи, референтной группы, рабочего коллектива, социальной среды и т. д.; явные и скрытые нормы, юридические и нравственные и т. п.)... Очевидно, что, последовательно придерживаясь этого подхода и переходя ко все более мелким подразделениям социальной среды, мы для каждого индивида получим множество критериев нормы и патологии, вплоть до представления, что «все нормально по отношению к самому себе».. » [5], или — если воспользоваться старой русской пословицей — «всяк

молодец на свой образец».

Однако такое представление в научном плане есть не что иное, как снятие проблемы нормы, капитулирова-ние перед ее сложностью и переход к описанию индивида только как особенного, уникального в своем роде. Наиболее последовательно эта точка зрения выражена в экзистенциалистском подходе к душевной болезни и в так называемом течении антипсихиатрии. Экзистенциалисты при этом больше упирали на уникальность внутреннего мира человека, на необходимость интуитивного проникновения, творческого сопереживания для его познания. Один из классиков этого направления, Л. Бинсвангер, например, писал: «Поскольку и в какой-то мере диагностические суждения врача исходят не из наблюдения организма пациента, а из его понимания как человеческого существа, понимания человеческого существования, постольку отношение его к больному — это уже не только отношение «медицинского работника» к своему научному объекту. Здесь уже имеет место его связь с пациентом,— связь, основанная на заботе и любви. Следовательно, сущность «бытия психиатра» в том, что он выходит за пределы всякого фактуального знания и соответствующих способностей, выходит за пределы научного знания, получаемого из психологии, психопатологии и психотерапии» [6]. В высказываниях антипсихиатров больше звучали социальные ноты (недаром, видимо, это движение возникло в Англии, США и других западных странах в 60-е годы — годы высокого подъема социальной активности, бурных общественных протестов и манифестаций). Психически больные нередко рассматривались в рамках этого направления как жертвы плохого, патогенного общества, которое признает сумасшедшим того, кто не соглашается с предписаниями религии и государства. Движение, лидерами которого стали Д. Купер, Р. Лэинг, Т. Шаш и др., требовало отмены больничных порядков, отмены самих терминов «психиатрия», «психиатр». Согласно их взгля-дам, психиатрические больницы есть не что иное, как воплощение дегуманизирующего начала в обществе, ибо здесь «каста» врачей беспрепятственно творит насилие над беззащитной «кастой» больных. Что касается психиатрических понятий, то они расценивались как сбивчивая наукообразная классификация, цель которой — замаскировать социальные функции психиатрии, а именно функции репрессии, изоляции неугодных обществу лиц [7].

Затушевывание проблемы критериев нормы (действительно столь «неудобной» и трудноуловимой) типично, однако, не только для экзистенциальных и антипсихиатрических подходов. Есть область исследования, сам объект которой заставляет усомниться в строгости таких критериев. Это область так называемой малой психиатрии, область пограничных между нормальными («как у всех») и патологическими («не как у всех») состояниями психики. Не случайно, что эта колеблющаяся, зыбкая область порождала и весьма колеблющиеся, зыбкие взгляды на разграничения патологии и нормы. Так, выдающийся отечественный исследова-тель пограничных психических состояний П. Б. Ганнуш-кин не раз подчеркивал относительность границ нормы. Вот например, характерные для него высказывания:

«...в таком, с одной стороны, хрупком и тонком, а с другой — в таком сложном аппарате, каким является человеческая психика, можно у каждого найти те или иные, подчас довольно диффузные, конституционально-психопатические черты»;

««гармонические» натуры по большей части есть плод воображения». Эти представления во многом определяли для Ганнушкина и гуманистический смысл преподавания психиатрии врачам. Он писал: «Главная цель и изучения, и преподавания психиатрии должна состоять в том, чтобы научить молодых врачей быть психиатрами и психопатологами не только в больнице и клинике, но прежде всего в жизни, т. е. относиться к так называемым душевно здоровым, так называемым нормальным людям с тем же пониманием, с той же мягкостью, с той же вдумчивостью, но и с той же прямотой, как к душевно нездоровым; разница между теми и другими, если иметь в виду границы здоровья и болезни, вовсе не так уж велика» .

Следует заметить, что приведенные взгляды не есть в строгом смысле полное снятие со счетов проблемы нормы, признание ее не существующей. Представление о норме здесь остается, правда, по большей части в скрытом, имплицитном виде. Оно в основном заключается в том, что человек здоров настолько, насколько он избегает крайностей невроза или психопатии, насколько он, даже имея в себе зачатки, признаки, скрытые процессы, относящиеся к этим страданиям, не дает им разрастись дальше положенной черты, границы (чаще всего эта граница, с теми или иными оговорками, усматривается в мере адаптивности, приспособленности к окружающему, т. е. на основании одного из уже разобранных выше критериев нормы). Иными словами, здоровье определяется через нездоровье, норма — через аномалию, но в отличие от описанных ранее чисто негативных критериев здесь дается и некоторое содержательное представление о здоровье, построенное, однако, на основе терминов и понятий психопатологии.

По такому пути идут многие исследователи за рубежом, которые в своих тестах и опросниках исходят из представлений и категорий, заимствованных из психиатрии (причем не только «малой», но и «большой», занимающейся психозами, явными, часто необратимыми нарушениями психики), и на их основе строят структуру как больной, так и здоровой личности. Достаточно в качестве примера перечислить все 10 основных (базисных) шкал, используемых в одном из самых популярных опросников — так называемом Миннесотском многопрофильном личностном тесте (MMPI). Это шкалы ипохондрии, депрессии, истерии, психопатии, маскулин-ности-фемининности, паранойяльности, психастении, шизоидности, гипомании, социальной интраверсии. Сугубо клиническими являются и многие распространенные классификации характера, рассматривающие норму сквозь призму представлений об «эпилептоидности», «шизоидности» и т. п.

Как реакцию на такой подход можно рассматривать появление описательных критериев психического здоровья, в которых взамен психиатрической терминологии стали звучать общечеловеческие принципы и понятия. Следует отметить общность взглядов большинства авторов, использующих подобные описательные критерии, по вопросу о том, какими свойствами должна обладать здоровая личность. Наиболее часто отмечаются такие черты, как интерес к внешнему миру, наличие «жизненной философии», которая упорядочивает, систематизирует опыт, способность юмористически окрашивать действительность, способность к установлению душевных контактов с окружающими, целостность личности, и ряд других.

Как можно оценить такой подход? Прежде всего он представляется необходимым шагом в изучении проблемы нормы. Если негативные критерии указывают (и то весьма приблизительно) границу между обширными областями нормы и патологии, если статистические и адаптационные критерии определяют нормальность как по-хожесть на других и соответствие требованиям окружающих, если культурный релятивизм все сводит к микросоциальным установкам и отсутствию патологических с точки зрения рассматриваемой культуры симптомов, то данный подход пытается выделить то позитивное, несводимое к психопатологическим понятиям, что несет в себе нормальная личность. В отличие от узкосимпто-матических критериев предыдущих подходов здесь широко ставится вопрос о здоровье личности как о некотором особом достоянии, полноте, а не об одном отсутствии тех или иных ущербов и недугов *. Примечательной деталью, которую стоит еще раз отметить, является сходство в описании характерных черт здоровья личности. Таким образом, мы встречаемся как бы с методом «компетентных судей», которые независимо друг от друга сходятся в оценке интересующего нас феномена.

Вместе с тем описательный подход имеет свои очевидные ограничения. Во-первых, большинство описаний не соотнесено с психологическим категориальным аппаратом и потому не может быть непосредственно использовано научной психологией. Во-вторых, как правило, описывается конечный продукт — ставшая личность, и ничего или крайне мало говорится о самом главном и ценном для теории и практики — о том процессе, который привел к ее появлению, и о тех внутренних закономерностях, что лежат в основе этого процесса. Кроме того, даже самые, казалось бы, распространенные, устоявшиеся описательные критерии при более внимательном их анализе часто оказываются неоднозначными, требующими для своего применения существенных оговорок и дополнений. Возьмем, например, такой критерий, как «целостность», на который часто указывается как на один из главных показателей нормального развития в противовес «расщеплению личности». И действительно, целостность — важный признак здорового

* Эта тенденция согласуется с общим определением, данные в Уставе Всемирной организации здравоохранения: здоровье есть состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов. Такой подход все чаще находит отклик и в современной отечественной науке. Б. Д. Карвасарский констатирует, что в последние годы все более распространяется мнение, согласно которому психическое здоровье «определяется не негативным образом — лишь как отсутствие дезадаптации,— а с точки зрения позитивного ее аспекта как способность к постоянному развитию и обогащению личности за счет повышения ее самостоятельности и ответственности в межличностных отношениях, более зрелого и адекватного восприятия действительности, умения оптимально соотнести собственные интересы с интересами группы (коллектива)»[9].

функционирования любой живой системы личности в том числе. К. Г. Юнг указывал (и это не случайно, видимо, совпадает в немецком, английском и русском языках), что слова «целостность», «целый» и «целить», «исцелять» —

однокоренные, подчеркивая тем самым связь психического здоровья с интегрированностью личности, а психических аномалий — с личностной дезинтегрированностью [10]. Напомним также, что «целостность», «интегрированность» — центральные категории такого важного течения, как гештальт-терапия. Однако нельзя не заметить, что «целостность» (как, впрочем, и многие перечисленные выше критерии такого рода) не отделяет однозначно норму от патологии, не является специфическим, присущим лишь норме признаком: клинический опыт дает множество примеров внутренней цельности явно патологических натур. Можно сказать больше: целостность должна иметь свои градации и степень, свою меру. Если внутренняя структура слишком монолитна, спаяна, жестко состыкована, то это может стать не меньшим тормозом для развития, чем отсутствие должного связующего, структурирующего начала (с некоторыми психологическими последствиями жесткого сцепления внутренних целей деятельности мы столкнемся в главе IV).

Что касается внутренних закономерностей и механизмов нормального и аномального развития личности, то суждения о них «компетентных судей» обнаруживают все те принципиальные разногласия, которые существуют между разными психологическими концепциями и теориями. Далеко не в каждой из этих концепций специально ставится проблема нормального развития личности. Такая проблема в качестве самостоятельной и требующей сложного анализа по сути вообще не существует для бихевиоризма. Под нормальностью здесь изначально подразумевается приспособляемость, адаптивность, стремление (по аналогии с биологическими системами) к гомеостатическому равновесию со средой.

Проблема специфики нормального развития фактически не ставилась и в теории психоанализа, поскольку не усматривалось отличие невротической личности от нормальной и свойства мотивации «невротика» распространялись на здорового индивида. Это прежде всего такие свойства, как генетическая и функциональная связь мотивации с либидозным, сексуальным влечением, бессознательность определяющих мотивов поведения

человека, гомеостазис как главный принцип функционирования мотивации, и ряд других.

В психологии бытует старая аналогия психического мира человека с всадником на лошади. Всадник — это «я», «самость», то, что воспринимает и ощущает, оценивает и сравнивает; лошадь — это эмоции, чувства, страсти, которыми призвано управлять «я». Воспользовавшись этой аллегорией, З. Фрейд говорил о всаднике как о сознании, а о лошади — как о бессознательном. Сознание находится в безнадежном положении: оно пытается управлять значительно более сильным существом, сильным не только физически, но и своей хитростью, близостью к инстинктивной природе, умением обмануть прямолинейное сознание и поворачивать его в нужном направлении, оставляя при этом сознание в неведении относительно причин этих поворотов. Поэтому, чтобы понять механизмы развития психики, надо изучать бессознательное, ибо отдельные поступки и целые жизненные судьбы определяются этим конем, а не близоруким наездником *. Правда, Фрейд говорил, что идеалом человека был бы для него тот, кто на место «оно» (бессознательного) смог поставить «я». Но сам дух его сочинений оставляет слишком малую уверенность в возможности такого подчинения...

Подобная точка зрения, критика которой широко дана в отечественной психологической литературе, конечно, не могла удовлетворить и многих зарубежных исследователей, прежде всего тех, кто пытался непосредственно изучать продуктивную здоровую личность.

* Фрейду, не менее чем бихевиористам, западная психология обязана столь типичным для нее смешением, сближением психики животных и человека. К. Медсон, автор солидных обзоров и книг по проблемам мотивации, пишет, например: «В мотивационной психологии представляется весьма трудным продолжать верить в фундаментальное отличие людей от животных, по крайней мере после того, как Фрейд показал, что даже в вопросах, касающихся его собст-венной личности, «человек не является хозяином в своем доме», так как рациональное *«я»* детерминировано бессознательными силами сексуальной агрессивной природы». После этих слов Медсон с некоторым удивлением вынужден, однако, констатировать: «Несмотря на убедительные доказательства Фрейда, остаются психологи, даже американские психологи, которые уверены в том, что мотивация человека фундаментально отлична от мотивации животных» ". Под этими строптивыми и, мало того, «даже американскими» психологами Медсон разумеет прежде всего Абрахама Маслоу и Гордона Олпорта. Краткая оценка воззрений последнего на проблему нормы дана чуть ниже.

16

Наиболее ярким здесь стало направление гуманистической психологии (Бюллер, Гольдштейн, Олпорт, Маслоу, Роджерс и др.). Представители этого направления строили свои концепции в острой полемике с бихевиоризмом и фрейдизмом, особо подчеркивая роль самосознания в нормальном развитии, стремление здоровой личности к совершенствованию, ее уникальность и т. п. Следует отметить, однако, что гуманистический пафос этого направления нередко приводил его последователей к явному смещению внимания лишь на тех, кто за-ведомо импонировали как совершенные личности. Анализируя, например, концепцию Г. Олпорта, Л. И. Ан-цыферова констатирует, что основной метод,

которым тот «руководствуется при построении своей теории,— это метод обобщения личностных качеств выдающихся, творческих, прогрессивных представителей человечества» [12].

В самом обращении к выдающимся, творческим представителям человечества нет, разумеется, ничего предосудительного: их личности вполне заслуживают пристального внимания и исследования. Однако в этих совершенных образцах, как во всяком готовом продукте, умирает процесс, приведший к его появлению, здесь нам указывают на вершину (esse Homo), оставляя неизвестным путь к ней,— путь, который и есть не что иное, как нормальное развитие личности. Путь этот — общий для людей, а не прерогатива выдающихся. Последние более продвинуты, нежели остальные, но составляют с этими остальными единую цепь движения. Концепции типа олпортовской, фактически разрывая эту цепь, часто не в состоянии исходя из своих категорий, объяснить поведение обычных, «грешных» людей, природу отклонений личности от нормального развития,— отклонений как серьезных, так и достаточно преходящих, временных. Совершенно не случайно поэтому, когда надо описать аномалию, Олпорт приводит список патогенных, или, как он их называет, «катаболических механизмов» [13], который выглядит во многом попросту заимствованным из теоретических представлений фрейдизма *.

Недаром приходится констатировать: теорией Олпорта многие восхищаются, но мало кто ею пользуется. О судьбе теории Фрейда в психологии можно было бы сказать обратное: ее столь же охотно критикуют, сколь часто и используют. И сам Олпорт, как мы видим пример тому.

Таким образом, концепция Олпорта лишний раз утверждает дилемму, которая весьма характерна для представлений психологов о норме: с одной стороны, «растворение» здоровой личности в невротической, психопатической, акцентуированной и т. п., а с другой — абсолютизация выдающейся, творческой, самоактуализирующейся личности и неспособность объяснить аномальное развитие. В результате понятие нормы как бы повисает в воздухе, оно не связано со всем многообразием реальной психической жизни. Задача же подлинной теории личности состоит в объяснении как случаев нормального развития, ведущих в своей перспективе к гармоническому и полному раскрытию личности, так и случаев аномалий этого развития. Для этого необходимо прежде всего выяснить и обосновать, что является критерием нормального человеческого развития, его исходным мерилом.

Подходы, которые мы рассмотрели, не дают убедительного ответа, отсылая нас либо к выраженной патологии (раз не болен, то здоров), либо к статистике (раз «как все», то нормален), либо к адаптивным свойствам (здоров, если хорошо приспособлен), либо к требованиям культуры (нормален, если исполняешь все ее предписания), либо к совершенным образцам (здоровье личности как атрибут выдающихся, творческих представителей человечества) и т. д.

Не спасают дело и различные вариации, объединения в разных пропорциях этих и других сходных с ними принципов. Например, известный польский ученый Я. Щепаньский предлагает называть нормальной среднюю (в статистическом смысле) личность; личность адаптировавшуюся и ведущую себя в рамках установленных социальных критериев; целостную личность, т. е. такую, все основные элементы которой функционируют в координации с другими [14]. Но если каждый из представленных трех критериев (статистика, адаптация и целостность) оказался, как мы видели, недостаточным для определения нормы развития личности, то где гарантия, а главное, убедительное обоснование того, что, взятые вместе, они раскроют содержание этого понятия?

Часто критерием нормы психического развития полагают оптимальные условия этого развития. С таким пониманием можно было бы согласиться, если бы оно дополнялось четким представлением о том, что конкретно-психологически представляют собой эти оптимальные

условия, сводимы ли они все к тем же адаптивности, статистике и пр. или имеют свою качественную, собственно человеческую специфику. Малопродуктивными кажутся и попытки растворить понятие нормы психического развития во множестве «норм», свойственных человеку (от норм анатомического строения тела и его частей до норм правовых отношений), поскольку на деле они пока что ведут к смешению разных уровней (биологических, социальных и психологических), аспектов человеческого бытия, к их взаимной подмене [15].

В чем же причина того, что проблема психической нормы каждый раз как бы выскальзывает из рук, незаметно покидая пределы психологии и обнаруживая себя уже в других, непсихологических областях — психопатологии, биологии, статистике и т. п.?

Может быть, стоит предположить, что мы сталкиваемся здесь не просто с частными ошибками, заблуждениями отдельных авторов, а с некоторой общей тен-

денцией, которую настала пора осмыслить и назвать. Тенденция эта состоит в том, что авторы, стремясь, казалось бы, к изучению психологии, и только психологии, тем не менее с удивительным постоянством оказывались в других областях. «...Вся история психологии,— писал Л. С. Выготский,— *борьба за психологию в психологии»* [16]. Психологов можно с известным основанием разделить на тех, кто упорно ведет эту борьбу, и тех, кто смирился с той или иной формой редукционизма *. Что же касается критериев нормального развития (разумеется, самых общих, принципиальных, а не частных), то неудачи в их поиске могут свидетельствовать либо о слабости, зыбкости самой психологии, ее основных понятий, теорий и методов, ее объяснительных возможностей, либо о том, что данный предмет действительно находится вне поля психологии. Мы склоняемся ко второму мнению, которое никак не означает отказа от «борьбы за психологию в психологии». Речь идет о том, чтобы выявить специфику психологического познания, поскольку психология лишь тогда сможет утвердить свою важную и незаменимую роль, когда найдет

* Примером последнего может служить даже такой корифей психологической науки, как Жан Пиаже, который считал что у психологии в конечном итоге лишь два объяснительных пути — опора на биологию или опора на логику (либо, добавлял он, «на социологию, хотя последняя сама в конце концов оказывается перед той же аль-тернативой 17)

свою специфику, когда сумеет твердо почувствовать границы своих возможностей и компетенции.

Это обретение себя не означает также изоляции от других областей знания: чтобы определить свои границы, их надо перейти, преодолеть, неизбежно соприкоснувшись и даже углубившись в другую область, с территории которой во всей самобытности и цельности предстанет нам своя *.

Нельзя сказать, что эти выходы за свою границу, стыковка с другими областями являются чем-то новым в психологии. За сто с небольшим лет ее существования как науки, на стыке с другими науками образовались и успешно развиваются многие пограничные, дочерние ответвления: на стыке с физиологией — психофизиология, с медициной — медицинская психология, с инженерией — инженерная психология и др. Однако, как мы видели, области, с которыми достаточно устойчиво связана психология и в союзе с которыми она образует ряд пограничных дисциплин, не смогли дать убедительных для нее критериев нормы психического развития. Так, именно из биологии, в частности из физиологии, пришли понятия адаптивности и гомеостазиса, из медицины — модели здоровья как отсутствия болезней и т. п. Следовательно, для поисков общих критериев нормы ** необходимо найти такую сферу, относительно которой психология предстанет как частная, нижележащая по уровню область, обретающая через нее смысл и назначение, а потому и критерий общей оценки того, чем она занимается. Речь в данном случае идет о философии, о философской концепции человека. За проблемой психического «закономерно, необходимо встает другая, как исходная и более фундаментальная,— о месте уже не психического, не сознания только как такового во взаимосвязи явлений материального мира, а о месте человека в мире, в жизни»,— писал С. Л. Рубинштейн [18].

* Парадокс этот, впрочем, известен и в науке, и в житейской практике. Так, для того чтобы лучше понять свой язык, надо изучить иностранный, а чтобы оценить своеобразие какого-либо города или края, надо побывать и пожить в других городах и краях.

** Специально, во избежание недоразумении, еще раз обратим внимание, что сейчас мы говорим именно об общих критериях и принципах, а не о частных психологических механизмах и критериях работы психического аппарата, которые, разумеется, никакая иная, кроме психологии, область не сможет должным образом понять и исследовать.

Насущную необходимость уяснения этой проблемы осознавали не только наши ведущие отечественные психологи (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.), для которых всегда была свойственна высокая философская культура, не только ученые-марксисты других стран (Ж. Политцер, Л. Сэв, Т. Ярошевский и др.), но и ученые иных ориентации, пытавшиеся противостоять позитивистским тенденциям и узкопрагматическому подходу, столь свойственному современной психологии. Сошлемся, например, на А. Маслоу, который писал, что психологи, прежде чем планировать свои исследования, формулировать гипотезы и производить эксперименты, должны иметь и ясно осознавать определенную философскую концепцию человека [19], или на П. Фресса, который подчеркивал, что никакая наука о человеке, и психология в первую очередь, не может абстрагироваться от

общефилософского контекста, в который она включена

20

Почему же, несмотря на подобные призывы, переход границы психологии в сторону философского размышления о человеке осуществляется крайне недостаточно и робко? В отечественной психологии можно назвать, пожалуй, лишь одну по-настоящему развернутую и значительную по глубине попытку такого рода — последнюю (посмертно опубликованную) книгу С. Л. Рубинштейна «Человек и мир». Обстоятельство это во многом объяснимо самой историей взаимоотношения философии и психологии. И поскольку нам ниже предстоит перейти названную границу и предпринять философско-психологическое исследование проблемы нормы, краткое напоминание общего хода этой истории окажется не лишним.

Психология как область познания, ориентированная на понимание деятельности души, существует издревле. В европейской культуре первое (из дошедших до нас) систематическое описание психических явлений сделано Аристотелем в его трактате «О душе». В течение всех последующих столетий, вплоть до XIX в., психологические исследования рассматривались не как самостоятельная область, а как составная часть философии. Развитие XIX в., особенно его второй половины, шло под знаком крепнущего авторитета естественнонаучного знания, которое все более дерзко, смело наступало на метафизические догмы мышления. Чтобы представить атмосферу той эпохи, можно привести слова швейцар-

21

ского ученого и общественного деятеля Августа Фореля из его доклада на съезде естествоиспытателей в 1894 г.:

«В прежнее время начало и конец большинства научных трудов посвящали богу. В настоящее же время почти всякий ученый стыдится даже произнести слово «бог». Он старательно избегает всего, что имеет какое-либо отношение к вопросу о боге... Наука... на место бога поставила себе материалистические кумиры или слова, представляющие собой отвлеченные понятия (материя, сила, атом, закон природы...)»[21]. Этот «дух времени» затрагивает и философию, в которой в противовес отвлеченным мировоззренческим проблемам все больший вес приобретают сугубо позитивистские суждения, отвергавшие вслед за основателем подхода — О. Контом метафизические размышления о причинах и сущности явлений и ставящие своей задачей «чистое» описание и интерпретацию лишь опытных данных науки, и прежде всего естествознания *. Однако в исследованиях естествоиспытателей накапливалось все больше фактов, которые нельзя было объяснить чисто физиологическими или физическими понятиями. Требовались собственно психологические объяснения, но не в прежнем, спекулятивно-философском ключе, а в духе времени, т. е. объяснения строгие, научные, объективные. Эти тенденции и привели наконец к рождению психологии как науки, которая была отнята естествоиспытателями у ослабевшей, утратившей связь с жизнью идеалистической философии.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что первыми психологами были преимущественно физиологи или физики (Фехнер, Гельмгольц, Сеченов и др.). Именно им принадлежат первые психологические сочинения и опыты. Причем эта зарождающаяся психология так и называлась — «физиологическая психология», чем лишний раз подчеркивалось значение физиологии как родового, определяющего понятия, в свете которого психология может стать позитивной, научной. Круг первых проблем экспериментальной психологии — это проблемы элементарных ощущений, скорости реакции и т. п.,

* Только такой подход и мог удовлетворить большинство тогдашних ведущих ученых. Л. Пастер писал, например: «Дело совершенно не в религии, не в философии, не в какой-либо иной системе. Малосущественны априорные убеждения и воззрения. Все сводится только к фактам» [22].

т. е. то, что могло измеряться, регистрироваться хроноскопами, кимографами и прочей аппаратурой физиологических экспериментов того времени.

Поэтому, когда говорят, что психология была отнята естествоиспытателями в конце XIX в. из-под опеки философии, это нуждается в уточнении. Была отнята только та часть психологии, которая непосредственно смыкается с физиологией. Общие же, более высокие проблемы психологии оставались по-прежнему прерогативой философии. Эту раздвоенность можно наглядно увидеть и в мировоззрении родоначальников психологии. Например, Фехнер, которому принадлежит первый труд по экспериментальной психологии, определял основанную им экспериментальную психофизиологию как «точную теорию об отношениях между душой и телом и вообще между физическим миром и психическим миром». Вундт, с именем которого связано возникновение первой в мире психологической лаборатории (1879), применял экспериментальный подход лишь к решению некоторых элементарных психологических вопросов, твердо

считая, что высшие психические процессы (мышление, воля и др.) недоступны опытному исследованию. В анализе последних он прямо придерживался идеалистических философских воззрений.

Дальнейшее историческое развитие психологии как самостоятельной науки было во многом связано с от-воевыванием у философии вышележащих уровней психологического знания: от простых ощущений к целостным видам восприятия, от механической памяти к опосредствованной, от элементарных мыслительных операций к сложным моделям интеллекта и, наконец, от исследования отдельных поведенческих актов к комплексным, системным проблемам личности. В этом движении психология — в своей конкретной методологии, способах анализа и обработки результатов — по-прежнему стремилась равняться прежде всего на естественные науки, постоянно видя в них образец объективности, научности. Психология, заметил, например, немецкий психолог Курт Левин, вообще очень медленно выходила в своих исследованиях из поля элементарных процессов и ощущений к изучению аффекта, мотивации, воли не столько из-за слабости экспериментально-технических средств, сколько из-за того, что нельзя было ожидать, что один и тот же случай повторится вновь, а следовательно, представится возможность математа-

ческой, статистической обработки материала, столь принятой в естественных науках [23].

И тем не менее, несмотря на все сложности, кризисы, периоды застоя, психология поднялась, казалось бы, nq самых высоких уровней познания внутренней жизни человека. Интенсивное развитие психологии сделало возможным появление смежных областей знания на стыках с другими науками. Однако, на что уже обращалось внимание, психология охотно шла на союз по преимуществу с естественными науками, тогда как союз с конкретными отраслями философской науки (например, с этикой, которая в прежнем, «донаучном» существовании психологии была теснейшим образом связана с любым психологическим знанием) осуществлялся крайне редко, и к таким попыткам многие психологи относились и до сих пор относятся с явным предубеждением. Между тем, по нашему мнению, необходимо более тесное единение не только в плане разрабатываемой философией общей методологии всех наук, в том числе и психологии, но и в плане решения многих вполне конкретных научно-исследовательских задач, одна из которых — определение общих критериев нормы психического развития человека.

2. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Поскольку речь идет не о чем ином, как о человеке, то в представлениях о его «норме» мы должны исходить из понимания основной сущности человека, которая и делает его собственно человеком, отличая, отграничивая от других живых и обладающих психикой обитателей планеты. В наиболее общей форме сущность человека выражена К. Марксом в широко известном положении, согласно которому «в своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»[24]. При развертывании, конкретизации этого тезиса необходимо учитывать несколько важных моментов. Во-первых, неоднократно подчеркнутую К. Марксом пагубность противопоставления человека, индивида, с одной стороны, и общества, общественных отношений — с другой. «Прежде всего,— писал он,— следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду. Индивид *есть общественное существо.* Поэтому всякое проявление его жизни — даже

если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного,* совершаемого совместно с другими, проявления жизни,— *является* проявлением и утверждением *общественной жизни»* [25]. Человек, таким образом, находится не «вне», не «над», не «под», не «за», не «против» общества, он есть «общественное существо», есть всегда образ общества, более того, в пределе своем, родовой сущности — образ Человечества (мы оставляем пока вопрос о том, каким может быть этот образ в каждом конкретном случае — искаженным или ясным, частичным или полным) *.

Другой момент, который следует подчеркнуть, может показаться чисто внешним, терминологическим, хотя на самом деле он имеет принципиальное значение для определения «норм» психического развития человека. В рукописи «Тезисы о Фейербахе» нет слов «совокупность всех», а стоит короткое французское слово «ансамбль», имеющее иной смысловой оттенок. На этот момент

справедливо обращают внимание современные философы (Л. П. Буева, М. С. Каган, А. Г. Мысливченко и др.), отмечая ненужность перевода этого слова, ставшего интернациональным. Действительно, если сам К. Маркс использовал для тезисного, т. е. наиболее точного и краткого, выражения своих мыслей именно это, иноязычное для него, пишущего по-немецки, слово, то нет нужды и в переводе этого слова на русский язык» поскольку оно находится в равном отношении и к русскому, и к немецкому языкам — в отношении ассимилированного, не требующего перевода иностранного

* В конце прошлого века в России выходили две популярные серии биографий выдающихся ученых и общественных деятелей разных времен и народов. Первая, получившая наиболее широкую известность, выходила с 1890 г. в издательстве Ф. Павленкова и называлась «Жизнь замечательных людей» (в 1935 г. серия была на новой основе возобновлена А. М. Горьким). Другая подобная, но менее известная серия выходила в академическом издании Брокгауза и Ефрона и называлась «Образы человечества». Надо признать, что второе название куда более верно определяет место и роль подобного рода биографий в нравственном воспитании. Восприятие должно фиксироваться не на самой по себе особости и замечательности описываемых лиц (что подспудно, по контрасту рождает мысли о нашей собственной обыкновенности, «незамечательности», незамечен-ности на фоне других, а следовательно, об исторической периферий-ности, отделенности от судьбы замеченных и замечательных), а на том, чго описываемые лица сумели наиболее полно и ярко воплотить, явить собой образ Человечества, тот же самый образ, полномочными (другое дело — далеко не всегда достойными) представителями которого являемся и все мы.

слова, широко вошедшего в культурный обиход. Не стоило, быть может, говорить об этом подробно, если бы слово «ансамбль» в этом основополагающем тезисе было переведено в адекватном смысловом ключе. Между тем слово «совокупность» далеко не синоним слова «ансамбль». Смысловым синонимическим рядом здесь являются скорее «слаженность», «соподчинешюсть», «содружество», «организованное единство» и т. п.* Мы часто, например, слышим слово «ансамбль» в отношении музыкальных коллективов, объединенных общей задачей исполнения музыки и достигающих выполнения этой задачи слаженными, соподчиненными, взаимодополняющими, взаимооттеняющими друг друга усилиями, подчиненными некоему единому замыслу. Чем более выражены эти свойства, тем в большей степени группа музыкантов представляет собой единый, сыгранный ансамбль. Если же названные свойства находятся в зачаточном состоянии или отсутствуют вовсе, то перед нами не ансамбль, а лишь совокупность всех находящихся на сцене музыкантов. Можно, таким образом, сказать, что «совокупность всех» — это нижняя смысловая граница «ансамбля» или, напротив, его начальная отправная точка, но никак не отражение сути понятия.

Эта терминологическая неточность привела к целому ряду смысловых смещений не только в философском плане **, но и в конкретно-психологическом. Последнее выразилось прежде всего в том, что, несмотря на столь частое цитирование Марксова тезиса о сущности человека как совокупности всех общественных отношений, это положение не удалось убедительно связать с конкретным представлением о психике, и прежде всего о высшем отражательном и интегративном ее уровне — личности. Основная трудность состояла в том, что никакой конкретный человек не мог, разумеется, претендовать на воплощение всей совокупности обществен-

* Вот как определяет слово «ансамбль» словарь иностранных слов: «взаимная согласованность, органическая взаимосвязь, стройное единство частей, образующих какое-либо целое».

** Так, А. Г. Мысливченко считает, что слово «ансамбль» более точно, чем слово «совокупность», отражает взаимодействие, диалектику сущностных сил человека и социальной культуры [26]. *Л.* П. Буева подчеркивает, что термин «ансамбль» более адекватно отражает мысль К. Маркса, подразумевая системный подход, наличие определенных пропорций между различными аспектами человеческого бытия и т. д.

ных отношений, и уже по этому чисто арифметическому признаку конкретный человек непроходимой полосой отделялся от своей родовой сущности. «Могу ли я,— спрашивал, например, И. С. Кон,— не погрешив против истины, назвать себя совокупностью всех общественных отношений, когда сфера моей (и вашей, и любого конкретного индивида) деятельности заведомо включает лишь незначительную часть этих отношений?» [28] Понятно, что при такой постановке вопроса ответ может быть только отрицательным, а родовая сущность человека в конечном счете — отделенной от жизнедеятельности конкретного, живого, «грешного» человека. Достигнуть же приближения к этой сущности можно только путем увеличения числа реализуемых личностью отношений, т. е. опять же арифметическим путем:

чем больше будет этих отношений, тем ближе к родовой сущности. Отсюда, в частности, сведение понятия всестороннего развития личности к представлению о ее много- и разносторонности, задействованности в как можно более различных видах деятельности. (Понятно, что, согласно такому представлению, дилетант, овладевший многими видами деятельности, имеет несомненное преимущество перед ученым, всю жизнь посвятившим решению одной узкой проблемы; первого исходя из арифметического подхода можно назвать все-, много-или разносторонне развитым, второго — развитым одно-или малосторонне.)

Чтобы избежать этих недоразумений, необходимо вернуться к двум отмеченным выше моментам рассматриваемой концепции. Во-первых, что человек всегда есть общественное существо, что он «живет миром». Во-вторых, сущность человека — не просто сумма, совокупность, но сложный ансамбль общественных отношений, т. е. их соподчинение, сопряженность, гармоническое единство, иерархия. Таким образом, от родовой сущности каждый конкретный индивид отделен не арифметически, не разностью (всегда, разумеется, удручающе бесконечно большой) между совокупностью всех общественных отношений и количеством отношений, реально осуществляемых индивидом. Человек, как общественное существо, изначально связан, исходит из этой сущности, он являет ее образ, хотя, как мы уже говорили, этот образ может быть весьма разным, в том числе и глубоко извращенным. При этом не само количество общественных отношений играет главенствую-

щук» роль. Как верно заметил М. С. Каган, не «совокупность всех», а «ансамбль» предполагает объединение в человеческой сущности отнюдь не всех отношений, а только тех, которые способны персонифицироваться и интериоризироваться [29]. Далее — эти персонифицированные и интериоризированные отношения не строятся по некоему установленному шаблону, не появляются сразу в виде готового предмета с заданными свойствами, они всегда процесс, всегда движение. Человек «не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»,— писал К. Маркс [30]. Поэтому нет такой итоговой совокупности всех отношений, которая определила, замкнула бы своим числом сущность человека, и задача исследования этой сущности, что особо подчеркивает Г. С. Батищев, должна состоять не в поисках какой-либо ее «собственной» конечной природы, а в объяснении того, каким образом и почему человек есть безмасштабное существо . Наконец, на что мы уже обращали внимание, представление об ансамбле (в отличие от совокупности) подразумевает определенное сопряжение, соподчиненность его составляющих. Возникает, следовательно, задача выделить основные линии этого ансамбля, его системообразующий фактор, задающий его «мелодию», его «движение становления», его иерархическое единство и гармонию.

Таким главным, системообразующим представляется способ отношения к самому человеку. К. Маркс писал: «Так как *человеческая* сущность является *истинной общественной связью* людей, то люди в процессе деятельного осуществления своей *сущности творят,* производят человеческую *общественную связь,* общественную сущность...» [32] Эта связь, составляющая человеческую сущность, и есть отношение человека к человеку. В применении к психологии об этом ярко и проникновенно сказал С. Л. Рубинштейн: «...первейшее из первых условий жизни человека — это другой человек. Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину. «Сердце» человека все соткано из его человеческих отношений к другим людям; то, чего оно стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится, какие отношения к людям, к другому человеку он способен устанавливать. Психологический анализ человеческой жизни, направленный на раскрытие

отношений человека к другим людям, составляет ядро подлинно жизненной психологии. Здесь вместе с тем область «стыка» психологии с этикой» [33].

Как всякий жизненный, живой процесс, отношение к человеку несет в себе некое исходное противоречие, борьбу противоположных возможностей и тенденций. Этими противоположно направленными возможностями, векторами, тенденциями является, с одной стороны, рассмотрение человека как самоценности, как непосредственно родового существа, а с другой — понимание человека как средства, подчиненного внешней цели, как вещи, пусть даже особой и уникальной, но вещи среди других вещей. Это противоречие в понимании человека проходит через всю историю человечества, которую в этом плане можно рассматривать как борьбу за свободу и достоинство, за признание родовой человеческой сущности, против вещных отождествлений (раба — с орудием, крепостного — с собственностью, наемного рабочего — с производимой им технической операцией и т. п.).

Разумеется, те или иные вещные отношения, вещные цели будут всегда оставаться насущными—отсюда и постоянная проблема приведения их в соответствие с целями невещными. И это соответствие, если мы хотим развития человека именно как человека, может быть только одним — цели невещные должны в конечном счете обусловливать, подчинять цели вещные. Лишь тогда возможно воспитание человека, который мерилом своей ценности считает не меновую полезность, возможность обмена и продажи своих качеств, а свою родовую человеческую сущность, уравнивающую, соединяющую «истинной общественной связью» всех людей *. Деятельность такого Человека (справедливо написать это слово с большой буквы), конечно, подразумевает и конкретную «полезность», материальную отдачу обществу, однако ее никогда нельзя прямо свести к этой пользе, ибо любое дело в конце концов пронизано не вещными, а возвышенными, общечеловеческими идеями. Заметим также, что размеры и качество этой материальной отдачи обычно неизмеримо более высоки, нежели от «час-Продажа, обмен своей внутренней человеческой сути, сопричастности роду — «бессмертной души» — на любые возможные вещные блага — вечную молодость, славу, богатство, власть — в мифах, преданиях и сказках всех народов расценивались как тягчайшее падение человека, его «сделка с дьяволом».

29

тачного» человека, воспитанного в вещной традиции и тем самым изолированного от человеческой сущности. Вот почему, по словам Маркса, *«уничтожение* этой изолированности и даже частичная реакция, *восстание* против нее, являются настолько же более бесконечными, насколько *человек* более бесконечен, чем *гражданин государства,* и насколько *человеческая жизнь* более бесконечна, чем *политическая жизнь»*[34].

Итак, главным для человеческой сущности является отношение к самому человеку, которое формируется в борьбе двух разнонаправленных векторов, один из которых ведет к пониманию и реализации человека как самоценности, как существа, способного к развитию «безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу», а другой, противостоящий ему,— к пониманию и реализации человека как средства. Разрешение конфликта, противоречия в пользу первого отношения ведет к утверждению сущности человека, тогда как в случае превалирования второго рода отношений человек выступает в меновой, вещной, т. е. в конечном счете нечеловеческой форме своего существования. Отсюда проистекают по крайней мере два необходимых вывода. Во-первых, вся конкретная структура общественных отношений, персонифицированных и интериоризированных тем или иным человеком, во многом зависит от особенностей разрешения названного противоречия. Во-вторых, степень приобщения к родовой сущности определяется не количеством, объемом усвоенных общественных отношений, а прежде всего выбором и осуществлением главного, системообразую-щего отношения — отношения к людям и к каждому отдельному человеку.

Сказанное может быть отнесено к любой деятельности человека. Даже такой вид деятельности, как труд, может (в зависимости от лежащего в его основе отношения к себе и другим) либо способствовать развитию человеческой сущности, либо вести к замкнутости, отъе-диненности, узкоэгоистическим тенденциям. А. С. Макаренко, столь высоко ставивший воспитательную роль труда, специально подчеркивал, что труд в известном смысле — процесс воспитательно-нейтральный, он одинаково может воспитать и коллективиста, и индивидуалиста, что зависит прежде всего от способа связи и отношений между собой участников трудового процесса.

30

Развитие деятельности не как технологических операций и действий, а как способа обретения и реализации родовой сущности зависит, однако, не только от отношения индивида к себе и другим людям, но и от того, будет ли это отношение сопровождать, точнее, порождать ряд других, необходимо связанных с родовой сущностью свойств. Кратко остановимся на некоторых из них.

Прежде всего деятельность может побуждаться разными обстоятельствами. Она может быть *причинно обусловленной,* т. е. вытекающей из сложившихся условий, которые являются непосредственно причинно порождающими для данной деятельности. Она может расцениваться как *причинно-сообразная,* т. е. сообразующаяся с кругом породивших ее условий — причин, но уже не прямо и непосредственно вытекающая из них. Она может быть *целесообразной,* т. е. в качестве главной ее характеристики, согласованной с заранее поставленными целями. Наконец, она может быть *целеобу-словленной,* т. е. по преимуществу

определяемой, производной от цели. Понятно, что в первых двух случаях (причинннообусловленности и причинносообразности) источник деятельности локализуется в прошлом, в уже сложившейся ситуации; в двух остальных случаях (целесообразности и целеобусловленности) — в будущем, в том, что предстоит. В свою очередь это предстояние может быть двух родов. Цели могут браться человеком уже в готовом виде и даже быть прямо навязанными ему извне. Этот путь, в самом крайнем своем выражении, превращает человека в «вещь среди вещей», в средство достижения совершенно чуждых ему анонимных институциональных целей [36]. Качественно другой род предстояния целей — когда они выработаны самим человеком, когда мы можем говорить о свободном *целепо-лагании,* целепроектнровании, целетворен.ии человека. Именно здесь находится грань между деятельностью исполнения (пусть сложного, иерархически и опосред-ствованно организованного) и деятельностью творения. Творчество же и есть тот вид деятельности, точнее, тот способ выполнения деятельности, который наиболее отвечает трансцендирующей сущности человека.

При таком подходе к деятельности не просто возникают новые предметы, но происходит развитие сущност-•ных сил человека, которое отнюдь не сводится к изолированному, личному достижению творящего, но стано-

вится достоянием всех, принадлежит через произведенные предметы любому человеку, человечеству в целом. Через человека творящего происходит, таким образом, обогащение родовой человеческой сущности: «...мы имеем перед собой под видом *чувственных, чужих, полезных предметов... опред меченные сущностные силы* человека» [37].

Здесь необходимо сделать два важных для нашего изложения примечания. *Прежде всего,* когда говорят о творчестве, традиционно ассоциируют его, а нередко и вовсе ограничивают его искусством и наукой. Это создает представление, согласно которому лишь художникам, писателям, ученым и прочим представителям «творческих профессий» доступно повседневное творение, лишь они создают новое, раскрывают новые сущностные силы, формирующие новые способности, новые пласты человеческих отношений, тогда как на долю «серого» большинства с их узкими «нетворческими профессиями» остаются механические, репродуктивные, причинно обусловленные виды деятельности с редкими вкраплениями целетворящих, творческих моментов. Такое понимание крайне пагубно для развития самосознания, оно принижает и искажает его, отводя человеку роль винтика, детали механизма, смысл и назначение которого ему неведомы. Между тем для любого человека независимо от его профессии, пусть требующей лишь механической деятельности, главным остается как раз тот предмет, который постоянно, ежечасно требует творческого, целетворящего подхода. Предмет этот — сама жизнь человека, творимые, поддерживаемые или отвергаемые им отношения, центральным из которых является отношение к другим людям. «...Именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения» [38]. Те самые, и никакие иные, отношения, которые и *есть сущность человека.* Обычно, для того чтобы подчеркнуть социальную природу человека, внимание исследователей акцентируется исключительно на том, что человек есть совокупность общественных отношений, т. е. человек, его сущность определяются через образующие его социальные связи. Но при этом выпадает из поля зрения необходимость другого угла рассмотрения той же формулы, а именно что совокупность, вернее, ансамбль общественных отношений и есть че-

32

ловек, т. е. общественные отношения определяются через образующую их деятельность человека. Общество — это «сам человек в его общественных отношениях» [39]. Общественная сущность «не есть некая абстрактно-всеобщая сила, противостоящая отдельному индивиду, а является *сущностью каждого отдельного индивида* (подчеркнуто нами.—*Б. Б.),* его собственной деятельностью, его собственной жизнью, его собственным наслаждением, его собственным богатством» [ю]. Упуская из виду этот важнейший угол рассмотрения, мы как бы призываем: «познай мир (общественных отношений), и ты познаешь себя (человека)» — в противовес: «познай себя, и ты познаешь весь мир». На деле это две взаимосвязанные стороны, два основных пути познания, и нельзя, изучая и возвеличивая роль общественных отношений, умалять в сравнении с ними роль человека, ибо они равносущны.

Другой момент, который необходимо отметить, состоит в том, что в рамках

деятельности творческие и нетворческие стороны отнюдь не исключают друг друга, а находятся в тесной взаимосвязи. Творчество всегда подразумевает операционально-технические моменты, и нередко, чем сложнее творческий акт, тем сложнее и развитее должно быть лежащее в его основе ремесло — круг освоенных навыков и умений. И напротив, расширение операционально-технических умений расширяет и возможности применения новых творческих подходов, приемов, способов.

Однако, даже если мы найдем, что сугубо рутинную, вовсе исключающую моменты творчества деятельность предпочитают деятельности «творческой», это еще не говорит прямо об отходе человека от своей способной к развитию сущности. Все будет зависеть от того, какого рода отношение к другим людям, какого рода понятие о человеке лежит в основе такого предпочтения. Если некто выбрал рутину, сделав это ради жизни и блага другого человека, то он несравнимо выше в человеческом плане и ближе к своей родовой сущности, нежели тот, кто выбором творческой стези попирает конкретного человека или делает его подножием, средством своего возвышения. Специально обратим внимание, что тот и другой выбор не определен самой ситуацией, не является причинно обусловленным (даже если это так кажется самому субъекту). Он есть акт творческий, целетворящий, проявленный в русле главного,

'- Б С Впятуг[1]».

систсмообразующегодля остальных отношения — отношения к человеку. Из этих творческих актов, бесконечной череды выборов, пусть не всегда ярко очерченных и приметных самому субъекту, и состоит не прекращающийся всю жизнь процесс самотворения человека, любой предстоящий этап которого не дан, а задан, являет собой задачу, смысл и решение которой не могут быть определены вне самого действующего человека, живущего своей, а не чьей-либо чужой, заемной, навязанной жизнью.

Таким образом, не следует приписывать творчество лишь какому-то особому роду деятельности; это характеристика куда более широкая, атрибут полноценной жизни человека, его отношений к себе и миру, необходимый способ реализации его родовой сущности.

Целетворение, самопроектирование жизни в качестве своего необходимого условия требуют наличия *свободы,* которую подразделяют, как известно, на свободу негативную, т. е. свободу от внешних стеснений и ограничений, и свободу позитивную, нужную для достижения каких-либо поставленных целей и задач. Объективную основу свободы первого рода (ее можно еще назвать независимостью) составляет система прав (свобод), бытующих в данном обществе. При этом, что важно для нашего рассмотрения, эти свободы не даны извне как произвол или подарок безличных сил и институтов. Они в конечном счете порождены (завоеваны, отстаиваются, выигрываются или, напротив, проигрываются) самими субъектами, самими гражданами данного общества: «Государство фиксирует (должно фиксировать) то, что сформировалось в реальной жизни, а не «одаривает» по своему усмотрению или произволу юридическим статусом своих граждан, не «дарует» им права и свободы, коренящиеся на самом деле в совокупности тех общественных, в том числе и юридических, отношений, которые складываются на базе существующих объективно производственных отношений... Для юридического статуса личности необходимо, конечно, государственное (официальное) признание масштаба свободы, которым она пользуется или на который претендует, но сама эта свобода и ее рамки даны отнюдь не властью и могут ею лишь признаваться в силу объективной необходимости или не признаваться вопреки этой необходимости, что подрывает ее собственные основы» [41].

34

Свобода первого рода — при всей ее важности — лишь расчищает площадку, создает условия для полного проявления свободы второго рода — свободы созидания и самостроительства, свободы преобразования себя и мира в соответствии с поставленными субъектом задачами, его собственным пониманием смысла и цели своей жизни. Человек становится «свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность» [42].

Как только свобода из потенциального состояния переходит в созидающее действие, возникает необходимость проявления *воли* субъекта — контролирующего, мобилизующего начала этого действия. Подлинная воля прежде всего связана со свободой позитивной, с возможностью творческой постановки целей, прямо не вытекающих из данных обстоятельств, но направленных на преобразование этих обстоятельств и себя в них. Этим она отличается от

своеволия, самодурства, т. е. в конечном счете от потакания самому себе, своему прежнему, уже сложившемуся, а не предстоящему образу. Подлинная, свободная воля (несвободная воля есть неволя) необходимо связана с транс-цендирующей сущностью человека, с целетворением. Поэтому «проблема свободы воли формулируется не как проблема осознания необходимости действующих причин и «свободного» подчинения их действию. Свободное действие человека, свободная воля к действию — это реальная его свобода от непосредственного подчинения обстоятельствам, это *деятельная активность* человека, *изменяющего обстоятельства* в соответствии с идеально представляемой целью» [43].

Целетворение, постановка идеальных проектов преобразования себя и мира подразумевают наряду с волей еще одно важнейшее условие. Это условие — *вера* человека в возможность, правильность, осуществимость этих идеально представленных целей и проектов.

Долгое время из ложной боязни ассоциации с религиозными воззрениями проблема веры обходилась в научной литературе "'. Лишь в последние годы появи-

* «В представлении многих людей,— пишет С. Л. Соловейчик,— слово «вера» связывается с понятием «вера в бога», и это неудивительно, до недавнего времени вся сфера нравственности находилась в ведении религии, и почти все понятия, с помощью которых только и можно выразить духовно-нравственные идеи, носят рели-

2*

лись работы, в которых феномен веры рассматривается как необходимый атрибут человеческого существа. Человек без веры, ни во что не верящий — это человек без будущего, без нравственных перспектив и опор в жизни, не способный к преодолению и преобразованию себя и действительности, человек причинно обусловленного, но отнюдь не целесозидающего действия. Творческое решение даже единичной жизненной задачи подразумевает выбор из множества возможных ходов, причем нередко достаточно равновероятных, т. е. в каждый из которых можно поверить'как в должный. Человек, следовательно, чтобы действовать, не просто выбирает ход, решение, но и опирается (часто неосознанно) на веру, что именно этот, а не какой-либо иной ход, иное решение нужны, подходят ему.

Еще более вера необходима в сложных жизненных коллизиях. Для осуществления идеальных целей и долгосрочных проектов необходимо верить в свой выбор, постоянно восстанавливать в себе эту веру, что составляет часто специальную задачу, поскольку, чем более отдаленны и возвышенны наши идеальные построения, тем менее они могут быть доказаны рациональным, логическим путем, т. е. перейти в конкретные знания и убеждения, стать не верой, а уверенностью. Вера находится, конечно, в определенной связи с уверенностью, равно как и с надеждой. Можно сказать, например, что исход, решение жизненных коллизий зарождаются как надежда на их осуществимость (малая субъективная вероятность успеха), затем она уступает место вере (большая вероятность) и, наконец, переходит в уверенность (вероятность успеха, близкая к единице). Для жизненных решений надежда—слабоватая опора, а уверенность, напротив, слишком жесткая и твердая, годная более для реализации уже готового, проверенного прежде опыта. Вера же наиболее

ГИОЗНУН"» п^пж'1/^. ""^ "—••" ---

гиозную окраску: дух, душа, вера, надежда, милосердие, грех, совесть. Но что же делать? Мы по десять раз на дню произносим «спасибо» — «спаси бог», вовсе о боге не думая». Более того, «в реальной жизни, в реальной речи и, значит, в практическом нашем сознании слово «вера» на каждом шагу используется в его нерелигиозном значении. Мы говорим: вера в победу, вера в людей, вера в правду, с верой в будущее; люди верят в себя, в удачу, в судьбу;

мы говорим о доверии к человеку и уверенности в себе. Наконец, мы говорим: верность Родине, верность долгу, верность любви, верность своему призванию, беспредельная верность своему народу. Все высшие качества человека и лучшие его поступки связаны с верой и верностью!» [41].

отвечает творческому акту как шагу в неизвестное, стремящемуся, однако, исключить безрассудство и упование на случай, равно как не требующему в качестве условия обязательной гарантии успеха.

Таким образом, подлинная вера (к которой применимы эпитеты «зрячая», «ясная», «светлая» в отличие от «слепая», «темная», «фанатичная») есть не просто украшение, добавка к целостному развитию человека и уже, разумеется, не индульгенция бездействия * и прибежище слабых, а необходимое условие вне «заранее установленных масштабов» развития, ибо для того, чтобы обрести то новое, которого пока нет в наличии, надо поверить в него как в существующее и потенциально достижимое. Отметим также, что вера в реальность, жизненность

наших проектов и конструкций в значительной мере позволяет им, чье конкретное бытие еще не осуществлено и только возможно в порой весьма отдаленном и неопределенном будущем, активно участвовать в сегодняшней жизни. Тем самым наряду с горизонтальной, линейно выраженной причинно-следственной цепью, в которой, для того чтобы достигнуть последнего звена, надо последовательно перебрать все предыдущие, возникают вертикальные смысловые связи между образом будущего и настоящим, что позволяет будущему не только реально формировать предшествующие ему по времени звенья жизни, но и выбрать любое из этих звеньев как форму своего конечного бытия. «Будущее,— справедливо замечает В. Н. Назаров,— возможно не только как уходящая в бесконечность стрела времени, но и как воспарение

* Даже безоговорочная вера в свою судьбу и предназначение, в свой предуготованный путь далеко не всегда делает человека лишь пассивным наблюдателем, ожидающим, когда же свершится предначертанное свыше. «Фатализм,— замечает Г. В. Плеханов,— не только не всегда мешает энергическому действию на практике, но, напротив, в известные эпохи был *психологически, необходимой основой такого действия».* В качестве примера Плеханов приводит Оливера Кромвеля. Кромвель «называл свои действия плодом воли божьей. Все эти действия были *наперед окрашены для него в цвет необходимости.* Это не только не мешало ему стремиться от победы к победе, но придавало этому его стремлению неукротимую силу» [45]. Понятно, что свойство «наперед окрашивать действия в цвет необходимости» не прерогатива одной религиозной веры, но общее свойство веры как специфически человеческого феномена. Вера пролагает пути к действию, мобилизует волю, которая в свою очередь цементирует ее, образуя основание уверенности в правоте избранного приложения сил.

над его линейным процессом. Подобное будущее выносится из общего потока времени и заземляется в любой его точке...» [46] Для того чтобы быть вынесенным «из общего потока времени», это будущее должно быть представлено как независимое от времени, как уже существующее, что есть на деле продукция акта веры, ибо как такового его нет, оно лишь предстоит, но через этот специфически человеческий акт оно появляется и обретает возможность активно реализовать себя в настоящем, привнося, опредмечивая, узнавая идеально мыслимое в реально существующем.

Разумеется, направляя человека к тому, чего нет на деле, вера может способствовать не только творческому движению, преобразованию себя и наличных ситуаций, но и уходу от реальности, формированию иллюзий, на которые можно смотреть как на отклонения развития *. Однако следует помнить, что сфера идеального, с которой взаимосвязана вера, никогда не является (да и не может являться) безупречно точным отражением реальности. Идеальные образы, которые мы строим, всегда в той или иной степени — «иллюзии», поскольку между ними и их воплощением непременно есть зазор, угол, расстояние — тем большие, чем сложнее, отдаленнее по времени проектируемый результат. Это расстояние и определяет долю «иллюзии», расхождения ожиданий, замысла и результата. Иными словами, для достижения некоторого результата жизненной деятельности мало стремиться к нему как к таковому, стремление должно обязательно перехлестывать, превосходить этот результат, быть всегда выше, «иллюзорнее» его **. Определить оптимум этого превышения, разрыва реального и идеального — специальная психологическая задача (мы отчасти коснемся ее в гл. IV), здесь же хотелось лишь отметить па-

* Психологический механизм формирования одного из видов аномальной иллюзорно-компенсаторной деятельности будет специально рассмотрен в гл. V.

** Замечательный по простоте и силе образ соотношения идеального устремления и реального результата дал Л. Н. Толстой при обсуждении картины Н. К. Рериха «Гонец». Он тогда (видимо, не столько о самой картине, сколько в жизненное напутствие молодому художнику) сказал: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет» [47].

губность отношения к возвышенности жизнетворче-ских конструкций как излишней «иллюзии», зря расточающей, отвлекающей от реальности силы человека. Напротив, такого рода «иллюзии» — необходимый источник сил в борьбе с трудностями, ориентир, указывающий главное направление в меняющихся и часто противоречивых обстоятельствах жизни.

Для полноты заметим, что отмеченные выше атрибуты — целетворение, свобода выбора, вера — имеют определенные филогенетические предпосылки. Опережающее отражение действительности — важнейшая форма приспособления живой материи к среде. Это опережение подразумевает известную творческую (т. е. не заданную прямо наличными условиями) активность, необходимость предвосхищения обстоятельств и осуществления выбора решения, «веру» в

исполнимость намеченного. С появлением психического отражения «вместо поля взаимодействующих тел,— замечает П. Я. Гальперин,— окружающий мир... открывается перед индивидом как арена его возможных действий. Возможных — значит не таких, что неизбежно должны произойти... Индивид не может действовать вне условий, и с условиями нельзя обращаться «как угодно», произвольно, однако свойства вещей благодаря представительству в образах можно учитывать заранее и при этом намечать разные действия. Благодаря психическому отражению ситуации у индивида открывается возможность выбора. А у бильярдного шара выбора нет» [48].

Думается, что при анализе сущностных свойств человека не нужно забывать об этих предпосылках их возникновения. Рассматриваемые свойства не появляются сами по себе, но имеют материальную историю своего зарождения и развития. Иначе говоря, появление многих из них может быть показано исходя не только из общих абстрактных положений, но и из самой природы психического отражения. Такой подход вовсе не умаляет основополагающей значимости пути от «абстрактного к конкретному», но служит его важным корригирующим дополнением.

Дана ли человеку способность, возможность непосредственного постижения своей сущности, целостности, своей приобщенности к роду, или в этом плане он ограничен лишь теоретическим знанием и актом веры?

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, во-пер-

вых, что центральным составляющим сущность человека является отношение его к другому. Во-вторых, что в основе этого отношения лежат две противоречащие друг другу тенденции: рассмотрение другого человека как самоценности, самоцели и рассмотрение его как средства. И наконец, в-третьих, что именно от особенностей разрешения этого противоречия зависит в первую очередь приобщение самого человека к родовой сущности либо, напротив, отъединение от нее, ее извращение. Основным парадоксом самосознания, саморазвития человека является, таким образом, то, что это самосознание, саморазвитие производно от отношения к *другому* человеку, т. е. отношение к себе возникает через отношение к другим *. Напомним широко известные слова К. Маркса о том, что «человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек»» [5'].

Отсюда постижение своей сущности не как теоретического знания (так должно быть исходя из таких-то и таких постулатов) и не через акт веры (я верю вопреки сомнениям, что так должно быть), а в своей самоочевидности и целостности возможно только через особое отношение к другому, в котором этот другой предстанет во всей самоочевидной значимости и целостности, не как вещь среди вещей, а как ценность сама по себе, воплощающая в своей неповторимой форме все достоинства и красоту человеческого рода. Способность увидеть так другого, способность забыть себя в восхищении другим есть способность *любви как* высшего из доступных человеку способов реализации отношения к другому. «С началом любви,— писал С. Л. Рубинштейн,— человек начинает существовать для другого человека в новом, более полном смысле как некое завершенное, совершенное в себе существо. Иными

***   тт _ _**

* Для психологии это представляет важнейшую, хотя еще мало разработанную проблему. Л. С. Выготский в 30-х годах писал: «...через других мы становимся самими собой...» [49] А. Н. Леонтьев спустя сорок лет говорил о насущной необходимости «коперника некого понимания» в психологии, поскольку «я наюже !/ двое «д,> не в gggg имею

самом (его во мне видят другие), а вовне меня существующем— в собеседнике, в любимом, в природе...» [50].

словами, любовь есть утверждение существования другого и выявление его сущности» [52].

Могут возразить: о каком выявлении сущности может идти речь, когда любовь столь часто слепа, склон-на преуменьшать, а то и вовсе закрывать глаза на недостатки своего объекта или возвеличивать до небес не бог весть какие достоинства. Но мы уже говорили, что сущность человека не простой набор отношений, а их ансамбль, центром которого является отношение к другому. Овладевая этим центром, любовь овладевает ключом к постижению всей сущности человека в целом *.

С понятием любви нередко прочно ассоциируются лишь отношения между мужчиной и женщиной и в иной ряд ставится любовь к ребенку, к матери, к

Родине, к Человечеству. Однако во всех столь разных на первый взгляд проявлениях любовь едина в главной сути — в отношении к своему предмету как к самоценности **. На разные виды любви следует смотреть скорее как на ступени все большего постижения человека, все большего расширения сферы собственно человеческого (в противовес вещному) отношения к миру. Поэтому фиксация на одной какой-либо ступени (любить челове-

* «Любовь является единственным способом понять другого человека в глубочайшей сути его личности,— констатирует замечательный психотерапевт современности Виктор Франкл.— Никто не может осознать суть другого человека до того, как полюбил его. В духовном акте любви человек становится способным увидеть существенные черты и особенности любимого человека, и, более того, он видит потенциальное в нем, то, что еще не выявлено, но должно быть выявлено. Кроме того, любя, любящий человек заставляет любимого актуализировать свою потенциальность. Помогая осознать то, кем он может быть и кем он будет в будущем, он превращает эту потенциальность в истинное» . Напомним также слова К. Маркса: «Чем я не могу быть для других, тем я не являюсь и не могу быть и для самого себя» [54]. Пока любовь не открывает через любящего совершенств любимого, последний их не знает и не обладает, ими. Любовь при этом становится не только первооткрывателем нового видения себя и мира, но и внутренним условием, мерилом глубины и силы его реализации, судьей, чье доверие воспринимается как дорогой, часто незаслуженный, неслыханный, неожиданный дар и обмануть которое поэтому кажется страшным.

** Сомнения подлинной любви (подчас многочисленные и мучительные) могут относиться к ответности, силе, дальнейшей судьбе чувства, но самоценность объекта любви, его несводимость к средству, пользе, выгоде сомнению не подлежат. Любовь в принципе нельзя продать или обменять на что-то, ибо она погибает в тот же самый момент, когда свершается сделка, т. е. когда она обменивается на нечто третье, вещное, теряя тем самым свою самоценность.

честно, но не любить конкретных людей; любить близких, свою семью, свою группу, «кучу», но быть равнодушным к чужим, «дальним» и т. п.) есть гибель подлинной любви, пресекновение ее развития. Выход здесь, конечно, не в отворачивании от «близких» ради «дальних» или, напротив, в жертве «дальними» ради «близких», а в полном и широком развертывании природы любви как человеческого, т. е. не имеющего окончательных границ, трансцендирующего отношения.

Вовсе не похвально, например, перешагивая ближнего, считать единственно достойным предметом любви все человечество — это будет не любовь, а гордыня, пьедестал для снисходительного, сверху вниз, отношения к людям, простой способ самоутверждения (недаром говорят — легко любить человечество, но не легко любить человека). Подлинная любовь к человечеству начинается с любви к конкретному ближнему, с раскрытия в нем человеческой сути и восхищения этой сутью, с постепенного постижения его как образа Человечества. Снятие противопоставления между ближним и дальним «заключается в том, чтобы в ближнем узреть и вызвать к жизни дальнего человека, идеал человека, но не в его абстрактном, а в его конкретном преломлении»,— пишет С. Л. Рубинштейн [55]. Тогда и человечество, если мы дорастем до того, чтобы позволить себе назвать его предметом своей любви, будет не безликой массой и не пестрой, малопонятной, разноязыкой толпой, мелькающей в кадрах кино или телевидения, а собранием, связью конкретных людей, которые при всей их непохожести друг на друга, при всей их реальной заземленности и далекости от идеализированных представлений составляют единый, бесконечно совершенный в своем потенциальном развитии род. Прекрасна древняя мудрость: «самый главный для тебя человек — тот, с которым ты говоришь сейчас», ибо в каждом — человечество и человечество — в каждом.

Только будучи способным на такое отношение к другому, через это отношение человек осознает, принимает (не теоретически, не усилием верования, а как здесь-и-теперь-реальность) и себя как равносущного роду, как самоценность. Это открытие (что является парадоксом для логики житейского сознания) тем очевиднее, ярче, полнее, чем в большей степени человек способен «децентрироваться», отречься от себя, чем больше он забывал, «терял» себя ради другого. Эта

«потеря» и осуществляется в наибольшей степени в акте любви. «Подлинная сущность любви состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом «я» и, однако, в этом исчезновении и забвении впервые обрести себя самого и овладеть собою» [5в].

Таким образом, на поставленный выше вопрос — дано ли человеку непосредственное постижение своей родовой сути в целостном и самоочевидном восприятии себя? — можно ответить положительно: дано в способности любить, в способности к развитию этого отношения к миру.

До сих пор мы говорили о творчестве, о вере в будущее, о целеполагании и самопроектировании, о позитивной свободе и свободном волепроявлении, о любви как способе постижения человеческой сущности. Но жизнь каждого человека конечна, смерть обрывает все названные движения, и одно сознание этого факта

ставит проблему *ответственности* за содержание своей жизни, каждого ее дня и часа в число первейших. Это ответственность * перед обществом, перед прошлыми и будущими поколениями, перед конкретными людьми — близкими и далекими, перед начатым тобой делом, перед созданными, выношенными тобой образами, представлениями о жизни, которые вне тебя, без твоего участия реализованными быть не могут; это ответственность перед самим собой за свою осуществленную или неосуществленную, искаженную тобой (и не кем иным, как тобой) человеческую сущность. «...Наличие смерти,— писал С. Л. Рубинштейн,— превращает жизнь в нечто серьезное, ответственное, в срочное обязательство, в обязательство, срок выполнения которого может истечь в любой момент» [5Э]. Эта серьезность, ответственность не означает забвения радости, ощущения полноты жизненного момента, но оттеняет, придает ему цену, выявляя главное и второстепенное, существенное и наносное. Подлинная ответственность — это

* Следует, конечно, отличать эту психологическую ответственность от ответственности юридической, которая понимается как обязанность, исполняемая в силу государственного принуждения или приравненного к нему общественного воздействия, тогда как добровольное исполнение обязанности юридической ответственностью не является [57]. Что касается сугубо конкретно-психологических аспектов изучения ответственного поведения, существующих здесь методов и основных проблем, то с ними можно познакомиться, прочтя монографию К. Муздыбаева [58].

не фрейдовский пресс «сверх-я» на слабую душу человека, а условие его возвышения и приобщения к Человечеству, его нуждам, заботам, страданиям и радостям.

Осознание конечности своего бытия впервые во всей его грандиозности ставит вопрос о *смысле жизни, заставляя* искать этот смысл в том, что превосходит конечную индивидуальную жизнь, что не уничтожимо фактом смерти.

Что переживет нас? Вещь истлеет, и имя забудется. Переживают нас дела, вернее, последствия наших дел и поступков, их отражение в судьбах других, людей. Дела эти и поступки можно, отвлекаясь от частностей, свести к двум видам. В одних случаях они направлены на утверждение человека как самоценности, его развития как потенциально бесконечного, вне любых «заранее установленных масштабов» (в нравственно-оценочном плане такие дела и поступки обычно именуют добрыми). В других случаях обнаруживается направленность на попрание человека, отношение к нему как к средству, вещи, его развитию как заранее определимому и конечному (такие дела и поступки большей частью именуют злыми). Дела и поступки первого вида — основа приобщенного к родовой сущности самосознания (через означенный выше «парадокс самосознания» — возникновение отношения к себе через отношение к другим). Дела и поступки второго вида — основа самосознания, отъединенного от этой сущности и замкнутого на самом себе. Отсюда самосознание первого вида способно к обретению далеко выходящего за границы собственного конечного бытия смысла жизни, в то время как самосознание второго вида к такому обретению принципиально не способно: в жизни других, как и в своей жизни, оно усматривает лишь обрывок, островок в океане времени, который исчезает после смерти без следа, войну каждого за себя и всех против всех.

И хотя зло, как некая обобщенная категория, сопутствует человечеству и имеет такой же срок своего существования, как и добро, человек со «злым» самосознанием, видя во всех средство, вещь, и сам становится вещью, конец которой положен ее физическим износом. Самосознание добра, напротив, видя в других не вещную, не обменную ценность, обретает тем самым и собственную не обменную ценность, собственную

причастность к роду человеческому. Поэтому смысл жизни человека и смысл жизни человеческого рода просто не могут существовать один вне другого, ибо и то и другое (осознанно или чаще неосознанно) решается человеком всегда по сути синхронно, одновременно, так как по своей природе человек не существует, не находит себя вне отношения к обществу, а в пределе — и к человечеству в целом. Даже такая позиция, как «моя хата с краю», «гори все синим пламенем, лишь бы мне (моей семье) хорошо было», есть одновременно позиция в отношении остального человечества, есть определенное решение смысла жизни человеческого рода и каждого его члена в отдельности, представляемого в данном случае как стремящегося грести под себя, жить ради своих узкоэгоистических или узкогрупповых интересов.

Связь зла и смерти (не физической, а духовной), добра и бессмертия (тоже не физического, а в памяти, душе народной и общечеловеческой) — излюбленная тема легенд и преданий. Не обходят вниманием эту тему и художественная

литература, поэты и писатели. Значительный след оставили разработки этой темы в трудах мыслителей и философов прошлого. «Глубокая связь вопроса о смысле человеческой жизни с проблемой долголетии, смерти и бессмертия человека,— пишет, например, И. Т. Фролов,— прослеживается через всю историю философии и науки, и ее хорошо выразил уже Сенека, сказавший, что важно не то, долго ли, а правильно ли ты ее прожил. Всякая жизнь, хорошо прожитая, есть долгая жизнь, отмечал и Леонардо да Винчи. Эту же мысль подчеркивал и Монтень, говоря, что мера жизни не в ее длительности, а в том, как вы ее использовали. Ясно, что мера жизни определяется здесь ее человеческой, т. е. социально-личностной и нравственной, формой» [60].

Развивая эту тему, можно было бы сказать, что краткий по времени отрезок жизни способен вместить целую вечность, тогда как долгое время прожитой жизни — оказаться пустым, изолированным мгновением. Согласно старой грузинской притче, на каждом надгробии одного забытого древнего кладбища было кроме даты рождения и смерти выбито: этот человек прожил один час, этот — день, этот — три года, этот — десять лет, этот не жил вовсе. Речь шла не об отпущенных календарных сроках, которые были относительно

равны, а о сроках жизни, наполненных высоким человеческим смыслом *.

К сожалению, насущные смысложизненные проблемы бытия крайне мало затрагиваются в современных науках о человеке, и в том числе философии **. Между тем, коль скоро смысл жизни обретается в отношении к тому, что превосходит индивидуальную жизнь, то встают вопросы: что есть это превосходящее? является ли оно конечным (а вместе с ним оказывается конечным и найденный нами смысл) или бесконечным, неуничтожимым (тогда бесконечным становится и найденный смысл)? Понятно, что человека по-настоящему может удовлетворить лишь последний смысл как единственно отвечающий, релевантный его «безмасштабному» развитию. Но оппозиция «конечного» и «бесконечного» смысла есть не что иное, как оппозиция «смертности» и «бессмертия» человека. Всякое конечное основание смысла жизни — утверждение

* о,...- - -

* Ясно, что речь идет о чисто человеческом, духовном измерении, категории вечности, т. е. не о том, что определено самим по себе бесконечным течением времени, а скорее о том, что проступает сквозь время, способно свершаться в любой день и час. Или, напротив, не свершаться, исчезать в погоне за преходящим. И если это становится массовым, превалирующей формой — говорят о без-временье. Физически время течет как обычно, оно может быть занято весьма разнообразной и кипучей деятельностью, теряется лишь связь с вечным, непреходящим, а значит — теряется подлинная связь, сцепление со всеми другими временами человечества, «связь времен». Известна формула: «бессмертие человека в бессмертии человечества», однако человечество вечно нс потому, что никогда не прекратит своего существования (гарантии тому нет), а потому и до тех только пор, пока борется, отстаивает, служит вечным, непреходящим ценностям и истине, постоянно и объективно испытующим нас, но вне нас не могущим олицетвориться и быть.

** Так, И. Т. Фролов, отмечая, что современная наука открыла многое в понимании биологического и социального смысла жизни и смерти человека, справедливо указывает на слабость в разработке индивидуально-психологических проблем смысла жизни, смерти и бессмертия человека, в отношении которых «нужны не только «чисто» научные подходы... но и философские, то, что Л. И. Толстой называл мудростью, отказывая в ней науке своего времени... Однако многие относящиеся сюда важные мировоззренческие, социально-этические и гуманистические проблемы, волнующие каждого человека, по-прежнему еще мало занимают науку. В результате мы оставляем открытой, неудовлетворенной значительную часть жизни человеческого духа...»[6']. Проблемы смысла жизни практически не затрагиваются ни в школе (на пагубность этого положения не раз обращал внимание В. А. Сухомлинский), ни в вузе. «Студент высшего учебного заведения (не говоря уже о школьнике),— констатирует Л. Н. Коган,— на протяжении 4—5 лет изучения общественных наук может ни разу не услышать слов «смысл жизни»»[62].

смертности человека (опять же не физической, а его дел, поступков, борений, страданий, мыслей, желаний), нахождение бесконечного основания такого смысла равносильно утверждению бессмертия человека. И коль скоро человек ищет

бесконечных оснований жизни, не уничтожимого фактом смерти смысла — он ищет своего бессмертия. Поэтому на эти поиски, на эту потребность надо смотреть не как на «вредную», «излишнюю», «идеалистическую» и т. п., а как на полноценную, необходимую для осуществления этой (а вовсе не потусторонней) жизни, для ее высокого творческого накала, для осознания себя как непосредственно родового существа, способного развиваться вне «заранее установленных масштабов».

Рассматриваемая проблема не решается, если идти по пути приписывания атрибута бессмертия лишь «историческим личностям», «творческим деятелям» и т. п. При таком чрезвычайно распространенном подходе сама проблема внутреннего поиска отношения к смерти и бессмертию затушевывается, подменяется задачей усвоения, принятия готовых социальных оценок и штампов социальной памяти. Встав на эту точку зрения, мы в известной мере уподобляемся полушутливой французской традиции именовать избираемых в члены Академии «бессмертными», и тогда вековая проблема бессмертия решается весьма просто — надо всеми силами и путями стараться стать академиком, лауреатом, орденоносцем. Данный подход, конечно, весьма удобен, прост и безопасен: уж если и ошиблись в присуждении «бессмертности» при жизни, так время покажет и через 40—60 лет точно постановит, кто смертей, а кто нет. Однако удовлетворить жажду понимания проблемы смерти и бессмертия такое решение не может, ибо нахождение не устранимого смертью смысла жизни есть, повторяем, насущная потребность человека,— потребность, ждущая своего удовлетворения в этой его жизни, в его индивидуальном самосознании. И возникает она не из себя самой и не как извне заданная или кем-то надуманная, но в силу объективных, неустранимых внутренних причин, а именно как следствие действия основного родовидового противоречия между ограниченностью, конечностью, заведомой уничтожимостью, смертностью индивидуального бытия и всеобщностью, безмасштабностью родовой сути. Причем в фокусе данной проблемы это противоречие достигает

порой наивысшего накала и драматизма. И понятно:

на смысловом уровне (в отличие от уровня социальных решений) оно должно быть разрешено сейчас, для меня живущего, а не откладываемо на будущее, когда меня уже не станет и кто-то иной (будь то единичное лицо или общество) ретроспективно оценит мою жизнь.

Психология до сих пор этих проблем не касалась, и их исследование — дело будущего. Но одно ясно:

главное и, пожалуй, единственно верное направление пути обретения подлинного смысла жизни связано с выходом за границы узкого «я», служением обществу, другим людям. Если человек «живет, отрекаясь от личности для блага других, он здесь, в этой жизни, уже вступает в то новое отношение к миру, для которого нет смерти и установление которого есть для всех людей дело этой жизни» [63]. Это отношение можно определить как сопричастность и единство с живущими, с историей и будущим, потеря заданных здесь-и-теперь строгих границ «я» и свободный переход в любое там-и-тогда человека и человечества. Понятно, что речь идет не о декларации, не об абстрактно мыслимых представлениях, а о состояниях, переживаемых, развертывающихся как насущная внутриличностная смысловая реальность. И тогда действительно нет времени и нет границ, а значит, при всем осознании "своей очевидной смертности человек обретает почву и смысл, смертью не уничтожимые. «Я чувствую себя настолько солидарным со всеми живущими,— писал во время тяжелой болезни молодой еще, 37-летний А. Эйнштейн,— что для меня безразлично, где начинается и где кончается отдельное» [64].

Итак, смысл жизни будет зависеть от того, какую позицию выбрал и осуществил человек: например, относится ли он к другому как к самоценности, к своему делу как к самоотдаче на пользу и радость людям или видит в человеке средство, вещь, в труде — докучную обязанность и т. п. Первое отношение — залог непосредственного приобщения к родовой сущности, осмысленности жизни, не уничтожаемой неизбежностью смерти. Второе — залог отчужденности от рода, обрывочности, лоскутности жизни, лишенной общего сквозного смысла, дорога в никуда *.

* Есть два наглядных образа, олицетворяющих названные отношения к жизни. Первый принадлежит Б. Шоу, который сравнивал жизнь с великолепным факелом, врученным ему по эстафете преды-

48

Непосредственной формой, в которой представляется, репрезентируется человеку дух ответственности перед жизнью, миром и людьми, является *совесть.* Муки совести — это в конечном счете муки разобщения с родовой сущностью, с целостным общечеловеческим бытием. Психология, занимаясь в основном частностями душевной жизни, отступает перед этими явлениями (можно сказать и так — не поднимает глаз на эти явления), зато в художественной литературе они представлены с потрясающей глубиной и силой. Вспомним пушкинского царя Бориса. Средством, подножием восхождения к власти он сделал одну, «всего лишь» одну человеческую жизнь — жизнь ребенка. И эта власть, такая внешне удачная («шестой уж год я царствую спокойно»), полезная народу («я отворил им житницы»), не приносит радости царю, не рождает любви к нему народа, ибо

попранная им жизнь разобщила его с людьми, с народом, с самой человеческой сущностью и, следовательно, с самим собой, лишила сна и покоя, превратила жизнь в муку и трагедию, а все его дела и даже благодеяния — в мертвые, не приносящие плода ответных чувств и связей с миром.

Мы кратко затронули лишь некоторые аспекты, вытекающие из представления о человеке, но сказанного уже достаточно для того, чтобы иметь основания сформулировать наше понимание психической нормы. Прежде всего из рассмотренного выше следует, что ведущим, определяющим для собственно человеческого развития является процесс самоосуществления, предметом которого становится родовая человеческая сущность, стремление к приобщению, слиянию с ней и обретение тем самым всей возможной полноты своего существования как человека *. Нормальное развитие

дущими поколениями, а свою задачу видел в том, чтобы заставить этот факел гореть еще сильнее и ярче, прежде чем он передаст его другим поколениям. Этот образ противостоит другому и весьма распространенному пессимистическому сравнению человеческой жизни с полетом мотылька из тьмы во тьму.

* Проведенный анализ делает достаточно очевидным, что предложенное понимание самоосуществления отлично от большинства зарубежных концепций, в которых затрагиваются проблемы самоактуализации, самореализации и т. п. Обычно в этих концепциях постулируется некая потребность как главная детерминанта развития. Согласно такому приему, любое поведение индивида может быть объяснено достаточно просто: преступление — потребностью в его совершении, творчество — потребностью в нем, самоактуализация — потребностью в последней и т. п. Остается, далее, назвать

положительно согласуется с этим процессом, направляется на его реализацию, иными словами, *нормальное развитие — это такое развитие, которое ведет человека к обретению им родовой человеческой сущности.* Условиями и одновременно критериями этого развития являются: отношение к другому человеку как к самоценности, как к существу, олицетворяющему в себе бесконечные потенции рода «человек» (центральное системообразующее отношение); способность к де-центрации, самоотдаче и любви как способу реализации этого отношения; творческий, целетворящий характер жизнедеятельности; потребность в позитивной свободе; способность к свободному волепроявлению;

возможность самопроектирования будущего; вера в осуществимость намеченного; внутренняя ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями; стремление к обретению сквозного общего смысла своей жизни.

Обычно оппозицией норме должно являться суждение о патологии. Но, как гласит старая истина, природа не делает скачков, между условными полюсами . «нормы» и «патологии» находится обширное поле от-

эти потребности врожденными и приписать им инстинктивную природу, тогда в одних случаях человек будет рассматриваться как носитель исходно «светлых» начал, а в других — как носитель «темных», низменных инстинктов. Проблема внутренних противоречий развития, самодвижения, активности субъекта тем самым упрощается, если не снимается вовсе. В стороне остается и проблема связи с миром, ведь в случае постулирования врожденных потребностей и инстинктов (равно добрых или злых) общество становится сугубо внешним моментом, мешающим или потакающим их развитию. Разумеется, это не означает вообще умаления роли" потребностей, в том числе и потребности в самоосуществлении как исключительно важной для развития человека. Но надо понять, что потребность эта не дана, а задана, она возникает и оформляется в ходе реальной жизни, а не предшествует ей. Вот почему именно в зависимости от этого хода возникают и разные по направленности потребности этого рода — «самоосуществляется» и негодяй, и фашист, и преступник. Во многих зарубежных концепциях последний момент вообще не рассматривается — главное, самораскрыться, самоактуализироваться, самореализоваться, а в чем, ценой чего, ценой каких отношений к окружающим и миру — не так значимо. По сути процесс такой самоактуализации замыкается эгоцентрическим смысловым уровнем. Мы же, говоря в дальнейшем о самоосуществлении, о соответствующей потребности в нем, будем иметь в виду, во-первых, производность этой потребности от реального хода жизни человека и, во-вторых, то, что подлинное содержание самоосуществления, подлинный его предмет есть приобщение ко всеобщей родовой сущности посредством целенаправленной, целетворящей активной деятельности субъекта.

клонений, аномалий развития. Поэтому правильнее, на наш взгляд, сформулировать общее представление об аномалиях, имея в виду, что лишь в крайних своих вариантах они переходят в выражение патологические явления. Тогда аномальным, согласно рассмотренным выше положениям, следует считать такое развитие, которое не согласуется, подавляет самоосуществление, ведет к извращению его сути, или, иными словами, *аномальным, отклоняющимся от*

нормального является такого рода развитие, которое ведет человека к отъединению, отрыву от его всеобщей родовой сущности. Условиями и одновременно критериями такого развития следует считать: отношение к человеку как к средству, как к конечной, заранее определимой вещи (центральное системообразующее отношение); эгоцентризм и неспособность к самоотдаче и любви; причинно обусловленный, подчиняющийся внешним обстоятельствам характер жизнедеятельности; отсутствие или слабую выраженность потребности в позитивной свободе; неспособность к свободному волепроявлению, самопроектированию своего будущего; неверие в свои возможности; отсутствие или крайне слабую внутреннюю ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями; отсутствие стремления к обретению сквозного общего смысла своей жизни *.

Теперь нам предстоит обосновать еще одно исходно важное положение. Дело в том, что, как заметил, на-

* Сразу отметим известные ограничения этого определения. Во-первых, оно имеет сугубо общий, методологический характер, во-вторых, отвечает принятой в данной работе логике рассуждений — найти признаки нормального развития и, лишь исходя из них, понять общую суть аномалий как собственно отклонений, отступлений от этого развития. Если же мы предпримем «восхождение от абстрактного к конкретному», обратимся к исследованию реальных видов аномалий, то, во-первых, с неизбежностью подтвердим старую истину, что «здоровье — одно, а болезней много», неисчислимы виды, подвиды и вариации психических уклонов и извращений. Во-вторых, обнаружим отнюдь не одни только признаки ущерба, негативные отклонения от нормы, но и присущие каждой аномалии позитивные, лишь ее отличающие характеристики или их особое, специфическое сочетание. Следует помнить, что и в случаях нормы, и в случаях аномалий речь идет не об одномоментных, застывших состояниях, а о развитии. Всякое же развитие не может быть лишь цепью потерь и ущербов, но обязательно и обретений, новообразований. Другое дело — какого рода эти обретения в аномальном развитии, какую роль они играют в судьбе человека, к каким поступкам и действиям приводят. Некоторые иллюстрации к сказанному читатель найдет в гл. IV и V.

верное, внимательный читатель, мы практически не употребляли в нашем анализе понятия личности. Это было вполне сознательным приемом, согласующимся с фундаментальным правилом науки — не вводить понятия до той поры, пока нужда в нем не станет совершенно очевидной. И вот оказалось, что можно дойти до представлений о психической норме, ее условиях и критериях, минуя понятие личности — кардинальное, казалось бы, понятие всей психологии. Из этого неожиданного обстоятельства вытекали в свою очередь два следствия, два возможных дальнейших пути: либо и впредь обходиться без упоминания личности, либо найти и твердо обозначить такое ее понимание, которое вносило бы качественно новый аспект в рассмотрение проблемы.

Чтобы разобраться в этом вопросе, мы попытались прежде всего проанализировать, что именно подразумевают, когда употребляют понятие личности. Картина оказалась до чрезвычайности пестрой. Одни отождествляют с личностью черты человека как индивида, другие идентифицируют личность с характером, третьи — с социальным статусом и функциями, четвертые — с родовой сущностью, пятые — с совокупностью различных уровней: от физических качеств до духовного содержания. Эта разноголосица усугубляется, точнее, помножается на разные представления о сроках и возможностях достижения свойства «быть личностью»: некоторые считают это свойство присущим чуть ли не изначально, с первого «я сам» ребенка;

другие указывают, что личность рождается не сразу, не один, а несколько раз; наконец, есть мнение (его придерживаются главным образом философы), что понятие личности имеет значение идеала, к которому надо стремиться, но который достижим отнюдь не каждым. Таким образом, наше предположение о том, что при анализе психического развития можно обойтись без употребления понятия личности, оказалось вовсе не лишенным основания, ведь в обозначенных выше взглядах личность по преимуществу выступает как редуцированная либо к индивидным свойствам человека, либо к его индивидуальным, характерологическим свойствам, либо к особенностям его социального функционирования и т. п. Тем самым по существу определяется не особое содержание понятия личности, а разные по своим основаниям аспекты понятия человека, и, что

самое главное, эти определения, выделяя отдельные, пусть чрезвычайно важные стороны деятельности и сознания человека, обычно не указывают основных функций свойства «быть личностью», цель и назначение этого новообразования в человеке. Не случайно поэтому Е. В. Шорохова отмечала, что в «большинстве психологических исследований советских ученых проводится детальное изучение отдельных психических явлений, их материальных основ, нередко речь идет и об общественной обусловленности этих явлений. Однако же эти исследования... не поднимаются, не доходят до уровня изучения функций личности». В результате «в большинстве современных учебников психологии человеческая психика предстает в виде набора деталей недействующей машины. В лучшем случае в учебниках демонстрируются «узлы», «блоки» деталей, но из этой демонстрации по сути дела ничего нельзя узнать о субъективной жизни человека...»[63]. Что касается личности, то демонстрация «блоков» и «узлов» (пусть талантливая, изощренная и изобретательная, снабженная самой современной

математической обработкой) оказывается мало полезной как теории, так и практике *, потому что она лишена представления о всем «двигателе» в целом, о том, ради чего собраны и взаимосвязаны в нем все эти «блоки» и «узлы».

Цитированные выше слова Е. В. Шороховой отнесены ею к большинству, но, к счастью, не ко всем исследованиям и направлениям в области личности; следует учесть также, что они написаны в 1974 г., а с того времени картина значительно изменилась. В рамках ведущей в отечественной психологии теории — теории деятельности — важнейшим в этом плане событием стал выход монографии А. Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность» (1975), а также ряда его статей и выступлений, посвященных проблемам личности. И хотя разработанные А. Н. Леонтьевым положения но-

* Между тем сторонники такого подхода очень часто любят говорить о требованиях практики, подчеркивать прикладную направленность своих исследований в противовес отвлеченным, ничего, на их взгляд, не дающим для жизни теориям. Но теория в своем подлинном назначении не досужая игра ума, не бегство от требований действительности, а -источник все нового понимания этой действительности, более верных и адекватных подходов к ней. Как заметил выдающийся физик Больцман, нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Подчеркнем, однако, что речь идет именно о хорошей, а не о какой-либо иной теории.

сили сугубо общеметодологический характер и целостной теории личности создано им не было, именно эти положения дали мощный толчок к последующим разработкам в этой области. В сохранившемся конспекте одного из последних своих выступлений А. Н. Леонтьев писал: «Личность =/^= индивид; это особое качество, которое *приобретается* индивидом в обществе, в цело-купности отношений, общественных по своей природе, в которые индивид *вовлекается...*

Иначе говоря, личность есть *системное* и поэтому *«сверхчувственное»* качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его прирожденными и приобретенными свойствами...

С этой точки зрения проблема личности образует новое психологическое измерение: *иное,* чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психических процессов, отдельных свойств и состояний человека; это — исследование его места, *позиции* в системе, которая есть система общественных связей, *общений,* которые открываются ему; это — исследование того, *что, ради чего* и *как.* использует человек врожденное ему и приобретенное им (даже черты темперамента и уж, конечно, приобретенные знания, умения, навыки... мышление)» [66].

Значение этих положений велико. Как справедливо замечает А. Г. Асмолов, данная в них характеристика предмета психологии личности «представляет собой пример той абстракции, развертывая которую можно создать конкретную картину психологии личности» [67]. Обратим внимание на следующие основополагающие моменты леонтьевских абстракций. Во-первых, на решительную констатацию несовпадения личности и индивида; во-вторых, на то, что личность есть приобретаемое в ходе жизни в обществе особое, психологическое измерение, качественно иное, нежели то, в котором предстают отдельные психические процессы;

в-третьих, на то, что это измерение является системным и потому «сверхчувственным» качеством, и, в-четвертых, на то, что исследование личности должно заключаться в изучении общений, позиции и того, *что, ради чего* и *как* использует человек все врожденное и приобретенное им.

Полностью соглашаясь с этими утверждениями, к некоторым из которых мы будем еще возвращаться,

следует, однако, признать, что ни в них, ни в дальнейших исследованиях этого русла не дается четкого ответа на вопрос: в чем цель и назначение выделенного «измерения» личности? Констатируется лишь, что это измерение — новое,системноорганизованное, сверхчувственное, возникающее в общественных отношениях

•и т. д. Изучая эти особенности, мы, разумеется, значительно продвинемся в понимании человеческой личности, но останемся по-прежнему в неведении относительно того, чему в конечном итоге служит, какова точка приложения этого измерения. Могут возразить, что эта точка, более того, целый ряд этих точек уже даны в вышеприведенных абстракциях: это определение позиции, общений, использование унаследованных и благо-

• приобретенных особенностей. Все это, несомненно, ключевые моменты, важнейшие функции личности, понимаемой в таком случае в качестве «управителя» психических процессов и отношений. Однако по-прежнему остается

вопрос: чему в конце концов служит личность, несет ли она в себе самой свою конечную цель или ее служба — средство достижения чего-то большего? Первое обозначало бы растворение понятия личности в понятии человека, понимание личности как высшего проявления, конечной цели и олицетворения человека, и отсюда, в частности, представление о личности как об идеале, вершине, доступной далеко не каждому. Второе возвращает к уже поставленной выше задаче:

выяснению того, чему, если не только самой себе, не «личности ради личности», служит ее особая, сверхчувственная, системная и т. д. организация.

Для рассмотрения этого, крайне важного для контекста данной книги, положения продолжим прерванный на время ход наших основных рассуждений. Напомним, что в качестве ведущего, определяющего для собственно человеческого, т. е. специфического и, следовательно, нормального, на наш взгляд, для человека, развития рассматривался процесс самоосуществления, предметом которого становится всеобщая родовая человеческая сущность, стремление к приобщению, слиянию с ней и обретению тем самым всей возможной полноты своего существования как человека. Реализация этого стремления возможна лишь через последовательное развитие определенного рода отношения к Другому человеку (как к самоценности, но не как к средству), способностей к целетворящей деятельности

(в противовес деятельности только причинно обусловленной), свободному волепроявлению (в противовес пассивной зависимости) и т. п. Это развитие, хотя, безусловно, требует определенных внешних и внутренних условий *, никогда не идет спонтанно, как развертывание некоего инстинкта, но всегда есть процесс непрекращающегося самопроектирования и самостроительства. Специально подчеркнем — непрекращающегося, т. е. идущего не по пути привычных взаимоотношений архитектурного бюро и строительной конторы (сначала — проект, потом, после его утверждения,— стройка, затем уже готовое здание передается в практическое пользование), а по пути беспрестанных, на ходу идущих поправок и переиначиваний проекта, побочных отвлечении от него **, иногда заведомо фантастичных, сделанных ради пробы и эксперимента, и одновременно с этим идущих все новых, часто отрицающих прежние способов, приемов и направлений строительства, бесконечных перестроек, достраивании, частичных, а иногда и полных разрушений сделанного, так что здание поэтому никогда не бывает законченным «под ключ», раз и навсегда переданным в пользование. Такого рода процесс самоосуществления требует постоянных усилий, направленных к его побуждению и движению, к обнаружению себя именно в этой, а не в другой точке выбранного пути, к сравнению намеченного и сделанного, наличного и должного» будущего и настоящего. Если любое животное, будь то заяц или лев, проснувшись, сразу найдет себя зайцем или львом, а не кем иным, то человек ежедневно, если не ежечасно, осуществляет выбор, выбор себя, и, даже если перед нами по видимости совершенно тот же человек, с такими же взглядами и манерами, как вчера и год назад, все равно это продукт выбора себя, выбора и отстаивания именно такого, а не какого-либо иного из множества доступных данному человеку образов-Я и способов поведения.

Конечно, существуют внутренние установки разных

* Проблему соотношения этих условий, соотношения биологического, психологического и социального при нормальном и аномальном развитии личности, мы будем обсуждать в следующей главе

** «Параллельно «видимой», «единственной» жизни,— замечает Н В Наумова,— тянутся психологическим, ценностным и поведенческим пунктиром жизни другие Человек внутренне как бы проигрывает нескочько жизненных сценариев и стратегий»[68]

56

уровней, роль которых в психической жизни чрезвычайно велика (основная заслуга в изучении установок по праву принадлежит грузинской школе психологов, основанной Д. Н. Узнадзе). Мы склонны, однако, согласиться с А. Г. Асмоловым в том, что главная роль установки — это сохранение процесса, поддержание избранного направления деятельности [69]. Иными словами, это не более, хотя и не менее, чем инерция, т. е. не движитель, а маховик, придающий в зависимости от своих характеристик (мы говорим, например, об инертности психических процессов или об их лабильности) большую или меньшую устойчивость движению в целом, которое для сколь-нибудь длительного, незатухающего продолжения нуждается в постоянном отстаивании перед собой и людьми, во внутреннем утверждении, в оправдании выбора.

Отстаивание это может быть конечно же существенно разным — и активным, и

пассивным, и сознательным, и неосознанным,— но именно оно составляет стержень самосознания, основу позиции человека. Знаменитые слова Гете: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой» — носят поэтому отнюдь не метафорический, а прямой психологический смысл: и счастье, и свободу человек не может завоевать раз и навсегда, на всю оставшуюся жизнь, он (и это единственный путь) должен завоевывать, отстаивать их ежедневно *. Так что, проснувшись утром, человек

* Заметим для полноты, что мысль о необходимости постоянной, ежедневной внутренней борьбы за «человека в человеке» была всегда чрезвычайно близка представителям русской классической литературы Ф М Достоевский писал, например, что «все дело-то человеческое, кажется, действительно в том только и состоит, чтоб человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик*» Эта традиция с честью продолжена в современной отечественной литературе Она ярко обосновывается и у ряда современных философов Приведем, например, следующие слова М К Мамардашвили, в которых речь идет о краткости тех мгновений, когда «молнией, на одну секунду» нам открывается ощущение устройства мира, его лада «И если,— пишет философ,— мы упустили эту секунду и не расширили работой этот открывшийся интервал, то ничему не быть, ибо, по метафизическому закону, все необратимо и не сделанное нами никогда не будет сделано То, что ты оказался здесь, это только *ты* оказался здесь, только *ты* мог понять в том, что только *тебе* посветило Ты ни на кого другого не можешь положиться, никто другой тебе не может помочь, и ты не можешь положиться ни на будущее, ни на вчерашнее, ни на разделение труда, что мы, мол, вместе сплотимся и разберемся Не разберемся И лишь упустим часть мира в полное небытие» [70]

не просто продолжает с той же точки остановившуюся на время сна активную жизнь, словно кем-то заведенный механизм, но выбирает, оправдывает, намечает свои пути осуществления, «заячьи» и «львиные» в том числе *. Это самостроительство в себе человека, способность и возможность такого самостроительства подразумевают наличие некоего психологического орудия, «органа», постоянно и ежечасно координирующего и направляющего этот невиданный, не имеющий аналогов в живой природе процесс Этим «органом» и является личность человека.

Таким образом, личность как специфическая, не сводимая к другим измерениям (темпераменту, индивидным свойствам и т. п.) конструкция не является самодостаточной, в себе самой несущей конечный смысл своего существования. Смысл этот обретается в зависимости от складывающихся отношений, связей с сущностными характеристиками человеческого бытия. Иначе говоря, сущность личности и сущность человека отделены друг от друга тем, что первое есть способ, инструмент, средство организации достижения второго, и, значит, первое получает смысл и оправдание во втором, тогда как второе в самом себе несет свое высшее оправдание. Действует, любит, ненавидит, борется не личность, а человек, обладающий личностью, через нее, особым, только ему присущим образом организующий свою деятельность, любовь, ненависть и борьбу. Отсюда и характеристика личности, ее «нормальность» или «аномальность» зависят от того, как служит она человеку, способствуют ли ее позиция, конкретная организация и направленность приобщению к ро-

* Приведем, справедливости ради, по-видимому не согласное с нашим, мнение американского философа А Грюнбаума «Я никогда не просыпаюсь совершенно свободным от каких либо мыслей и не спрашиваю свое *чистое* сознание «Какими мотивами я наполню свое сознание в это утро? Будут ли это устремления типа Аль Каноне или Альберта Швейцера^»» [7] С психологической точки зрения ни о какой «чистоте сознания» речи, конечно, быть не может — оно полно прежде накатанных мотивов и установок Мы говорим лишь о том, что при всей важности и несомненной силе этого инерционного момента сам по себе он не может единственно объяснить и оправдать поведение, ибо за каждым актом последнего лежит принципиаль ная возможность, а часто необходимость жизненного выбора, поэто му, даже когда поведение предстает как сугубо преемственное и реактивное, за ним на деле скрываются разные формы и степени активного (т е содержащего выбор) отстаивания именно такого, а не иного пути

повой человеческой сущности или, напротив, разобщают с этой сущностью, запутывают и усложняют связи с ней. Итак, к прежде сформулированному представлению о нормальном развитии как пути обретения человеческой сущности нам остается добавить представление о личности как инструменте, способе конкретной организации этого пути.

А поскольку центральным, системообразующим является здесь отношение к другому человеку, к другим людям, то, не претендуя на строгое и всеобъемлющее определение, но выделяя, подчеркивая один, хотя и чрезвычайно важный, на наш взгляд, аспект — подход к проблеме личности,— сформулируем теперь следующее исходное положение. *Стать личностью* — значит, во-первых, *занять*

определенную жизненную, прежде всего межлюдскую нравственную, *позицию;* во-вторых, в достаточной степени *осознавать ее* и нести за нее ответственность; в-третьих, *утверждать ее своими поступками,* делами, всей своей жизнью. И хотя эта жизненная позиция выработана самим субъектом, принадлежит ему и глубоко пристрастна (если не сказать — выстрадана им), тем не менее по своему объективному значению она есть принадлежность человеческого общества, продукт и одновременно причина общественных межлюдских связей и отношений. Поэтому истоки личности, ее ценность, наконец, добрая или дурная о ней слава в конечном итоге определяются тем общественным, нравственным значением, которое она действительно являет (или являла) своей жизнью.

Из предложенного рассмотрения вытекает целый ряд выводов и следствий. Кратко обозначим лишь два из них — наиболее важные и непосредственно относящиеся к теме данной книги

Первое. Понимание личности не должно иметь значение лишь идеала; личность — рабочий инструмент человеческого развития, хотя, разумеется, инструмент этот может быть «плохим», «очень плохим» и даже «никудышным», равно как «хорошим», «очень хорошим» и даже «идеальным» — в зависимости от того, как он служит своему назначению. Поэтому, когда говорят, что личностью является далеко не каждый, а лишь некоторые, наиболее продвинутые и выдающиеся, за этим лежит подмена сущногси личности сущностью человека. Да, человек, скажем мы, должен сделаться Человеком,- и это действительно удается пока

далеко не каждому, и одна из причин тому — недостатки, аномалии личности как инструмента и способа организации этого движения. Поэтому надобно не «лишать» человека личности, не рассматривать ее как доступный лишь избранным приз за успешное развитие, а понять, что в присущей данному человеку организации личности мешает выделке его в Человека.

Второе. Понимание человека как самоценности, как способного к развитию вне любых «заранее установленных масштабов» — великая заслуга философской мысли. Но психология, как правило, не может прямо и непосредственно приступить к изучению этих и других умопостигаемых сущностных свойств. Хотя нельзя сказать, что здесь нет и определенных достижений. Как справедливо отмечает И. С. Кон, целый ряд категорий, которые еще недавно считались отвлеченно-философскими и чуть ли не идеалистическими (эмпатия, например), сегодня прочно вошли в арсенал психологии. Даже такое, казалось бы, «мистическое явление», как трансцендирование, нашло в известной степени научный эквивалент в понятии «надситуативная активность» [72].

Совершенно ясно, однако, что мы пока находимся лишь в самом начале пути психологического освоения богатства философской мысли. Сложностей на этом пути, конечно, немало, но едва ли не главная, на наш взгляд, кроется в следующем. Психология как позитивная наука прилагает себя лишь к тем проявлениям человека, которые можно представить как относительно постоянные и устойчивые в своих характеристиках и доступные тем самым объективному, научному, т. е. фиксируемому, конечному (пусть с той или иной долей приближения), описанию и анализу. Однако такое описание, т. е. попытка мерой измерить безмерное, установить масштаб явления безмасштабного, заранее противоречит человеческой сущности. Предложенное понимание позволяет подойти к решению этого противоречия и увидеть взаимосвязь и взаимозависимость общефилософского и конкретно-психологического подходов. Объектом психологического изучения в этом случае становится личность человека, которая, будучи способом организации достижения человеческой сущности, приобщения, овладения сущностными силами, сама по себе не является безмасштабной — ее масштаб и границы определены тем вышележащим уровнем, к

достижению которого она направлена. Психология, таким образом, нуждается в философском анализе, ибо без него теряется понимание общего смысла и назначения тех механизмов и процессов, которые она изучает. Поэтому глубоко заблуждаются те, кто полагает, что психолог не должен отвлекаться от своих экспериментов, практики, клиники и делать экскурсы в другие области знания, выходить за рамки своих (благо их всегда в избытке) специальных задач. Должен, ибо это совершенно необходимо ему для осмысленного продвижения в решении тех же специальных, узкопрофессиональных задач. При этом психологу не надо тешить себя надеждой, что он сразу найдет в готовом виде то, что ищет, все без исключения нужные «секреты» и объяснения. Он найдет положения, которые, несмотря на всю их ценность, надо еще уметь приладить, применить в своей области. Ни философ, ни этик, ни методолог науки не могут сделать это за психолога, поскольку они не обладают профессиональным пониманием специфики психологического исследования.

И пусть одобрением на этом пути послужат следующие слова выдающегося французского психолога Пьера Жане: «Ограниченность разума и узость специализации никогда не являются достоинствами, и это приводит к плачевным результатам особенно тогда, когда занимаются психологией... В психологических исследованиях, напротив, необходимы универсальный характер исследователя, его способность к обобщениям...» [73] Философия в свою очередь нуждается в данных психологии, ибо без них ее общие представления могут утратить связь, оказаться несообразующимися с реальностью психической жизни, ее закономерностями. Философия и психология, видим мы, необходимо взаимосвязаны в изучении человека, и если психологические данные обретают через философию смысл, то данные философские обретают через психологию почву.

Теперь, когда в самых общих чертах выяснены философские основания и смысл проблемы нормы, настало время приблизиться к психологической почве — перейти к изложению исходных предпосылок и гипотез исследования и, далее, к описанию его конкретных методов. Иначе говоря, от уровня общефилософского перейти к уровню конкретно-научному, т. е. следовать принятой логике восхождения от абстрактного к конкретному.

ГЛАВА II
ИСХОДНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ГИПОТЕЗЫ
1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Знакомство с современным состоянием психологии личности обнаруживает отсутствие какой-либо однозначности, элементарной согласованности в понимании самого термина «личность». Мы уже обращали внимание в прошлой главе на частое смешение понятия «личность» с понятиями «индивид», «человек», «индивидуальность», «темперамент», «характер», «субъект» и т. п., причем каждый исследователь привносит в это смешение свой особый акцент, долю своего понимания (или непонимания), что еще более увеличивает пестроту взглядов. Понятие «личность» как бы разбрелось по всем разделам психологической науки, стало расхожим, часто повторяемым. Любопытно заметить в этом плане, что обсуждение проблем личности даже в профессиональном кругу психологов (например, на кафедре общей психологии факультета психологии Московского университета, где работает автор) резко отличается от обсуждения проблем психофизиологии, восприятия или памяти. Если во втором случае спор обычно локализуется между непосредственными специалистами в данной узкой области, тогда как остальные, и прежде всего «личностники», занимают позицию сторонних наблюдателей, не решающихся высказать свое мнение в силу его заведомой некомпетентности, то в первом случае буквально каждый — специалист ли он в области исследования личности или нет — активно вступает в обсуждение и считает себя вполне компетентным для спора и утверждения (часто категорического) своего мнения.

Истоки такого отношения к проблеме личности в общем вполне понятны и объяснимы. В отличие, скажем, от исследования движений глаз или оперативной памяти проблема личности интересует всех, но в то же время является необыкновенно широкой, сложной и многомерной. Эта многомерность отражена уже в са-

62

мом богатстве языковых возможностей описания личности. Олпорт и Одберг обнаружили, например, в английском языке 17 тыс. слов, с помощью которых можно охарактеризовать поведение, относящееся к личности, из них 4505 являются названием черт как таковых; Клагес насчитал 4 тыс. таких слов в немецком языке, а Баумгартен, выбравший более строгие критерии,— 1093.' К. К. Платонов считает, что только в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова среди 52 тыс. включенных в него слов 1548 определяют свойства личности;

по его же данным, в грузинском языке таких слов еще больше — около 4 тыс.

Как же возможно учесть все это обилие красок, их смешение, оттенки, полутона и найти то, что существенно для конкретного понимания личности, для выявления предмета ее психологического изучения? Наиболее очевидным и едва ли не единственным путем поиска ответа часто считается путь исследования тех или иных отдельных черт личности и их последующего соотнесения между собой. Согласно этому направлению, надо внимательно изучить и описать все детали, а затем уже составлять общее представление о конструкции в целом.

Однако, несмотря на всю, казалось бы, разумность, такой подход

продемонстрировал по сути его полную несостоятельность. Архивы психологии стали необозримыми, они буквально переполнены данными, полученными с помощью экспериментов, опросников, тестов, наблюдений и т. п. Но чем более накапливается фактов, тем очевиднее становится, что, ни взятые сами по себе, ни в своей совокупности, они не способны дать представление о целостной живой человеческой личности. Из этих данных можно было бы вполне составить обширную многоплановую экспозицию, целый «музей» психологических черт и механизмов, но сама фигура личности как таковая в этом «музее» явно бы отсутствовала, причем для полноты образа добавим, что устроителей такого «музея» — психологов, изучающих личность,— это обстоятельство практически мало бы смущало и единственное, чем бы они были серьезно озабочены,— это изысканием новых площадей (т. е. научных журналов, лабораторий и т. п.) для размещения и представления результатов своих очередных изысканий и опытов, направленных на поиск еще одной (n+1-й) детали неизвестного целого.

Следование психологов по этому пути было, конечно,

не результатом их личного заблуждения, а следствием вполне определенных исторических причин. Мы уже говорили в предыдущей главе, что, отделившись от философии, психология в стремлении стать самостоятельной наукой обратилась прежде всего к опыту естественных дисциплин. Это выразилось, в частности, в заимствовании моделей научного исследования, образцов методологического подхода. Одна из таких моделей состояла в том, что последовательное и полное изучение отдельных частей некоторой системы, их взаимных связей приводит к познанию всей системы в целом. Однако, как показал еще Кант, это может быть верно на уровне механических систем. На уровне живых систем такая модель не работает. Здесь целое определяет части, а не части целое. Функция и назначение отдельных частей и деталей могут быть поняты только в свете целостного представления.

Необходимость поворота к целостным, обобщающим гипотезам, к выработке широких теоретических взглядов, способных объединить, осветить частности психологических исследований и наблюдений, стала особенно очевидной и острой в отечественной психологии где-то с начала 70-х годов. А. Н. Леонтьев неоднократно подчеркивал, что главным препятствием, камнем преткновения в изучении личности является вопрос о соотношении общей и дифференциальной психологии. Подавляющее большинство авторов идет путем дифференциальных исследований, суть которых сводится к тому, что выделяются признаки, имеющие или способные иметь какое-либо отношение к личности, затем они коррелируются между собой, вследствие чего выделяются факторы, индивидуальные профили и т. д. Не ставя под сомнение правомерность и просто необходимость во многих случаях применения дифференциального подхода (проблемы профотбора, диагностики и т. п.), приходится, однако, констатировать, что следование преимущественно лишь по этому пути уводит психологию от изучения личности как таковой, подменив его по сути изучением индивидуальных различий. В результате и создалось нынешнее парадоксальное положение: несмотря на обилие работ, в заголовке и тексте которых фигурирует слово «личность», реальная личность человека, если воспользоваться замечанием одного западного психолога, «растворилась в тумане метода». Едва ли не основную причину этого А. Н. Леонть-

ев усматривал в том, что «изучение корреляций и факторный анализ имеют дело с вариациями признаков, которые выделяются лишь постольку, поскольку они выражаются в доступных измерению индивидуальных или групповых различиях» и, далее, «подвергаются обработке безотносительно к тому, в каком отношении находятся измеренные признаки к особенностям, *существенно* характеризующим человеческую личность»[3].

Увлечение формализованными методами вызвало беспокойство и многих психологов за рубежом. Так, В. Метцгер на вопрос о том, как он оценивает состояние психологии, писал: «Прогноз не является очень радостным, потому что как раз среди молодых людей энтузиазм по отношению к новым методам, пришедшим в большинстве случаев из англосаксонских стран, столь велик, что часто они, как мне кажется, рассматривают психологию как резервуар для упражнений на статистические и другие методические задачи, так что собственные основания проблем больше не видятся, а метод в известной степени становится

самостоятельным» . Об этом же писал и известный американский ученый С. Тулмин: «Принятый позитивистский подход привел к тому, что бихевиористские методы проникли всюду, в множество никак не сообщающихся между собой, часто узкоспециализированных дисциплин... преобладающим стал принцип: чем уже и определеннее ставится вопрос исследователя, тем он более «научен». Так, например, зачастую задача исследования сводится к получению статистических корреляций между числовыми значениями «поддающихся подсчету» вариативных данных» [5].

Альтернативой подобным подходам является развитие *общей психологии личности.* И здесь, в частности, одной из главных задач должно стать выделение того, что с точки зрения психологии относится к собственно личности. Не к личности ученого, инженера, рабочего, студента, астеника, флегматика и т. п., что обычно составляло предмет психологического рассмотрения, а к личности как к совершенно особому психологическому образованию, особому уровню отражения, который будет конечно же по-разному преломляться в людях разных профессий, обладающих разными темпераментами и особенностями нервной организации. Без создания такого целостного представления о лич-

ности нельзя с достаточной степенью осознанности и полноты подойти к насущным вопросам развития, воспитания и коррекции личности.

Особенно пагубно сказывается отсутствие целостной общепсихологической концепции при исследовании аномалий личности. Отдельные, даже блестяще разработанные, аспекты, «куски» теории личности оказываются явно недостаточными для такого рода исследований. Проблемы аномального развития настолько тесно взаимосвязаны с реальной жизнью, многосторонни, «целостны», что их возможно сколь-либо глубоко отразить только в достаточно целостной теоретической концепции, причем, и это важно подчеркнуть, теоретической. концепции «среднего уровня», т. е. исходящей из общих методологических принципов, но в то же время могущей быть примененной к исследуемой реальности, ее анализу и коррекции.

При этом перед нами по крайней мере два возможных основных пути. Один — использовать уже имеющиеся подходы к изучению аномалий, данные психолого-клинического опыта и исходя из этого материала строить подходящую теорию. Здесь, однако, сразу встает вопрос: как будет относиться построенная таким путем теория к развитию нормальному и что мы, исходя из патологии, будем подразумевать под нормой?

В начале первой главы мы уже приводили типичные ответы на этот вопрос, согласно которым норма понимается лишь как отсутствие или слабая, не мешающая социальной адаптации выраженность болезненных явлений, их относительная скомпенсированность. Патология при этом часто рассматривается как увеличительное стекло, сквозь которое становится явно заметным, гипертрофированным и потому легко обозримым скрытое от нас в норме. В этом плане можно сослаться еще на Гарвея, который писал: «Нигде так явно не открываются тайны природы, как там, где она отклоняется от проторенных дорог». Однако сама констатация отклонения подразумевает некое понимание меры, эталона, относительно которого оно произошло, поэтому, постулируя изучение аномалий как исходный момент, мы тем самым неизбежно (а вовсе не вследствие частных заблуждений) приходим к пониманию нормы как отсутствия недостатков, но не присутствия некоего достоинства со всей уже отмеченной ранее методологической ограниченностью этого взгляда.

66

Другой, принципиально иной путь требует в качестве первого необходимого шага создания развернутого, методологически обоснованного, позитивного представления об общем, нормальном развитии, его принципах, закономерностях, отталкиваясь от которых появляется реальная возможность судить об аномалиях, отклонениях от этого развития. Надо ли говорить после всего сказанного, что мы отдаем решительное предпочтение данному подходу. Если образно представить теорию как зеркало, призванное отражать мир, то, на наш взгляд, аномалии должны видеться, познаваться, исследоваться через отражение их в ориентированной на позитивное представление о норме теории и рассматриваться тем самым как собственно отклонения, искривления развития, нежели принимать за должное обратную позицию, столь свойственную пока современной психологии,— судить о норме на основании ее отражения в искривленных зеркалах ориентированных на патологию теорий *.

2. ГИПОТЕЗА ОБ УРОВНЯХ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

В контексте нашего изложения сказанное выше должно означать, что предстоит продолжить движение от абстрактного к конкретному, начатое в первой главе, с тем чтобы данное там общее представление о личности

* Нелишне заметить, что взгляд на норму только через анализ, гипертрофию ее возможных недостатков, проникая в широкое обыденное сознание, может сыграть (и уже во многом вследствие своей распространенности сыграл) весьма пагубную роль в формировании нравственных ориентации. Он как бы развенчивает человека, давая любым самым возвышенным проявлениям заземленное, часто прямо идущее от болезни объяснение, сводя все к «сублимации», действию замаскированных элементарных эгоистических «инстинктов» и т. п Продолжив аналогию с зеркалом, как не вспомнить здесь мудрую андерсеновскую историю-предостережение о злом тролле, который «смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось дальше некуда, а все дурное и безобразное так и выпирало, делалось еще гаже... А если у человека являлась добрая мысль, она отражалась в зеркале такой ужимкой, что тролль так и покатывался со смеху, радуясь своей хитрой выдумке. Ученики тролля — а у него была своя школа — рассказывали всем, что сотворили чудо: теперь только, говорили они, можно увидеть мир и людей в их истинном свете. Они бегали повсюду с зеркалом, и скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нем в искаженном виде».

по возможности довести, конкретизировать до развернутой психологической концепции *.

Напомним, что в этом общем представлении личность рассматривалась как способ организации, инструмент, орудие присвоения человеческой сущности. Этим мы как бы подтверждали, экстраполировали идущее в отечественной психологии от Л. С. Выготского понимание человека как существа производящего, строящего орудия и инструменты своего развития. Причем орудия эти могут быть не только внешними, вещными, конкретно представленными — лопата, топор, станок, ЭВМ, но и внутренними, психологическими — способ мышления, специальные приемы запоминания, воображение, построение образа, использование знака и т. п.

Следующим шагом в этом направлении должно было стать понимание развитых внутренних психологических орудий не только как средств решения возникающих перед индивидом задач, но и как особого рода «психологических органов», в функции которых входит относительно самостоятельное продуцирование самих задач, обеспечение и закрепление определенных, достаточно единообразных способов их решения, взаимодействие с другими подобными «психологическими органами» и т. п. Ценной аналогией здесь служит представление о «функциональных органах» **, которые возникают, складываются в нервной системе в единое целое прижизненно, в тесной зависимости от конкретных внешних

* Путь этот пока не является в психологии частым. Как справедливо замечает В. Е. Кемеров, обычно «психология шла не по пути «реконструкции» психики на основе истолкования личностного бытия, а, наоборот,— по пути «реконструкции» бытия личности на основе описания ее психики» [6].

** «...Одним из крупнейших современников И. П. Павлова, А. А. Ухтомским, была выдвинута мысль о существовании особых физиологических, или функциональных органов нервной системы... Это органы, которые функционируют так же, как и обычные морфологически постоянные органы; однако они отличаются от последних тем, что представляют собой *новообразования,* возникающие в процессе индивидуального (онтогенетического) развития. Они-то и представляют собой материальный субстрат тех специфических способностей и функций, которые формируются в ходе овладения человеком миром созданных человечеством предметов и явлений—1вorениями культуры... Теперь мы можем более ясно представить себе и то, в чем именно выразилось очеловечивание человеческого мозга... Оно выразилось в том, что кора человеческого мозга с ее 15 миллиардами нервных клеток стала в гораздо большей степени, чем у высших животных, *органом, способным формировать функциональные органы»* [7].

условий и обстоятельств, и затем начинают функционировать с той же устойчивостью, что и морфологически наследственно обусловленные органы. «Органом,— писал А. А. Ухтомский,— может быть всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение» [8]. Эта, безусловно, важнейшая гипотеза была направлена по преимуществу в сторону высшей физиологии и не касалась сути психологических проблем. Лишь в трудах А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца, а в последнее время В. П. Зинченко и его сотрудников гипотеза получила развитие применительно к ряду областей психологии и стало

возможным говорить об отдельных психологических структурах (мышления, памяти, действия) не только как о психологических орудиях, но и как о психологических органах.

Настает, видимо, пора применить эти представления и к изучению личности. Прежде всего обратим внимание на взаимосвязь двух обсуждаемых понятий — «психологическое орудие» и «психологический орган». Орудие, будучи развитым и обретшим относительную самостоятельность в рамках целостной организации, приобретает функции органа. С генетической точки зрения орудие есть то, что может стать органом, есть орган в потенциале. Орган же в свою очередь — зрелое орудие,— орудие, переставшее быть только средством, способом реализации чужой воли, но приобретшее собственную волю (а порой своеволие), собственную активность. Эта активность в рамках психической организации человека имеет по крайней мере два основополагающих направления. Одно состоит в познании внешнего мира, производстве предметов, преобразовании окружающего. Другое направление связано с нахождением *смысла* своего бытия в мире и многочисленных продуктов, следствий этого бытия. Каждое из этих направлений порождает и соответствующие сферы приложения психической активности. Одна из них есть «мир вещей», причинно-следственных отношений, другая есть «мир идей», мир смыслов. Соответственно этому деятельность в «мире вещей» можно назвать деятельностью производства «вещных» продуктов, предметов, измерений, тогда как деятельность в «мире идей» следует назвать деятельностью смыслообразования, производства смыслов. Если продукты деятельности первого рода зримы и осязаемы, могут быть непосредственно и в объективной форме предъявлены

другому, то продукты деятельности второго рода субъективны, мало и трудно поддаются объективации, непосредственной передаче другому.

Следует сразу подчеркнуть, что две указанные сферы существуют во взаимосвязанных, хотя и во многом противоречивых, отношениях. Дело в том, что первая сфера не несет в себе смысла своего существования, смысл этот должен быть найден, доказан, и тем самым она нуждается в постоянном и все новом, по мере ее развития, осмыслении, т. е. в продуктах деятельности другой сферы — сферы смыслообразования. В то же время «производство» смыслов никогда не существует в некоем «чистом» виде, но всегда нуждается в материале реальности, с одной стороны, как источнике, толчке к смыслообразованию, а с другой стороны,— поле, полигоне реализации уже обретенного смысла, попыток его объективации. П. А. Флоренский, который еще до Л. С. Выготского четко поставил проблему ору-дийности человеческой психики, писал, что творчество разума распадается на производство *вещей,* смысл которых не нагляден, и производство *смыслов,* реальность которых не очевидна. Необходимо поэтому доказывать осмысленность вещей и вещность смысла.

Это несовпадение и одновременно взаимозависимость, взаимосвязанность двух сфер, создаваемое между ними внутреннее напряжение, противоречие есть по сути отражение общего противоречия между обусловленной данной конкретной ситуацией ограниченностью каждого отдельного человека и его потенциальной универсальностью, безграничными возможностями, безмасштабным развитием, предполагаемым родовой человеческой сущностью *. На уровне индивидуального сознания это противоречие обычно отражается как противоречие между «я» реальным и «я» идеальным, между

* «Убеждение в том, что вещи существуют не сами по себе, а обладают еще каким-то важным и существенным для человека «смыслом», растет из особого положения человека в мире,— пишет В. М. Межуев.— В своем стремлении постичь смысл вещи, раскрыть его средствами мифологического, религиозного, художественного или философского сознания люди исходят не из своей чисто природной потребности в ней, а из своей общественной, «родовой» потребности, определяемой существованием того общественного целого, к которому они принадлежат. Они как бы смотрят на вещь глазами этого целого, пытаясь увидеть в ней то, что имеет значение для их жизни в границах данного целого. Будучи сам «родовым» существом, человек и в вещах ищет то, что составляет их общий «вид», «эйдос», «идею», что образует их «родовую» сущность» [9].

«я» сегодняшним и «я» будущим; как противоречие между бытием и долженствованием, реальным и потенциальным, вещным и смысловым.

Ниже, когда мы будем рассматривать строение смысловой сферы, динамику деятельности, мы постараемся развить эти исходно важные для нас общие положения, а теперь вернемся к определению личности как способу организации, орудию присвоения человеческой сущности. Нетрудно после сделанных выше замечаний увидеть, в каком новом дополнении, конкретизации нуждается это определение. Поскольку присвоение человеческой сущности распадается на присвоение «мира вещей», причинно-следственных связей и отношений и на присвоение «мира идей», производство смысловых образований, то соответственно

и орудия, органы психической деятельности неоднородны, но распадаются, вернее, тяготеют к двум соответствующим сферам. Если же применить «поуровневый» подход *, то следует говорить о разных измерениях, уровнях психического аппарата. Один уровень мы назовем *собственно личностным* или *личност но-смысловым,* «ответственным» за производство смысловых ориентации, определение общего смысла и назначения своей жизни, отношений к другим людям и к себе. Специально подчеркнем при этом, что речь идет не об абстрактной философской рефлексии, а о вполне насущной и каждым так или иначе решаемой задаче осмысления, смыслового оправдания своего бытия **.

Однако смысловые ориентации не могут сами по себе

' «Поуровневый» подход имеет весьма давнюю историю. Деление на «душу» и «тело», которому тысячи лет, можно рассматривать как первую попытку такого рода. Не менее почтенный возраст имеет и трехчленное деление на «телесное», «душевное» и «духовное». Двух- и трехчленное деление, наполненное, разумеется, иным содержанием, остается наиболее распространенным и сейчас. Напомним лишь некоторые примеры: индивид — личность (А. Н. Ле-онтьсв); субъект — личность (П. Я. Гальперин); индивид — личность—индивидуальность (Б. Г. Ананьев, А. Г. Асмолов); индивид — субъект —личность (Ш. А. Надирашвили); организм — индивид — личность (М. Г. Ярошевскнй) и др. В развиваемых ниже взглядах на проблему психического здоровья мы также будем придерживаться трехчленной традиции.

" Напомним в данной связи слова Л. Н. Толстого о том, что «неизбежно необходимое для живых людей знание было и есть всегда одно: .танце своего назначения в том положении, в котором находит себя человек в этом мире, и в той деятельности- или в том воздержании от деятечьности, которое вытекает из понимания этого назначения» '°.

обеспечить присвоение человеческой сущности, они лишь определяют те или иные устойчивые отношения к ней. Для реализации,овеществления,опредмечивания этих отношений необходима соответственно организованная активность человека, его деятельность, неизбежно несущая при этом на себе печать всех его индивидуальных особенностей, характерологических черт и свойств. Этот другой уровень мы назовем уровнем *реализации, индивидуально-исполнительским* или *индивидуально-психологическим* уровнем.

Кроме двух обозначенных уровней необходимо, особенно в контексте изучения аномального развития, ввести в рассмотрение еще один — *психофизиологический* уровень. В противном случае личностные процессы как бы повиснут в воздухе и будут пониматься без учета роли биологической, нейрофизиологической базы, которая обусловливает как саму возможность функционирования процессов психического отражения, так и существенные особенности строения и динамики, режимов этого функционирования.

В соответствии с таким подходом будет строиться и наше представление о психическом здоровье. Его следует рассматривать не как однородное образование, а как образование, имеющее сложное, поуровневое строение. Высший уровень психического здоровья — личностно-смысловой, или *уровень личностного здоровья,* который определяется качеством смысловых отношений человека. (В первой главе мы уже называли некоторые философско-психологические основания критериев нормальности.) Следующий уровень — *уровень индивидуально-психологического здоровья,* оценка которого зависит от способностей человека построить адекватные способы реализации смысловых устремлений. Наконец, *уровень психофизиологического здоровья,* который определяется особенностями внутренней, мозговой, нейрофизиологической организации актов психической деятельности.

Нетрудно предположить, что каждый из данных уровней, имея свои критерии, должен иметь и свои особые закономерности протекания. Из этого в свою очередь следует и другая гипотеза: несмотря на взаимосвязь и взаимообусловленность уровней, возможны самые различные варианты их развитости, степени и качества их здоровья. Иначе говоря, психическое здоровье, будучи многоуровневым, может страдать на

72

одних уровнях при относительной сохранности других *. Представим последнюю гипотезу в формализованном виде.

Если рассматривать психофизиологический уровень как первый, тогда здоровье этого уровня, психофизиологическое здоровье, можно обозначить как N[, а отклонения от него — как Ni. Соответственно здоровье и отклонения следующего уровня — индивидуально-исполнительского — обозначим как Na и Nz, а личностное здоровье и отклонения от него — как Mз и Mз. Отсюда можно в принципе построить трехмерный массив данных и соответствующее «трехмерное пространство психического здоровья», каждая ось которого будет соответствовать тому или иному измерению, плоскости этого здоровья — личностной, индивидуально-исполнительской и психофизиологической. Тогда любое психическое состояние человека может быть представлено как точка в этом

пространстве, координаты которой заданы наличными—либо положительными (степени здоровья), либо отрицательными (степени нездоровья) — показателями по каждой из осей. Общий вид предполагаемых здесь сочетаний может быть представлен в виде следующих двух матриц, первая из которых (I) показывает, какие варианты могут соседствовать с личностным здоровьем (положительное значение соответствующей оси рассматриваемого трехмерного пространства, обозначенное нами как Мз), а вторая (II) — какие варианты могут соседствовать с отклонениями личностного здоровья (отрицательное значение соответствующей оси, обозначенное нами как Мз).

* Нелишне заметить, что применение термина «уровень» является здесь в достаточной степени условным (равно, впрочем, как и в перечисленных выше в примечании примерах «поуровневых» делений). Об уровнях в строгом значении уместнее было бы говорить при изменении какого-либо свойства или качества, когда, скажем, каждая новая ступень подъема вбирает в себя, как бы «затопляет» нижележащие, пройденные, оставленные уже уровни (так говорят о повышении уровня образования, культуры и т. п.). В нашем же случае речь идет скорее о составляющих, параметрах, этажах психического здоровья, существующих (живущих) одновременно, пусть глубоко взаимосвязанно и взаимозависимо, но все же не поглощая и не заменяя друг друга. Но поскольку понятие поэтажного подхода пока не привычно, да и ассоциируется больше со строительным делом, нежели с психологией, мы с учетом высказанных оговорок будем в основном использовагь устоявшуюся, «уровневую» терминологию.

1._NiN2N3
2. NiN2N3
3._Ni_N2N3
4. NiN2N3
5._NiN2N3
6. NiN^ 7-_M^2Mз 8. NiN2N3

В нашу задачу не входит подробное рассмотрение всех выделенных классификационных ячеек, поскольку это заняло бы слишком много места и увело от основной логики работы. Ниже (гл. IV и V) мы остановимся лишь на некоторых типичных структурах психического здоровья, характерных прежде всего для тех видов аномального развития личности, которые непосредственно попадут в фокус нашего рассмотрения. Однако одно, поистине фундаментальное, взаимоотношение сразу требует особого и пристального рассмотрения в контексте данной книги: это взаимоотношение первого — психофизиологического — с двумя вышележащими — собственно психологическими — уровнями. Нетрудно видеть, что по сути своей способ определения этих взаимоотношений является частным, производным от того или иного решения более общей методологической проблемы — проблемы соотношения биологического и социального в человеке, поскольку первый уровень непосредственно связан с наследственными, биологическими характеристиками, тогда как два последующих зависят от социальных условий обучения и воспитания.

3. О РОЛИ БИОЛОГИЧЕСКОГО В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

Поскольку речь идет о биологическом и социальном в психике человека, то необходимо рассмотреть соотношение трех реальностей: биологической, психологической и социальной. Сузим картину, возьмем прежде соотношение двух реальностей — биологической и психологической, а затем уже вернемся к третьей — внешней, социальной реальности.

Собственно человеческая, сложно организованная психика может сформироваться и успешно функционировать в каждом отдельном человеке лишь при определенных биологических условиях, куда входят и требования к содержанию кислорода в крови и обеспечению питания мозга, и необходимость для успешной жизне-

деятельности солнечных излучений, и согласная работа отделов нервной системы и многое, многое другое. Сущее гвует огромное количество этих параметров и звеньев нашего телесного существования, живое содружество которых обеспечивает «на выходе» необходимые для протекания психических процессов условия. В норме все системы находятся в динамическом внутреннем равновесии, создавая относительное постоянство диапазона условий, нужного для продуктивной работы психического аппарата. Степень здоровья организма определяется запасом прочности, стойкости в отношении пагубных влияний, т. е. тем, насколько легко и надежно защитные силы гасят, компенсируют эти влияния, не допуская искажения условий работы психики (подобно тому как рессоры хорошего автомобиля гасят неожиданные ухабы дороги, не допуская лишних помех и неудобств для работы водителя). Что касается больных организмов, то, как писал А. Л. Чижевский, их можно рассматривать как системы, находящиеся в

состоянии неустойчивого равновесия. Здесь отсутствует или крайне мал запас прочности (здоровья) в отношении вредоносных воздействий;

такие воздействия вовремя не гасятся, в результате чего общая неустойчивость еще более возрастает. Все это создает «на выходе» перебои, искажения основных физиологических условий протекания психических процессов, что не может не сказаться на качестве этих процессов.

Итак, психическое всегда действует, протекает, развертывается в рамках определенных биологических (физиологических, организмических) условий. Для постоянства и «самостоятельности» логики развития психики (т. е. ее относительной независимости от пери-пегий жизнедеятельности организма) необходимы обеспечение нужного диапазона этих условий, их устойчивость. Серьезное нарушение внутреннего равновесия изменяет характер протекания психических функций, тем самым так или иначе влияя на эти функции. Причем надо ясно осознавать, что это именно две реальности, которые можно различить, с одной стороны, как класс условий, а с другой — как процесс, протекающий в этих условиях.

Вернемся теперь к роли третьей реальности — реальности внешней, социальной — миру предметов и явлений, общения и борьбы, в котором живет человек.

Эта реальность является формообразующей, «ответственной» за содержание психических процессов ", ведущей специфической детерминантой развития человеческой психики. Но при этом следует помнить, что реальность социальная, воздействия социального мира прямо не переходят в реальность психическую. Вот здесь-то мы и должны применить ценную формулу С. Л. Рубинштейна: внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия. Следует только помнить, что внутренние условия не есть соединенные в одну совокупность биологические и психологические особенности *. «Внутреннее» есть собственно душевная, психическая реальность. Однако конкретные процессы этой реальности в свою очередь постоянно протекают в рамках условий, определяемых биологической, физиологической природой.

Формула «внешнее через внутреннее» описывает в основном характер воздействия на психику внешних, социальных причин, бытия — на сознание. Для того чтобы выделить другой важнейший аспект (который в философско-психологическом плане мы уже затрагивали в гл. I) — созидательную творческую активность психики человека, в частности ее преобразующее влияние как на социальные общественные процессы, так и на собственное развитие,— необходимо воспользоваться следующей формулой, предложенной А. Н. Леонтьевым:

* Мы делаем эту оговорку, поскольку у самого С. Л. Рубинштейна внутренние условия понимались как раз в таком расширенном толковании. «При объяснении любых психических явлений,— писал он,— личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия». Структура личности при этом рассматривалась как включающая в себя и черты, обусловленные природными данными и общие для всех людей (например, свойства зрения, вызванные распространением солнечных лучей на Земле), и условия, которые изменяются в ходе исторического развития (например, особенности фонематического слуха, вызванные строем родного языка), и свойства высшей нервной системы, и, наконец, систему мотивов и свойств характера [12]. Подобный «тотальный» подход к личности, слияние в одно разноуровневых образований, отнесение к ней как физиологических, так и собственно психических свойств во многом, на наш взгляд, снижали ценность формулы «внешнее через внутреннее» и, возможно, явились причиной, по которой эта формула не нашла пока должного применения в исследованиях личности. При таком подходе оказывается затрудненной и возможность конкретно разобраться в той специфической роли, которую играют различные особенности организма, перипетии его «биологии» в нормальном и отклоняющемся развитии.

76

«Внутреннее... действует через внешнее и этим само себя изменяет» [13]. Важно заметить, что данная формула вовсе не отменяет, а существенно дополняет, корректирует действие предыдущей, взятые же вместе, они достаточно полно отражают реальное движение психики, подчеркивая, акцентируя разные моменты постоянного «кольцевого» взаимодействия, взаимосозидания внутреннего и внешнего, бытия и сознания.

В этом взаимодействии биологическая природа человека участвует как необходимое условие протекания, развертывания внутренних психических процессов. Понятно отсюда, что изменение физиологических параметров изменяет

и характер протекания психических процессов, что может сказываться на формировании сложных психических образований, включая и личность человека. Нельзя поэтому сколько-нибудь игнорировать биологические особенности, сводить чуть ли не все в характеристике человека к производственным, общественным отношениям, социологизаторскому подходу, которому, по мнению Б. Ф. Ломова, присуща трактовка человека как некоторого сгустка экономики, культуры или социума, начисто лишенного всего биологического, органического, вообще природного [н]. Между тем биологическое составляет необходимое условие, в котором разыгрывается драма психической жизни. Соматическое, психофизиологическое здоровье есть постоянство и оптимум * этих условий; болезнь есть большее или меньшее их искажение. Особенно пагубны-

Здесь, что отметил, наверное, внимательный читатель, мы уже второй раз используем критерии, о которых критически отозвались в начале предыдущей главы. Сначала это был критерий внутреннего равновесия, гомеосгазиса; теперь — критерий оптимальности. Однако подчеркнем во избежание недоразумений, что наша критика была направлена не на сами по себе кригерии — каждый из них правомерен на своем месте, а на неадекватность или по крайней мере малую эффективность их применения к собственно психологическим уровням человеческого развития, в особенности к уровню личностному. Сейчас же речь идет об организменных системах, к которым вполне применимы критерий внутреннего равновесия и критерий оптимальности. Под последним в данном случае подразумевается такой результат работы рассматриваемых систем, который обеспечивает широту и постоянство диапазона условий функционирования психического аппарата. Критерий оптимальности вообще является безличным, чисто «технологическим» показателем, и в этом плане он применим по сути к любому процессу с обязательным, однако, условием четкого представления о том, что именно должен представлять **собой** данный оптимум, что он должен обеспечивать, чему (обычно вышележащему по уровню) он призван служить.

ми являются психические болезни. Рамки условий при неблагоприятном течении таких болезней настолько суживаются, что образуют как бы сходящийся коридор, воронку. Это накладывает резкие ограничения на свободу психического развития и может создавать впечатление, что биологическое непосредственно продуцирует, производит ту или иную аномалию или дефект личности. Однако следует помнить, что сами по себе эти рамки, сколь бы узкими и ограниченными они ни были, не формируют психики, не наполняют ее содержанием и смыслом. Они, повторяем вновь, составляют класс условий, в которых развертывается собственно психологический процесс — процесс формирования аномалий личности.

Такая постановка отнюдь не отводит биологическим особенностям малозначимую роль в аномальном развитии. Напротив, именно ими создаются условия, необходимые для формирования данного вида патологии личности, вне их невозможно появление присущих этому виду психопатологических черт, как невозможна и сама психическая болезнь. Поэтому психологическое исследование в этой области должно не просто констатировать те или иные биологические характеристики болезни, но рассматривать всякий процесс психических изменений как протекающий в рамках этих условий *.

Конечно, для психолога вовсе не обязательно (хотя, вероятно, и желательно) изучение биохимических или анатомических основ болезни. Но совершенно необходимы знание и учет тех условий, которые могут непосредственно влиять на протекание психических процессов. А это прежде всего высшая физиология, которая обеспечивает работу психического аппарата, обусловливая инертность или подвижность, уравновешенность или неустойчивость, силу или слабость нервной системы и другие показатели внутренней нейрофизиологической, психофизиологической организации актов психической

* А. Н. Леонтьев неоднократно подчеркивал, что будущее психологии зависит от способности освоения «межуровневых переходов», которые связывают психологический уровень с биологическим и социальным. Но надо согласиться с М. Г Ярошевским, что главные результаты в анализе деятельности получены пока лишь на одном из «переходов» — от социального уровня к психологическому. Другой же важнейший «переход» — от биологических уровней к психологии — остался фактически не разработанным [15]. Анализ аномального развития может дать, на наш взгляд, очень многое для заполнения этого пробела.

деятельности. Поэтому мы обозначили в качестве первого уровня, требующего учета в психологическом анализе, именно уровень психофизиологический, а не уровень, , скажем, организма вообще. Организм в свою очередь — сложная, многоуровневая система, в которой далеко не все имеет непосредственное касательство к обеспечению психических процессов. Так, организм может быть болезненно изменен на тонком биохимическом уровне, в нем достаточно долгое время могут зреть и развиваться злокачественные явления, однако до поры, пока они существенно не затронут психофизиологические процессы, это не будет сказываться на психическом отражении *, Поэтому для психолога оперативно важны не все знания об организме, не вся область физиологии, а лишь та ее часть, которая непосредственно влияет на функционирование психического аппарата.

Так,невралгия тройничного нерва иногда сопровождается значительными изменениями психического облика — человек перестает интересоваться окружающим, замыкается в себе и т. д. Для исследования психологической приро-ды этих изменений не обязательно подробно знать анатомическое строение тройничного нерва или особенности нервного импульса, но необходимо постоянно учитывать, что психика, личность страдающего этой невралгией формируются в условиях непрерывного ожидания острой психофизиологической реакции — приступов боли, которая иногда настолько резка и нестерпима, что «лишь уверенность в окончании приступа примиряет больного с жизнью» [17].

Изменить биологические условия болезни — задача не психологическая, а .медицинская. Но есть и другая важнейшая задача, разрешение которой имеет поистине общегосударственное значение,— социальная и трудовая адаптация больного человека, приобщение его к полноценной жизни. И разработка этой проблемы немыслима без широких психологических исследований, ведь человек не просто пассивно приспосабливается к биологическим условиям болезни, которые, подобно жесткому клише, единообразно оттискивают его психический облик, но способен компенсировать, преодолевать их, строить, творить себя даже в стесненных

* «Редко кто проходит медицинское обследование,— констатирует И. И. Брехман,— без одного или нескольких диагнозов в заключении, хотя сам человек чувствует себя здоровым и трудоспособным» '''

условиях. Мы, правда, с детства прочно затвердили, что «в здоровом теле — здоровый дух», а следовательно, в теле больном и дух болен, но реальность учит . другому — тому, что помимо этих вариантов (которые,, согласно изложенной в предыдущем параграфе типологии, занимают позиции 1 и 8) есть еще два, и тоже достаточно типичных, иллюстрации к которым легко подберет из своего опыта не только профессиональный психолог, но и любой психолог-любитель, любой внимательный наблюдатель жизни. Эти варианты (в нашей типологии они значатся под номерами 2 и 7) суть следующие: во вполне здоровом теле может бытовать дух упадка и разложения, и, напротив, духовное здоровье и ясность сочетаться с тяжкими болезнями тела *. Поэтому конечная цель психологического исследования отклонений в развитии личности, наблюдаемых при тех или иных болезненных страданиях, есть нахождение путей преодоления диктуемых болезнью условий, путей полноценной компенсации идущих от болезни симптомов и соответственно психологическая помощь и поддержка человека в следовании по этим нелегким путям.

4. СМЫСЛОВАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ

Мы видели, что биологическое, точнее, быть может, сказать, органическое** составляет необходимое условие

* Распространенность этих двух вариантов и дала, видимо, повод к появлению следующего четверостишия, построенного как оппозиция затасканной латинской пословице:

В здоровом теле —
Здоровый дух,
На самом деле —
Одно из двух [1в]. Что касается профессиональных свидетельств существования вариантов соотношения биологической и социальной полноценности, то сошлемся, например, на мнение столь опытного клинического психолога, как В. Н. Мясищев. «...Могут быть выделены,— писал он,— четыре основных типа: 1) тип социально и биологически полноценный; 2) социально полноценный при биологической неполноценности;

3) биологически полноценный, а социально неполноценный и 4) социально и биологически неполноценный» [19].

** Следует, видимо, согласиться с П. Я. Гальпериным [20], который настаивает на том, что термин «органическое» является более подходящим, поскольку не содержит в отличие от понятия «биологическое» указания на «животное в человеке», а ориентирует прежде всего на имеющиеся анатомо-физиологические предпосылки и возможности, которые играют совершенно бесспорную и очень важную роль в развитии человека, особенно наглядно (как мы увидим ниже, в § 1 гл. IV) проявляющуюся в аномалиях этого развития.

психического развития. Другое важнейшее условие — социальное окружение, мир культуры. Но, как уже подчеркивалось выше, из самих по себе условий, предпосылок, сколь бы мы их детально ни изучали, никакое живое развитие невыводимо. Требуется «идти дальше,— писал по этому поводу А. Н. Леонтьев,— и исследовать развитие как процесс «самодвижения», т. е. исследовать его *внутренние* движущие отношения, противоречия и взаимопереходы, так что его

предпосылки выступают как в нем же трансформирующиеся, его собственные моменты»[21]. Что же тогда определяет внутреннее движение этого развития, что составляет его движущие противоречия и взаимопереходы?

В отечественной общепсихологической науке, прежде всего в трудах А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, А. В. Запорожца, П. Я. Гальперина, Д. Б. Эльконина и др., дан достаточно однозначный ответ на этот вопрос:

источники движущих противоречий надо искать в системе предметной деятельности субъекта. Следует, однако, сразу сказать, что изучение деятельности отнюдь не прерогатива психологии. Деятельность — важнейший общефилософский объяснительный принцип. В истории европейской философии выделяется всего три таких принципа: Космос (в античной философии и науке), Природа (в философии и науке Нового времени) и Деятельность (начиная с XVIII—XIX вв.— в классической немецкой философии)[22]. Психологию интересует прежде всего роль деятельности в формировании психического аппарата отражения и в связи с этим ее внутреннее строение и динамика.

Кратко обозначим основные понятия, которыми обычно оперируют в рассуждениях о психической деятельности. Исходным является понятие *«потребность»*. Потребность трактуется как требование, нужда, ожидание, стремление к какому-либо недостающему, желаемому предмету, содержание которого может быть самым разным — от необходимости размять энергич-- ным движением затекшее от долгого сидения тело до стремления к познанию и истине. От содержательных показателей мы можем отвлекаться, однако лишь в формально-логическом плане, в плане же конкретно-психологическом они составляют ключевую характеристику потребности, наполняя ее энергетическую емкость и потенциал определенностью и осмысленной направленностью. Не зная, не представляя себе предме-

та потребности, рассматривая ее как «потребность вообще», мы почти ничего не можем сказать и о собственно психологической характеристике самой потребности, о тех конкретных актах, которые будут предприняты для ее удовлетворения. Эта направляющая, побуждающая к активности функция предмета особо выделена в общепсихологической теории А. Н. Леонть-ева, где ей придана роль двигателя, *мотива* всей деятельности в целом.

Предмет потребности, как правило, не может быть достигнут сразу, он дан в сложной, часто препятствующей достижению жизненной среде с присущими ей жесткими условиями и преградами, так что обычно требуется не одно, а целая цепь, система взаимосвязанных *действий,* направляемых на некоторые промежуточные, опосредующие *цели,* объединенные задачей этого достижения. В свою очередь каждая цель может быть выполнена разными способами, разными конкретными *операциями.* Все вместе эти цели, действия, способы, операции и образуют наличный, или, как говорят, *операционально-технический,* состав деятельности. Схематически это можно представить себе так:

П-

/ Л| Д2 *An* ,

(-^-Ц1 ->• Ц2...^Ц,,)

м

(1)

где для удовлетворения потребности (П) развертывается деятельность, состоящая из ряда действий (дь Д2,..., *pn),* направленных на осуществление целей (ui, цз, ..., Цп), подчиненных в конечном счете задаче достижения предмета, мотива (М) всей деятельности в целом.

Однако такая схема, взятая сама по себе, вполне укладывается в рамки сугубо бихевиористских представлений, одинаково по сути отражая и поведение крысы в сложном лабиринте, и внешнюю сторону действий человека, стремящегося в условиях стоящих перед ним преград обойти, преодолеть их и достичь желаемого. Даже поправка на то, что животное действует инстинктивно, а человек выбирает пути и действия по разуму, не устраняет некоторой механистичности представленного. Чтобы понять специфику человеческого поведения, необходимо ввести в рассмотрение некоторые характеристики *сознания,* которые тесно связаны с регуляцией предметной деятельности.

Важнейшей образующей сознания, исследованию

82

которой посвящены многие работы психологов, является *значение.* А. Н. Леонтьев описывал значение как идеальную, духовную форму кристаллизации общественного опыта, общественной практики человечества. «Человек в ходе своей жизни усваивает опыт предшествующих поколений людей; это происходит именно в форме овладения им значениями... Итак, психологически значение — это ставшее достоянием моего сознания (в большей или меньшей своей полноте и многосторонности) обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже в форме умения как обобщенного «образа действия», нормы поведения и т. п.» [23].

Исходя из данного подхода совокупность значений может быть представлена как *культура,* т. е. система понятий, норм, образцов, представлений, бытующих в

рассматриваемой среде *.

Важность значения как идеальной формы общественного опыта для психического развития очевидна. Человек видит явления прежде всего через призму усвоенных категорий, он как бы накладывает сетку значений, понятий и определений (Л. С. Выготский сравнивал это с параллелями — горизонтальными свя-

* Такое понимание культуры не является общепринятым. Но дело в том, что термин «культура» вообще чрезвычайно многозначен и в различных частных науках и даже внутри каждой из них толкуется по-разному. В последнее время в отечественной философской литературе стала преобладать точка зрения, согласно которой в основу понимания культуры кладется исторически активная деятельность человека и, следовательно, развитие самого человека в качестве субъекта этой деятельности. Развитие культуры при таком подходе фактически совпадает с развитием человечества, причем не в какой-то особой (например, специфически духовной — научной, художественной и т. п.), но в любой области общественной жизнедеятельности [24]. Подобное философское понимание, комментирует В. М. Межуев, «имеет дело с культурой не как с особым объектом, подлежащим специальному изучению (наряду, например, с природой, обществом, человеком и т. д.) в границах отдельной дисциплины, а как с всеобщей характеристикой всего действительного мира» [25] Для конкретного психологического анализа такая точка зрения представляется чересчур глобальной, не позволяющей расчленять компоненты и условия развития личности. Поэтому мы понимаем здесь культуру более узко — как систему бытующих в обществе значений (понятий, норм, образцов и т. п.), относя деятельность в иную категорию анализа, хотя понятно, что как знаки мертвы вне культуротворческой и культуропотребляющей деятельности, так и сама деятельность (в качестве собственно человеческой) немыслима вне этих знаков.

зями и меридианами — связями вертикальными, иерархическими) на окружающий мир, познает и выражает, передает плоды своего познания не иначе как через систему значений. И все же следует признать, что, взятые сами по себе, в своей объективной представлен-ности, знаки культуры могут быть отчуждены от реальной душевной жизни человека; они, повторяем, объективны, т. е. существуют до встречи с конкретным человеком, и остаются, пусть даже измененными, после этой встречи, являя собой отражение действительности независимо от индивидуально-личностного отношения к'ней самого человека.

Привнесение же этого отношения неизбежно порождает субъективное значение данного объективного значения («значение значения»). Чтобы избежать удвоения терминов, А. Н. Леонтьев предложил говорить в этом случае о *личностном смысле.* Таким образом, «смысл выступает в сознании человека как то, что непосредственно отражает и несет в себе его собственные жизненные отношения» [26].

Выше мы уже определили смысловой уровень как собственно личностный. Теперь подробно рассмотрим смысл (смысловое образование, смысловую динамическую систему) как «живую клеточку», «единицу» анализа * этого уровня.

* Л. С. Выготский выделял два принципиально отличных способа анализа, применяемых в психологии. Первый можно назвать разложением сложных психологических целых *на элементы.* Его Л. С. Выготский сравнивал с химическим анализом воды, разлагающим ее на кислород и водород. Другой путь анализа — это анализ, расчленяющий сложное единое целое *на единицы.* «Под единицей,— писал далее Л. С. Выготский,— мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает *всеми основными свойствами, присущими целому,* и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства. Не химическая формула ,воды, но изучение молекул и молекулярного движения является ключом к объяснению отдельных свойств воды... Психологии, желающей изучить сложные единства, необходимо понять это. Она должна заменить методы разложения на элементы методами анализа, расчленяющего на единицы» [27]. Позже об этом писал и С. Л. Рубинштейн:

«Для того чтобы понять многообразные психические явления в **их** существенных внутренних взаимосвязях, нужно прежде всего найти ту „клеточку", или „ячейку", в которой можно вскрыть зачатки всех элементов психологии в их единстве» [28]. Эти положения актуальны и поныне. Необходимо добавить также, что выделение и обоснование этих единиц — особая теоретическая работа, поскольку «единицы анализа не могут непосредственно заимствоваться в самой реальности в качестве ее вещественно экземплифицированных представителей, но каждый раз являются продуктом мысленного конструиро-

Сама проблема смысла в научном рассмотрении человека появилась не сразу. Выдающийся отечественный ученый Н. А. Бернштейн писал, что каждая наука применительно к явлениям в своей области должна прежде всего ответить на два определяющих вопроса:

как происходит явление и *почему* оно происходит? . Для наук о неживой природе эти вопросы оказываются и необходимыми, и достаточными. Долгое время и наука о живой природе — биология— пыталась со всей строгостью

следовать лишь этим вопросам, однако многочисленные наблюдения и факты, указывающие на неоспоримую целесообразность устройств и процессов, присущих живым организмам, неминуемо привели к постановке нового, третьего вопроса: *«для чего* существует то или иное приспособление в организме, к какой цели оно направлено, какую доступную наблюдению задачу оно предназначено решать»? [30]

Все эти вопросы сохраняют первостепенное значение и для психологии, в частности для исследования поведения и деятельности. Первый вопрос ставит проблему феноменологии деятельности, качественных характеристик этого явления. Ответ на второй вопрос подразумевает исследование причинности, механизмов движения деятельности. Наконец, при ответах на третий вопрос мы должны анализировать цели и мотивы, на которые непосредственно направлен процесс деятельности. Однако эти три вопроса не затрагивают или, точнее, затрагивают лишь косвенно проблему смысловой регуляции поведения. Между тем в психологии накопилось множество фактов, показывающих особую значимость этого уровня регуляции для судьбы деятельности, ее продуктивности и конкретного хода. И как биология в рамках ответов на вопросы *как* и *почему* приходила к выводам, оказывавшимся, по словам Н. А. Бернштейна, крайне бедными предсказательной силой, так и психология, ограниченная на этот раз тремя вопросами — как, почему и для чего,— оказывается недостаточной для понимания многих сторон человеческого поведения и деятельности, реальных

вания (разумеется, отнюдь не произвольного по отношению к реальности)» . Собственно, в каждой сколько-нибудь развитой психологической теории можно выделить такую единицу: «знак» — у Л. С. Выготского, «установка» — у Д. Н. Узнадзе, «деятельность» — у А. Н. Леонтьева, «действие», «поступок» — у С. Л. Рубинштейна, «акт поведения» — у М. Я. Басова и др.

проблем их развития. Для преодоления этой недостаточности необходимо включить в рассмотрение еще один аспект, задать еще один, четвертый вопрос, внешне сходный с третьим, но все же имеющий свой особый оттенок: это вопрос, *ради чего* совершается то или иное действие, деятельность человека или *в чем подлинный смысл* достижения тех или иных целей, мотивов, задач,— смысл, стоящий за взятыми самими по себе или в своей совокупности целями, задачами, мотивами?

Что же требуется для ответа на данный вопрос, как рождаются смысловые образования, или, если воспользоваться более точным термином Л. С. Выготского, динамические смысловые системы, несущие в себе и особое отражение действительности, ее знак, и эмоционально-личное, пристрастное к ней отношение?

Мы уже касались некоторых вопросов смыслообра-зования в первой главе книги, когда рассматривали философские аспекты проблемы личности, определения ее нормы и аномалии. Там, как помнит читатель, речь шла об одном, но, разумеется, главном, вершинном для человека смысле — смысле жизни, здесь же речь идет о всем многообразии динамических смысловых систем. Однако, на наш взгляд, основная внутренняя закономерность остается единой для всех случаев — психологические смысловые системы рождаются в сложных, многогранных соотнесениях меньшего к большему, отдельных ситуаций, актов поведения к более широким (собственно смыслообразующим) контекстам жизни. В соответствии с этим их осознание — всегда процесс определенного внутреннего соотнесения.

Поясним сказанное простым примером. Ради чего стоит посещать лекции в институте? Ради чего стоит стремиться к высшему образованию? Ради чего стоит жить? Для того чтобы ответить на подобные вопросы, надо соответствующую данному явлению деятельность соотнести с контекстом деятельностей более широких, и соотнесение это тем сложнее и индивидуальное, чем выше мы поднимаемся по ступеням, уровням смысловой иерархии. Скажем, смысл посещения лекций для большинства очевиден — он в том, чтобы успешно сдать сессию, закончить вуз. Труднее ответить на вопрос: ради чего нужно кончать вуз? Ответы могут захватить много взаимосвязанных деятельностей и мотивов, различные их сочетания и оттенки: интерес к профессии, престиж-

ность мотивы самоопределения, материальные интересы, поступление в аспирантуру и т. д. И уже совсем нелегко ответить на вопрос: ради чего стоит жить? Ведь здесь, как мы уже говорили в прошлой главе, надо соотнести не что иное, как всю свою жизнь с каким-то более широким и общим контекстом, с тем, что больше нашей индивидуальной жизни и не оборвется с ее физическим прекращением (дети, счастье будущих поколений, прогресс науки и т. п.).

При этом необходимо подчеркнуть два важных момента. Во-первых, смысл той или иной деятельности не порождается, на наш взгляд, самим по себе мотивом более общей, вышележащей по иерархическому уровню деятельности. Так, в последнем примере не сами по себе дети, счастье будущих поколений или прогресс науки являются смыслом, а те многочисленные и сложные связи, принципы, соотнесения, противоречия, которые завязываются, возникают вокруг этих предметов, составляя как бы «кристаллическую решетку», внутреннюю

психологическую структуру смыслового образования *. Поэтому, в частности, за ссылкой на один и тот же смыслообразующий мотив могут, как показывают психологические исследования, стоять совершенно разные по содержанию и динамике смысловые образования. При ответе на вопрос «ради чего» называемый предмет следует рассматривать не как твердо установленное значение, объективный знак, а скорее как символ, символическое оформление сложного по своему генезису и структуре переживания. Символ этот складывался, формировался в ходе жизни человека (Л. С. Выготский часто повторял — «за сознанием лежит жизнь»), и, следовательно, расшифровка его не может быть лишь умозрительной задачей, решаемой путем анализа, сопоставления самих по себе речевых знаков, опросов исследуемого человека (в особенности если мы имеем дело с аномалиями, где диссоциация осознаваемого и реального часто весьма очевидна). Решение этой задачи возможно лишь при обращении к анализу

* Как и во многих других случаях проявления жизненной диалектики, здесь скорее важен не результат, а процесс, реальные формы его достижения и утверждения. Дело потому часто не в смыслообразующем мотиве как таковом, а в тех способах, соотнесениях, связях, каковыми произошло его становление. Эти способы, эта живая сеть соотнесений и рождает, питает смысловые системы (о важности изучения процессуальной, динамической стороны мы будем говорить подробнее в следующей главе).

самой жизни человека, ее индивидуальной истории, приведшей именно к такому, а не иному способу смыслового опредмечивания, смыслового опосредствования душевного бытия.

Отсюда следует второй момент, который надо выделить особо. Уяснение человеком смысла того или иного отношения к миру не дается ему прямо и автоматически, но требует сложной и специфической внутренней деятельности оценивания своей жизни, решения особой «задачи на смысл» (А. Н. Леонтьев). Причем, как мы видели, чем выше по иерархическим ступеням смысловые образования, тем труднее работа по их осознанию, поскольку все шире и неопределеннее становится область смыслопорождающей действительности, все сложнее и опосредствованнее те связи и отношения, из которых завязывается динамическая смысловая система.

Вот почему, с одной стороны. Самые главные вопросы — о смысле жизни, любви, добра, зла и т. п.— требуют таких больших внутренних усилий человека в поисках ответа на них, а с другой стороны, сами эти ответы, если они наконец найдены, часто кажутся стороннему наблюдателю неопределенными, малозначимыми (вспомним гамлетовское: «Слова, слова, слова»), расплывчатыми. Причем последнее указывает вовсе не на слабость человеческого языка и мышления, а на мно-гоаспектность, системность самой сути смысловых реалий, которые заведомо шире и многостороннее реалий языковых. С этим связаны и писательские «муки слова», и недовольство словом уже найденным, его недостаточностью для определения живого предмета *, и то, наконец, почему художники порой отказываются определить основной смысл или, даже проще, основную мысль своего произведения **. Что же касается психологических изысканий, то в структуру смыслового образования входят эмоционально-непосредственный смысл и вербализированный смысл [32]. Первый как

Напомним признание Александра Блока:

Ведь я — сочинитель, Человек, называющий все по имени, Отнимающий аромат у живого цветка.

** Л. Н. Толстой писал: «...нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений» [3'].

бы составляет пристрастную, изменчивую, недоговоренную подоплеку второго, т. е. смысловые образования (о чем писал уже Л. С. Выготский) являют собой сплав сознательных (интеллектуальных) и эмоциональных (аффективных) процессов, чем во многом и объясняется сложность их адекватного осознания.

Совершенно особый вопрос — кто и как ставит «задачу на смысл» перед человеком. Чисто внешне, феноменологически, кажется, что все зависит только от уровня самосознания, желаний данного человека, от того, захочет ли он задуматься над смыслом своих поступков или нет, направляют ли его к тому события жизни, друзья, воспитатели, учителя, семья — словом, внешние, окружающие его обстоятельства. Существуют, однако, и вполне объективные внутренние законы движения деятельности, его собственная логика, изнутри подготавливающая ситуацию осмысления себя, своих действий и места в жизни. И сознание тогда

играет роль скорее подытоживателя, активатора, реализатора, нежели причины постановки «задачи на смысл». (На некоторых законах этой логики мы остановимся в следующем параграфе.)

Когда же «задача на смысл» все же решена и речь идет о той или иной форме осознанности, отрефлекси-рованности наиболее общих смысловых образований, то уместно, на наш взгляд, говорить о *ценностях* личности или, лучше, о *личностных ценностях,* отличая их от личностных смыслов, которые далеко не всегда носят осознанный характер. Таким образом, личностные ценности — это осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни *. Их следует отличать и от чисто декларируемых, назывных ценностей, не обеспеченных «золотым запасом» соответствующего смыслового, эмоционально-переживаемого, задевающего личность отношения к жизни, поскольку такого рода ценности не

* Мы не берем здесь социологические аспекты изучения ценностей, а рассматриваем ценность в ее психологической характеристике как разновидность смыслового образования. Отметим также во избежание недоразумений, что в психологии личности часто говорят о смысле во множественном числе (например, личностные смыслы), тогда как в традиции русского языка слово «смысл» принято употреблять в единственном числе. Это расхождение легко объяснимо: в отличие от обыденного языка под смыслом в психологии подразумевается особая составляющая сознания, которая имеет разные виды и формы, поэтому вполне правомерно говорить о множественности этих смыслов, их системе, иерархии и т. п.

имеют по сути дела прямого касательства к смысловой сфере, более того, могут стать бутафорией, маскирующей совсем иные личностные устремления *.

Заметим также, что осознанные ценностно-смысловые отношения могут быть не только позитивными, т. е. определять то, что по восприятию человека хорошо, но и негативными, т. е. занимать на субъективной ценностной шкале отрицательные значения, быть как бы «отрицательными ценностями», определять восприятие чего-либо как недостойного, плохого. Если в динамическом плане отношения первого рода можно назвать отношениями притягивания («положительная валентность», по К. Левину [33]), центростремления, то отношения второго рода тяготеют к отталкиванию («отрицательная валентность») , центробежности **.

Понятно, что позитивные смысловые переживания,

* Различия, несоответствия, а часто прямые противоречия между желанием «быть» и соблазном «казаться» не столь уж редко случаются в жизни любого человека, и потому борьба за искренность, постоянство, подлинное, без «приписок», самовыражение—одна из основных линий нравственного развития и воспитания. Генезис многих видов отклонений, аномалий личности связан с теми или иными запущенными формами этого несоответствия. Например, клиницистам и психологам хорошо известно, что пышные уверения в любви к людям и подвигах самопожертвования у лиц истероидного склада часто не имеют под собой никакой смысложизненной основы и являются лишь способом прикрытия безоглядного эгоцентризма и самолюбования.

** Напомним, однако, что в рассуждениях Левина речь шла о валентности предметов, данных в конкретном, здесь-и-теперь возникшем «психологическом поле», о побудительной силе, от них исходящей. Сейчас же мы говорим об отношениях к предметам, точнее, к их взаимосвязям, о способах, принципах смыслового восприятия, придания личностно-субъективной цены возникающим в окружающем мире связям и отношениям. Так, в работе кубинского психолога М. Кальвиньо мы читаем: «Можно рассматривать четыре возможных отношения, в качестве которых может выступать то или иное явление:

1) явление выступает в качестве мотива; 2) явление представляет условие, препятствующее достижению мотива; 3) явление представляет условие, способствующее достижению мотива; 4) явление представляет условие, способствующее достижению одного мотива и препятствующее достижению другого. Этим четырем отнбшениям соответствуют и четыре возможных смысла явления- смысл мотива, негативный смысл, позитивный смысл, конфликтный смысл» [и]. Положение это тонко фиксирует возможность разного смыслового отношения к одному и тому же явлению в зависимости от его места в структуре деятельности. Однако, как мы увидим ниже, далеко не все смысловые образования, не все его уровни можно прямо приписать к конкретной деятельности, сведя роль смысла к оперативной регуляции достижения мотива, к взаимоотношению мотива и преграды или мотива и пособника достижения.

связанные с ожиданием, верой в лучшее, чаще бывают радостными, нежели негативные, являющиеся по преимуществу горькими и разочаровывающими. Не следует думать, однако, что лишь первые хороши, а вторые всегда дурны и должны

подлежать искоренению. Отрицательные смысловые переживания столь же важны для развития человека, как и положительные: в них нередко заложены точки роста, они могут дать толчок к поискам нового взгляда на жизнь, могут быть источником нетерпимости (не головной, а внутренней, душевной) к недостаткам и порокам как в себе, так и в окружающем мире. Другое дело, когда они начинают исключительно превалировать, определяя весь тон и направление жизни, все формы отношения к миру и самому себе. Такая односторонность — начало аномального, отклоняющегося развития, уводящего от общих сущностных задач, замыкающих человека в узкий круг негативных переживаний и в конце концов ненависти (чаще бессильной) к себе и другим. Личностные ценности такого человека, т. е. то, чем он поддерживает смысл своего существования,— это ценности, точнее, придание ценности отталкиванию, но, отталкивая все и вся, он остается один на один со своим озлоблением, которое уже оттолкнуть не может, ибо оно составило его суть, стало привычным и единственным способом видения и осмысления мира.

Именно общие смысловые образования (в случае их осознания—личностные ценности), являющиеся, на наш взгляд, основными конституирующими (образующими) единицами сознания личности, определяют главные и относительно постоянные отношения человека к основным сферам жизни — к миру, к другим людям, к самому себе. Нельзя говорить о нормальном или аномальном развитии личности, не рассматривая эти отношения — как их динамическую сторону (характер их напряженности, способы осуществления, соотношение реальных и идеальных целей и т. п.), так и сторону содержательную.

Надо заметить, что если задача изучения механизмов динамической стороны психической деятельности без оговорок принимается большинством психологов, то задача изучения содержательной стороны нередко вызывает резкие возражения, которые наиболее часто сводятся к тому, что это скорее предмет философии, этики, но не психологии. Однако с этим мнением нельзя согласиться, иначе будет упущена из виду важнейшая детер-

минанта, определяющая черты как конкретных, так и общих свойств личности. Необходимость учета содержательной стороны становится, пожалуй, особенно явной при встречах с трудным, аномальным, отклоняющимся развитием (как в подростковом, так и в более зрелом возрасте), которое, как показывают исследования, нередко является прямым следствием эгоцентрической ориентации человека. Наиболее благоприятные условия для развития личности, что уже давно замечено опытными психологами, создает противоположная эгоцентрической — альтруистическая ориентация. Например, еще у русского психолога А. Ф. Лазурского мы находим, что духовное здоровье в наибольшей степени обеспечивает идеал альтруизма. «Альтруизм в том или ином виде представляется формой и средством, и показателем наилучшей гармонии между личностью и средой. Здесь извращенных нет» [35]. Современные экспериментально-психологические данные в целом подтверждают эти суждения.

Итак, совокупность основных отношений к миру, к людям и себе, задаваемых динамическими Смысловыми-системами, образует в своем единстве и главной своей сущности свойственную человеку *нравственную* позицию. Такая позиция особенно прочна, когда она становится сознательной, т. е. когда появляются личностные ценности, рассматриваемые нами как осознанные общие смысловые образования. Исповедание этих ценностей закрепляет единство и самотождество личности в значительных отрезках времени, надолго определяя главные характеристики личности, ее стержень, ее мораль.

Может возникнуть принципиальный вопрос: о какой морали, о какой нравственности может идти речь при грубых отклонениях в развитии личности, например у злостного пьяницы или правонарушителя? Здесь, скажут многие, налицо их отсутствие, хотя никто не будет отрицать, что совершивший преступление — личность.

Моральная шкала, в нашем понимании, включает в себя не только положительные, но и отрицательные с общепринятой точки зрения ценности (подобно тому как, скажем, условно выделенная шкала ума должна располагать сравнительными отметками не только для высот ума, но и для его, с точки зрения наблюдателя, ущерба, т. е. глупости). Даже в тех случаях, когда мы

говорим об аморальности, речь идет не просто об отрицании морали, а о моральной позиции, нам чуждой, извращенной. Именно своя мораль, своя достаточно очерченная и жесткая система ценностей, характерна и для асоциальных групп, в частности для противоправного, преступного мира [36]. Исследование Е. Н. Голубевой, выполненное под нашим руководством на факультете психологии МГУ (1978), показало, что главные трудности в перевоспитании даже малолетних правонарушителей состоят не в том, что подросток «не хочет» исправиться или «не понимает», что надо жить честно, а в том, что он порой не может этого сделать из-за наличия уже сформировавшейся и ставшей достаточно инертной системы смысловых образований, которая, несмотря на «хотение» и «понимание», продолжает определять прежнее, извращенное («преступное») отношение к миру.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что сущность личности не совпадает ни с темпераментом, ни даже с характером. Разумеется, характер неотделим от лично-

сти и в широком понимании входит в нее, поскольку реализует прежде всего не случайные побуждения, а главную, генеральную линию жизненных устремлений личности. Плоскость характера — это плоскость действова-ния, *способов* осуществления основных смысловых линий, и здесь мы обычно говорим о таких параметрах, как сила — слабость, мягкость — твердость, воля — безволие и т. п. Многие не без основания рассматривают силу воли как стержень характера, и это верно, ибо синоним безволия — бесхарактерность, т. е. неумение организовать свои намерения и побуждения, довести их до конца.

Иное дело — личность. Здесь основная плоскость движения — нравственно-ценностная. Личность в узком понимании (ядро личности) — это не способ осуществления позиции, а сама позиция человека в этом сложном мире, которая задается системой общих смысловых образований *. Лишь в более широком понимании (включая характер) — это динамическая система смысловых образований, опосредствующих ее главных моти-

* В этом плане наиболее сжатой и яркой формулой личности (а не просто темперамента или характера) является, на наш взгляд, известное восклицание Лютера: «На том стою, и не могу иначе», фор-' мула эта отражает все три момента, которые мы обозначили в конце первой главы в качестве существенных для нашего понимания личности: она подразумевает и определенную позицию, и ее достаточно ясное осознание, и, наконец, готовность постоять за нее как за нечто главное и неизменное.

вов и способов их реализации. Не случайно поэтому личность, ее ядро могут контрастировать с характером в уровне своего развития и качества; известно, что можно встретить «хорошего человека» (нередкое житейское определение личности) с плохим характером (скажем, вспыльчивым, недостаточно сдержанным) и, напротив, негодяя с прекрасным характером (уравновешенным, покладистым, сильным).

Сказанное ни в коей мере не умаляет роли и значения характера. Старая мудрость «Посеешь привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу» имеет глубокий психологический смысл, ибо привычки ребенка, его характер — это реальные «кирпичи», из которых строятся затем такие важнейшие психологические образования, как стиль действия, манеры общения с другими, способы выражения и достижения целей и мотивов — словом, все то, что в конечном счете во многом строит судьбу человека, определяет ее повороты и перипетии. Речь идет лишь о том, что все эти важнейшие образования сами по себе еще не отвечают на вопрос, *ради чего* они существуют, какие смысловые устремления призваны осуществлять, иными словами, прямо и непосредственно не определяют нравственно-ценностных плоскостей развития человека, совпадение или несовпадение этих плоскостей с общечеловеческими идеалами и устремлениями. Отсюда, в частности, вытекает один важный вывод. При оценке личности, полагании ее нормальной или аномальной, отклоняющейся, наконец, при ее воспитании, психокоррекции и психотерапии следует иметь в виду не только и даже не столько особенности ее отдельных проявлений, их сочетания, корреляции и т. п., но и то, как общие смысловые устремления, общие мотивы и способы их достижения соотносятся с социальными и нравственными плоскостями общечеловеческого бытия.

Прежде чем перейти к обозначению некоторых из основных свойств и функций динамических смысловых систем, заметим, что они являются в известном плане сверхчувственными образованиями. Как пишет И. С. Кон, подобного рода образования не являются непосредственными данностями, но предполагают, разумеется, систему индикаторов, способы верификации гипотез и т. д. Качество сверхчувственности представляется некоторым авторам в отношении личности слишком отдаленным, чуть ли не идеалистическим [38], на деле же

94

речь идет о хорошо известном феномене. «Со времени своего возникновения,— констатирует Б. С. Грязнов,— наука постоянно вынуждена решать, казалось бы, тривиальный вопрос: существуют ли объекты, знанием о которых она является, а если существуют, то как они существуют...» [39] Что касается собственно психологии личности, то, как справедливо замечает В. Г. Норакидзе, исследователи, работающие в этой области, «давно пришли к общему мнению, что прямое наблюдение свойств личности невозможно (они непосредственно не даны). Считается, что свойство — это определенного рода гипотеза, без которой невозможно понять характерные для деятельности индивида устойчивость, стабильность и последовательность» [40].

В исследованиях Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца, в публикациях последних лет *, обозначены ряд свойств смысловых образований, их отличия от сферы значений, знаний и умений человека.

* В рамках развития общепсихологической теории деятельности история разработки гипотез и понятий, связанных с выявлением роли смысловых компонентов, достаточно коротка. Первый ее этап связан с исследованиями основателей теории деятельности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и др.). Второй'— с созданием на факультете психологии МГУ в 1976 г. по инициативе А. Н. Леонтьева Межкафедральной группы по изучению психологии личности (на общественных началах). Общие результаты работы группы были изложены в двух итоговых статьях [4], которые определили контуры нового направления в исследовании личности. В 1980 г. Межкафедральная группа, которая в целом выполнила к тому времени свою координирующую роль, была распущена, и начался последний, современный уже этап развития. Ведущие участники группы продолжили и во многом, как при всяком творческом движении, видоизменили свои представления; появились новые имена, направления и творческие группы, которые строили исследования на других основаниях, во многом часто отталкиваясь и полемизируя с работами Межкафедральной группы. Укажем, например, на концепции А. Г. Асмолова, В. А. Петровского, Е. В. Суббот-ского, А. У. Хараша, на работы М. Кальвиньо и В. В. Столина, на психосемантические изыскания В. Ф. Петренко и А. Г. Шмелева, на яркое исследование смысловых переживаний, предпринятое Ф. Е. Ва-силюком, и на ряд других психологических работ, исходящих из принципов теории деятельности. Разумеется, проблемы смысла затрагиваются (правда, не столь интенсивно) и в иных психологических школах, находят они отражение и в зарубежных исследованиях. Но мы не можем здесь обсуждать эти взгляды, поскольку это составляет особую и требующую подробного изложения задачу. Заметим лишь-, что во многих зарубежных исследованиях речь идет о смысле скорее как об обобщенной мировоззренческой категории, тогда как в отечественных работах делаются попытки изучения более конкретных механизмов смысловой динамики и структуры личности.

К числу таких основных отличий можно отнести по крайней мере следующие четыре. Во-первых, смысловые образования существуют не только в осознаваемой, но часто и в неосознаваемой форме, образуя, по выражению Л. С. Выготского, «утаенный» план сознания. Во-вторых, они не поддаются прямому произвольному контролю и чисто словесным, вербальным воздействиям («личность не учат, личность воспитывают»,— подчеркивал А. Н. Леонтьев). В-третьих, смыслы не имеют своего «надындивидуального», «непсихологического» существования; они не бытуют сами по себе, как мир значений, культуры, который может быть отторгнут от нас и представляет собой нечто объективное, заданное. Наконец, в-четвертых, смысловые образования не могут быть поняты и исследованы вне их деятельностного, жизненного контекста; заостряя это положение, можно сказать, что психологию личности должны интересовать не отдельные факты, а акты поведения, т. е. целостные ситуации и их взаимосвязи, в которых возникают и находят свое проявление те или иные смысловые отношения к действительности.

Перейдем теперь к специфическим функциям смысловых образований как основных конституирующих единиц сознания личности. Обозначим здесь лишь две функции, являющиеся наиболее значимыми в контексте нашего изложения.

Во-первых, это создание образа, эскиза будущего, той перспективы развития личности, которая не вытекает прямо из наличной, сегодняшней ситуации. Если в анализе реальной человеческой деятельности ограничиться единицами мотивов как предметов потребностей, единицами целей как заранее предвидимых результатов, то будет непонятно, за счет чего человек способен преодолевать сложившиеся ситуации, сложившуюся логику бытия, что ведет его к выходу за грань устоявшейся сообразности, к тому будущему, которому он сам сегодня не может дать точных описаний и отчета. Между тем это будущее есть главное опосредующее звено движения личности, без предположения которого нельзя объяснить ни реального хода развития человека, ни его бесконечных потенциальных возможностей.

Смысловые образования и являются, на наш взгляд, основой этого возможного будущего, которое опосре-дует настоящее, сегодняшнюю деятельность человека, поскольку *целостные системы смысловых образований*

задают не сами по себе конкретные мотивы, а плоскость отношений между ними, т. е. как раз тот первоначальный план, эскиз будущего, который должен предсущест-вовать его реальному воплощению.

Не надо думать при этом, что будущее, о котором идет речь, всегда локализовано где-то неопределенно впереди во времени. Когда мы говорим о смысловом поле сознания, следует иметь в виду, что будущее присутствует здесь постоянно как необходимое условие, как механизм развития, в каждый данный момент опосредуя собой настоящее.

Во-вторых, важнейшая функция смысловых образований заключена в следующем: любая деятельность человека может оцениваться и регулироваться со стороны ее успешности в достижении тех или иных целей и со стороны ее нравственной оценки. Последняя не может быть произведена «изнутри» самой текущей деятельности, исходя из наличных актуальных мотивов и потребностей. Нравственные оценки и регуляция необходимо подразумевают иную,

внеситуативную опору, особый, относительно самостоятельный психологический план, прямо не захваченный непосредственным ходом событий. Этой опорой и становятся для человека смысловые образования, в особенности в форме их осознания — личностных ценностей, поскольку они задают не сами по себе конкретные мотивы и цели, а плоскость отношений между ними, самые общие принципы их соотнесения. Так, например, честность как смысловое образование — это не правило или свод правил, не конкретный мотив или совокупность мотивов, а определенный общий принцип соотнесения мотивов, целей и средств жизни, в том или ином виде реализуемый в каждой новой конкретной ситуации. В одном случае это будет оценка и отсеивание, селекция некоторых способов достижения целей, в другом — изменение, смещение целей, в третьем — прекращение самой деятельности, несмотря на ее успешный ход, и т. п. Смысловой уровень регуляции не предписывает, таким образом, готовых рецептов поступкам, но дает общие принципы, которые в разных ситуациях могут быть реализованы разными внешними (но едиными по внутренней сути) действиями *. Лишь на основе этих

* «Человек нравственный,— писал А. И. Герцен,— должен носить в себе глубокое сознание, как следует поступать во всяком случае, и вовсе не как ряд сентенций, а как всеобщую идею, из которой всегда можно вывести данный случай; он импровизирует свое поведение» [42]

принципов впервые появляется возможность оценки и регуляции деятельности не с ее целесообразной, прагматической стороны — успешности или неуспешности течения, полноты достигнутых результатов и т. п., а со стороны нравственной, смысловой, т. е. со стороны того, насколько правомерны с точки зрения этих принципов реально сложившиеся в данной деятельности отношения между мотивами и целями, целями и средствами их достижения.

В самых общих словах специфика этой формы регуляции такова: если в плане достижения успеха цели определяют и диктуют подбор соответствующих средств и по сути все средства хороши, лишь бы вели к успеху, то в плане нравственном главными становятся не цели, а нравственная оценка этих целей, не успехи, а средства, которые были выбраны для их достижения. Говоря образно, если в первом случае победителей не судят, а побежденных не оправдывают, то во втором — победителей могут судить, а побежденных оправдывать; если в первом случае цель оправдывает средства, то во втором — средства полномочны оправдать или исказить цель, ее первоначальную суть. Речь идет о той плоскости общечеловеческого бытия, где люди выступают как равные, вне зависимости от их социальных ролей и достигнутых на сегодня внешних успехов, равные в своих возможностях нравственного развития, в праве на свою, соотносимую с нравственными принципами оценку себя и других.

До сих пор мы говорили о динамических смысловых системах, по сути почти не затрагивая вопроса об их связи с конкретным строением деятельности. Если взять приведенную выше схему деятельности (1), то в ней, казалось бы, вообще нет места этим системам и все движение может быть вполне объяснено в терминах мотива, цели, действия, операции. Однако помимо общего определения личностного смысла как «значения значения» А. Н. Леонтьев дает и второе, более конкретное, операциональное определение через указание места (в известной степени — механизма порождения) личностного смысла в структуре деятельности. Согласно этому определению, личностный смысл есть отражение в сознании отношения мотива (деятельности) к цели (действия) [43]. Данное определение представляется чрезвычайно важным и во многом не до конца оцененным и использованным, поскольку в отличие от других подходов выделяет

природу смысла не как непосредственно предмета, «вещи», а как сущность отношения между «вещами», в данном случае — между мотивами и целями деятельности.

Вместе с тем дальнейшее развитие этого подхода требует предпринятая целого ряда шагов 43а. Наиболее существенным, на наш взгляд, должно явиться рассмотрение смысловых систем не только в связи с протеканием конкретной деятельности, но и как особых орудий, «органов» целостного психического организма, направленных в конечном итоге на выполнение функций ориентации в присвоении родовой человеческой сущности. Иначе говоря, смысловые отношения, будучи порожденными в деятельности, не остаются к ней непосредственно приписанными, возникающими лишь тогда, когда вновь и вновь воспроизводится данная деятельность, но они, как мы уже писали, образуют особую сферу, особый, относительно самостоятельный план отражения — иной, нежели план конкретных взаимосвязей целей, действий и операций. Поэтому мы можем вслед за Г. В.

Биренбаум и Б. В. Зейгарник говорить о *смысловом поле* и о *действенном поле* [44]. Или, если обратиться к современным изысканиям, первое .определить как *смысловое строение,* второе — как собственно *бытийный слой сознания,* проявляющийся в образах, представлениях, значениях, программах решений, действий и т. д.[4] Именно смысловое строение, смысловое поле и составляют особую психологическую субстанцию личности, определяя собственно личностный слой отражения.

Специально отметим, что в жизнедеятельности человека возникает множество конкретных смысловых зависимостей и отношений, далеко не все из которых могут быть отнесены к личностному слою отражения. Ведь ни одна операция, ни одно действие человека не являются бессмысленными, они включены в некоторую цепь, в нечто большее, в свете чего они получают свою осмысленность, свой смысл. Операция получает свой смысл в зависимости от целей и масштабов действия, цель действия смыслообразуется мотивом и т. д., есть, наконец, биологический смысл в функционировании любого физиологического органа, любого физиологического отправления. Психология личности, не найдя своего стержня, своего взгляда, критерия, может легко потеряться в этих многочисленных и взаимосвязанных

проявлениях смыслообразования, смыслового оправдания различных форм активности души и тела.

Рассмотрение личности как способа, орудия формирования отношений к родовой человеческой сущности, прежде всего к другому человеку (как самоценности на одном полюсе, как вещи — на другом), и является, на наш взгляд, тем самым общим критерием, водоразделом, отделяющим собственно личностное в смыслообра-зовании от неличностного, могущего быть отнесенным к иным слоям психического отражения. Воспользовавшись этим критерием, наметим следующие уровни смысловой сферы личности.

Нулевой уровень — это собственно *прагматические, ситуационные смыслы,* определяемые самой предметной логикой достижения цели в данных конкретных условиях. Так, зайдя в кинотеатр и увидя перед самым началом сеанса большую очередь и объявление о том, что в кассе осталось мало билетов, мы можем сказать: «Нет никакого смысла стоять в этой очереди — билеты нам не достанутся». Понятно, что такой смысл вряд ли можно назвать личностным, настолько он привязан к ситуации, выполняя служебную регулятивную роль в ее осознании.

Следующий, первый уровень личностно-смысловой сферы — это *эгоцентрический* уровень, в котором исходным моментом являются личная выгода, удобство, престижность и т. п. При этом все остальные люди ставятся в зависимость от этих отношений, рассматриваются как помогающие (удобные, «хорошие») либо как препятствующие («плохие», враги) их осуществлению *.

* Этот уровень может представлять иногда по внешности весьма привлекательные и даже как бы возвышенные намерения, скажем самосовершенствование, но если последнее направлено лишь на благо себе, оно есть на поверку не более чем эгоцентризм. Поэтому, если судить по некоторым утверждениям А. Маслоу (например, что окружающие представляют собой не более чем средство достижения целей самоактуализации[46]), предлагаемую им самоактуализацию можно в значительной мере отнести к эгоцентрическому уровню. Заметим также, что такой подход к задаче самоосуществления, самоак-туализации и т. п. является в конечном итоге тупиковым. По верном) замечанию В. Франкла, самоактуализация вообще невозможна, когда ее превращают в конечную цель, а все остальное — в средство ее достижения, ибо она есть не прямой, а побочный продукт направленности человека «вовне себя на что-то, что не является им самим.. И лишь постольку, поскольку человек таким образом трансцендирует самого себя, он и осуществляет себя в служении делу или в любви к другому» .

100

Второй уровень — *группоцентрический;* определяющим смысловым моментом отношения к действительности на этом уровне становится близкое окружение человека, группа, которую он либо отождествляет с собой, либо ставит ее выше себя в своих интересах и устремлениях. Отношение к другому человеку существенно зависит при этом от того, является ли он «своим» или «чужим», «дальним». Третий уровень, который включает в себя коллективистскую, общественную и, как свою высшую ступень, общечеловеческую (собственно нравственную) смысловые ориентации, можно назвать, используя принятый в психологии термин, *просоциальным.* В отличие от предыдущего, где смысловая, личностная направленность ограничена пользой, благосостоянием, укреплением

позиций относительно замкнутой группы, подлинно просоциальный уровень, в особенности его высшие ступени, характеризуется внутренней смысловой устремленностью человека на создание таких результатов (продуктов труда, деятельности, общения, познания), которые принесут равное благо другим, даже лично ему незнакомым, «чужим», «дальним» людям, обществу, человечеству в целом. Если на первом уровне другой человек выступает как вещь, как подножие эгоцентрических желаний, а на втором уровне другие делятся на круг «своих», обладающих самоценностью, и «чужих», ее лишенных, то на третьем уровне принцип самоценности становится всеобщим, определяя собой главное и, как мы знаем, единственно верное направление приобщения к родовой человеческой сущности. Пожалуй, в литературе нет недостатка в описаниях, которые могут служить иллюстрациями последнего уровня. Психологи же этих «вершинных» проблем касались крайне редко, вот почему так ценны следующие два высказывания классиков отечественной психологии. Одно принадлежит А. Н. Леонтьеву и взято из его лекции, обращенной к молодежи: «Растите в себе чувство ответственности и беспокойства за общее дело, развивайте сознание своего долга перед обществом, человечеством! Привыкайте быть соучастником всех событий окружающего мира. Определяйте свое место в нем. Вершина сотворения себя — вырасти «в человека Человечества». Желаю вам достичь этой вершины!» [48] Второе принадлежит С. Л. Рубинштейну. Он заканчивает свою последнюю (посмертно опубликованную) работу «Человек и мир» такими замечательными словами: «Смысл челове-

ческой жизни — быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь» [49].

Различение смысловых уровней улавливается даже в самом языке описания человеческого поведения. Так, в плане действенного поля и соответствующего ситуационного, прагматического смысла мы говорим о действиях, и, если они неудачны,— об ошибках, промахах. Как только мы переходим в план смыслового поля, нравственных смыслов, мы говорим о поступках, деяниях, которые бывают низкими (т. е. определяемыми эгоцентризмом, себялюбием, как бы прижатыми к прагматическим смыслам) и высокими (т. е. устремленными к общечеловеческим идеалам).

Судят также о падении или возвышении человека через его поступки и деяния, подразумевая тем самым как бы некоторую плоскость, относительно которой можно возвыситься или пасть. В применении к этому говорят уже не об ошибке, сбое, промахе, а о поступке, преступлении, грехе. Очень красиво различие действия и поступка выразил однажды в лекции профессор П. Я. Гальперин: «Действуем мы бесконечно: обуваемся, садимся в автобус, обедаем. Поступок — изменение судьбы; возвеличение или гибель наших ценностей, переосмысление жизненно значимого...» Имея это в виду, мы уже не ошибемся в оценке личности, зная, что она проявляет себя не в действиях, а в поступках, т. е. действиях, соотнесенных с ценностями и идеалами, с определенными уровнями нравственного сознания, действиях, требующих морального выбора.

Необходимо добавить, что поступок — это тот объект, в котором прямо пересекаются интересы и психологии, изучающей личность, и философии, прежде всего этики. Многие видные психологи говорили о важности поступка для характеристики личности, рассматривали поступок как «начало личности». Что касается философов, занимавшихся проблемами этики, то они всегда придавали поступку особое значение. Еще Гегель писал, что *«действительное* моральное сознание есть сознание, *совершающее поступки»* [50]. Современные философы-этики также отводят поступку центральное место, называя его первичной «клеточкой морали», «сердцеви-

102

пои морального выбора» и т. п. До сих пор, однако, психология практически не доходила до уровня развернутого анализа поступков, занимаясь в основном исследованием закономерностей и механизмов психической деятельности безотносительно к проблемам нравственного сознания и морального выбора. А. Н. Леонтьев с горечью констатировал, что психология «вообще не располагает понятиями, в которых этические категории могут быть психологически раскрыты...»[51]. Этики, напротив, сразу начинают с уровня поступков, минуя пути реального восхождения к нему, пути трансформации действий в поступки. Думается, что в будущем эти две линии познания должны сомкнуться при исследовании природы человеческих поступков в этически ориентированной психологии личности, с одной стороны, и в психологически обоснованной этике — с другой.

Итак, смыслы не являются однородными, а тем более одноуровневыми

образованиями, но существенно различаются в зависимости от отнесенности к тому или иному уровню. Помимо уровневой отнесенности для характеристики конкретного смыслового образования крайне важно ввести представление об его интенсивности, степени присвоенности личностью. Е. 3. Басина предлагает говорить, например, о трех типах смысловых образований — смысловых содержаниях, частных смысловых образованиях и общих смысловых ориентациях Под смысловыми содержаниями понимаются локальные личностные смыслы, под частными смысловыми образованиями — более обобщенные психические образования, лишенные непосредственной предметности, в которых выражено некоторое частное отношение личности к тем или иным аспектам действительности. Смысловые ориентации рассматриваются как наиболее общие и основные «единицы» личности, которые формируются не в конкретной деятельности, а на протяжении всей жизни личности.

Эта классификация представляется ценной, хотя предлагаемые термины выглядят, на наш взгляд, не совсем удачными. Так, определенное «смысловое содержание» имеется, безусловно, во всех трех видах смысловых образований, поэтому не стоит выделять его в качестве отдельной характеристики. Речь должна идти лишь о разной степени присвоенности, генерализован-ности этого содержания. Поэтому мы в дальнейшем будем говорить о неустойчивых, *ситуативных* смысловых

содержаниях, характеризующихся эпизодичностью, зависимостью от внешних обстоятельств; об *устойчивых,* личностно присвоенных смысловых содержаниях, вошедших, вплетенных в общую структуру смысловой сферы и занявших в ней определенное место; и наконец, о *личностных ценностях,* которые мы уже определили выше как осознанные и принятые человеком наиболее общие, генерализованные смыслы его жизни.

Если уровни смысловой сферы (эгоцентрический, группоцентрический, просоциальный) составляют как бы вертикаль, ординату сетки смысловых отношений, то намеченные степени присвоенности их личностью (ситуативная, устойчивая, личностно-ценностная) составляют горизонталь, абсциссу этой сетки. В каждом конкретном случае можно в принципе выделить ведущий для данной смысловой сферы уровень, характер его связей со смысловыми образованиями, степень его внутренней устойчивости и т. п. Понятно, что ход нормального в нашем понимании, т. е. направленного на присвоение родовой человеческой сущности, развития смысловой сферы должен состоять в одновременном движении по вертикали и горизонтали — к общечеловеческим представлениям, смысловой идентификации с миром и по линии перехода от нестойких, эпизодически возникающих отношений к устойчивым и осознанным ценностно-смысловым ориентациям.

Разумеется, это движение идет отнюдь не линейным путем, а подразумевает и сложности, и отступления, и кризисы. Причем каждая ступень подъема по лестнице уровней смысловой сферы и каждое усиление степени присвоенности данного смыслового содержания не уничтожает вовсе предшествующие смыслы и представления, но включает их в новые системные отношения, собирает в новый узор, отделяя главное от неглавного, качественно меняя «смысл их смысла» в жизни человека. В реальности смысловое обеспечение даже отдельно взятой, искусственно изолированной деятельности никогда нельзя полностью замкнуть, ограничить рамками только одного какого-либо уровня, напротив, полная характеристика определяется соотнесением, конфигурацией нескольких уровней с той или иной силой интенсивности, представленных в сознании. Скажем, для эгоцентриста вполне могут существовать и групповые, и коллективистские, и даже общечеловеческие мотивы и смысловые отношения, только последние так или

иначе, но постоянно уступают, «проигрывают», искажаются в угоду эгоцентрическому отношению, постепенно теряя при этом реально переживаемое содержание и девальвируясь в конце концов до пустой декларации.

Эта нередкая одновременная представленность в том или ином виде, с той или иной степенью присвоенности каждого из разобранных уровней не означает их «мирного сосуществования», напротив, они обычно сосуществуют в обстановке более или менее выраженной внутренней оппозиции. Стойкий эгоцентрист, чтобы уважать и оправдать себя, свои действия и поступки, стремится рассматривать свое миропонимание отнюдь не как локальное, лишь ему и ему подобным присущее, но как объективное, общее, пригодное для всех и, более того, так или иначе всеми разделяемое, но лишь у некоторых маскируемое громкими словами и фразами. Потому он охотно и часто с .изрядной долей агрессии дискредитирует более высокие уровни, выискивая в них скрытые «корыстолюбие», «хитрость»,

«глупость», «ненужность», «вредность» и т. п. Исповедание собственно нравственных, просоциальных уровней также подразумевает противостояние, но на этот раз побуждениям, идущим от нижележащих уровней. Ни один уровень, даже интенсивно присвоенный, ставший личностно-цен-ностным, не дается человеку как некий постоянный капитал, который можно раз заслужить, заработать, а затем уже безбедно существовать всю остальную жизнь на ренту, проценты от него. Смысловую сферу каждого человека можно рассматривать как арену противоборства между ее основными векторами, направленностями:

с одной стороны, направленностью к коллективистскому, общему, всеобщему, а с другой стороны — к частному, ситуационному, прагматическому. (Легко усмотреть за этим противоборством то внутреннее движущее противоречие развития, о котором мы писали в гл. I,— между отношением к другому человеку как самоценности, трансцендирующему существу и отношением к нему как к конечной вещи.) Можно смело поэтому говорить о природе смысла как живой системы, т. е. системы, имеющей противоречия, соединяющей в себе разнонаправленные тенденции. Вспомним афоризм: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Если каждого человека строго «разобрать» на составляющие его желания, помыслы, потребности, то отдельные «детали» по своей

внутренней структуре окажутся, во-первых, во многом сходными, а во-вторых, их набор, наименование — во многом одинаковыми. Важны не столько части, сколько их неповторимое соотнесение, сочетание, общая устремленность, противоборство, которые и составляют захватывающую картину человеческого духа, его восхождение или нисхождение, подвижничество или прозябание, подвиг или падение. Пристрастность человеческого сознания, эмоциональная насыщенность смыслов реального бытия во многом определяются именно этим обстоятельством.

В этом плане представляет интерес разработка понятия о конфликтных личностных смыслах. Выше мы уже приводили интерпретацию конфликтного смысла М. Кальвиньо — это смысл явления, которое способствует достижению одного мотива и препятствует достижению другого. Конфликтный смысл, по В. В. Столину, выявляется в трудности преодоления человеком той или иной преграды ради достижения чего-то для него важного. Так, проведя многочисленные опросы и подвергнув результаты математической обработке, он пришел к выводам (в целом оказавшимся достаточно самоочевидными), что «ситуации, требующие активности в общении, делаются преградными для того, кто обладает *робостью»,* «ситуации, требующие от личности безнравственного поведения (солгать, нарушить обещание), предполагают в качестве внутренней преграды *совесть** и т. п.[52]

Из этого в свою очередь выводится, что поступок — «это либо преодоление преграды, либо, под ее влиянием, отказ от действий» [3].

Эти экспериментальные факты подтверждают сложный и во многом внутриконфликтный характер рассматриваемых явлений. Следует заметить, однако, что исследуемые конфликты в основном относимы к действенному полю и рассматриваются как могущие возникать, а могущие и не возникать на пути достижения мотива в данных конкретных условиях. Мы же сейчас касаемся проблемы более общей — проблемы движущих, т. е. постоянных, неустранимых противоречий собственно смыслового, в нашем понимании, поля. Если, по В. В. Столину, «пока поступок не свершен — смыслы «я» не находятся в противоречии» [54], то, по нашему мнению, смысловая система «я», если таковая наличествует, есть внутренне напряженная, живая, т. е., повто-

106

ряем, содержащая противоречия, система *, которая конечно же проявляет, формирует, изменяет себя через действенный, бытийный план своей активности, но не может быть вся без остатка сведена к этому, не является в своем развитом состоянии лишь отражением конкретных коллизий — преодоления или непреодоления преград на пути к цели. Иначе говоря, закономерности действенного плана (поведение индивида в лабиринте преград) вряд ли следует прямо переносить на функционирование смыслового поля. Преодоление преград (т. е. по сути отголоски старого понимания проблемы воли как выбора наиболее сильного желания из ряда конкурирующих и подавление, преодоление остальных) представляется весьма удобной моделью для построения формальных исследовательских процедур и дальнейшей математической обработки результатов их применения, но все же далеко не отвечающей сложности порождения и функционирования смысловой сферы человека.

Смысловые системы, по крайней мере высшие, нравственно-ценностные их

уровни, несут в себе функцию не столько отражения, сколько *преображения* действительности, связывания разнородных и частных интересов, нижележащих смыслов («преградных» и «конфликтных» в том числе) в единый, определяющий суть и назначение человека взгляд на самого себя и на окружающую жизнь. Ценностное восприятие, по верному замечанию Ф. Е. Василюка, дает возможность человеку преодолевать неудачи и преграды действенного поля . Это не значит, что при этом человек вовсе не испытывает конфликтных состояний и переживаний, что в его смысловой системе нет и не может быть конфликтных смыслов. Их может быть сколько угодно. Но конфликты нижележащие (чаще в ходе специальной деятельности смыслопонимания) снимаются, точнее, преображаются ценностным уровнем, рассматриваются и получают свою истинную цену в зависимости от того или иного решения исходного движущего родовидового противоре-

* Гегель писал: «Таким образом, нечто жизненно, только если оно содержит в себе противоречие и есть именно та сила, которая в состоянии вмещать в себе это противоречие и выдерживать его» [55]. Что касается конфликтов, то они не более чем внешний слой (констатируемый и обыденным, донаучным сознанием) лежащего более глубоко противоречия. Конфликты возникают и исчезают; движущее противоречие может исчезнуть лишь с прекращением жизнедеятельности той системы, которая была способна его «вмещать и выдерживать».

чия. Поэтому, в частности, обилие конфликтных смыслов, неудачи в их «расконфличивании» могут не менять ни общего уровня самоуважения личности, ни ее устойчивости, ни уверенности в себе, и, напротив, перемены ценностной ориентации всегда сопровождаются глубоким кризисом личности, даже в том случае, если нет видимых конфликтов на других уровнях смыслового сознания *. В этом плане очень верно следующее определение смысла, которое мы находим у А. А. Брудного:

смысл — это такое отражение действительности в сознании, которое может изменить действительность[58]. Надо лишь добавить и уточнить: не только может изменить, но обязательно изменяет, преобразует, преображает в акте смыслового восприятия действительность, делая ее в своем внутреннем видении вовсе не той, чем она является номинально, но придавая ей особый, прямо не усматриваемый «объективным зрением» других и прямо не вытекающий из самой этой действительности смысл, связь событий.

Распадение же этой связи равносильно утере общего смысла, кризису смысловой сферы. При этом действительность, ее отражение, даже «объективность» этого отражения остаются, но теряется то, ради чего стоит ее

* В возвеличивании конфликтов как главных единиц личности кроется и еще одна опасность. О ней хорошо сказал современный латышский философ А. А. Милтс: «Людям нередко не хватает легкости... Чуть ли не на каждом шагу нам мерещатся враги... Мы «боремся» там, где проще было бы снисходительно улыбнуться. Жена борется с мужем, покупатель с продавцом, учитель с учеником, подчиненный с начальником, лентяй с наставником, пьяница с водкой. Сколько в этой борьбе ничтожных побед и поражений! Но самое печальное состоит в том, что после этого у нас уже не остается ни сил, ни времени на истинно принципиальную борьбу, на настоящий героизм... Мелкие победы при более широком взгляде на вещи порой оказываются лишь составными частями крупного поражения. Это вовлекает личность в неразбериху беспрерывных конфликтов, вихрь мелких удач и неудач, которые никак не способствуют совершенствованию ни личности, ни семьи, ни общества»". Напомним в связи с этим и известное высказывание Б. Паскаля: «Кто преуспевает в малом, тот не способен достичь большого». Таким образом, конфликтный смысл есть скорее единица анализа личности особого типа (к сожалению, ныне весьма распространенного) — личности конфликтной, задерганной, потерявшей общие ориентиры и на место их поставившей сиюминутные запросы. Повышение же уровня смыслового восприятия действительности ведет к интегрированию личности, пониманию происходящего (в том числе и затруднений — больших и малых) в свете борьбы за общие цели и идеалы, за человеческое достоинство и совершенство — как высокую трагедию, а не мелкотравчатую склоку человеческой жизни.

108

отражать,— общий взгляд, общая, связующая жизнь воедино идея. Клинический опыт убедительно показывает, что так называемые неврозы потери смысла (нусо генные, экзистенциальные неврозы и др.) связаны прежде всего не с преодолением преград, не с трудностями выбора поведения в пользу того или иного мотива, а с отсутствием, потерей нравственно-ценностного взгляда на жизнь как главного условия ее осмысленности, из которого как частность вытекает и

стремление к достижению тех или иных мотивов со всеми связанными с задачами этого достижения текущими переживаниями. Понятно, что в каждодневном бытии человека в большей степени отражаются именно эти, здесь-и-теперь одолевающие заботы, что и создает порой иллюзию их главности, их реальности и зримости в противовес отдаленным и расплывчатым общим идеям. Но достаточно резкой смены обстоятельств, кризиса, поворота внешних событий, чтобы увидеть стержневую для всей судьбы личности роль последних.

Что касается конкретной деятельности, то она может существенно по-разному осмысливаться в зависимости не только от ее места в иерархии иных деятельностей, ее взаимоотношений, пересечений с другими деятельностя-ми, но и от того, в какой стадии своего движения, развития она находится. Сейчас мы и перейдем к анализу закономерностей этого движения.

5. ЦИКЛЫ РАЗВИТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Центральным для понимания природы деятельности является вопрос о соотношении развернутой человеком целенаправленной активности (собственно деятельности в узком смысле слова) и потребности, связанной с этой активностью. Л. Сэв, специально исследовавший эту проблему, говорит о двух принципиальных формулах такого соотношения. Согласно первой, потребность порождает деятельность, направленную на удовлетворение данной потребности (сокращенно П — Д — П). Согласно второй, деятельность порождает потребность (Д — П — Д). Л. Сэв отдает предпочтение второй формуле как формуле «расширенного воспроизводства» потребности, в то время как первая формула, по его мнению, есть формула «простого воспроизводства» потребности [59]. К этим выводам полностью присоединялся А. Н. Леонтьев в своей последней книге

ЙО

Между тем, на наш взгляд, по крайней мере в конкретно-психологическом плане, с такого рода резким противопоставлением двух формул согласиться трудно. Более того, любую **из** этих формул можно представить фигурой следующего замкнутого цикла:

(П) W

Тогда первая формула будет исходить из потребности и через соответствующую деятельность вновь приходить к той же потребности, а вторая будет исходить из деятельности и через возникшую в ней потребность вновь приходить к деятельности.

Совершенно понятно, что подобные замкнутые циклы возможны, и то с очень большими оговорками, только для простых органических потребностей. Что же касается развитых, высших потребностей человека, то здесь циклы становятся разомкнутыми: потребность в ходе деятельности всякий раз изменяется, равно как изменяется и деятельность, побуждаемая этой изменившейся потребностью.

Схематически это можно представить в следующем виде:

... $П_0$ $П_1$ $П_2$ $П_3$ ... (А)

... $Д_0$ $Д_1$ $Д_2$ $Д_3$ ... (Б)

t_ψ

Перед нами, таким образом, некоторая спираль развития, в которой преобразуются как потребности (т. е. По:т^ ni=^ Па...), так и соответствующие деятельности (До^ Д|=т^ Да...). Следует сделать еще одно добавление, точнее, примечание к нашей схеме. Согласно традиционным формулам П — Д — П и Д — П — Д, получается так, что деятельность и потребность отделены друг от друга по времени. Сначала возникает потребность, а затем деятельность или, наоборот, сначала деятельность, а затем потребность. На деле, в функционировании собственно человеческих потребностей, нет такого временного разрыва, поскольку потребность слита здесь с реализующей ее деятельностью, равно как деятельность является непосредственным проявлением, формой жизни соответствующей потребности. Поэтому

ПО

для полноты мы добавим в схему ось психологического времени (t^,), чтобы показать одновременность, психологическую синхронность протекающих здесь процессов, которые, что также значимо, можно разделить на две основные сферы — сферу потребностно-мотива-ционную (А) и сферу, в узком смысле, деятельностную, производственную, операционально-техническую (Б).

Данная схема дает возможность достаточно наглядно представить те движущие отношения и противоречия, которые заложены в системе предметной деятельности. Противоречия эти являются частным случаем, проявлением более общего, основного противоречия между личной (индивидной) ограниченностью каждого отдельного человека и универсальностью, безграничными возможностями, предполагаемыми всеобщей родовой человеческой сущностью. На уровне индивидуального сознания это противоречие обычно отражается как противоречие, несоответствие между «я» реальным и «я» идеальным, между «я» сегодняшним и «я» будущим, между бытием и долженствованием. На уровне индивидуальной деятельности оно предстает в виде противоречия между по-требностной (в более

широком понимании — потреб-ностно-мотивационно-смысловой) и операционально-технической сферами.

На особую значимость последнего отношения применительно к детскому развитию неоднократно указывали многие отечественные психологи, но наиболее последовательно и развернуто его роль была прослежена в работах Д. Б. Эльконина, посвященных проблеме периодизации в детском возрасте. Д. Б. Эльконин выделял две группы ведущих деятельностей *. К первой группе он

* Напомним, что понятие «ведущая деятельность», или «ведущий тип деятельности», было применительно к детскому возрасту введено А. Н. Леонтьевым в работе, опубликованной впервые в 1945 г. Он выделял три главных признака такого вида деятельности: «Во-первых, это такая деятельность, в форме которой возникают и внутри которой дифференцируются другие, новые виды деятельности. Так, например, обучение в более тесном значении этого слова, впервые появляющееся уже в дошкольном детстве, возникает впервые в игре, т. е. именно в ведущей на данной стадии развития деятельности. Ребенок начинает учиться играя. Во-вторых, ведущая деятельность — это такая деятельность, в которой формируются или перестраиваются частные психические процессы. Так, например, в игре впервые формируются процессы активного воображения ребенка, в учении — процессы отвлеченного мышления... В-третьих, ведущая деятельность — это такая деятельность, от которой ближайшим образом зависят наблюдаемые в данный период развития основные психологические изменения

til

относил деятельности, при осуществлении которых происходит развитие мотивационно-потребностной сферы, ко второй группе — те деятельности, при осуществлении которых происходит «формирование интеллектуально-познавательных сил детей, их операционально-технических возможностей». В детском возрасте, по мнению Д. Б. Эльконина, происходит постоянное чередование этих групп деятельности, что и определяет ход психологического развития ребенка. Что же касается зрелого возраста, то на него, считал Д. Б. Эльконин, нельзя переносить эти закономерности, поскольку и социальная ситуация развития, и ведущая деятельность остаются у взрослого постоянными в течение всей трудовой жизни, а не сменяются, как в детстве, одна другой [62].

Тем самым выделенные закономерности фактически рассматриваются как «детскопсихологические», но не «общепсихологические», с чем вряд ли можно согласиться, поскольку, как мы уже говорили, несоответствие по-требностно-мотивационной и операционально-технической сторон есть прямое выражение более общего, движущего (т. е. неустранимого) противоречия развития личности, а не следствие лишь какого-либо одного (в данном случае начального) периода жизни человека.

Вместе с тем признание общей внутренней закономерности не означает, что формы ее конкретной реализации во взрослой и детской жизни будут идентичными. Коренным отличием здесь является то, что в детском возрасте смена одного типа деятельности другим во многом непосредственно диктуется социально-культурными условиями, а в зрелом возрасте нормальная личность (о чем мы подробно писали в гл. I) способна сама выбирать объекты и формы своей активности. Не случайно поэтому набор ведущих деятельностей взрослого (и в этом, конечно, прав Эльконин) может длительно оставаться постоянным (семья, работа и т. п.), не меняя, как в детском возрасте (единообразно, достаточно регламентирование в рамках нашей культуры), свою последовательность, однако внутри каждой такой деятельности могут возникать самые различные перипетии, изменяющие как характер самих этих деятельностей, так и соотношение между ними. Что касается социальной

личности ребенка. Так, например, ребенок-дошкольник именно в игре осваивает общественные функции и соответствующие нормы поведения людей...» "Ниже мы коснемся-современной критики положения о ведущей деятельности и нашего отношения к этой критике.

112

ситуации развития, то хотя и не столь резко и внешне заметно, но она сменяется и в зрелом возрасте. Действительно, на тридцатилетнего смотрят по-иному, нежели на сорокалетнего: первый может еще ходить в подающих надежды, от второго ждут реального подтверждения этих надежд. Тем самым, для того чтобы понять малоизученные кризисы взрослой жизни, необходимо обратиться к анализу движения самих личностно-зна-чимых деятельностей и возникающих здесь внутренних противоречий, а не искать эти противоречия только в оппозиции одних деятельностей к другим. Поэтому тезис о строгом различении ведущих деятельностей, одни из которых по преимуществу направлены на мотивацион-ную сферу, а другие — на операционально-техническую, не следует абсолютизировать, особенно в применении к зрелому возрасту. Обе эти стороны не существуют

порознь, а обретают особого рода единство в любой конкретной деятельности человека — от простой до сложной и разветвленной. Ведь любая деятельность подразумевает для своего осуществления как производственную, операционально-техническую, так и мотива-ционную стороны.

Причем видимость исключительно «мотивационных» или «операционально-технических» деятельностей возникает нередко как акцентация различных моментов. Например, возникающее серьезное несоответствие предметной стороны деятельности ее прежнему мотиву часто обращает человека к пристальному анализу своих мотивационных ориентиров. Напротив, при мелких поломках операционально-технического аппарата деятельности внимание сосредоточивается на их исправлении, что в свою очередь может представляться как особая деятельность. Между тем и в том и в другом случае перед нами нередко одна общая деятельность на разных этапах своего движения, с разной представленностью в нем двух основных сторон — мотивационной и операционально-технической. Так, невозможность осуществления прежними, привычными средствами важной для человека деятельности, например, профессиональной (вследствие болезни, серьезного нарушения трудоспособности) или интимно-личной (потеря близкого), обычно ведет к пересмотру, порой глубоко драматическому и мучительному, мотивационной, ценностной стороны жизни, тогда как обычные неприятности на работе или препятствия в любви заставляют лишь больше напрягать силы в из-

бранном направлении. (Старая мудрость говорит, что мелкие неприятности выводят нас из себя, большие — возвращают нас себе.)

И наконец, последним моментом, который отмечал и Д. Б. Эльконин, является слабая разработка проблемы переходов от одного периода развития деятельностей к другому. О явной недостаточности изучения «стыков» между этапами развития говорят и другие ученые [63]. В особенности это касается, на наш взгляд, тех случаев, где встречаются серьезные препятствия в реализации деятельностей, т. е. случаев, представляющих особый интерес в плане поиска истоков и мер коррекции отклоняющегося поведения.

Все эти моменты требуют более пристального и специального обращения к внутренним психологическим закономерностям движения деятельности, возникающим здесь преобразованиям, и прежде всего тем зонам этого движения, которые соответствуют переломам, качественным сдвигам, кризисам развития.

Для этого вернемся к нашей схеме (1), представив ее теперь для удобства дальнейшего изложения в следующем линейном виде:

$$\ldots \rightarrow П_0 \rightarrow \overbrace{Д_0 \rightarrow П_1 \rightarrow Д_1}^{1} \rightarrow П_2 \rightarrow Д_2 \rightarrow \ldots \qquad (2)$$

$$\underbrace{П_1 \rightarrow Д_1 \rightarrow П_2}_{2}$$

При этом вновь обратим внимание на то, что формулы Д — П — Д и П — Д — П являются лишь разными фрагментами, звеньями живой цепи: если мы возьмем отрезок, начинающийся с деятельности (на схеме он обозначен цифрой «I»), то получим первую формулу, если возьмем отрезок, начинающийся с потребности (цифра «2»), то получим вторую формулу*.

* Справедливости ради надо отметить, что, отдав предпочтение формуле Д — П — Д, Л. Сэв в конце своей книги тем не менее признает правомерность и важность в анализе человека другой формулы, а именно формулы П — Д — П. Это признание вполне объяснимо, и в нем не следует видеть противоречия, ведь для Сэва, так же как для Леонтьева, было важно показать, что нет исходно заложенного в человеке перводвигателя, предшествующего развертыванию самой деятельности. Но когда мы переходим к анализу реального плана психологического движения деятельности, его актуальных форм, то становится уже невозможным не признать взаимосвязь, взаимо-

114

Возможность кризисов, сбоев в развитии деятельности, в том числе деятельности, которая нас наиболее интересует, т. е. личностно-значимой, занимающей важное или даже ведущее место в жизни человека, является не одиозным случаем, а психологической закономерностью; эта возможность заложена по сути в самой природе рассматриваемой цепи преобразований. Назовем несколько механизмов таких кризисов, но прежде выделим два основных направления, два вида развития цепи преобразований. Один условно назовем *восходящим* (он обычно характерен для нормального, продуктивного формирования), другой—*нисходящим* (он свойствен в большей степени аномальным случаям).

Теперь о механизмах восходящего пути. Их в свою очередь два. Первый связан с тем, что изменяющаяся потребность требует для своего удовлетворения все но-

вых и новых средств, операционально-технических возможностей деятельности. Наконец, может настать такой момент, когда возможности эти исчерпываются, когда в наличии, в сфере реально доступного, для человека не оказывается необходимых для осуществления деятельности средств, что субъективно иногда очень остро переживается как состояние неудовлетворенности, растерянности, остановки, кризиса. Второй тип кризисных состояний связан с тем, что деятельность, напротив, постоянно усложняется, разветвляется, приобретает такие новые средства осуществления, операционально-технические возможности, что она как бы перерастает лежащую в ее основе потребность. Подобная логика возникновения кризисов нормального развития (главным образом в плане расширения связей и отношений) была впервые выявлена в рамках теории деятельности применительно к детскому возрасту в фундаментальных трудах А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца, Д. Б. Элько-нина, Л. И. Божович.и др.

Обратимся теперь к тому направлению изменений деятельности, которое названо нисходящим. Здесь также можно обозначить два варианта. В основе первого

обусловленность рассматриваемых формул этого движения, поскольку, говоря словами самого же Л. Сэва, если рассматривать как уже данный процесс удовлетворения развитых человеческих потребностей, то здесь «каждый момент может быть взят за отправной по отношению к другому, и тогда схема потребность — деятельность — потребность, П — Д — П, не менее законна, чем обратная схема,— деятельность — потребность — деятельность, Д — П — Д, так как одна из них непрерывно соединяется с другой» [64].

лежат происходящие вследствие тех или иных причин искажение потребностей, возрастание их принудительной силы и т. п., что ведет к перестройке — часто далеко не автоматической и не бескризисной — соответствующих деятельностей по удовлетворению данных потребностей. Причинами кризисов другого типа становятся обеднение деятельности, искажение ее структуры, что приводит к перестройке потребностей и мотивов. (Ниже мы увидим, что примером первого типа кризисов могут служить изменения деятельности при хроническом алкоголизме, примером второго — изменения деятельности при эпилепсии *.)

Таким образом, в любой отдельно взятой деятельности возможно усмотрение действия противоречий между ее операционально-технической и мотивационно-по-требностной сторонами, что позволяет подойти как к пониманию внутренних закономерностей, затруднений, кризисов взрослой жизни, где не происходит видимой смены одной деятельности другой, так и к случаям фру-страций, разного рода отклонений в реализации лич-ностно-значимых деятельностей детского и подросткового возраста, когда кризисные явления трудно объяснить лишь взаимоотношениями между двумя ведущими типами деятельности. Вместе с тем для построения развернутой схемы преобразования деятельности не хватает одного важного звена, которое отражало бы структуру самого кризисного состояния.

В самом деле, обобщая представленные выше варианты кризисов **, нетрудно увидеть, что сбой в выде-

* Можно искать и иные пути изучения природы кризисов. Так, согласно выдвинутой В. Г. Асеевым системно-уровневой концепции детерминации развития психики, возможны двоякого рода противоречия: между субъектом и внешними условиями протекания деятельности, с одной стороны, и между отдельными внутриличностными образованиями — с другой[65]. Интересным является и описанный В. С. Ротенбергом и В. В. Аршавским «синдром Мартина Идена», который проявляется тогда, когда, казалось бы, все заветные цели достигнуты и человек находится на гребне успеха [66]. Целевая сторона оказывается исчерпанной, а вместе с тем постепенно гаснут и мотивы, освещавшие и направлявшие все силы на их достижение.

** Следует, видимо, специально подчеркнуть, что мы не вносим в понятие «кризис» оценочную, только негативную окраску и не рассматриваем это явление как по преимуществу признак аномального развития, отклонения, болезненности. Кризисы, переломы, скачки — обязательные спутники всякого живого развития. Разумеется, в зависимости от обстоятельств эти периоды могут проходить по-разному — сглаженно или резко, легко или обостренно, краткосрочно или долговременно, наконец, они могут иметь разный исход с точки зрения нрав-

ленной цепи преобразований возможен либо в звене П — Д, когда потребность не может удовлетвориться прежним набором средств деятельности, либо в звене Д — П, когда, напротив, изменившиеся операционально-технические возможности перестают соответствовать (перерастая в восходящем и обедняясь в нисходящем пути) прежним потребностям. Что же в психологическом плане происходит при этих сбоях, какого рода состояния образуются?

Если обратиться к внешним проявлениям кризисных состояний, к их феноменологии, то они, в особенности начиная где-то с подросткового возраста,

могут быть описаны как особые психические состояния, состояния неопределенности, как бы неопредмеченности, неструктурированности желаний субъекта, невыраженности намерений и планов, их размытости, легкой смены одного другим и т. п. Часто об этом состоянии можно сказать, что человек, находящийся в нем, жаждет (порой очень страстно) того, чегв сам толком не знает, чему не может дать однозначного описания. Подобное состояние, взятое как фрагмент развития деятельности, может быть обозначено как *переходное мотивационно-потребност-ное состояние.*

Следует, однако, сразу заметить, что наше понимание потребностного состояния отличается от его понимания А. Н. Леонтьевым. Согласно последнему, уровень собственно психологического анализа начинается с потребности, которая рассматривается как нужда, обретшая свой предмет или мотив. «Подобное понимание мотивов,— пишет А. Н. Леонтьев,— кажется по меньшей мере односторонним, а потребности — исчезающими из психологии. Но это не так. Из психологии исчезают не потребности, а лишь их абстракты — «голые», предметно не наполненные потребностные состояния субъекта» [67]. Тем самым потребностные состояния фактически выводятся из сферы психологического анализа. На наш же взгляд, психологический анализ переходных потреб-ностных состояний является важнейшим условием пони-

ственно-ценностного развития, борьбы просоциальных и эгоцентрических тенденций. Задача воспитания и психологической помощи — способствовать созданию, с учетом возрастной специфики и индивидуальных отличий человека, таких условий, которые обеспечивали бы наилучшие формы прохождения кризисных периодов как со стороны общей нравственной направленности, так и со стороны внешних проявлений и реакций.

мания реального движения деятельности. Эти состояния, в особенности возникающие по ходу развития сложных общественно обусловленных видов деятельности, не являются лишь «голыми» негативными состояниями субъекта. Они имеют внутреннюю структуру и динамику, которые во многом определяют выбор конкретного предмета — мотива деятельности. Наконец, психология не вправе упускать эти состояния из сферы своего внимания, поскольку именно они (что мы, в частности, увидим ниже, при анализе раннего алкоголизма) очень часто являются наиболее опасными, ломкими моментами, в которых значительно возрастает вероятность возникновения больших и малых отклонений в развитии личности.

Достаточно схематично суть потребностного состояния (Спотр) можно определить как состояние, которому отвечают не жестко закрепленные предметы, а веер, вариация, целый круг достаточно разнообразных потенциальных объектов, предметов (Пр1, Пр2, Прз, ... Прп) или:

$$C_{потр} \left[\begin{array}{l} — Пр_1 \\ — Пр_2 \\ \quad \vdots \\ — Пр_n \end{array} \right.$$

Потребности же соответствует более или менее определенный предмет или мотив, т. е. потребность — предмет (мотив), или П—Пр (М).

Лишь учитывая потребностное состояние, мы можем построить полную цепь движения деятельности и отразить в этой цепи периоды кризисных явлений. Начнем построение с переходного потребностно-мотивационного состояния, хотя понятно, что и до него могла существовать некая цепь развития деятельности, которая, однако, нарушилась вследствие действия одного из указанных выше механизмов кризиса.

Потребностное состояние по самой своей сути не может длиться долго *, и через некоторое время обычно

* Хотя встречаются в практике случаи, когда потребностное состояние затягивается, что может переходить в особую личностную аномалию, требующую тогда применения специальных психокоррек-ционных приемов.

происходит обнаружение, опробование действием того или иного предмета, который представляется, видится субъекту в наибольшей степени отвечающим данному моменту. Так осуществляется переход потребностного состояния в качественно иной психологический ранг — ранг опредмеченной потребности, т. е. потребности, нашедшей свой предмет — мотив *. Вслед за этим потребность через найденный мотив побуждает к деятельности, в ходе которой она воспроизводится и, как уже говорилось, несколько видоизменяется, толкая на новый, в свою очередь измененный по сравнению с прежним цикл деятельности и т. д.; т. е. речь идет уже о цепи преобразований, рассмотренной нами выше. В то же время внутренняя логика трансформации потребности и деятельности может по одному из представленных механизмов кризиса привести к фактическому разрыву данной цепи, к возникновению нового потребностного состояния, ждущего своего разрешения [68].

Изобразим сказанное в виде итоговой схемы:

$$\ldots C_{потр_0}\begin{cases} Пр_1 \\ Пр_2 \rightarrow П - Пр\ (М) \rightarrow П_0 - Д_0 - П_1 - Д_1 \ldots \\ \vdots \\ Пр_n \end{cases}$$

1 2 3

$$\ldots C_{потр_1}\begin{cases} Пр'_1 \\ Пр'_2 \rightarrow \ldots \\ \vdots \\ Пр'_n \end{cases}$$

(1)

* Ожидание первой любви, грёзы о ней, пожалуй, наиболее яркий пример потребностного состояния, переходящего затем в осознанную потребность. Стендаль сравнивал это ожидание с солевым раствором, насыщенным до такой степени, что на предмете, помещаемом в его среду, могут образовываться кристаллы — чувства (мы ведь порой и говорим: «кристаллизация чувств»). То же и в известных пушкинских строках:

Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,
И дождалась... Открылись очи;
Она сказала: это он!

В схеме этого движения можно условно выделить три основные стадии, или зоны: 1 — зона переходного потребностно-мотивационного состояния, или зона выбора предмета; 2 — зона первичного освоения и закрепления предмета в качестве мотива, или зона мотивооб-разования; 3 — зона преобразования потребности и деятельности.

Из сказанного следует ряд выводов. Так, если рассматривать человека как существо деятельное, постоянно осуществляющее какую-либо деятельность, то необходимо учитывать этапы, зоны движения этой деятельности. Состояние смысловой сферы также существенно зависит от того, в какой стадии находится деятельность. Можно говорить поэтому, например, о смысловой структуре потребностного состояния или смысловой структуре первичного мотивообразования, т. е. о достаточно типичных для тех или иных периодов становления деятельности смысловых структурах. Разумеется, степень «затронутое™» смысловой сферы, входящих в нее смысловых образований будет существенно разной (в зависимости от отнесенности этих образований к тому или иному уровню): действенные поля оказываются вовлеченными в перестройки куда более непосредственно, чем высшие ценностные смысловые уровни. Это в свою очередь порождает вопрос об изменяющихся соотношениях между высшими и низшими уровнями смысловой сферы, между отражающимися в сознании структурами идеальных (общих) и реальных (конкретных) целей. Приведенная схема хорошо согласуется и с представлениями А. Г. Асмолова и В. А. Петровского о чередовании в развитии деятельности этапов, где главенствуют установочные, инерционные моменты и моменты ломки инерции, так называемой «надситуативной активности» . Исходя из представленного легко увидеть, что побуждения к «надситуативной активности» возникают не сами по себе, а как следствия определенной логики развития деятельности, лежащих внутри ее движущих противоречий. Ниже мы еще вернемся к этим и другим общепсихологическим выводам и постараемся показать их значение для исследования аномалий личности и психокоррекционной работы, а сейчас попытаемся увязать вместе, в единую систему те основные понятия, которые рассматривались в этой главе.

120

6. КООРДИНАТЫ «ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ»

Чтобы соотнести между собой введенные выше основные понятия, воспользуемся следующей аналогией. Представим себе некоторое трехмерное пространств&г-Если считать плоскостями этого пространства, во-первых, деятельность, или, более обобщенно, *бытие* человека, определяемое как система сменяющих друг друга деятельностей; во-вторых, значение, или, обобщенно, *культуру* как систему значений, программ, образцов, норм, правил и т. п. и, наконец, в-третьих, *смыслы* как «значения значений», как динамические системы сознания, несущие пристрастные отношения человека к действительности, преображающие в сознании саму эту действительность, то личность можно представить как некий предмет, идеальное «тело», существующее в этих плоскостях и особым образом связанное, отражающееся в каждой из них *.

Очевидна условность такой аналогии, однако, приняв ее, мы сможем наглядно

показать соотношение рассмотренных в главе основных понятий, каждое из которых освещает разные аспекты развития личности. Деятельность, бытие отвечает в основном на вопрос, *как* и *почему* происходит это развитие; обращение к плоскости культуры — на вопрос, *для чего,* для каких целей, задач, для достижения каких норм и образцов происходит развитие; наконец, плоскость смыслов соотносится с вопросом, *ради чего* человек живет, ради чего осуществляются все эти «как», «почему», «для чего».

Каждая из этих плоскостей имеет и свои собственные параметры: говоря о деятельности, необходимо иметь в виду меру ее внутренней сложности, опосредствованности, стадии развития, широту связей и т. п.;

говоря о культуре — качество, развитие и взаимосвязи

• В. В. Давыдов считает, что исследования, связанные с изучением смысловых образований, динамических смысловых систем относятся к сфере сознания, а не к области личности [70]. С этим замечанием согласимся лишь отчасти. Действительно, если брать системы смыслов сами по себе, то они суть составляющие сознания, определяющие пристрастность отношений. Иное дело, однако, если рассматривать эти системы во взаимосвязи с жизнедеятельностью человека в мире: тогда они, точнее, сама эта взаимосвязь есть характеристика личности. Об этом единстве и взаимосвязи и идет речь в нашей схеме, хотя понятна вся ее приблизительность в отношении столь сложного предмета, каким является личность.

значений, программ, образцов поведения, движение рассматриваемых значений от житейских и разрозненных до научных и системных. Что касается смысловой плоскости, **то** выше уже шла речь об ее уровнях, о борьбе двух основных векторов, один из которых направлен к коллективному, общему, всеобщему, а другой, противоборствующий — к частному, прагматическому, эгоцентрическому.

Исходя из представленного становится более понятной суть некоторых распространенных в психологии подходов, их возможности и ограничения. Так, если рассматривать личность как образование, целиком производное от культуры (культурологические теории), то личность предстанет как некий слепок, сколок культуры (проекция на плоскость значений), и тогда каждый человек, каждая личность может быть в конечном итоге охарактеризована ходячей фразой заголовка школьных сочинении: такой-то как типичный представитель своей эпохи, места, окружения. Подход, разумеется, важный и правомерный. С этой позиции можно объяснить фактически все многообразие личностных проявлений, не исключая таких, как творчество и мораль, ведь и то и другое так же имеют объективно существующие в обществе (т. е. предшествующие по отношению к конкретному человеку) предпосылки, свое разработанное веками быгие и пути достижения, зафиксированные, кристаллизованные, свернутые в знаках, значениях, понятиях, символах, поучениях, правилах, представленных в той или иной форме, будь то книга, писаный или неписаный закон, народный обычай, предрассудок данного времени и т. п.

Но этот подход имеет и свои ограничения, ибо оставляет в тени по крайней мере два важнейших момента. Во-первых, активность человека по усвоению всех этих знаков, навыков, норм и правил культуры и, во-вторых, возможность нравственной свободы человека в его действиях, в способах, формах и уровнях осмысления происходящего, без чего нельзя, в частности, понять, почему и как при одних и тех же обстоятельствах, в одинаковых эпохах, «культурных нишах» вырастают столь разные по своему личностному достоинству люди *.

[v] Кроме того, следует помнить, что со знаками, установлениями, схемами кулыуры связаны не одни высоты человеческого духа. Налицо также и сковывающая роль культуры. «Бюрократизм культуры,— писал, например, М. А. Лифшиц,— начиная с иероглифической

Другой весьма распространенный подход может быть уподоблен (в рамках нашей условной модели) проекции личности на деятельностную, бытийную плоскость, и тогда личность начинает рассматриваться как субъект или даже как только «момент деятельности». Это также чрезвычайно важный и плодотворный аспект, подчеркивающий деятельностную природу человека, значение труда, продуктивной деятельности для формирования и проявления личности.

Однако принятие лишь такого взгляда Ъпять-таки обнаруживает известную недостаточность. Да, личность проявляет и формирует себя через деятельность, у нее нет по сути других путей формирования и реализации себя. Но она не сводится, не растворяется без остатка в любой из форм этой реализации, не сливается полностью и безраздельно с субъектом деятельности *, а составляет особое, системное, прямо не сводимое к деятельности и прямо не выводимое из деятельности об-

разование, существенной характеристикой которого является нравственно-ценностное (или ценностно-смысловое) отношение к происходящему. Образно говоря, человек лишь как субъект каких-то отдельных видов деятельности не всегда подлинный «хозяин» собственной личности в целом, а часто лишь ее исполнитель, нанятый хозяином работник, которого нельзя полностью

письменности Египта и канцелярской мудрости шумерских писцов и кончая «чернильной культурой», на которую жаловался Гердер, и омертвевшими штампами средств информации более поздних времен,— страшная вещь... Нельзя забывать, что общественное мышление воплощается не только в телевизионных башнях, клубах, храмах и статуях или книгах. Оно воплощается и в «церебральных структурах» людей особого типа, грамотеев, служителей культуры, «мозго-виков», образующих в каждой области мысли свою ничтожную монополию, свою кастовую мафию». Поэтому «мы вовсе не обязаны всегда, без дальнейшего анализа, без distingio, «я различаю», становиться на сторону общественных воплощений» [71]. Но это distingio, это различение (иначе оно и немыслимо вовсе), может быть лишь функцией чего-то, с самой культурой прямо не совпадающего, но подразумевающего свободный и нравственный выбор, т. е. в нашем понимании — функцией позиции личности.

* Б. Г. Ананьев писал по этому поводу, что в единой структуре человека характеристика субъекта деятельности так или иначе взаимосвязана с характеристиками человека как личности Однако совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств [72]. Другой психолог, В. Г. Норакидзе, справедливо подчеркивает, что утверждения «личность есть субъект деятельности» и «личность проявляет себя в каждый данный момент как субъект деятельности» вовсе не равнозначны, не эквивалентны между собой [73].

отождествлять с тем, кто будет (сейчас или, быть может, через много лет) принимать и оценивать произведенную работу. Можно согласиться поэтому с Н. И. Сардж-веладзе, который пишет, что «субъект деятельности в каждый конкретный момент — преходящее явление;

фактически сколько деятельностей, столько и субъектов деятельности. Но за - этим преходящим субъектом стоит относительно устойчивое и перманентное образование, именуемое личностью. Личность, как относительно устойчивая и перманентная система, имеет множество своих преходящих проявлений в виде субъекта деятельности» .

Даже совершение одних и тех же действий, точнее, поступков (или проступков), движимых сходными мотивами, не уравнивает пути и шансы личностного развития, определяемого внутренним отношением к происходящему (а чаще — к происшедшему), тем, как отразится поступок в ценностно-смысловой плоскости сознания, с какими уровнями этой плоскости будет соотнесен, какой урок сам человек (а не персонифицированная в его лице культура или преходящий субъект деятельности) извлечет сейчас или по происшествии времени из случившегося. «Каждому,— свидетельствует писатель М. Ибрагимбеков,— если он захочет вспомнить, будет за что краснеть, просыпаясь по утрам, будет за что испытывать чувство стыда, но для одного эти плохие поступки в сумме составляют опыт, благодаря которому он становится еще хуже, для другого — это раскаленная решетка, на которой он корчится, но очищается и становится лучше... **Но** разница между подлецом и достойным человеком в том, что они сделали разные выводы из своих прегрешений» [75].

Теперь о понимании личности как проекции на смысловую плоскость. Если рассмотрение личности со стороны деятельности или усвоения значений, культуры достаточно широко представлено в научной психологии, то психологическое рассмотрение ее со стороны смысловой, нравственно-ценностной плоскости разработано пока крайне недостаточно. Этим отчасти и объясняется то, что мы уделили этой стороне особое внимание. Нами двигало при этом не только желание в какой-то степени по мере сил способствовать заполнению некоторого пробела общей психологии личности, но и сознание действительно особой значимости этой плоскости для понимания сути человеческой личности, путей ее нормально-

124

го и аномального развития. Как мы пытались показать выше, главным в этой плоскости (плоскости, по нашей классификации, собственно личностного здоровья) становятся не успехи человека и его социальные роли, не сама по себе его продуктивная деятельность, не характер, не темперамент (т. е. то, что можно по преимуществу отнести к показателям индивидуально-психологического здоровья и здоровья психофизиологического), а мера участия, заинтересованности, пристрастности, проникновения его в нужды другого человека, общества, человечества в целом. Если рассматривать человека лишь как индивидуальность, то люди предстанут как бесконечно разные миры, становящиеся все более обособленными, особыми, неповторимыми по мере их развития. Через восходящее движение в нравственно-ценностной плоскости происходит реальное единение людей, приобщение к той, по словам А. Н. Леонтьева, не всегда видимой индивидом подлинной человеческой действительности, которая не обосабливает человека, а

сливает его жизнь с жизнью других людей, их благом [76]. Сжато и точно сказано у М. М. Пришвина:

«В знании общего дела есть сущность личности, потому что просто *индивидуум* знает только себя» [77]. Психология личности, не приобщенная к этому знанию, законам нравственного мира, будет по своей сути оставаться психологией «знающих только себя» человеческих индивидов.

Однако и эта взятая сама по себе точка зрения не является исчерпывающей. Проекция исключительно на данную плоскость может породить представление о личности лишь как решающей и оценивающей те или иные нравственные проблемы и коллизии; при этом бытие начинает рассматриваться только как сценическая площадка, на которой вновь и вновь, на разной общественно-исторической основе разыгрывается репертуар человеческих судеб.

Известны слова Л. Н. Толстого о том, что люди делают только вид, что воюют, торгуют, строят, главное же, что они делают всю жизнь,— это решают нравственные проблемы. В противовес этому мнению .современная научная психология чаще всего, напротив, либо старается вовсе игнорировать в своих исследованиях нравственную сферу, либо рассматривает ее как некий довесок, добавок к продуктивной деятельности и возникающим вокруг нее производственным отношениям.

И тот и другой подход следует признать односторонним, высвечивающим важную, 'но только одну сторону проблемы, поскольку, если воспользоваться нашей моделью, в первом случае личность целиком и полностью проецируется на смысловую, нравственно-ценностную плоскость, а во втором — на плоскость бытийную, деятель-ностную.

Итак, понятно, что личность в целом не проекция на одну какую-нибудь из представленных плоскостей, но системное образование, по-своему отражающееся в каждой из них *. Если же попытаться все же обозначить принцип, который является сквозным, связывающим всю систему, то для процесса формирования личности таким принципом будет принцип деятельностного опос-редствования [78]. Суть его заключается в производности личностных образований от реального бытия субъекта и, следовательно, в необходимости при исследовании, воспитании, коррекции личности выхода за рамки самих этих образований в мир реальной жизни, в мир деятельностей, их опосредующих. Именно через совокупность деятельностей, через бытие человека происходит присвоение культуры, происходит удвоение значений (появление субъективного значения данного объек-тивного значения), которое и порождает личностные смыслы человеческого существования. Вне целенаправленной активности, не будучи освоенной деятельностью, культура выступает для человека лишь разрозненным и отчужденным набором значений, правил, норм и т. п. Проходя через деятельность, опосредствуясь деятельностью **, эти значения приобретают смысл, порождают особый внутренний план — нравственное сознание с присущими ему уровнями и функциями.

* Отсюда, в частности, ход к типологии личностей: ведь, к примеру, на одной и той же бытийной, деятельностной основе могут возникнуть существенно разные нравственно-ценностные построения и развитая система значений может сочетаться с низким смысловым уровнем (эгоцентризм, группоцентризм).

** Надо сказать, что именно понятие «опосредствование» было первоначально центральной характеристикой деятельности у Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева [79]. В дальнейшем этот момент был несколько затушеван, а деятельность в ряде трактовок стала представляться как самодовлеющая психическая реальность. Видимо, как реакцию на такого рода перегиб можно рассматривать некоторые недавние выступления в научной печати по поводу понятия «ведущая деятельность». А. В. Петровский, например, считает, что это понятие вообще лишено достаточных оснований, поскольку определяющим для развития является не какая-либо ведущая деятельность, а тип

Итак, мир человеческой культуры предшествует личности и являет собой неисчерпаемый источник возможностей, *депо смысловыражения.* Однако, прежде чем стать смысловой, внутриличностной реальностью, значения должны быть опосредствованы деятельностью, пройти через жизнь, бытие человека *, которое представляет собой бесконечное в своих возможностях *депо смыслопорождения.* Если же попытаться коротко определить взаимосвязь всех трех плоскостей, то это будет следующая формула: смысл есть прошедшее через жизнь (систему деятельностей) человека значение.

Что касается практических, в частности воспитательных,

психопрофилактических выводов, то эта формула лишний раз свидетельствует о том, что ни значения, ни слова, ни сама по себе активная предметная деятельность не являются гарантами воспитания полноценной, нравственной личности. Только слова, значения, соотнесенные, сопряженные с жизнью, пропущенные через нее, через нелегкий труд бытия, через сложную

взаимоотношений личности, которые складываются у нее с референтными группами и лицами [8] . Такое противопоставление кажется, однако, излишне категорическим. Два понятия — «смежличностное общение» и «деятельность» (что показано в самих работах А. В. Петровского и его сотрудников) — не только не противополагаются, но прямо подразумевают друг друга, поэтому ведущая (т. е. наиболее соответствующая, лидирующая для данного возраста) деятельность во многом задает круг референтного общения, равно как этот круг видоизменяет характер данной деятельности.

Другое дело, что нельзя сводить все многообразие и взаимозависимость форм активности -только к одной ведущей деятельности «Ведущая» не должна пониматься как «подавляющая». Именно забвение этого момента, считает К. А. Абульханова-Славская, привело к тому, что в некоторых психологических исследованиях личностная активность оказалась сведенной к ведущей деятельности [8']. Но, на наш взгляд, с водой выплескивается и ребенок — ценнейшая идея стержневого вида, типа деятельности, с которым связывается, ассоциируется соответствующий возрастной этап и отнятие, отсутствие которого было бы фактическим лишением человека детства или зрелости. И разве в последних случаях это не будет игра и труд, т. е. деятельности не рядовые, а именно ведущие для соответствующих этапов жизни? Ну а то, что в «производстве» этих деятельностей важнейшую роль играют общение, социальные институты, референтные группы, другие формы активности и т. п., разумеется, безусловно, верно. Иными словами, то, что ведущая деятельность формируема и зависима, пусть даже производив от многих обстоятельств, не умаляет ее значения и не устраняет необходимости ее учета и рассмотрения

* Надо ли говорить, что «проход» этот практически никогда не напоминал собой легкой, увеселительной прогулки. «Жизнь прожить — не поле перейти»,— говорит пословица, подчеркивая сложность и тяжесть реальных путей человеческой жизни.

совокупность и многообразие деятельностей, могут стать подлинной основой нравственного сознания. Следовательно, при воспитании необходимо так строить и направлять деятельности воспитанника, чтобы в ходе этих деятельностей, в ходе их развития, их последовательных этапов объективные и поначалу как бы вне человека существующие значения и идеалы, прежде всего значения и идеалы нравственные, приобретали личностный смысл, становились собственным, пережитым, активным отношением воспитанника к миру *.

Роль воспитателя при этом чрезвычайна, поскольку он выступает как реальное, живое олицетворение, так сказать, держатель тех смысловых уровней, которыми пока не обладает и которые чаще всего и не предугадывает воспитанник. Но на эти уровни — через общение с прямым или даже косвенным воспитателем, через совместные переживания, через совместную деятельность — он может со временем подняться **. Всякая высшая психическая функция, писал Л. С. Выготский, обнаруживает себя дважды: сначала как форма взаимодействия и сотрудничества между людьми, как категория интерпсихологическая, затем уже как функция субъекта, как категория интрапсихологическая. Сходным путем возникают, завязываются и смысловые отношения к действительности — сначала как бы разделенные между ребенком и взрослым, ребенком и его окружением, а затем становясь внутренними, собственными отношениями ребенка к действительности. Когда ребенок подрастает, роль взрослого, т. е. второго члена начального интерпсихологического отношения, может выполняться другим человеком, группой, коллективом, обществом, теми или иными событиями и идеями, но путь в целом остается прежним: через деятельность, через жизнь и труд бытия завязываются, осваиваются

* Этот принцип хорошо иллюстрируется следующей американской пословицей: «Расскажи мне, и я забуду, покажи мне, и я запомню, вовлеки меня, и я пойму».

" * Когда мы говорим о воспитателе, то невольно подразумеваем нравственное, облагораживающее начало, но нелишне заметить в контексте данной книги, что помимо воспитания позитивного, положительного существует и воспитание негативное. Так, мы увидим ниже, что в случаях аномального развития человек, например, не просто привыкает к алкоголю, регулярному пьянству, но часто активно к нему кем-то приобщается (в данном случае — «негативными воспитателями»), вовлекаясь в так называемую алкогольную компанию, усваивая через ее лидеров ценностные установки и особое, «алкогольное» смысловое видение мира.

все новые и новые аспекты и уровни смысловых отношений к действительности.

Причем, разумеется, жизнь не есть лишь сплошное формирование все новых и новых качеств и образований. Будучи раз сформированными, войдя в целостную структуру смысловой сферы, они начинают свою самостоятельную жизнь, приобретают собственную инерцию (смысловую установку, по А. Г. Асмолову), порождают собственные требования, т. е. становятся полноценными чертами личности, нравственного сознания, не просто отражающими действительность, но и творящими ее. Поэтому необходимо различать и стимулировать не только

активность присвоения, формирования, завоевы-вания тех или иных позиций и смысловых содержаний, но и *активность отдачи,* активность проникновения, влияния на ценностно-смысловые уровни другого человека, других людей. Важные аспекты активности последнего рода были разработаны в «концепции вкладов». Центральным для этой концепции является введенное В. А. Петровским понятие отраженной субъектности, которое «воплощает в себе представление о личностном аспекте бытия человека в мире как формы активного «идеального» присутствия человека в жизни других людей, «продолженности человека в человеке»»[82]. Эта концепция справедливо останавливает внимание на том постоянно действующем личностном, смысловом влиянии, которое оказывается всяким человеком на окружающий его мир. Отсюда личность выступает как идеальная представленность индивида в других людях, как его «инобытие» в них. Для пояснения этого хода мыслей А. В. Петровский приводит метафорическое сравнение подлинной личности с источником некоего мощного излучения, радиации, способной изменять, преобразовывать других людей (радиация, как известно, может быть полезной и вредоносной, может лечить и калечить, ускорять и замедлять развитие, становиться причиной различных мутаций и т. д.). Тогда индивида, обделенного личностными характеристиками, можно уподобить нейтрино — гипотетической частице, которая пронизывает любую, сколько угодно плотную среду, не производя в ней никаких — ни полезных, ни вредных — изменений. ««Безличность»,— продолжает автор,— это характеристика индивида, *безразличного* для других людей, человека, от которого «не жарко.и не холодно», чье присутствие или отсутствие ничего не меняет в их жизни, не

преобразует их поведение, не обогащает и не обездоливает их и тем самым лишает его самого личности» [83].

Таким образом, человеческую активность можно подразделить на активность присвоения и активность отдачи. Причем их несомненная и тесная связь не означает, однако, их идентичности. Если первая своей энергетикой, мобилизующим действием способствует образованию, структурированию определенной позиции, присвоению и завоевыванию новых свойств и рубежей, то накал, энергетический потенциал второй обнаруживает себя через проникающее, «радиационное» влияние на других. Соотношения этих двух видов личностной энергии, личностной активности могут быть существенно разными. В известной мере их можно уподобить двум каналам, двум руслам, по которым способна распределяться энергия активности. Личность может выявлять себя в какие-то моменты как той, так и другой формой активности, поэтому, в частности, вряд ли стоит говорить о «лишении» личности того, кто на рассматриваемый период «не обогащает и не обездоливает» других, поскольку личностная активность может быть устремлена просто по другому каналу — каналу присвоения. Несомненна связь активности и с содержательным наполнением мотивационных устремлений: эгоцентрические ориентации в большей степени переключают, ориентируют активность человека на приобретение, на использование, на превращение окружающего в средство достижения своих целей, тогда как алоцентрические, просоциальные устремления по самой сути своей переключают активность на процессы отдачи себя, преобразования мира в пользу других. Мир и люди становятся не средствами, но целью. Понятно отсюда, что активность такого рода есть несомненный признак личностного здоровья.

Сказанное не означает, конечно, что человек эгоцентрической ориентации, будучи занят собой, мало влияет на окружающих, не проявляет вовне направленную активность. Напротив, он, как мы упоминали, часто рассматривает свои ценности как достойные и должные быть присущими всем и порой не просто в активной, но даже в агрессивной форме пытается навязать, привить их другим. В этом плане следует говорить как бы о смысловом силовом поле, возникающем вокруг каждого человека, его деятельности и миропонимания. Всякий случай нормального, в нашем понимании, полноценного,

130

ведущего к приобщению к родовой сущности развития создает мощное силовое поле благотворного влияния на других людей, благотворных «вкладов» и возвышающих смысловых преобразований, тогда как всякий случай извращенного, аномального развития создает свое силовое поле, на этот раз отрицательного по отношению к задачам достижения человеческой сущности свойства, направленного на низведение помыслов, задач и смысловых устремлений других до уровня эгоцентризма, а следовательно, в конце концов межлюдской разобщенности, психологической войны всех против всех и внутреннего одиночества каждого из участников этой войны. Вот почему всякая удача воспитания, всякая удача психокоррекции аномального развития есть не просто удача индивидуальной судьбы отдельного человека, счастливое преобразование свойств и структуры его личности, но реальный фактор оздоровления, облагораживания среды.

Разумеется, речь идет не просто о прямом и беспрепятственном радиировании

смысловых влияний. Человек не пассивный восприниматель, экран проекции «инобытия», бытия-другого-в-нем, но если продолжить аналогию с радиацией, может быть либо в разной степени открыт ее проникающим влияниям, либо, напротив, наглухо закрыт, иметь труднопробиваемую психологическую защиту, подчас капсулирующую его в себе самом, отторгающую внешнее влияние как чуждое, заведомо инородное. Поэтому всякое влияние, чтобы быть действенным, усвоенным, требует в качестве необходимого условия ответное усилие, ответную активность принятия, присвоения *. В этом акте должны соединиться два вида активности, направленные, настроенные на одну смысловую волну, чтобы в дальнейшем образовать, замкнуть, генерировать собой единое смысловое поле. Даже искусство, призванное, казалось бы, прямо, непосредственно транслировать личностные смыслы другим людям, на деле лишено этой способности. Оно достигает своих результатов лишь тогда, когда активно

* Отметим, что периоды преимущественного принятия или отторжения тесно связаны с вышеобозначенными циклами деятельности: в переходных потребностно-мотивационных, поисковых состоя-ниях проницаемость для влияния других быстро возрастает, в периоды же стабильного развития деятельности, относительного равновесия операционально-технической и мотивационно-смысловой сфер степень этой проницаемости всегда заметно меньше.

^*

вовлекает воспринимающего его человека в свою сферу и образует не просто вербальное или чисто эмоциональное воздействие, но особую, всегда совместную, друг к другу идущую деятельностную активность, призванную соединить в общем смысловом поле исполнителя и слушателя, актера и зрителя. Недаром говорят не только о хорошем или плохом исполнителе и актере, но и о хорошем или плохом зрителе, о хорошей или плохой аудитории, которая может зажечь и поддержать или погасить и затормозить творчество артиста: в первом случае — чутким реагированием, точнее, сопереживанием, а во втором — отчуждением и равнодушием, т. е. разобщенностью с исполнителем, отсутствием единой совместной деятельности *.

Таким образом, мы вновь приходим к утверждению важности идеи деятельностного опосредствования: для того чтобы сформировать устойчивые смысловые структуры, необходимо вовлечение человека в такого рода деятельности, в такого рода жизненные проблемы, где бы он мог реально осуществить, отстоять, испытать свои принципы и устремления, где бы они срослись, сплавились с его поступками и деяниями, стали личностными ценностями, т. е. осознанными смысловыми образованиями, направляющими и оправдывающими весь конкретный ход его жизни. Такое деятельностное опосредствование важно и для воспитания, и для коррекции отклонений личности, с той, однако, существенной разницей, что в первом случае мы исходим из представления о еще не сформированной личности, достаточно от-

* Заметим, однако, что и в случае образования такой совместной деятельности, возникшего общего смыслового поля воспитательное, преобразующее личность воздействие искусства имеет известные пределы и ограничения. Пределы эти обнаруживаются уже за дверью театра, когда зритель возвращается в привычный ему мир жизни, в мир его субъективных деятельностей, их иерархии, накатанных смысловых отношений и установок. И тот, кто только что сочувствовал Гамлету (а в театре это делают практически все), ведет себя как Полоний или даже Розенкранц. Искусство растормозило, всколыхнуло, показало возможность нового видения мира, пусть даже — по Аристотелю — очистило (катарсис) человека, но если все это не будет подкреплено его дальнейшей конкретной деятельностью, его жизнью, трудом и подвигом его бытия, эффект окажется временным, собственные смысловые образования останутся почти не затронутыми. Еще В. Джеймс приводил в пример ба-рыньку, которая проливает в театре слезы над страданиями простолюдина, в то время как ее кучер стынет на морозе у театрального подъезда.

крытой нашим влияниям, а во втором — о личности уже сформировавшейся, и, следовательно, если в первом случае мы готовимся личность строить, то во втором — нам предстоит ее перестраивать. В обоих случаях продвижение возможно лишь тогда, когда работа и воспитателя, и коррекциониста основана на знании внутренних законов развития личности, знании того, что есть норма этого развития, к чему в итоге следует направлять стремления человеческой личности. В этой и предыдущей главах мы пытались обосновать некоторые ответы на эти вопросы и наметить ряд самых общих положений, гипотез о нормальном и аномальном развитии личности. Разумеется, за рамками раздела осталось значительно больше проблем, нежели вошло в него, что объясняется не только нежеланием говорить скороговоркой о важных вещах, но и тем, что в нашу задачу

входило не отыскание как можно большего количества детерминант, частей, свойств личности, а попытка определить некоторые стержневые, главные проблемы и ракурсы, исходя из которых возможно в дальнейшем проникновение и в более частные области.

...Однако любые теоретические рассуждения, сколь бы полны, искусны, изощренны они ни были, не в силах до конца разрешить ими же вскрываемые проблемы и противоречия. Для разрешения теоретических споров о личности необходимо вернуться на землю, к предмету, их порождающему,— самой реальной жизни. **Но** как психологу подойти к объективному исследованию жизни личности и возможно ли это в принципе?

ГЛАВА 111
МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (ВЗАИМООТНОШЕНИЕ «ОБЪЯСНЕНИЯ» И «ПОНИМАНИЯ» В ПСИХОЛОГИИ)

Достаточно часто психологу приходится слышать от специалистов других областей, прежде всего естествен-нотехнических, что психология вовсе не наука, поскольку не располагает строгими объективными методами исследования. Когда же психология стремится к формализации методов и достигает известного уровня этой формализации, то сразу же появляются обвинения — на этот раз со стороны представителей гуманитарных областей,— которые говорят о принципиальной невозможности однозначного определения человеческой личности. Но дело не ограничивается критикой извне, по сути та же борьба, борьба двух подходов: одного — стремящегося к формализации, другого — выступающего принципиально против таковой, происходит и в самой психологии. Л. С. Выготский, характеризуя кризис психологии начала века, писал, что он вообще привел «к понятию о двух психологиях». Мысль о разделении этих «двух психологии» была особенно ясно высказана немецким психологом Э. Шпрангером, который резко отделил друг от друга психологию как науку естественную, занимающуюся по преимуществу элементарными процессами, и психологию как науку о духе. Последняя, по его мнению, не может пользоваться какими-либо иными методами, нежели целостное постижение, вчувст-вование, сопереживание, понимание (отсюда и наиболее распространенное название такого подхода — «понимающая психология»). Было бы весьма поучительно проследить, как развивались и трансформировались эти два подхода в истории психологии, но, поскольку такая задача выходит за рамки содержания данной книги, ограничимся лишь констатацией, что в западной психологии наиболее последовательным выражением первого подхода стал бихевиоризм, сводящий все к

134

фиксируемым поведенческим реакциям, а второго экзистенциальная психология, ставящая во главу угла акты понимания и вчувствования. Общая критика этих направлений достаточно полно представлена в отечественной науке, поэтому нет нужды повторять ее здесь. Следует отметить, однако, что эта критика выглядит пока сугубо негативной: она отвергает аргументы чужих школ, но не предлагает своих решений действительно острого, принципиального вопроса о том, может ли психология научно, т. е. строго и объективно, определять, измерять, исследовать то, что по сути своей не имеет меры, границ, то, что трансцендирует, преодолевая в своем развитии любые «заранее установленные масштабы».

К сожалению, этот вопрос часто и не ставится современными психологами. Большинство из них, априори считая себя представителями естественнонаучного направления (о некоторых исторических причинах такой приверженности мы говорили в гл. I), строят свои исследовательские программы, применяют методики, обрабатывают результаты и делают выводы так, будто человек есть фиксированный объект наподобие физического. Но именно этот подход, прежде всего в отношении личности, и вызывает наиболее резкую критику М. М. Бахтин, например, отвергая возможность однозначного определения личности, писал: «...подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собой, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как

вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, «заочно». Подлинная жизнь личности доступна только *диалогическому* проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя. Правда о человеке в чужих устах, не обращенная к нему диалогически, т. е. *заочная правда,* становится унижающей и умертвляющей его *ложью,* если касается его «святая святых», т. е. «человека в человеке»» '.

Очевидно, однако, что безусловное согласие с таким мнением означало бы по сути приговор многим, претендующим на объективность методам в психологии личности. «Трудно найти,— пишет по поводу приведенных слов М. М. Бахтина А. В. Петровский,—другое столь сильно и лаконично выраженное обвинительное заключение, предъявленное детерминистической психологии, которая в своей экспериментальной практике, минуя

13'''

интроспекцию, пытается получить (подсмотреть, предсказать, определить) эту заочную правду о личности другого человека, исследуя как раз то ее «вещное бытие», которое Бахтин... объявляет «унижающей и умертвляющей ложью»»[2]. Далее, принципиально возражая Бахтину, Петровский утверждает, что как раз при опоре на «вещное бытие», только принимая во внимание его реалии, возможно объективное познание личности, в том числе и «диалогическое проникновение» в ее глубины.

Этим утверждением, при всей его авторитетности, не снимается, однако, едва ли не главная проблема:

если возможна «заочная правда о личности» (а это действительно необходимое условие научности психологии), то какова должна быть эта правда, чтобы она согласовывалась, не противоречила трансцендирующей, не имеющей фиксированных границ природе человеческого развития, чтобы, будучи высказанной, не обернулась, как предупреждал Бахтин, обманом, уводящим и ложным суждением, ибо человек, которого мы определили сегодня, завтра или в любой другой день способен измениться, перейти установленные нами для не.го ограничения, совпадения с самим собой, и тогда выходит, что мы при всех наших стремлениях к объективности описали, следовательно, не его реального, движущегося, живого, а мертвый слепок с одного лишь варианта, поворота, изгиба его жизненного пути, может быть, к тому же и случайного, временно возникшего, не имеющего к нему, изменившемуся, непосредственного актуального касательства.

Решение проблемы, на наш взгляд, заключается в достаточно четком различении понятий «личность» и «человек», определении личности как способа организации присвоения человеческой сущности и исходя из этого — сосредоточении внимания преимущественно не на готовых, сложившихся свойствах личности, а на механизмах их формирования, становления, непрекращающегося движения. Тогда данные исследования (полученные или путем изучения конкретных продуктов деятельности, «вещного бытия», или анализа диалогических форм общения, или применения лабораторных экспериментов и т. п.) могут стать одновременно и объективными, и не противоречащими трансцендирующей, изменяющейся природе человека, ибо в такого рода исследованиях мы будем стремиться фиксировать, овеществлять, ставить границы и определять масштабы

136

не развития человека как такового, которое не имеет фиксированной, заранее установленной границы и масштаба *, но психологическим механизмам, путям, которые опосредствуют это развитие, существенно влияя на его ход и направление. Что же касается неизбежно возникающего, движущего, а следовательно, и неустранимого противоречия между «вещным» (конечным) и «смысловым» (потенциально бесконечным), то оно в свете сказанного не есть препятствие объективному познанию личности, обходить которое надо постулированным современной академической психологией возвеличиванием осязаемого «вещного» в ущерб неясному смысловому (в противовес «понимающей психологии», феноменологическим, экзистенциальным подходам или литературоведческим толкам о превалировании второго над первым). Следует не избегать, не маскировать это противоречие, а, напротив, выделить и зафиксировать его как первую

объективную данность, как важнейший внутренний механизм личности, который подразумевает преодоление, отрицание овеществленных форм бытия через изменение смыслового восприятия, равно как изменение смыслового восприятия обусловливается изменившимися формами бытия вещного.

Но для исследования личности, прежде всего такого, которое ставит задачей понимание ее реального жизненного движения, необходимо накопление достаточного эмпирического материала, данных о клинике, т. е. подробного, систематического описания изменений интересующих нас личностных феноменов. Здесь мы сразу сталкиваемся, однако, с серьезными трудностями. Дело в том, что клиника нормального поведения человека (без анализа которого, как мы знаем, нельзя должным образом понять и развития аномального) оставалась, как ни странно, по сути закрытой для научной психологии личности. Это касалось даже такой наиболее изученной ее отрасли, как детская психология, которой, по словам Д. Б. Эльконина и Т. В. Драгуновой, явно не хватало клиники детского развития, т. е. описания «одних и тех же детей на протяжении всего возрастного

* Кстати, постулируя феномен несовпадения с самим собой, М. М. Бахтин говорит, в строгом смысле, не о личности, а о человеке:

«Человек никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить формулу тождества: А есть А» [3]. Эти слова по сути целиком согласуются с Марксовым определением человека как безмасштабного существа.

периода с фиксацией их поведения, деятельности и взаимоотношений с окружающими во всех основных сферах жизни» [4]. Что касается клиники взрослой жизни человека, то она была представлена в сочинениях по психологии и вовсе отрывочно. В отечественной науке, пожалуй, один Б. Г. Ананьев систематически и настойчиво выступал с призывом широко развернуть исследования возрастной психологии зрелости или взрослости [5], но в его собственных работах и в работах его учеников нашла отражение в основном психофизиологическая, а не собственно внутриличностная, мотивационно-смы-словая динамика взрослости.

В последнее время интерес к развитию личности, перипетиям ее жизненного пути стал заметно активизироваться, что определяется не только внутренней логикой движения науки, но и насущными требованиями практики, в особенности в области воспитания и коррекции личности. Но, как мы уже говорили, приступить к развертыванию этого анализа оказывается по сути невозможным без наличия исходного ориентирующего материала — систематического описания интересующих нас феноменов поведения.

Пожалуй, первый, самый очевидный выход из создавшегося затруднения — рекомендовать обращение к уже существующим жизнеописаниям, и прежде всего к богатейшему материалу художественной литературы. Нельзя сказать, что такое обращение — редкость для психологии: примеры из художественной литературы можно встретить на страницах самых солидных общетеоретических исследований. Однако использование художественного образа как метода психологического исследования, определение его возможностей и ограничений не нашли должного отражения в научной литературе, в том числе в той, которая непосредственно обращена к психологии искусства. Обычно в подобного рода работах делается попытка раскрытия тайн литературного творчества, искусства вообще с помощью гипотез научной психологии. Нас же сейчас интересует обратная задача — понять, чем и с какой стороны накопленные в литературе образы и описания могут быть полезны для психологии.

В качестве примера немногих исключений можно назвать статью Г. Олпорта [6], в которой .обсуждается проблема существования двух подходов — психологического и художественного — к пониманию личности и

делается ряд ценных для психологии выводов, из которых отдельные мы используем ниже, и небольшую, но яркую заметку Б. М. Теплова, где тонкому психологическому разбору известных пушкинских образов — Татьяны, Германна, Моцарта, Сальери — предпосланы слова, до сих пор не утратившие своей актуальности и остроты: «Анализ художественной литературы обычно не указывается в числе методов психологического исследования. И фактически психологи этим методом не пользуются». Между тем автор «глубоко убежден, что художественная литература содержит неисчерпаемые запасы материалов, без которых не может обойтись научная психология...» [7]. Полностью солидаризируясь с этими словами, остановимся, ввиду недостаточности специальных разработок, подробнее на этом вопросе. - Действительно, в художественных произведениях находим самые разнообразные характеры и модели поведения людей во всевозможных жизненных ситуациях. Развернутые и яркие описания эволюции человеческой души, истории ее возвышений и деградации, удивительных побед

духа и его же постыдных поражений, рассмотрение путей, ведущих к подвигу и подвижничеству, и путей, приводящих к падению и прозябанию, показ внутренней логики и цепи внешних событий, толкающих человека на преступление и предательство или, напротив, к раскаянию, самоотречению и жертве, описание дум и смятения человека перед казнью или самоубийством, описание радости и просветления при неожиданном избавлении от гибели, раскрытие многообразия любовных перипетий и семейных тайн, отношений между детьми и родителями, начальниками и подчиненными, учителями и учениками — все это и многое другое, что наполняет человеческую жизнь от рождения до смерти, вдумчивый психолог (как и любой вдумчивый читатель) найдет в художественной литературе.

К этому, особенно в контексте данной книги, необходимо добавить, что художественные описания и образы вовсе не ограничены кругом обыденно понимаемой нормы как некоей среднестатистической середины, но, напротив, нередко стремятся к прорыву этого круга, к постижению внутренней сути случаев исключительных, отклоняющихся как в сторону героического, возвышенного, так и в сторону низменного, извращенного. Не обходит при этом литература и явных психических аномалий. Среди множества описаний симптомов аномаль-

ного поведения и душевной патологии видное место занимают те, первооткрывателями которых были писатели. Комментируя этот факт, врач-психиатр М. И. Буянов пишет в рецензии на словарь психиатрических терминов В. М. Блейхера: «На первый взгляд нет ничего более чуждого литературе и искусству, нежели медицинские термины. Большинству читателей-неспециалистов они представляются чем-то вроде китайской грамоты. Однако стоит даже очень не сведущему в медицине человеку заглянуть в словарь Блейхера, как он с удивлением обнаружит множество знакомых имен и словосочетаний, давным-давно вошедших в его интеллектуальный багаж. Фактически в этом словаре отражена вся мировая литература. Тут и синдромы Отелло, Алисы в стране чудес, Мюнхаузена, Пиквикский синдром, и геростратизм, и комплексы Эдипа, Антигоны и других героев древних мифов... Писатели и художники первыми поведали нам о многих нарушениях и отклонениях психики, за исследование которых медики принимались, как правило, спустя десятилетия. В «Записках сумасшедшего» Гоголь убедительно показал этапы бреда, описанные учеными только через полвека. Феномен двойника, почти исчерпывающе проанализированный Гофманом, Эдгаром По и особенно Ф. М. Достоевским, узаконен в медицине спустя 77 лет после выхода повести «Двойник»... Подобных фактов можно привести много» *.

Беглому и далеко не полному перечню достижений литературы в области познания личности научная психология может пока противопоставить лишь несистематизированные и отрывочные исследования, да и то чаще всего по узким и ограниченным аспектам внутри изолированных проблем. Поэтому первое, что мы должны констатировать,— это богатство описаний, которое содержится в художественной литературе, и, следовательно, возможность использования этих описаний в психологии.

* Новый мир. 1985. № 1. С. 261. К приведенным словам добавим лишь, что не следует думать, что открытия писателей делают излишними все дальнейшие наблюдения и описания рассмотренных ими личностных аномалий. Напротив, без этих дальнейших скрупулезных научных наблюдений объективность сделанных открытий не была бы подтверждена, не говоря уже об анализе многих сторон, которые остаются в тени писательского видения. Все это требует не смешивать продукцию писателя и, скажем, психиатра в отношении описаний даже одних и тех же явлений (ниже мы будем специально говорить о специфике психиатрических наблюдений).

140

Это использование может идти в свою очередь по разным каналам. Можно по совету Олпорта выяснять, как определенные воздействия на человека приводят к определенным («эквивалентным») ответам. Литература, однако, дает нечто большее, чем материал для такого рода «жизненного бихевиоризма». Она позволяет увидеть и рассмотреть те случаи, когда определенные воздействия не приводят к ожидаемым реакциям, т. е. рассмотреть человека в его. свободном, далеко не всегда программируемом развитии.

На материале художественной литературы можно выделить типичные варианты внутри- и межличностных коллизий, в которые вступает человек на протяжении жизни. Утверждается, например, что во всей мировой литературе

наличествует не более 36 определяющих сюжетов, а по еще более строгим подсчетам — всего 12. Даже в области вымысла — волшебных сказок мира — число сюжетов остается весьма ограниченным [8]. Рассмотрение эти» родовых сюжетов человеческой жизни с позиций научной психологии было бы чрезвычайно важно для построения типологии личности, типологии личностных конфликтов, стилей и способов их разрешения. Но признание родовых сюжетов ведет к еще более сложной проблеме — поиску законов, их определяющих. Здесь собственно литература уже кончается, и начинается философско-психологический анализ. Пока в этой области известны в основном лишь психоаналитические изыскания З. Фрейда, К. Юнга и др., которые сегодня вряд ли могут полно удовлетворить нас. Однако, если кто-то не так решал проблему, это вовсе не означает ее дискредитации и отмены поиска новых подходов. Заметим еще, что число законов, определяющих основные сюжеты жизни, также, по-видимому, весьма ограниченно. Л. Н. Толстой писал: «Есть малое число клавиш, различная последовательность их, есть все разнообразие как личностей людей, так и семей исторических. Везде те же сказки, те же муки, тот же деспотизм, те же войны и т. д. и т. д. Сравнение с клавишами. Все те же. Музыка разная, но результат один и тот же... Попытка найти эти вечные клавиши» [9].

Важным примером, который может извлечь из литературы психология, является рассмотрение личности в движении, в постоянном развитии как форме ее существования. Особенно интересны в этом плане произведения, прослеживающие весь жизненный путь личности,

!4'

смену поколений, развернутые семейные истории и т. п. Что же касается научной психологии, то Олпорт в упомянутой статье еще в 30-х годах говорил о необходимости такого «длительного интереса к личности». Но призыв этот до сих пор остается малореализованным, поскольку психология чаще предпочитает рассматривать личность в данный момент, как неизменно тождественную самой себе, раз выявленному в ней набору черт и качеств. Даже так называемые лонгитюдные исследования строятся обычно по принципу «поперечных срезов» на пути развития личности, оставляя без внимания внутренние связующие законы самого этого движения.

К сказанному следует добавить, что художественному видению свойственно рассмотрение любой черты в совокупности взаимосвязей с другими чертами и качествами личности. В художественном произведении разыгрывается всегда не просто тема (ревность, попустительство, мещанство), но всегда тема с вариациями, подразумевающими возможность иных толкований, иных и часто неоднозначных исходов и перспектив ее развития. Психология пока что довольствуется в основном констатацией отдельных черт, параметров и очень редко последующим прослеживанием их изменений в ограниченном жизненном промежутке, т. е. выхваты-ванием малых фрагментов разветвленной сети бытия личности.

Еще один момент, который хотелось бы выделить, относится прежде всего к самосознанию и самовоспитанию психолога-профессионала. Л. Н. Толстой в разговоре с А. М. Горьким заметил, что писатель может ошибаться в чем угодно, выдумывать все, кроме психологии,— психология должна быть точной [10]. И литература не только всегда стремилась к этой точности, но, что самое поразительное, достигала ее. Поразительное не с точки зрения рядового читателя, который привык видеть в писателе учителя жизни, а с точки зрения профессионального психолога, поскольку он давно и сознательно отказался от веры в возможность точного психологического знания на материалах наблюдений, переживаний, бесед и т. п. Все это рассматривалось как атрибуты «житейской психологии», тогда как научной психологии — и соответственно научному психологу — пристало опираться лишь на эксперимент, опросники, тесты, семантические дифференциалы, математически выве-

)4Г

ренные корреляции и т. п. Думается, что постоянно демонстрируемая художниками принципиальная способность достаточно точного познания человека путем наблюдения, размышления и сопереживания должна, с одной стороны, поубавить спесь у некоторых профессионалов-психологов, снисходительно, сверху вниз, смотрящих на «житейских психологов», «психологов-любителей» вроде Толстого и Достоевского, а с другой — поднять веру психологов в возможность своего видения мира личности, в возможность достаточно точного и объективного понимания, постижения этого мира без обязательной (и просто-напросто далеко не всегда выполнимой по ходу конкретного исследования) пошаговой опоры на тесты, опросники, узколабораторные эксперименты. Надо ли говорить при этом, что автор имеет в виду не перечеркивание или умаление достижений экспериментального и тестового подходов, а лишь более сбалансированный взгляд на роль наблюдения и профессиональной интуиции в психологическом познании.

И последнее, что хотелось бы отметить. У литературы психологи должны

постоянно учиться ясности, выпуклости, стереоскопичности изображения личности. Необходимо, следовательно, развивать в себе вкус и внимание к языку как инструменту познания личности, как важнейшему условию, от которого зависит точность и полнота передачи целей, задач, результатов и общего смысла проведенного психологом исследования. Разумеется, психолог не должен стремиться конкурировать в овладении языком с писателем — это не только тщетно, но вовсе и не требуется. Однако надо помнить, что личность есть особый объект науки, поскольку мы не только исследуем ее, но одновременно ей же, для ее нужд и пользы адресуем результаты исследования и от нее в конечном счете ждем их оценок. Следовательно, изложение должно быть таким, чтобы личность могла в конце концов узнать себя в нем, не отвергла его как невнятицу и чужеродность. Такое положение, что вполне понятно, требует постоянного совершенствования языка описания, в частности умения в случае необходимости свободно выйти за рамки «птичьего языка», понятного только узким специалистам.

Вместе с тем, несмотря на всю ценность художественного материала, следует помнить о существенных ограничениях возможностей его использования научной психологией в изучении личности, ее нормальных и ано-

мальных проявлений. Прежде всего герои художественных произведений живут в определенном времени, в определенной «социальной ситуации развития», что, разумеется, является не просто «декорацией» для развертывания внутренних закономерностей, но переменной, существенно влияющей на конкретное содержание и характер этих закономерностей. Так, описание конфликта барчука Николеньки с гувернером-французом, которое столь часто разбирают психологи, при всей его тонкости и глубине не может служить полным аналогом конфликта современного подростка с учителем массовой школы. Изменившееся социальное поле, на котором развертывается даже один и тот же по внутренней структуре конфликт, не может не влиять как на психологические характеристики самого конфликта, так и на человека, переживающего, оценивающего этот конфликт.

Следующее ограничение в использовании художественного материала состоит в том, что перед нами не реальные люди, а вымышленные герои. Ясно, о чем часто говорили и сами писатели, что (и это одна из важнейших характеристик, один из признаков подлинно хорошего литературного произведения), раз возникнув в воображении писателя, оттолкнувшись от тех или иных прототипов, герои не терпят произвола, а, напротив, начинают как бы сами вершить свою судьбу, диктовать поступки, по-своему развертывать сюжет *. Однако, несмотря на все это, в художественном произведении описывается саморазвитие не реального человека, но все того же героя произведения. И поэтому, исследуя психологию личности на материале художественных произведений, мы познаем не саму жизнь, реальную «клинику» развития мотивов, потребностей, эмоций, а ее отражение в художественном видении автора.

Надо ли говорить, что это отражение не бывает бесстрастным, напротив, оно глубоко пристрастно, выражает определенные взгляды и идеи. Иначе говоря, художественный образ всегда более или менее сдвинут, смещен, эксцентричен по отношению к реальности. Отсюда для правильного его восприятия необходимо, по справедливому высказыванию Л. С. Выготского, «созерцать сразу и истинное положение вещей, и отклонение от

* Вспомним, например, искреннюю скорбь Флобера по поводу самоубийства мадам Бовари.

этого положения» ''. Уже одно это обстоятельство ограничивает возможности познания душевной жизни только через художественные образы. При восприятии последних необходимо как знание реальной действительности, так и (хотя бы самое общее) представление о том «коэффициенте смещения», который свойствен художественной манере данного автора. Учтем также, что смещение это бывает как относительно постоянным, устойчивым, так и неожиданным, вдруг врывающимся в повествование, разрывающим (взрывающим) его прежний строй и логику. «Внезапное смещение рациональной жизненной плоскости,— замечает В. Набоков,— может быть осуществлено различными способами, и каждый великий писатель делает это по-своему» [12].

Таким образом, при опоре на материал художественной литературы следует учитывать определенные ограничения. Важно, в частности, иметь в виду особую манеру творчества каждого мастера и фокусировать внимание не на характере внешних событий, которые благодаря «коэффициенту смещения» могут быть не-

правдоподобно нагромождены с точки зрения житейской логики, а на особенностях личности героя, раскрывающихся в этих событиях, ибо последние и подобраны автором для того, чтобы, действуя в них, герой проявил, испытал интересующие автора особенности человека, их прочность, своеобразие, подвижность, глубину. По сути дела, и это для нас важный момент, этот прием представляет собой своеобразный *«мысленный психологический эксперимент»,* состоящий из двух частей. Первая — это воображение, сотворение героя, который имеет некоторый анамнез, историю, оправдывающую, объясняющую его таким, каков он есть к началу действия. Вторая часть состоит в собственно эксперименте с данным героем, помещенным в обстоятельства, раскрывающие, испытывающие, изменяющие его исходные черты. Разумеется, это не единственный путь построения художественного исследования. Не имея возможности углубляться более в эту тему, ограничимся следующим замечанием Новалиса: «Автор романа может поступить различным образом. Например, он может сначала измыслить множество эпизодов, а героя сочинить позднее — для осмысления их (отдельные эффекты, а затем особый принцип общего построения, изменяющий эти эффекты, придающий им специальный смысл). Или же он может сделать обратное: сперва прочно обдумать

индивидуального героя и лишь затем подобрать к нему соответствующие происшествия»[13].

Подчеркнем также, что рассматриваемые «мысленные эксперименты» не просто творческое отражение художником реалий душевного мира, но и одновременно их означение, предлагаемый другим людям способ и путь переживания и осмысления, т. е. *проекты* психологической жизни, бытия личности. Так, молодые люди конца XVIII — начала XIX в. не просто находили в «Страданиях юного Вертера» Гёте художественное описание романтической любви Вертера к Лотте, но сами начали страдать, думать, мучиться и даже кончали жизнь самоубийством «по Вертеру». Речь идет, таким образом, об исследовании, «мысленном эксперименте», в котором спроектированные методом художественного творчества представления, гипотезы об особенностях, возможностях и путях развития человека проверяются самой жизнью, тем, насколько предлагаемые образы признаются обществом и отдельными людьми как действительные, реальные и верные, насколько, наконец, они меняют жизнь общества и отдельных людей, открывая новые горизонты и направления осмысленной душевной жизни *.

Понятно, что изучение этого удивительного по силе и значимости «мысленного эксперимента» с его прямы-

* К слову сказать, в современной культуре роль «проектировщиков», «означителей» душевной жизни уже не принадлежит безраздельно художникам и философам, как^в прошлом. Психология, психологическое толкование начинают проникать в широкое сознание и не только объясняют, но и формируют его. П. Б. Ганнушкин еще в 1933г. писал, например, что уже можно говорить об одержимых «болезнью Фрейда» не в том смысле, что это новая форма болезни, описанная Фрейдом, а в том смысле, что многие люди начинают особым образом изменяться от неумеренного применения фрейдовского метода . Со времени написания этих слов влияние психологических построений (разумеется, не только фрейдовских) на формирование сознания людей возросло еще более, давая основание некоторым ученым называть наш век «психологическим». Действительно, сейчас все реже наблюдается стремление обозначать и объяснять свои переживания в столь свойственных прошлому веку понятиях — страдание, сграсть, проступок, грех, искупление и т. д. Зато все чаще в этих случаях слышится психологическая терминология — комплекс, стресс, скрытые мотивы, невроз и т.д. Подобная редукция в объяснении д^ шевной жизни не может не вызвать беспокойство, поскольку ведет к вульгаризации научного психологического метода и, что главное, способствует снятию нравственной ответственности с человека, который любому своему поступку (и проступку) легко находит расхожее психологическое объяснение и оправдание.

ми (от жизни) и обратными (к жизни) связями является важнейшим и, на наш взгляд, обязательным подспорьем научной пеихологии личности. Однако из всего вышесказанного следует и другой, достаточно ясный вывод: анализ литературных данных не может быть основным, а тем более единственным в познании живого движения личности человека. Его необходимо дополнять или, вернее, делать его дополнительным к собственно психологическим методам исследования реального

развития личности. Поиски этих методов — одна из насущных и ближайших задач современной психологии.

В контексте данной книги перед нами стоит проблема более частная — обосновать способы объективного исследования не всего многообразия личностного развития, а его отклонений, аномалий. И хотя последние не могут быть поняты, о чем неоднократно говорилось, без общепсихологического представления о норме, личностном здоровье и т. п., исследования аномального развития имеют свою специфику и даже свои известные преимущества перед исследованиями развития нормального. Эти преимущества состоят в том, что аномальное развитие протекает обычно в рамках достаточно ограниченных по сравнению с нормой (см. гл. II, § 3). И следовательно, оно менее вариативно, менее свободно (вспомним формулу: болезнь есть ограничение свободы) и соответственно более поддается обзору и однозначному определению, нежели развитие нормальное. Кроме того, описания нормы, ее реального поведения, как мы видели, крайне бедны: психолог, который захочет такие сведения получить, должен обращаться либо к художественной литературе со всеми ограничениями этого подхода, о которых речь шла выше, либо к жизнеописаниям «великих людей», зная при этом, что, несмотря на всю документальность подобных описаний, они, как правило, носят явный отпечаток субъективных восприятии и воззрений биографов. Причина дефицита сведений понятна: внутренний мир, основные мотивы, помыслы нормального человека обычно закрыты, спрятаны от постороннего взгляда и вмешательства.

Всякая болезнь ставит человека в новые, стесненные, неудобные для него положения, толкает его к раскрытию своего страдания, поискам помощи. Когда же это страдание психическое, то речь идет не о чем ином, как о раскрытии внутреннего мира пациента, о его, часто сокровенных, особенностях души. Разумеется, само-

анализ и жалобы больного, тем более больного психически, далеко не всегда объективны и отражают подлинную подоплеку страдания, но даже в таком виде они представляют собой ценнейший для понимания аномального развития личности материал. К этому надо добавить и то, что необычные, отклоняющиеся от привычного акты поведения легче наблюдать, выделить, нежели стертые формы поведения обычного.

Как следствие отмеченных особенностей объективные описания аномального развития личности представлены несомненно богаче, нежели описания развития нормального. Как правило, они выполнены не психологами, а психиатрами, и надо признать, что многие из этих описаний сделаны с такой замечательной точностью, образностью, что дают самое наглядное, выпуклое представление о разных оттенках и ступенях психических отклонений. Причем в отличие от собственно художественных описаний, разобранных выше, речь идет при этом не о собирательных образах, не о результатах «мысленных экспериментов», а о конкретных случаях и наблюдениях над реальными людьми, что значительно повышает объективную научную ценность материала. Многие психиатры по праву гордятся архивом своей науки, открыто порой противопоставляя его сухим и маловыразительным текстам психологических сочинений и учебников, считая, что именно психиатрия должна вырасти со временем в «практическое человековедение». Пожалуй, наиболее определенно высказывался в этом духе известный немецкий психиатр Г. Гру-ле. «Можно очень внимательно слушать психологические лекции и изучать труды по психологии и, однако, ни на йоту не приблизиться к действительному знанию людей, подобно тому как есть ученые-искусствоведы, которые обладают богатыми знаниями в области наук об искусстве и, однако, ни разу в своей жизни не были осчастливлены действительным эстетическим переживанием. Пониманию душевного своеобразия ближнего надо учиться не от психологии... Изучать практическое человековедение в настоящее время можно только путем опыта, и именно того, который собирается под руководством психиатрии... только у психиатра есть материал, на котором можно учиться по-настоящему пониманию человека; кроме психиатров такой же материал можно найти, пожалуй, еще только у воспитателей и учителей... Часто в каком-нибудь положении

H8

легче всего ориентироваться, если сознательно допустить преувеличение, если придумать крайний односторонний случай. А какой опыт может доставить преувеличения в большем количестве и ярче, чем психиатрический? Не в нем ли мы находим самые острые и глубокие чувства? Разве не он учит нас тому, как потерявшие соразмерность страсти в своем действии неумолимо разрушают все препятствия? Разве не он показывает все степени расстройства интеллекта — от мельчайших нарушений мысли до полного ее распада, воли — от полного ее уничтожения до непрерывного стремления к насильственным действиям и отношения к окружающему миру — от легкой подозрительности до господствующего над всей психикой бреда?» [15]

Мы привели столь длинную цитату из Груле, поскольку в этих словах, написанных еще в начале века, достаточно ясно намечаются те тенденции, которые в дальнейшем стали определяющими для ряда психиатрических подходов к

изучению личности. Прежде всего это все то же разведение «двух психологии» — психологии «понимания» душевного своеобразия ближних и психологии «объяснения», которая относится к первой как реальное эстетическое переживание — к сухим рассуждениям о нем. Предпочтение понимающей психологии переросло затем в феноменологический подход, экзистенциальную психиатрию. Но даже у тех психиатров, которые не придерживаются этих крайних направлений, роль и значение понимания, вчувство-вания в жизнь большого рассматривается как важнейшее профессиональное качество. При этом часто распознание и описание различных степеней и оттенков психических расстройств видятся как вполне самодостаточная задача. Когда же необходимо перейти к строгому объяснению, то оно либо отбрасывается вовсе, как во многих случаях экзистенциального подхода, где сам акт сопереживания и понимания является и исходным моментом, и конечной целью, либо, что более распространено, делается перескок к физиологическому уровню, в котором ищут непосредственные причины наблюдаемых нарушений *. В любом случае из сферы

* В последнем случае легко усмотреть прямое перенесение моделей соматических страданий на область отклонений душевной сферы. Это физиологический, фармакологический подход в психиатрии, сводящий все к лекарственной терапии и не принимающий во внимание значимость психологических механизмов болезни.

внимания выпадает важнейшее опосредствующее звено, важнейший слой движения всего процесса аномального развития, а именно слой психологический, анализ тех внутренних, разыгрывающихся именно в психике (а не в биологии мозга или на поверхности внешних событий) коллизий и конфликтов, которые конечно же протекают, развертываются в определенных (в данных случаях — извращенных) биологических условиях, но не могут быть сведены к ним, равно как они являют, реализуют себя через внешне наблюдаемое или внутренне сопереживаемое поведение, но не могут быть прямо истолкованы лишь на основе этих наблюдений и сопереживаний.

Фактическое игнорирование психологических опосред-ствований приводило к тому, что, с одной стороны, психиатрия отчуждалась от достижений психологии, а с другой стороны, накопленный психиатрией богатейший феноменологический материал оставался так по-настоящему и не освоенным, внешним по отношению к психологической науке.

Каковы же должны быть методы освоения психологических опосредствований, нахождения психологических закономерностей аномального развития? Очевидно, исходной базой, основой поисков таких методов должны стать уже существующие, апробированные в психологической науке подходы и разработки, требующие, однако, в применении к специфике аномальной клиники дополнений и творческого развития. Проследим в этом плане возможности и судьбу наиболее авторитетного в позитивной науки метода — эксперимента.

Основателем экспериментального подхода в психологии личности является известный немецкий психолог Курт Левин. Знакомство с его работами до сих пор остается кратчайшим путем к пониманию сути основных проблем эксперимента в психологии личности. Пойдем этим путем и мы. Сразу оговоримся при этом, что мы не будем касаться общей оценки К. Левина как представителя гештальтпсихологии, равно как и разбора конкретных положений созданной им теории личности, поскольку такого рода анализ широко и полно представлен в отечественной литературе. Нас будут интересовать лишь сами истоки и возможности экспериментального подхода.

Для того чтобы разобраться в общей методологии

150

экспериментального подхода, К. Левин обращается к истории естественных наук, и прежде всего к эталонной для его времени науке — физике *. Согласно физическим представлениям, заложенным Аристотелем, закономерность связывалась исключительно с повторяемостью, наблюдаемой регулярностью тех или иных явлений. Отсюда строгая классификация наблюдаемых явлений, отнесение их к тем или иным рядам, классам считались магистральными для определения закона. Скажем, такого наблюдения, что легкие материи (дым, например) поднимаются вверх, было достаточно, чтобы приписать им «восходящую тенденцию», имманентно присущее им «внутреннее стремление» к определенной цели. Отдельный класс составляло (и, следовательно, имело собственный закон) движение тел небесных («высшие движения») и отдельный класс — движение тел земных.

Эти прочно установившиеся и казавшиеся в течение веков столь очевидными и наглядными тенденции и способы понимания явлений физического мира были поставлены под сомнение Галилеем. Согласно его воззрениям, один и тот же закон

определяет разнообразные формы движения: и движение звезд, и падение камня, и полет птицы. Это усмотрение внутреннего единства физического мира требовало пересмотра того строгого деления всех объектов на классы, которое занимало столь важное положение в аристотелевской физике. Поэтому теряли свое значение и разного рода логические дихотомии, контрарные пары: сухое — влажное, горячее — холодное *у* т. п. Жесткие классификации сменялись рядом непрерывных, опосредующих друг друга этапов, переходов. Лишалось в связи с этим почвы и представление об имманентно, изначала присущих физическим явлениям целях.

Эти преобразования, с одной стороны, кардинально изменили прежние представления о характере и сущности научного закона, а с другой — послужили основанием для начала собственно экспериментального подхода к изучению действительности. В самом деле, если для Аристотеля отдельный случай, выпадающий по каким-либо параметрам из однородного класса, не мог быть принят во внимание и находился буквально «вне

* Наиболее последовательно Левин излагает свои взгляды в специальных методологических работах [16], на которые мы и будем в основном опираться при изложении его взглядов.

закона» (ибо закон отождествлялся с регулярностью и включение предмета в класс полностью определяло его сущность и природу), то для Галилея закон уже не отождествлялся с регулярностью, частотностью наблюдаемых явлений (скажем, формула свободного падения выводилась и рассматривалась вне зависимости от того, часто или нет наблюдается такое падение). Закон апеллировал, следовательно, не только к случаям, реализованным в действительности, но и к тем, которые не были реализованы или реализованы лишь частично, не в полной мере. Отсюда значимость для познания закона, в принципе любого индивидуального случая, любого, даже выпадающего из класса явления, отсюда же и необходимость эксперимента как создания искусственных условий, которые позволяют приблизиться к фактам, имеющим связь с законом.

Перейдя после этого исторического экскурса к психологии мотивационных процессов, К. Левин справедливо констатировал, что здесь не произошло кардинального, галилеевского переворота и господствующие методологические представления могли быть смело отнесены к аристотелевским. Разработки психологии находятся под «роковым влиянием» представлений об обязательной регулярности, повторяемости процессов как условии выявления их психологических закономерностей. В результате все усилия психологов сводятся лишь к отшлифовке и расширению методов статистики, стремлению «показать общие черты через вычисление средних величин». Закономерность связывается тем самым с регулярностью, частотой, а индивидуальность противостоит этому как антитеза.

Следствия из такого положения дел в психологии, по мнению К. Левина, по крайней мере двояки. С одной стороны, у большинства профессиональных психологов исчезает стремление понять индивидуальный, единичный путь конкретного человека, его живую уникальную судьбу. А с другой — как реакция на засилье частотного, статистического подхода частью психологов постулируется необходимость свободной интуиции, постижения и эмпатии как единственно возможных методов изучения конкретного человека *. Эти, казалось бы, противоположные пути сходны, однако, в одном: в

* Здесь Левин очень точно, на наш взгляд, указывает на одну из важнейших причин, лежащих в основе разделения «двух психологии», о которых мы уже говорили выше.

обоих случаях поле индивидуальности отделяется от экспериментального исследования, и то, что не случается несколько раз, рассматривается как находящееся за сферой того, что может быть рационально понято.

С этими положениями тесно связано и важное различение между правилом и законом, которое К. Левин предлагал ввести в психологию. Обычно «закон» понимается в психологии как «правило», для которого доказательство состоит в том, чтобы показать возможно большее количество одинаковых случаев, следуя формуле индукции: «от многих случаев — на все случаи». Это направление ведет к накоплению как можно большего числа сходных случаев, с тем чтобы увеличить вероятность ожидаемого события и уменьшить рассеяние (дисперсию) получаемых данных. Между тем значение эксперимента в познании закона зависит не от реализации возможно большего числа одинаковых случаев, а от систематического

варьирования, анализа условий при осуществлении различных случаев. И если при экспериментировании должно найти место повторение, то вовсе не потому, что перенесение обобщения конкретного исследуемого события на аналогичные случаи сомнительно, а потому, что возможна следующая ошибка: действительно ли те условия, которые мы указали при формировании закона, существовали в данном конкретном случае? В целом же исходящие из эксперимента заключения необходимо делать не по принципу: «от многих случаев — на все случаи», а по принципу: «от одного конкретного случая — на все аналогичные случаи». Переход от опытов в отдельных случаях к всеобщему и обязательному закону (в противовес вероятностному правилу) соответствует переходу от «примера» к «типу» и принципиально несравним с переходом от отдельных членов множества ко всему множеству. Отсюда перспективы экспериментальной психологии Левин усматривал не в накоплении однородных данных и выделении на этой основе среднестатистических и вероятностных показателей, а в глубоком качественном анализе отдельных случаев и экспериментов.

Мы достаточно подробно остановились на методологических исследованиях К. Левина, поскольку выводы из рассмотренных выше положений отнюдь не стали принадлежностью лишь истории психологии, но являются актуальными и в настоящее время. Действи-

тельно, современная научная психология личности пошла в основном по пути собирания, классификации фактов и их математической, статистической обработки, тем самым, во-первых, во многом закрыв себе возможность понимания реальных жизненных событий (которые в конечном счете всегда единичны) и, во-вторых, сузив зону понимания психологического закона до вероятностно определяемых «правил» поведения. Характеризуя многие современные исследования в области мотивации и личности, А. В. Петровский называет их «коллекционерскими», поскольку задача психолога в рамках этого подхода сводится к накоплению фактов и их каталогизации [17]. Подводя итог огромному количеству исследований самооценки личности в зарубежной психологии, *Л.* Уэлс и Г. Марвслл используют то же определение, говоря о них как о «коллекции» без общего осмысления [18]. Все эти характеристики являются не чем иным, как определениями типично аристотелевского подхода, которому свойственно стремление к собирательству, классификации, коллекционированию фактов.

Другим моментом, явно перекликающимся с изложенными положениями К. Левина, является характер современного увлечения формализованными методами, математической обработкой. Мы уже писали в прошлой главе, что это увлечение стало настолько распространенным и приняло такие формы, что вызывает беспокойство многих психологов. Разумеется, речь идет не о том, чтобы отрицать важность дифференциального подхода или применения статистических методов, а о том, что подобные исследования, полученные с их помощью данные и математическая обработка начинают рассматриваться как достаточные для построения психологии личности. Не случайно поэтому, подводя итоги положению дел в современной психологии личности, А. Н. Леонтьев вынужден был констатировать, что отношение между общей и дифференциальной психологией оказалось камнем преткновения для этой области, причем выход из создавшейся ситуации виделся прежде всего в развитии общей психологии личности как ориентирующей конкретно-дифференциальные исследования *.

* Ту же мысль последовательно проводил Левин, который, в частности, не уставал повторять своим ученикам: «Эксперимент без теории глух и слеп» [19].

154

Но помимо несогласованности общего и дифференциального подходов приверженность аристотелевскому пути тесно связана с сохранением, консервацией в психологии личности еще ряда недостаточно отрефлекси-рованных противопоставлений, в основном производных от этого главного. Прежде всего это касается соотношения между качественным и количественным способами обработки материала, между измерением и интуицией, между экспериментальными и клиническими методами или, если выразиться наиболее обобщенно, соотношения и противопоставления исследовательских линий уже отмеченных двух психологии личности — психологии академической, но бесконечно далекой от реальной жизни и психологии понимающей, но не способной, более того, часто принципиально отвергающей строгие «овеществляющие» объяснения (иначе говоря, психологии научной, но не жизненной и психологии жизненной, но не научной). Понятно, что путь преодоления этого разрыва, включение в сферу психологии научной не только выхолощенных, заформализованных (если не сказать заформалиненных) и отрывочных черт, но и

личности как целостного и живого образования тесно зависит от возможности построения адекватных методов исследования, сочетающих в себе как достаточную строгость результатов, так и предоставление естественной свободы проявлениям личности, живое, диалогическое с ней общение. Таким образом, мы вновь вернулись к тому же самому кардинальному вопросу, перед которым нас ранее поставили рассмотрение художественной литературы как метода психологии личности и анализ возможностей клинического подхода к личности, а именно — сможет ли научная психология найти адекватное, отвечающее ее требованиям понимание душевной жизни, соответствующие этой задаче способы и методы анализа.

Казалось бы, после важных методологических преобразований К. Левина открылась наконец возможность для уверенного позитивного ответа на этот вопрос, для перехода к анализу индивидуальных случаев, реального поведения реальных субъектов. Причем в качестве основного метода такого анализа предлагался наиболее объективный, признанно-авторитетный метод научного познания — эксперимент. И действительно, первые опыты применения экспериментального подхода К- Левином и его учениками были чрез-

вычайно обнадеживающими. Почему же эксперимент, так много обещавший, был в дальнейшем столь явно оттеснен опросниками, тестами и другими способами познания, в основном тяготеющими к аристотелевскому подходу?

Объяснить это, видимо, следует прежде всего тем, что главного обещания эксперимент все же не выполнил — реальный человек так и не вошел в сферу его изучения. В экспериментальных условиях действовал, выбирал решение человек здесь-и-теперь, без прошлого и будущего, вне социального и жизненного контекста, вне живой истории его борьбы за присвоение человеческой сущности. Это обстоятельство обычно связывают с ограниченностью психологической концепции, которой придерживался Левин. Думается, однако, что дело обусловлено не только этим. Действительно, Левин, как хорошо известно, был представителем гештальтпсихологии, и конкретные психологические гипотезы, которые он пытался проверять с помощью эксперимента, носили отпечаток всех присущих данной теории недостатков. Но достойно удивления и наводит на размышления другое — что эксперимент как метод исследования личности, основы которого были заложены Левином, не предоставил возможности другим использовавшим его исследователям, исходившим из иных теоретических позиций, подойти к изучению живой человеческой личности. Очевидно, поэтому, что какие-то причины неудач эксперимента следует искать и в нем самом, в его собственных ограничениях, которые надо снять или обойти, для того чтобы получить новый импульс к его использованию в познании личности.

Чтобы обнаружить эти ограничения, проследим судьбу эксперимента после утверждения его Левином в качестве метода. В психологии личности эта судьба свелась, как мы уже говорили, к короткому периоду расцвета, а затем к дальнейшему прозябанию в качестве «бедного родственника», теснимого более почитаемыми тестами, опросниками и тому подобными методами. Зато, как это часто бывает в истории науки, метод, не нашедший должного признания в «своем отечестве», был с успехом применен в областях смежных. Таких областей можно назвать по крайней мере три.

Во-первых, это социальная психология, начала экспериментального подхода которой были заложены Ле-

156

вином (проблемы групповой динамики, типы лидерского поведения и т. д.) *. Во-вторых, это детская психология, прежде всего психология дошкольника, где относительная легкость организации игры, т. е. ведущей для ребенка деятельности, изменение ее различных условий создают уникальную возможность для экспериментальной проверки психологических гипотез. Наконец, в-третьих, это область патопсихологии. Экспериментальная патопсихология была основана в СССР бывшей сотрудницей Левина — Б. В. Зейгарник, которая перенесла на психологическое изучение больного многие принципы левиновской школы: внимание к процессу, а не только к результату выполнения, варьирование условий внутри одной и той же ситуации, постоянное общение экспериментатора и испытуемого и т. п. Общая направленность патопсихологического эксперимента была в основном обращена к изучению познавательной сферы, тонкостей патологии мышления, при этом каждый полученный результат ставился в контекст определенного поведения, от-ношения к опыту, всей ситуации эксперимента,

оценкам экспериментатора и другим, по сути мотивационным, личностным компонентам. Иными словами, по сравнению с левиновс-кими опытами здесь как бы сменились фигура и фон:

если для Левина главными были поведенческие реакции и стоящие за ними механизмы, тогда как познавательные, интеллектуально-мнестические способности испытуемых оставались фоном, то в опытах Б. В. Зейгарник и ее школы последнее стало «фигурой», основным объектом внимания, а личностные реакции — фоном исследования. Помимо этого в школе Зейгарник были непосредственно повторены многие опыты Левина в применении к различным вариантам психических отклонений.

Однако дальнейшее продвижение в каждой из перечисленных областей обнаружило и ряд недостатков, тормозов, ограничений применяемого экспериментального подхода, главным из которых продолжала оставаться оторванность от жизненных реалий и контекс-

* Б. В. Зейгарник в своих лекциях о Левине, которые *она* в течение долгих лет читала на факультете психологии МГУ, любила шутить: «Подобно тому как, по словам Достоевского, вся русская классическая литература вышла из «Шинели» Гоголя, так и вся американская социальная психология вышла из работ Левина». Доля истины в этой шутке весьма велика.

тов, тех самых, которые с такой тонкостью описывали в это время писатели или клиницисты-феноменологи. Иначе говоря, разделение двух психологии роковым образом останавливало продвижение и здесь. «Эксперименты в вакууме» — так охарактеризовал современную социальную психологию известный исследователь в этой области Анри Тешфел [20], подчеркивая их основную черту — оторванность от жизни. Что касается экспериментальной детской психологии, то она, по свидетельству американского психолога Ури Бронфенбрен-нера, постепенно превратилась в «науку об искусственном поведении детей, помещенных в искусственные ситуации с необычно ведущими себя взрослыми» [21].

Явные ограничения обнаружило и патопсихологи-ческое экспериментирование. Как мы говорили, описание личностных особенностей служило здесь в основном лишь фоном, оттеняющим те или иные характеристики интеллектуально-мнестической деятельности больного; что касается попыток перенесения левиновс-ких опытов на изучение патологического материала, то эти попытки, несмотря на смену теоретических позиций, продолжали нести общий для экспериментирования в области личности недостаток — оторванность от реальных смысложизненных контекстов. С особой остротой этот недостаток обнаружился, когда практика поставила перед психологией задачу коррекции мо-тивационных аномалий, что потребовало перехода от сугубо диагностических задач, от анализа познавательной сферы к анализу конкретных личностных особенностей, к построению новых, более приближенных к жизненной реальности методов исследования.

Итак, дальнейшее продвижение в исследовании личности подразумевало нахождение способов сближения «двух психологии», внесения конкретных смысложизненных контекстов в опытное изучение личности, или, что то же, придание анализу реального жизненного материала статуса объективности и научности.

Для решения требовалось по крайней мере следующее: 1) доступ к этому жизненному материалу, к получению необходимых данных об интересующих нас феноменах, формах и особенностях их протекания; 2) нахождение адекватных способов «прочтения» этих эмпирических данных, перевода их с языка феноменологических описаний на язык научной психологии и построение на этой основе соответствующих гипотез

158

о внутренних механизмах процесса; 3) обеспечение возможности осуществления необходимых для проверки наших гипотез вариаций условий (независимых переменных) исследуемого процесса; 4) построение целостной психологической модели, в которой могли бы быть обобщены полученные результаты проверки гипотез, рассмотрения отдельных сторон и механизмов изучаемого явления; 5) нахождение достаточно надежных способов проверки адекватности построенных моделей, возможностей их теоретического и практического применения.

Выполнение этой программы сразу наталкивается на ряд труднопреодолимых препятствий, особенно в применении к так называемому нормальному развитию. Трудности начинаются с первого же пункта — получения необходимых эмпирических данных и описаний. Выше мы не раз говорили, насколько бедна психология такими данными, насколько они недостаточны для начала

соответствующих исследований и в то же время какие значительные ограничения лежат на возможностях привлечения в этом отношении богатейшего архива литературно-художественных исследований. Еще более серьезные препятствия возникают на пути выполнения третьего пункта. Искусственные вариации условий протекания жизненного процесса, нужные нам для проверки психологических гипотез, весьма ограниченны, причем не только и даже не столько из-за ограниченности самих принципиальных возможностей и способов такого вмешательства, сколько из-за элементарных этических соображений — нравственного запрета сколь-нибудь серьезно, а тем паче кардинально менять ход личностного развития ради внешних по отношению к этому развитию, в данном случае чисто научных, опытных целей.

Эти и целый ряд других ограничений в значительной степени снимаются, когда мы переходим к анализу аномального развития. Мы уже упоминали, что описания отклонений в развитии личности представлены значительно богаче, чем описания развития нормального. Парадокс современных представлений о личности как раз и состоит в том, что мы куда больше знаем, по крайней мере в сугубо эмпирическом плане, о ее аномалиях, нежели о том, что есть личность нормальная. Но пожалуй, наиболее важное преимущество состоит в том, что область аномального развития дает уникальную

возможность проследить влияние самых различных вариаций условий на ход и качество внутриличностных процессов. Варьирование условий, введение действия «независимых переменных», порой кардинальным образом меняющих судьбу человека, осуществляются при этом отнюдь не лабораторным, оторванным от контекста жизни путем (что, впрочем, было бы и невозможно), но характером событий самой реальной жизни, будь то внезапная болезнь, сдвиг социальных обстоятельств, нарушение отдельных психических функций и т. п. По сути даже с достаточно строгой научной точки зрения можно сказать, что речь идет об *эксперименте,* отличающемся от лабораторного тем, что вмешательство в исследуемый процесс организуется и осуществляется не самим исследователем, а обстоятельствами, нами фиксируемыми как случившиеся, данные. Искусство состоит здесь, следовательно, не в создании и варьировании стимульных ситуаций, а во-первых, в выборе из представляемого патологией широчайшего диапазона и точной фиксации условий, необходимых для проверки интересующих нас гипотез, и, во-вторых, в «чтении», интерпретации происшедшего жизненного эксперимента. Сразу оговоримся, что подобный эксперимент (его можно вполне подвести под рубрику того, что в литературе обозначается как «эксперимент, на который можно ссылаться» или «эксперимент уже случившийся» [22]) отнюдь не противоречит эксперименту традиционному, лабораторному. Более того, и это надо подчеркнуть сразу, они дополняют и даже подразумевают один другого, ибо лабораторное поведение не может быть до конца понято вне жизненного контекста, равно как существенные психологические детали нередко оказываются пропущенными в анализе жизненного эксперимента и могут быть восполнены лишь в тонком лабораторном опыте.

Итак, если до сих пор мы были заняты в основном тем, что старались подвести общепсихологическую базу под изучение аномального развития личности, показать, что вне общепсихологического, даже — более широко — философско-психологичёского, контекста эти исследования не могут быть сколь-нибудь значимыми и серьезными, то теперь мы подошли к тому, что патологический материал в свою очередь чрезвычайно полезен для общего понимания психологической природы человека, поскольку дает уникальную воз-

можность анализа жизненных экспериментов, с разных сторон испытывающих эту природу.

Для естествоиспытателей мысль об особой ценности патологического материала давно стала очевидной. Что касается врачей-психиатров, то мы уже говорили, насколько высоко многие из них ставили изучение душевной патологии именно как путь к «человеко-знанию», к пониманию психики конкретных людей. В истории психологии мы также встречаем имена очень авторитетных ученых, подчеркивающих значение патологического материала. Можно назвать, например, Теодюля Рибо, который был, видимо, первым среди психологов, кто предложил рассматривать область психической патологии как эксперимент. «Болезнь,— писал он,— является самым тонким экспериментом, осуществленным самой природой в точно определенных обстоятельствах и такими способами, которыми не располагает человеческое искусство». Однако надо признать, что это был скорее призыв, нежели разработка и реализация конкретного подхода. Не случайно поэ-

тому взгляд этот фактически не получил развития, и в дальнейшем пути клинического и научно-психологического исследований, как мы знаем, существенно разошлись: интересы первого сосредоточились на описании феноменологии душевных отклонений и поисках их причин в прямых корреляциях с патофизиологическими процессами; интересы второго — на изучении взятых изолированно от жизненных контекстов механизмов и качеств личности. Понятие же эксперимента по сравнению с предложением Рибо сузилось до лабораторного или в лучшем случае естественного, полевого, понимаемого как изучение некоей сложившейся и, как правило, недолго длящейся ситуации. Все же, что выходит за эти рамки, способно удостоиться лишь эпитета «наблюдения», т. е. метода, по научному рангу значительно нижестоящего, чем метод экспериментальный. И хотя многие крупные ученые (в отечественной психологии достаточно назвать имена Л. С. Выготского, Б. В. Зейгарник, А. Р. Лурии, В. Н. Мясищева и др.) не раз говорили о важности использования данных патологии и не раз доказывали в своих исследованиях правоту этих слов, превалирующее отношение к ценности патологического материала остается среди психологов весьма скептическим. Все, что выходит за грань (чаще совершенно умозрительно определяемую) нормы,

видится протекающим как бы по другому ведению, например ведению психиатрическому, дефектологическому или криминалистическому, и аномальный материал рассматривается по преимуществу как одиозный, чужеродный общей психологии.

Для автора в этом плане была очень памятна одна из бесед с профессором П. Я. Гальпериным. В ответ на восхищение богатством материала психиатрической клиники (автор тогда только начинал свою работу в этой области) Петр Яковлевич сказал: «Да, это все очень интересно, производит грандиозное впечатление, я сам в свое время был захвачен этим впечатлением, но, поверьте мне, ничего не дает для психологии. Ярко, но неприменимо». Слова эти были особенно весомы, поскольку по своему базовому образованию П. Я. Гальперин — медик, психиатр и, прежде чем прийти в психологию, долгое время работал в клинике, знал ее досконально. Действительно, реальное положение дел таково, что, за исключением отдельных примеров гротескного извращения какого-либо свойства личности, общая психология пока крайне редко что берет из богатства клинических описаний. Но в этом виноват, разумеется, не сам по себе клинический материал, а неразработанность собственно психологических методов его анализа и ассимиляции. Не будучи же ассимилированным научной психологией, материал этот и не может стать чем-то иным, кроме как внешней, чисто поверхностно взятой иллюстрацией, броской «картинкой», феноменологическая яркость которой лишь маскирует искомые психологические механизмы, приводя в конце концов к чувству разочарования и скепсиса по отношению к действительной научной ценности исследования аномалий личности.

Рассмотрение аномального развития как особого рода жизненного эксперимента, нахождение способов его соотнесения с результатами лабораторных экспериментов и является, на наш взгляд, наиболее адекватным для психологического освоения данных патологии. Понятно, что первое, от чего мы должны при этом отказаться,— от попыток выведения закономерностей из рассмотрения законченных, определившихся форм аномальных проявлений. На этом пути нас ждет сначала ослепление, энтузиазм от открывшегося феноменологического богатства и яркости, а затем неизбежные разочарования и упомянутый выше скепсис по по-

воду психологической значимости этого материала. Внутренние закономерности могут быть открыты лишь через анализ развития всего «жизненного эксперимента», приведшего к появлению аномального феномена.

Сама мысль о том, что природа явления раскрывается в изучении его движения, истории развития, отнюдь не нова. Гегель писал, что целое — это Werden, т. е. весь процесс становления, а результат — только конечная точка этого процесса, поэтому познание сути явления закрыто для того, кю хочет иметь дело только с результатом. Применительно к психологии важность изучения процесса развития, формирования неоднократно подчеркивали Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Л. С. Рубинштейн и другие выдающиеся отечественные психологи. С особой последовательностью этот подход был воплощен в теории поэтапного формирования умственных действий (П. Я. Гальперин). Однако в работах П. Я. Гальперина, Н. Ф. Талызиной и их многочисленных учеников и последователей

речь шла о познавательных способностях и навыках, формируемых, кроме того, по преимуществу в искусственных, лабораторно поддерживаемых условиях. Нас же сейчас интересуют свойства и феномены личности, данные в их реальном, жизненном развитии. А в изучении этого ракурса психология, как мы знаем, продвинулась чрезвычайно мало, в результате чего в большинстве учебников, научных сочинений и оказалась представленной в разных аспектах и деталях, скорее психология испытуемого, нежели психология человека.

Как можно конкретно реализовать намеченные общеметодологические принципы применительно к задачам данной книги — анализу аномального развития личности?

В появившейся в 1965 г. и ставшей вскоре широко известной патопсихологам статье профессор Б. В. Зей-гарник среди других подходов к изучению личности назвала и *анализ личностных изменений по данным историй* болезни, предложив рассматривать его как важный аспект изучения эмоционально-волевой сферы психически больных [23]. В последующие годы это предложение было реализовано сотрудниками Б. В. Зейгарник применительно к исследованию больных шизофренией, хроническим алкоголизмом, нервной анорексией и др. Конкретные способы использования данных историй болезни в этих работах носили, однако, довольно раз-

розненный и не всегда сопоставимый между собой характер; иными словами, анализ историй оставался еще недостаточно унифицированным методом исследования личности. Первоначальная попытка такой унификации, выделения последовательности и задач конкретных этапов анализа была предпринята нами в 1976 г. [24]

В качестве начального, исходного этапа выделялось тщательное знакомство с историями болезни выбранной для изучения группы больных, демонстрирующих те или иные интересующие нас свойства и феномены личности, их основные вариации и формы протекания.

Для читателей-неспециалистов стоит сказать несколько слов об историях болезни. История болезни в психоневрологической клинике представляет собой особый, не только медицинский, но и психологический, жизненный документ. В ней помимо медицинских данных по возможности подробно собраны сведения, характеризующие жизненный путь больного, типичные для него способы действия, общения, разрешения конфликтов, круг его интересов и изменения этого круга в течение болезни, его взаимоотношения в семье, на работе *. Так или иначе для врача-психиатра важна любая деталь, «мелочь» из жизни пациента, потому что каждая такая деталь помогает ему составить целостное представление о данном больном и сопоставить это представление с опытом психиатрии, отнести его к определенной нозологии, определенному типу психического расстройства. Это очень сложная работа, опирающаяся не только на научные знания, но и на особое искусство, тонкую интуицию, которая столь характерна для хороших психиатров **.

* Следует признать, что, к сожалению, сказанное является справедливым далеко не для всех историй болезни, а лишь для наиболее полных, составленных по всем правилам психиатрического искусства.

** Говоря об интуиции, обычно имеют в виду те эмпирические обобщения, которые создаются у специалиста и которыми он пользуется, часто будучи не в состоянии отчетливо сформулировать их в системе строгих понятий. Вместе с тем, как мы уже имели случай говорить выше, не следует резко противопоставлять искусство и интуицию объективным методам хотя бы потому, что построение и применение последних никогда на деле не обходится без изрядной доли первых, приобретающих в подобном случае лишь эпитет научности (так говорят о научной интуиции, искусстве научного поиска и т. п.) Еще С. П. Боткин писал, что в науке всегда «нужно и искусство исследовать, и наблюдать, и анализировать добытые сведения».

Конечно, история болезни не являет собой легко читаемого, связного изложения развития и изменения образа больного наподобие художественного произведения, рисующего нам образ героя. История болезни — это прежде всего оперативный, рабочий документ, и сведения, помещенные в ней, по своей сути редко могут быть развернутыми и полными. Но именно эти оперативные, отрывочные сведения пунктирами намечают сложный рисунок психического расстройства, документально раскрывают драму душевной болезни и борьбы с ней, поэтому тщательное знакомство с историями болезни необходимо, а его отсутствие ничем не может быть восполнено.

Нельзя, однако, составить представление об особенностях личности, минуя непосредственное общение с человеком, не посмотрев, как раскрываются интересующие нас качества в специальных экспериментах. Поэтому знакомство с историями болезни должно обязательно дополняться опытом общения, клинических бесед, уточняющими лабораторными экспериментами с больными выбранной нами группы. Психиатрическая клиника представляет при этом уникальную возможность общения и экспериментирования с больными, находящимися в разных стадиях изучаемого процесса, разных его вариантах и условиях протекания, что позволяет одновременно видеть не только конечные продукты и симптомы, но и развертку, последовательность развития, приведшего к их появлению.

Следующей задачей данного этапа исследования является составление подробных, достаточно типичных для нашей группы больных историй протекания личностных изменений, в которых в отличие от медицинских историй болезни представлены не отрывочные сведения, а связный, документированный конкретными клиническими и экспериментальными фактами рассказ о возникновении и развитии интересующих нас особенностей психики.

Может возникнуть возражение, что в работах психиатров уже есть систематизированные истории болезни, в которых с документальной точностью и порой художественной яркостью дано описание типичной для того или иного страдания картины душевных отклонений. Описания эти, безусловно, ценны для психолога. Но даже на этом этапе исследования, где психолог многому учится у психиатра, не следует избегать разли-

чий в профессиональном мышлении психолога и психиатра, в их восприятии исследуемого материала. Нередко, например, для психиатра важно показать течение определенного болезненного симптома на фоне своеобразных изменений личности, тогда как для психолога фигура и фон меняются местами — главным выступает все, относящееся к развитию и становлению личности, а не своеобразие болезненной симптоматики. Поэтому материал, извлекаемый психологом и психиатром из одного первоисточника — истории болезни, редко бывает одним и тем же, что объясняется разными плоскостями психиатрического и психологического анализа. Тем самым психолог никак не может «перепоручить» психиатру составление нужных ему клинических описаний.

После того как типичные истории интересующих нас личностных изменений составлены, необходимо тщательно их сопоставить, наложить друг на друга, с тем чтобы выделить, «синтезировать» все те основные, «осевые» моменты, через которые проходит большинство изучаемых нами случаев. Речь идет о тех моментах, которые являются наиболее общими для всей изучаемой группы клинических явлений, хотя, разумеется, в каждой конкретной истории болезни эти моменты могут быть выражены в большей или меньшей степени, выступать явно или в стертом виде.

Восстановление, «синтезирование» единой, наиболее типичной внешней логики развития интересующего нас феномена и должно явиться конечным выходом, продуктом данного этапа анализа. Лишь после этого можно переходить к следующему, второму этапу — *квалификации полученных данных в понятиях современной психологической науки.*

В рамках отечественной психологии основополагающими для характеристики личности являются понятия деятельности, потребности, мотива, личностного смысла (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.). Выше мы говорили о развитии этих понятий, о современных разработках концепции смысловых динамических образований, о разных измерениях, плоскостях анализа личности и т. п. Опираясь на теоретические разработки, психолог на этом этапе должен перевести полученные описания на принятый психологический язык, дать психологическую характеристику основных видов деятельности исследуемых больных.

166

Однако, сделав перевод описания явления с языка клинического на язык психологии, мы по сути еще остаемся в рамках феноменологического подхода, хотя понятно, что возможности применения формализованного языка научной психологии значительно богаче и перспективнее для решения многих задач, чем возможности оперирования образным языком существующих клинических описаний. Напомним, что сущность явления раскрывается лишь тогда, когда известны пути его формирования. Собственно психологическая сущность может быть раскрыта, следовательно, если мы узнаем, по каким психологическим закономерностям возникает данное явление, что движет этим процессом, какие психологические составляющие его образуют. Нельзя надеяться получить ответы на эти вопросы путем простого «подстрочного» перевода описательного текста драмы болезни (пусть это будет даже описание «динамики»—последовательности событий), поскольку внешне наблюдаемые факты и события, как и их определенная последовательность, вовсе не указывают прямо на психологические

закономерности, реализующие поведение человека. (В противном случае отпала бы необходимость в научной психологии личности, в особом, психологическом способе анализа человеческой жизни.) Поэтому встает новая задача, новый, третий и наиболее сложный этап исследования — *создание собственно психологической «модели» формирования данного клинического феномена.*

Итак, вслед за сбором и первичной обработкой клинического и экспериментального материала, этапом «синтезирования» типичной истории развития интересующего нас феномена, вслед за психологической квалификацией, обозначением наблюдаемых состояний, их последовательной «смены мы должны перейти к рассмотрению внутреннего движения процесса, его собственно психологических закономерностей и составляющих.

Общая идея о необходимости подобного направления хода анализа клинических данных была высказана еще Л. С. Выготским. В одной из последних работ — «Диагностика развития и педологическая клини-' ка трудного детства» — он подчеркивал, что при исследовании клинического материала центр тяжести должен быть перенесен с внешних событий (со сходным успехом констатируемых психиатром, педагогом или

167

родственником больного) на изучение и установление внутренних психологических связей *.

Важно подчеркнуть, что такого рода работа есть сугубо специальная задача психолога, малодоступная для представителя смежной профессии, например психиатра, который обычно не владеет столь глубокими знаниями общей теории психологии, соответствующими инструментами, методами и стилем мышления. Психиатр-клиницист, что мы уже отмечали, по роду своей профессии чаще должен оперировать образными представлениями конкретных больных. Картина изменений составляется им не из абстрактных рассуждений, а из ряда фактических наблюдений за конкретными случаями. Психолог же располагает средствами членения целостных образов на отдельные деятельности, мотивы, потребности, смыслы и т. д., средствами соотнесения этих единиц между собой и тем самым получает возможность перейти к усмотрению внутренней (т. е. собственно психологической) механики строения и развития личности **. При этом психолог может ставить перед собой разные общие задачи и конкретные цели, ради которых он строит ту или иную «модель» образования данного клинического феномена. В одних случаях это может быть задача выявления механизмов формирования доминирующей патологической потребности (обширный материал здесь дает изучение наркомании), в других — проблема взаимоотношения «биологическо-

* Л. С. Выготский, например, ярко иллюстрирует недостаточность одного лишь «подстрочного» перевода языка житейских описаний на язык научных, в данном случае психиатрических, терминов. Он приводит наблюдавшуюся им в консультации сцену К психиатру приходит за советом мать, которая жалуется, что ребенок обнаруживает приступы вспыльчивости, гнева, злобы. В этом состоянии, продолжает мать, он может быть опасен для окружающих, запустить камнем в другого ребенка и т. п. В ответ психиатр говорит матери: «Ваш ребенок эпилептоид». «Мать,— продолжает Выготский,— насторожилась и стала внимательно слушать. «Это что же значит?» — спросила она. «Это значит,—

разъяснил ей психиатр,— что мальчик злобный, раздражительный, вспыльчивый, когда рассердится, сам себя не помнит, может быть опасен для окружающих, может запустить камнем в детей и т. д.». Разочарованная мать возразила: «Все это я сама Вам только что рассказала» [25].

** Видимо, поэтому (что наблюдается не столь уж редко) проницательный психиатр-клиницист, который по одному внешнему виду, даже жесту пациента тонко определяет его душевное состояние, может при этом оказаться малоспособным к теоретическому психологическому мышлению. И напротив, ученые-психологи часто обладают весьма посредственным даром видения людей.

168

го» и «психического» (скажем, на примере влияния нарастающей инертности на характер деятельности у больных эпилепсией), в третьих—выделение первичных и вторичных нарушений психики (например, в ходе аномального развития ребенка) и т. д.

Какое место занимает описанный подход в ряду других методов исследования личности?

Большинство существующих методов независимо от их построения и способов обработки полученных результатов объединяет направленность на изучение уже так или иначе сложившегося, «ставшего» психологического явления. Констатируя наличие определенной черты личности, выясняя характеристику ее психологических составляющих, эти методы оставляют в стороне проблему возникновения данного феномена, т. е. как раз то, что, как мы уже знаем, составляет главное условие его психологического познания. Этот недостаток во многом относится, как мы видели, и к такому важному научному методу, как лабораторный эксперимент. Сказанное, однако, призвано не умалить значение эксперимента, а показать его место в познании личности, то, что, как и любой другой метод, он имеет свои ограничения и свою область применения. Самое тонкое экспериментирование не может заменить необходимости теоретической (но опирающейся на определенную процедуру обработки жизненного материала) работы, призванной проанализировать процесс становления изучаемого феномена и построить гипотезу о его целостной психологической природе. Эксперименты в свою очередь совершенно необходимы, поскольку могут во многом подтвердить или подвергнуть сомнению наше построение, могут служить контрольными «срезами», диагностирующими промежуточные результаты постоянно идущего процесса психической жизни. С известным основанием можно утверждать, что психологический анализ становления и развития — это не еще один метод познания психического, а ведущий метод, поскольку он прямо направлен на раскрытие сущности предмета,— метод, без которого все другие — лишь выхватывание частей без попытки понять целое *.

* Мы уже говорили, что в современной психологии растет разочарование в узкосциентистских моделях. По мнению ряда видных ученых (Дж. Брунер, Р. Заззо, С. Московичи, П. Фресс и др.), на смену засилья собственно экспериментальных процедур должны

169

возможность проследить влияние самых различных вариаций условий на ход и

качество внутриличностных процессов. Варьирование условий, введение действия «независимых переменных», порой кардинальным образом меняющих судьбу человека, осуществляются при этом отнюдь не лабораторным, оторванным от контекста жизни путем (что, впрочем, было бы и невозможно), но характером событий самой реальной жизни, будь то внезапная болезнь, сдвиг социальных обстоятельств, нарушение отдельных психических функций и т. п. По сути даже с достаточно строгой научной точки зрения можно сказать, что речь идет об *эксперименте,* отличающемся от лабораторного тем, что вмешательство в исследуемый процесс организуется и осуществляется не самим исследователем, а обстоятельствами, нами фиксируемыми как случившиеся, данные. Искусство состоит здесь, следовательно, не в создании и варьировании стимульных ситуаций, а во-первых, в выборе из представляемого патологией широчайшего диапазона и точной фиксации условий, необходимых для проверки интересующих нас гипотез, и, во-вторых, в «чтении», интерпретации происшедшего жизненного эксперимента. Сразу оговоримся, что подобный эксперимент (его можно вполне подвести под рубрику того, что в литературе обозначается как «эксперимент, на который можно ссылаться» или «эксперимент уже случившийся» [22]) отнюдь не противоречит эксперименту традиционному, лабораторному. Более того, и это надо подчеркнуть сразу, они дополняют и даже подразумевают один другого, ибо лабораторное поведение не может быть до конца понято вне жизненного контекста, равно как существенные психологические детали нередко оказываются пропущенными в анализе жизненного эксперимента и могут быть восполнены лишь в тонком лабораторном опыте.

Итак, если до сих пор мы были заняты в основном тем, что старались подвести общепсихологическую базу под изучение аномального развития личности, показать, что вне общепсихологического, даже — более широко — философско-психологичёского, контекста эти исследования не могут быть сколь-нибудь значимыми и серьезными, то теперь мы подошли к тому, что патологический материал в свою очередь чрезвычайно полезен для общего понимания психологической природы человека, поскольку дает уникальную воз-

160

можность анализа жизненных экспериментов, с разных сторон испытывающих эту природу.

Для естествоиспытателей мысль об особой ценности патологического материала давно стала очевидной. Что касается врачей-психиатров, то мы уже говорили, насколько высоко многие из них ставили изучение душевной патологии именно как путь к «человеко-знанию», к пониманию психики конкретных людей. В истории психологии мы также встречаем имена очень авторитетных ученых, подчеркивающих значение патологического материала. Можно назвать, например, Теодюля Рибо, который был, видимо, первым среди психологов, кто предложил рассматривать область психической патологии как эксперимент. «Болезнь,— писал он,— является самым тонким экспериментом, осуществленным самой природой в точно определенных обстоятельствах и такими способами, которыми не располагает человеческое искусство». Однако надо признать, что это был скорее призыв, нежели разработка и реализация конкретного подхода. Не случайно поэтому взгляд этот фактически не получил развития, и в дальнейшем пути

клинического и научно-психологического исследований, как мы знаем, существенно разошлись: интересы первого сосредоточились на описании феноменологии душевных отклонений и поисках их причин в прямых корреляциях с патофизиологическими процессами; интересы второго — на изучении взятых изолированно от жизненных контекстов механизмов и качеств личности. Понятие же эксперимента по сравнению с предложением Рибо сузилось до лабораторного или в лучшем случае естественного, полевого, понимаемого как изучение некоей сложившейся и, как правило, недолго длящейся ситуации. Все же, что выходит за эти рамки, способно удостоиться лишь эпитета «наблюдения», т. е. метода, по научному рангу значительно нижестоящего, чем метод экспериментальный. И хотя многие крупные ученые (в отечественной психологии достаточно назвать имена Л. С. Выготского, Б. В. Зейгарник, А. Р. Лурии, В. Н. Мясищева и др.) не раз говорили о важности использования данных патологии и не раз доказывали в своих исследованиях правоту этих слов, превалирующее отношение к ценности патологического материала остается среди психологов весьма скептическим. Все, что выходит за грань (чаще совершенно умозрительно определяемую) нормы,

видится протекающим как бы по другому ведению, например ведению психиатрическому, дефектологическому или криминалистическому, и аномальный материал рассматривается по преимуществу как одиозный, чужеродный общей психологии.

Для автора в этом плане была очень памятна одна из бесед с профессором П. Я. Гальпериным. В ответ на восхищение богатством материала психиатрической клиники (автор тогда только начинал свою работу в этой области) Петр Яковлевич сказал: «Да, это все очень интересно, производит грандиозное впечатление, я сам в свое время был захвачен этим впечатлением, но, поверьте мне, ничего не дает для психологии. Ярко, но неприменимо». Слова эти были особенно весомы, поскольку по своему базовому образованию П. Я. Гальперин — медик, психиатр и, прежде чем прийти в психологию, долгое время работал в клинике, знал ее досконально. Действительно, реальное положение дел таково, что, за исключением отдельных примеров гротескного извращения какого-либо свойства личности, общая психология пока крайне редко что берет из богатства клинических описаний. Но в этом виноват, разумеется, не сам по себе клинический материал, а неразработанность собственно психологических методов его анализа и ассимиляции. Не будучи же ассимилированным научной психологией, материал этот и не может стать чем-то иным, кроме как внешней, чисто поверхностно взятой иллюстрацией, броской «картинкой», феноменологическая яркость которой лишь маскирует искомые психологические механизмы, приводя в конце концов к чувству разочарования и скепсиса по отношению к действительной научной ценности исследования аномалий личности.

Рассмотрение аномального развития как особого рода жизненного эксперимента, нахождение способов его соотнесения с результатами лабораторных экспериментов и является, на наш взгляд, наиболее адекватным для психологического освоения данных патологии. Понятно, что первое, от чего мы должны при этом отказаться,— от попыток выведения закономерностей из рассмотрения законченных, определившихся форм аномальных проявлений. На этом пути нас ждет сначала ослепление, энтузиазм от открывшегося феноменологического богатства и яркости, а затем неизбежные разочарования и упомянутый выше скепсис по по-

воду психологической значимости этого материала. Внутренние закономерности могут быть открыты лишь через анализ развития всего «жизненного эксперимента», приведшего к появлению аномального феномена.

Сама мысль о том, что природа явления раскрывается в изучении его движения, истории развития, отнюдь не нова. Гегель писал, что целое — это Werden, т. е. весь процесс становления, а результат — только конечная точка этого процесса, поэтому познание сути явления закрыто для того, KIO хочет иметь дело только с результатом. Применительно к психологии важность изучения процесса развития, формирования неоднократно подчеркивали Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Л. С. Рубинштейн и другие выдающиеся отечественные психологи. С особой последовательностью этот подход был воплощен в теории поэтапного формирования умственных действий (П. Я. Гальперин). Однако в работах П. Я. Гальперина, Н. Ф. Талызиной и их многочисленных учеников и последователей

речь шла о познавательных способностях и навыках, формируемых, кроме того, по преимуществу в искусственных, лабораторно поддерживаемых условиях. Нас же сейчас интересуют свойства и феномены личности, данные в их реальном, жизненном развитии. А в изучении этого ракурса психология, как мы знаем, продвинулась чрезвычайно мало, в результате чего в большинстве учебников, научных сочинений и оказалась представленной в разных аспектах и деталях, скорее психология испытуемого, нежели психология человека.

Как можно конкретно реализовать намеченные общеметодологические принципы применительно к задачам данной книги — анализу аномального развития личности?

В появившейся в 1965 г. и ставшей вскоре широко известной патопсихологам статье профессор Б. В. Зей-гарник среди других подходов к изучению личности назвала и *анализ личностных изменений по данным историй* болезни, предложив рассматривать его как важный аспект изучения эмоционально-волевой сферы психически больных [23]. В последующие годы это предложение было реализовано сотрудниками Б. В. Зейгарник применительно к исследованию больных шизофренией, хроническим алкоголизмом, нервной анорексией и др. Конкретные способы использования данных историй болезни в этих работах носили, однако, довольно раз-

розненный и не всегда сопоставимый между собой характер; иными словами, анализ историй оставался еще недостаточно унифицированным методом исследования личности. Первоначальная попытка такой унификации, выделения последовательности и задач конкретных этапов анализа была предпринята нами в 1976 г. [24]

В качестве начального, исходного этапа выделялось тщательное знакомство с историями болезни выбранной для изучения группы больных, демонстрирующих те или иные интересующие нас свойства и феномены личности, их основные вариации и формы протекания.

Для читателей-неспециалистов стоит сказать несколько слов об историях болезни. История болезни в психоневрологической клинике представляет собой особый, не только медицинский, но и психологический, жизненный документ. В ней помимо медицинских данных по возможности подробно собраны сведения, характеризующие жизненный путь больного, типичные для него способы действия, общения, разрешения конфликтов, круг его интересов и изменения этого круга в течение болезни, его взаимоотношения в семье, на работе *. Так или иначе для врача-психиатра важна любая деталь, «мелочь» из жизни пациента, потому что каждая такая деталь помогает ему составить целостное представление о данном больном и сопоставить это представление с опытом психиатрии, отнести его к определенной нозологии, определенному типу психического расстройства. Это очень сложная работа, опирающаяся не только на научные знания, но и на особое искусство, тонкую интуицию, которая столь характерна для хороших психиатров **.

* Следует признать, что, к сожалению, сказанное является справедливым далеко не для всех историй болезни, а лишь для наиболее полных, составленных по всем правилам психиатрического искусства.

** Говоря об интуиции, обычно имеют в виду те эмпирические обобщения, которые создаются у специалиста и которыми он пользуется, часто будучи не в состоянии отчетливо сформулировать их в системе строгих понятий. Вместе с тем, как мы уже имели случай говорить выше, не следует резко противопоставлять искусство и интуицию объективным методам хотя бы потому, что построение и применение последних никогда на деле не обходится без изрядной доли первых, приобретающих в подобном случае лишь эпитет научности (так говорят о научной интуиции, искусстве научного поиска и т. п.) Еще С. П. Боткин писал, что в науке всегда «нужно и искусство исследовать, и наблюдать, и анализировать добытые сведения».

164

Конечно, история болезни не являет собой легко читаемого, связного изложения развития и изменения образа больного наподобие художественного произведения, рисующего нам образ героя. История болезни — это прежде всего оперативный, рабочий документ, и сведения, помещенные в ней, по своей сути редко могут быть развернутыми и полными. Но именно эти оперативные, отрывочные сведения пунктирами намечают сложный рисунок психического расстройства, документально раскрывают драму душевной болезни и борьбы с ней, поэтому тщательное знакомство с историями болезни необходимо, а его отсутствие ничем не может быть восполнено.

Нельзя, однако, составить представление об особенностях личности, минуя непосредственное общение с человеком, не посмотрев, как раскрываются интересующие нас качества в специальных экспериментах. Поэтому знакомство с историями болезни должно обязательно дополняться опытом общения, клинических бесед, уточняющими лабораторными экспериментами с больными выбранной нами группы. Психиатрическая клиника представляет при этом уникальную возможность общения и экспериментирования с больными, находящимися в разных стадиях изучаемого процесса, разных его вариантах и условиях протекания, что позволяет одновременно видеть не только конечные продукты и симптомы, но и развертку, последовательность развития, приведшего к их появлению.

Следующей задачей данного этапа исследования является составление подробных, достаточно типичных для нашей группы больных историй протекания личностных изменений, в которых в отличие от медицинских историй болезни представлены не отрывочные сведения, а связный, документированный конкретными клиническими и экспериментальными фактами рассказ о возникновении и развитии интересующих нас особенностей психики.

Может возникнуть возражение, что в работах психиатров уже есть систематизированные истории болезни, в которых с документальной точностью и порой художественной яркостью дано описание типичной для того или иного страдания картины душевных отклонений. Описания эти, безусловно, ценны для психолога. Но даже на этом этапе исследования, где психолог многому учится у психиатра, не следует избегать разли-

чий в профессиональном мышлении психолога и психиатра, в их восприятии исследуемого материала. Нередко, например, для психиатра важно показать течение определенного болезненного симптома на фоне своеобразных изменений личности, тогда как для психолога фигура и фон меняются местами — главным выступает все, относящееся к развитию и становлению личности, а не своеобразие болезненной симптоматики. Поэтому материал, извлекаемый психологом и психиатром из одного первоисточника — истории болезни, редко бывает одним и тем же, что объясняется разными плоскостями психиатрического и психологического анализа. Тем самым психолог никак не может «перепоручить» психиатру составление нужных ему клинических описаний.

После того как типичные истории интересующих нас личностных изменений составлены, необходимо тщательно их сопоставить, наложить друг на друга, с тем чтобы выделить, «синтезировать» все те основные, «осевые» моменты, через которые проходит большинство изучаемых нами случаев. Речь идет о тех моментах, которые являются наиболее общими для всей изучаемой группы клинических явлений, хотя, разумеется, в каждой конкретной истории болезни эти моменты могут быть выражены в большей или меньшей степени, выступать явно или в стертом виде.

Восстановление, «синтезирование» единой, наиболее типичной внешней логики развития интересующего нас феномена и должно явиться конечным выходом, продуктом данного этапа анализа. Лишь после этого можно переходить к следующему, второму этапу — *квалификации полученных данных в понятиях современной психологической науки.*

В рамках отечественной психологии основополагающими для характеристики личности являются понятия деятельности, потребности, мотива, личностного смысла (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.). Выше мы говорили о развитии этих понятий, о современных разработках концепции смысловых динамических образований, о разных измерениях, плоскостях анализа личности и т. п. Опираясь на теоретические разработки, психолог на этом этапе должен перевести полученные описания на принятый психологический язык, дать психологическую характеристику основных видов деятельности исследуемых больных.

166

Однако, сделав перевод описания явления с языка клинического на язык психологии, мы по сути еще остаемся в рамках феноменологического подхода, хотя понятно, что возможности применения формализованного языка научной психологии значительно богаче и перспективнее для решения многих задач, чем возможности оперирования образным языком существующих клинических описаний. Напомним, что сущность явления раскрывается лишь тогда, когда известны пути его формирования. Собственно психологическая сущность может быть раскрыта, следовательно, если мы узнаем, по каким психологическим закономерностям возникает данное явление, что движет этим процессом, какие психологические составляющие его образуют. Нельзя надеяться получить ответы на эти вопросы путем простого «подстрочного» перевода описательного текста драмы болезни (пусть это будет даже описание «динамики»—последовательности событий), поскольку внешне наблюдаемые факты и события, как и их определенная последовательность, вовсе не указывают прямо на психологические

закономерности, реализующие поведение человека. (В противном случае отпала бы необходимость в научной психологии личности, в особом, психологическом способе анализа человеческой жизни.) Поэтому встает новая задача, новый, третий и наиболее сложный этап исследования — *создание собственно психологической «модели» формирования данного клинического феномена.*

Итак, вслед за сбором и первичной обработкой клинического и экспериментального материала, этапом «синтезирования» типичной истории развития интересующего нас феномена, вслед за психологической квалификацией, обозначением наблюдаемых состояний, их последовательной «смены мы должны перейти к рассмотрению внутреннего движения процесса, его собственно психологических закономерностей и составляющих.

Общая идея о необходимости подобного направления хода анализа клинических данных была высказана еще Л. С. Выготским. В одной из последних работ — «Диагностика развития и педологическая клини-' ка трудного детства» — он подчеркивал, что при исследовании клинического материала центр тяжести должен быть перенесен с внешних событий (со сходным успехом констатируемых психиатром, педагогом или

родственником больного) на изучение и установление внутренних психологических связей *.

Важно подчеркнуть, что такого рода работа есть сугубо специальная задача психолога, малодоступная для представителя смежной профессии, например психиатра, который обычно не владеет столь глубокими знаниями общей теории психологии, соответствующими инструментами, методами и стилем мышления. Психиатр-клиницист, что мы уже отмечали, по роду своей профессии чаще должен оперировать образными представлениями конкретных больных. Картина изменений составляется им не из абстрактных рассуждений, а из ряда фактических наблюдений за конкретными случаями. Психолог же располагает средствами членения целостных образов на отдельные деятельности, мотивы, потребности, смыслы и т. д., средствами соотнесения этих единиц между собой и тем самым получает возможность перейти к усмотрению внутренней (т. е. собственно психологической) механики строения и развития личности **. При этом психолог может ставить перед собой разные общие задачи и конкретные цели, ради которых он строит ту или иную «модель» образования данного клинического феномена. В одних случаях это может быть задача выявления механизмов формирования доминирующей патологической потребности (обширный материал здесь дает изучение наркомании), в других — проблема взаимоотношения «биологическо-

* Л. С. Выготский, например, ярко иллюстрирует недостаточность одного лишь «подстрочного» перевода языка житейских описаний на язык научных, в данном случае психиатрических, терминов. Он приводит наблюдавшуюся им в консультации сцену К психиатру приходит за советом мать, которая жалуется, что ребенок обнаруживает приступы вспыльчивости, гнева, злобы. В этом состоянии, продолжает мать, он может быть опасен для окружающих, запустить камнем в другого ребенка и т. п. В ответ психиатр говорит матери: «Ваш ребенок эпилептоид». «Мать,— продолжает Выготский,— насторожилась и стала внимательно слушать. «Это что же значит?» — спросила она. «Это значит,— разъяснил ей психиатр,— что мальчик злобный, раздражительный, вспыльчивый, когда рассердится, сам себя не помнит, может быть опасен для окружающих, может запустить камнем в детей и т. д.». Разочарованная мать возразила: «Все это я сама Вам только что рассказала» [25].

** Видимо, поэтому (что наблюдается не столь уж редко) проницательный психиатр-клиницист, который по одному внешнему виду, даже жесту пациента тонко определяет его душевное состояние, может при этом оказаться малоспособным к теоретическому психологическому мышлению. И напротив, ученые-психологи часто обладают весьма посредственным даром видения людей.

го» и «психического» (скажем, на примере влияния нарастающей инертности на характер деятельности у больных эпилепсией), в третьих—выделение первичных и вторичных нарушений психики (например, в ходе аномального развития ребенка) и т. д.

Какое место занимает описанный подход в ряду других методов исследования личности?

Большинство существующих методов независимо от их построения и способов обработки полученных результатов объединяет направленность на изучение уже

так или иначе сложившегося, «ставшего» психологического явления. Констатируя наличие определенной черты личности, выясняя характеристику ее психологических составляющих, эти методы оставляют в стороне проблему возникновения данного феномена, т. е. как раз то, что, как мы уже знаем, составляет главное условие его психологического познания. Этот недостаток во многом относится, как мы видели, и к такому важному научному методу, как лабораторный эксперимент. Сказанное, однако, призвано не умалить значение эксперимента, а показать его место в познании личности, то, что, как и любой другой метод, он имеет свои ограничения и свою область применения. Самое тонкое экспериментирование не может заменить необходимости теоретической (но опирающейся на определенную процедуру обработки жизненного материала) работы, призванной проанализировать процесс становления изучаемого феномена и построить гипотезу о его целостной психологической природе. Эксперименты в свою очередь совершенно необходимы, поскольку могут во многом подтвердить или подвергнуть сомнению наше построение, могут служить контрольными «срезами», диагностирующими промежуточные результаты постоянно идущего процесса психической жизни. С известным основанием можно утверждать, что психологический анализ становления и развития — это не еще один метод познания психического, а ведущий метод, поскольку он прямо направлен на раскрытие сущности предмета,— метод, без которого все другие — лишь выхватывание частей без попытки понять целое *.

* Мы уже говорили, что в современной психологии растет разочарование в узкосциентистских моделях. По мнению ряда видных ученых (Дж. Брунер, Р. Заззо, С. Московичи, П. Фресс и др.), на смену засилья собственно экспериментальных процедур должны

Представленная выше разработка метода, разумеется, была лишь одним из вариантов возможных подходов к анализу клинического материала * и не являлась исчерпывающей. Наиболее уязвимым следовало признать вопрос обоснования и проверки тех «моделей», тех предположений о работе психологических механизмов, к которым мы приходим в результате последовательного применения метода. Конечно, чрезвычайно важным полем проверки гипотез оставалась сама клиника, богатство ее материала. Так, если, исходя из наших «моделей», мы допускали, что некоторое изменение «независимых переменных» повлечет и определенные, заранее прогнозируемые нами изменения личности, то могли с большим основанием рассчитывать на то, что в обширном материале аномального развития можно найти искомые вариации условий, проследить особенности их влияния на изменение личности, соответствие или несоответствие этих изменений нашим ожиданиям, т. е. в конечном счете подтверждение или неподтверждение правоты исходных теоретических «моделей» и построений.

Вместе с тем проверка клиникой при всей ее строгости имеет и недостатки. Прежде всего этот процесс достаточно длительный: сюда входят поиск необходи-

прийти «контекстуальные» типы объяснения, комплексность, сочетание разнообразных методических приемов. Предложенный метод в известной степени отвечает этому требованию, поскольку каждое полученное при его реализации сведение включается в общий контекст анализа реального жизненного развития и, более того, может быть понято лишь в этом контексте. Напомним также, что об особой значимости изучения анамнеза, жизненной истории, говорили многие авторитеты отечественной психологии. Так, В. Н. Мяси-щев, по свидетельству своих учеников, считал, что «в экспериментально-психологических исследованиях личности как тестовые, так и объективные психофизиологические методики являются лишь дополнением к методам психобиографии, анамнеза и наблюдения» [26]. В. С. Мерлин считал, что если удается объективное истолкование фактов, то «анамнез — единственный психологический метод, прямо и непосредственно раскрывающий происхождение и основные закономерности развития индивидуально-психологических особенностей» [27]. Все авторы, упоминающие об этом подходе, говорят, однако, о малой его разработанности, а также о том, насколько это трудный психологический жанр, требующий особой профессиональной квалификации.

* Разработанный метод правильнее следует называть именно анализом клинического материала, а не анализом данных историй болезни, поскольку мы видели, что он опирается отнюдь не только на эти данные, но и на результаты обобщения клинических бесед, наблюдений и экспериментов и др.

мых нам вариаций условий, их фиксация и прослеживание, сбор дополнительных данных (беседы, наблюдения, эксперименты) и многое другое. Фактически каждая такая проверка — это исследование, которое в свою очередь может потребовать новой проверки и развертывания соответствующего нового исследования и т. д. Клиника, жизненный материал, в ней содержащийся, являются в этом плане постоянно идущим испытанием выдвигаемых психологических построений, и ложные, не нашедшие оснований в реальности построения этих испытаний, как правило, не выдерживают и остаются лишь достоянием истории;

зато те, что их проходят и с честью выдерживают, обретают удивительно долгую жизнь в науке. Но помимо этого, повторяем, очень важного, но, если так можно выразиться, окольного, долгого пути проверки необходимо наметить путь более краткий, прямой, оперативный, связывающий, в частности, наши построения не только с логикой научного поиска и теоретических изысканий, но и с насущными прикладными задачами. В области аномального развития (как, пожалуй, ни в какой иной области психологии) невозможно до конца оставаться равнодушным созерцателем и бесстрастным исследователем происходящего, ибо объект исследования не вещь, не абстрактный предмет или физический процесс, а живая драма, иногда трагедия судьбы, отклоняющейся от путей полноценного развития, от путей приобщения к человеческой сущности и счастью. В это происходящее хочется вмешаться, исправить, помочь, направить по другому руслу. Поэтому насущная задача состоит в том, чтобы найти адекватные способы проверки наших выводов не только через анализ вариаций аномального развития, но и через пути коррекции, исправления этого развития, иначе говоря, совместить теоретическую проверку и практическое применение.

На первый взгляд решение такой задачи маловероятно. Действительно, сущность предмета, как мы хорошо знаем, раскрывается через анализ истории его становления. «Познать предмет — значит вскрыть реальный механизм его образования; значит узнать, *как, почему* и *из чего* он «делается», т. е. раскрыть реальный путь и способ его естественного «производства», а в идеале — и искусственного «воспроизводства» в условиях эксперимента»[28]. Но ведь в данном случае речь идет о «производстве» аномального, извращен-

ного продукта, и призыв «в идеале», ради нужд строгого познания осуществить его искусственное воспроизводство выглядел бы чудовищным. Мы можем, однако, пойти по иному пути — пути искусственного «производства» и «воспроизводства» не аномалии, а заданного, планируемого нами «отклонения» от этой аномалии, ее коррекции. Это двойное отрицание, «отрицание отрицания» (сначала норма отрицается в продукте аномального развития, затем сам этот продукт отрицается в сконструированном нами воспитательном, психо-коррекционном процессе), далеко не всегда есть в строгом смысле возврат в русло нормального развития, ибо понятие нормы отнюдь не сводится к отсутствию аномалий; «отклонение от отклонения» может быть лишь началом полноценного развития, одним из способов компенсации нарушений, новой формой приспособления к окружающему и т. п. Однако в любом случае, если мы хотим участвовать в «производстве» и «воспроизводстве» этих вторичных отклонений, нам необходимо опираться на целостную теорию личности, включающую, во-первых, представления об аномальном развитии, его причинах и закономерностях и, во-вторых, представления о внутренних механизмах и направленности нормального, продуктивного развития. Первое даст возможность определить структуру и динамику исследуемого личностного дефекта, наиболее благоприятные для получения коррекционного эффекта моменты и способы воздействия. Данные же о норме составят перспективу роста личности, путей ее дальнейшего развития. Отсюда следует, что если сознательно спровоцированное нами «отклонение от отклонения», последующий путь перевоспитания и коррекции личности оказались успешными, то это должно свидетельствовать в пользу верности, правоты тех общих, ориентировавших нас теоретических «моделей», на основании которых строились наши воздействия.

Такой способ проверки теоретических построений и представляется наиболее приемлемым, наиболее адекватным для изучения аномального развития, поскольку в нем удается сочетать, непосредственно соотносить и чисто исследовательские, научные задачи, и задачи коррекционные, гуманитарно-воспитательные, прикладные. То, что при этом проверке подвергаются не только «модели» собственно аномального развития, но и определенные «модели» развития нормы, отнюдь не явля-

ется препятствием или недостатком, поскольку учения о норме и патологии в принципе не могут рассматриваться совершенно изолированно, оторванно друг от друга. Теория психологии изучает один объект — закономерности психической жизни человека, понять которые можно, лишь исследуя все проявления, все возможные этапы, варианты и испытания этой жизни, в том числе и испытания экстремальными условиями аномального развития. Психический аппарат человека един, и единой должна быть теория, его объясняющая.

Итак, предлагаемый подход к изучению аномального развития личности может быть сведен к следующему. Вначале анализируется процесс возникновения и становления интересующего нас психического нарушения, его составляющие, свойства и основные вариации протекания; затем строится теоретическая «модель» аномального развития, которая в свою очередь является основой для разработки формирующего эксперимента, системы психокоррекционных и воспитательных

воздействий, с одной стороны направленных на разрешение какой-либо практической задачи, а с другой — служащих опытной проверкой выдвинутых построений. Если, таким образом, следствием психологического анализа является опосредствованное теоретическими гипотезами и моделями вмешательство в исследуемую действительность и ее преобразование, результаты которого проверяют и корригируют ход психологического анализа, то весь метод в целом можно назвать *анали-тико-преобразующим* [29].

Данный подход достаточно хорошо согласуется с традициями отечественной психологии. Если воспользоваться классификацией, предложенной Я. А. Пономаревым, то речь идет о действенно-преобразующем типе знания, в котором на основе эмпирического материала создается аналитико-синтетическая модель явления, превращающаяся затем в руководство для практических действий [30]. Можно также вспомнить о важном, но до сих пор малореализованном призыве Г. С. Костюка изучать личность, преобразуя ее[31]. Но наиболее тесно предложенный подход соприкасается с исследованиями школы Л. С. Выготского, продолжая линию развития экспериментально-генетического метода. Д. Б. Эльконин писал: «Экспериментально-генетический метод есть способ искусственного — в специально созданных условиях — восстановления гене-

зиса ^развития исследуемого процесса, есть метод ис-следования-того *нового,* что возникает в психике человека. Выготский неоднократно подчеркивал, что данный метод может дать только схемы процесса и что нужна еще дополнительная работа по выяснению того, что в реальной жизни заменяет эти схемы или соответствует им» [32].

Последующее развитие метода можно в известной степени представить как путь восхождения от отдельных схем к реалиям жизни. У самого Выготского мы находим лишь эпизод воссоздания, восстановления генезиса, когда с помощью методики Выготского — Сахарова формировалось искусственное понятие и первоначально бессмысленному слогу (биг, цев и др.) придавалось некое значение. Понятно, что эпизод этот был совершенно изолированным от реальности и имел сугубо узкий научный смысл. На следующем этапе появились более длительные и сложные эксперименты, в которых формировались уже вполне определенные психические способности. Здесь можно назвать классические опыты А. Н. Леонтьева по цветоразличению и формированию звуковысотного слуха. Следующий этап — работы школы П. Я. Гальперина — разработка теории и практики эксперимента в области формирования широкого диапазона умственных действий. Наконец, исследования школы В. В. Давыдова, в которых осуществляется выход за рамки лабораторных условий, перенос опыта в обстановку экспериментальных учебных классов, учет совместной деятельности, длительное и преемственное психолого-педагогическое формирование знаний. В нашем же случае как источником исследования, так и ее конечным адресатом становится реальная жизнь человека, клиника его целостного поведения. Опосредуют же процесс выводимые психологические схемы и модели. Иными словами, целью ставится та «дополнительная работа», о которой говорил Л. С. Выготский, т. е. выяснение того, что в реальной жизни соответствует психологическим схемам и как с помощью этих схем можно повлиять на реальную жизнь.

Теперь, после рассмотрения некоторых исходных теоретических и методологических оснований изучения аномального развития личности, введения этой проблематики в общепсихологический контекст, перейдем к данным конкретных исследований.

174

ГЛАВА IV

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ АНОМАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

1. «СДВИГ МОТИВА НА ЦЕЛЬ» КАК МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ ПАТОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРТ

Название параграфа, возможно, вызовет недоумение у знающих общую психологию. Действительно, механизм «сдвига мотива на цель», наиболее тщательно описанный А. Н. Леонтьевым *, традиционно ассоциируют, связывают с расширением круга мотивов, появлением новых предметов деятельности, словом, с позитивными сдвигами в развитии мотивационной сферы личности. «Рождение новых высших мотивов и формирование соответствующих им новых специфических человеческих потребностей...— писал А. Н. Леонтьев,— происходит в форме сдвига мотивов на цели и их осознания» '. Как можно в таком случае связывать данный механизм с развитием патологическим?

Дело, однако, не в полемической заостренности предложенного названия (хотя признаем здесь и некоторую долю этого), а в принципиальной для данной книги по-

* Сам феномен, ставший основой выделения данного механизма, известен в психологии давно. Еще у В. Вундта мы читаем о «гетеро-гении целей», происходящей в тех случаях, например, когда человек приступает к изучению иностранного языка для того, скажем, чтобы иметь возможность немного общаться во время предстоящей поездки за границу с местными жителями, т. е- ставя для этого занятия цель чисто служебную, утилитарную. Но в ходе изучения он настолько увлекается самим по себе языком, что это занятие перерастает во вполне самостоятельное значимое дело, продолжающее существовать и развиваться уже вне зависимости от побудившей его некогда цели. Совершенно аналогичный пример приводит и А. Н. Леонтьев: ученик приступает к чтению учебника, чтобы сдать экзамен по данному предмету, но содержание настолько его увлекает, что кладет начало самостоятельному и долгому интересу к описываемому в книге предмету, иначе говоря, то, что раньше было целью, становится мотивом. Сходные процессы были описаны и другими исследователями, например Г. Олпортом, который отмечал, что при превращении «средств в цели» они могут приобретать силу самостоятельных мотивов.

<75

становке проблемы, согласно которой психологические механизмы едины и для нормы, и для патологии, но их функционирование протекает и столь разных условиях, что приводит к качественно разным, на первый взгляд несовместимым конечным продуктам. Чтобы подвергнуть испытанию, проверить эту мысль, мы и взяли традиционно приписываемый нормальному развитию механизм, который, если наша гипотеза верна, должен играть столь же важную роль и в развитии патологическом. В качестве модели такого патологического развития рассмотрим процесс изменений личности при эпилепсии.

Описания феноменологии поведения больных эпилепсией широко представлены в психиатрической литературе. Большинство авторов отмечают возникновение у больных определенных, не свойственных им ранее черт: они делаются крайне эгоцентричными, появляется придирчивость к окружающим, стремление поучать, ханжество и угодливость, а наряду с этим нередкая злобность, злопамятность, возможность брутальной агрессивности и жестокости. Многие авторы отмечают особую педантичность больных эпилепсией, навязчивое стремление к строгому порядку и ряд других черт. Все вместе они образуют характер, едва ли не самый яркий в психиатрической клинике. Как же он формируется, в чем причина его возникновения?

В психиатрической литературе наряду с подробными описаниями феноменологии поведения и характера больных эпилепсией отсутствует анализ того, как сформировался этот характер. Мы говорили в предыдущей главе, что в психиатрии причины изменений личности нередко прямо сводятся к патофизиологическим нарушениям без учета собственно психологических опосредствующих звеньев. Эпилепсия не составляет в этом плане исключения; авторы в лучшем случае ограничиваются попыткой установления корреляций между типом болезненного процесса и теми или иными особенностями личности. Получается, что наличие очага эпилепсии в головном мозгу есть прямая причина эгоцентризма или мелочной педантичности. Конечно, легко предположить, что, чем злокачественнее протекает болезнь, тем усугубленнее становятся нарушения личности. Однако такого рода корреляции вряд ли могут объяснить особенности личности. Они лишь ставят проблему, решать которую — дело дальнейшего анализа. Здесь уместно при-

176

вести слова Л. С. Выготского, который писал в свое время по поводу педологических диагнозов типа: ребенок аномален, потому что его отец — алкоголик. «Но какими же бесчисленными соединениями, посредствующими звеньями, переходами связана причина со следствием... какая пустота зияет в... истории развития, если он (исследователь.— *Б.Б.)* прямо и непосредственно сводит первое и последнее звенья длинной цепи, опуская все промежуточные! Какое страшнейшее упрощение действительности, какая вульгаризация научного метода!» [2]

Прежде чем приступить к анализу психологических закономерностей формирования личностных аномалий при эпилепсии (равно как аномалий при любой другой форме душевной болезни), необходимо предварительно определить по крайней мере следующее. Во-первых, в каких условиях протекает исследуемый процесс, в чем их отличие от условий благополучного, нормального развития?

Во-вторых, какой именно феномен личностных нарушений, возникающих в рамках этих условий, станет объектом нашего изучения, материалом для поисков собственно психологических опосредствующих, промежуточных звеньев процесса? В таком случае «независимой переменной» могут быть фиксируемые нарушения некоторых физиологических условий, а «зависимой переменной» — психические процессы, протекающие в этих измененных условиях. Если вспомнить предложенное нами деление психического здоровья на уровни, то речь идет о том, как нарушения психофизиологического уровня могут влиять на два вышележащих — уровень реализации и личностно-смысловой.

Пожалуй, в данном случае наиболее выраженным и наиболее хорошо изученным параметром извращенного психофизиологического уровня является инертность, тугоподвижность нервных и психических процессов. Проследим поэтому, как нарастание тугоподвиж-ности, инертности может влиять на формирование личностных отклонений. При этом в качестве непосредственного объекта исследования возьмем патологическую педантичность, поскольку это свойство, с одной стороны, чрезвычайно типично для больных эпилепсией, что отмечается практически всеми авторами, а с другой — наиболее легко фиксируемо, объективно проявляемо во внешне наблюдаемом поведении и способах действия больного.

Проведенный анализ клинических данных показал, что на первых стадиях болезни часто не обнаруживается какой-либо специальный патологический оттенок в стремлении к последовательности и педантичности действий, которое является даже известного рода компенсацией первичных, идущих от биологических особен-ностей болезни дефектов. Например, только при помощи тщательного и последовательного выполнения всех элементов стоящего перед ним задания больной может компенсировать тугоподвижность мыслительных процессов и прийти к правильному решению.

Однако последовательное выполнение отдельных элементов задания требует (хотя бы на время) отвлечения от конечной цели всей деятельности. И чем труднее для больного выполнение данного элемента задания, тем больше это отвлечение, пока наконец само выполнение отдельного действия не становится самоцелью и не приобретает самостоятельной мотивирующей силы. Читатель легко узнает в этом описании механизм «сдвига мотива на цель», однако вследствие особых условий его функционирования он в данном случае ведет не к расширению мотивационных устремлений, а, напротив, к их сужению, замыканию на отдельных элементах некогда развернутой и сложной деятельности. Следует добавить, что эти особые условия образует не только нарастающая инертность, хотя в формировании патологической педантичности она играет, на наш взгляд, ведущую роль, но и ряд других параметров, прежде всего появляющееся интеллектуальное снижение, в основе которого лежит органическое поражение мозга.

Приведем несколько поясняющих примеров из историй болезни. Больные эпилепсией иногда становятся чертежниками, переплетчиками и выполняют эту работу медленно, но чрезвычайно тщательно. Работа чертежника сама по себе требует известного смещения внимания с реального предмета на четкое проведение линий. Здесь больные и находят себя. Один из них — бывший инженер, который раньше, по его словам, «не переносил черчения», так говорит теперь о своей работе чертежника: «Я не люблю, как другие, лишь бы как сделать... предпочитаю начертить на миллиметровочке цветным карандашом, по лекалу провожу кривую. Девушки чертят от руки, а я считаю, что нужно точнее».

Другой больной — в прошлом подающий надежды музыкант — теперь работает переплетчиком. Очень до-

волен и горд своей работой. По словам сослуживцев, переплетает крайне медленно, но с большой тщательностью. Никогда не интересуется содеожанием пеое-плетаемых книг.

Третий случай. Мастер по ремонту холодильников, получает пенсию, ремонтирует холодильники дома. Делает работу чрезвычайно медленно, не только устраняет основную поломку, но обычно после этого разбирает весь мотор, просматривает все детали, затем долго его собирает. Если заметит царапину на ручке или дверце — обязательно закрасит их. Очень любит, когда говорят о его аккуратности и тщательности. Несколько раз отказывался брать деньги за ремонт, говоря: «не из-за денег стараюсь» (данные Л. А. Шустовой).

Наконец, последний больной, находящийся в исходной стадии болезни, часами собирает на полу разный мусор и аккуратными рядами складывает его у себя на кровати.

Таким образом, если в нормальном, продуктивном развитии «сдвиги мотива на цель» ведут к расширению деятельности, развертыванию ее во все новых сферах, то при данном виде патологии, вследствие особых условий функционирования, этот же механизм ведет к сужению деятельности, сосредоточению ее на отдельных деталях.

Следует отметить, что само по себе сужение поля ориентировки — это специфическая черта всех больных, страдающих текущими органическими заболеваниями (например, сосудистого или травматического генеза). Она не позволяет таким больным сразу охватить все существенные элементы ситуации, и они вынуждены «от одновременного (симультанного) восприятия переходить к замедленному последовательному (сукцессив-ному) и как бы возвращаться к началу для синтеза всего воспринятого» [3]. Такой процесс неизбежно ведет к конкретно-ситуационной структуре восприятия, к трудностям переключения внимания, одновременного совмещения нескольких признаков. Обычно таким больным доступны лишь те виды деятельности, где требования к широте охвата и быстроте ориентировки невелики (они могут достаточно успешно работать гравёрами, лекальщиками, часовщиками, но не шоферами, операторами или диспетчерами).

Все перечисленные нарушения ориентировки в полной мере свойственны и больным эпилепсией. Однако

здесь процесс значительно усугубляется нарастающей инертностью, тугоподвижностью нервных и психических процессов. Именно этот дефект является, как мы говорили, характерным для эпилепсии, именно он прежде всего создает особые, искаженные условия протекания психической деятельности. Причем важно учесть, что это искажение касается не условий протекания какой-либо одной деятельности, но всех деятельностей сразу, всех душевных процессов данного человека.

Понятно поэтому, почему со временем больным эпилепсией становятся труднодоступными не только сложные виды деятельности, но и прежде отработанные автоматизированные действия (навыки). Чтобы представить, к каким психологическим последствиям это приводит, достаточно вспомнить значение автоматизированных действий в психической жизни. Именно благодаря тому что некоторые действия закрепляются в качестве навыков и как бы спускаются в план автоматизированных актов, сознательная деятельность человека, разгружаясь от регулирования относительно элементарных актов, может направляться на разрешение более сложных задач [4]. При эпилепсии происходит, напротив, дезавтоматизация, которая засоряет сознание, переключая его на выполнение того, что в норме является лишь вспомогательной технической операцией.

Намеченная схема напоминает процесс, обратный обычному ходу развития и обучения, при котором при появлении всякой новой деятельности входящие в ее состав звенья вначале формируются как отдельные сознательные действия, а затем могут превращаться в операции. Здесь же мы наблюдаем как бы обратное: операции, т. е. способы выполнения каких-либо действий, дезавтоматизируются и сами становятся действиями, направленными на достижение сознательной цели.

Является ли данный процесс (превращение операции в действие) собственно патологическим, аномальным? Отнюдь нет, он часто случается и в обычной, «нормальной» жизнедеятельности. «Достаточно... какого-нибудь отклонения от нормального осуществления... операции, и тогда сама эта операция, как и ее предметные условия, отчетливо выступает в сознании» ". Более того, процесс осознания самого способа выполнения действия чрезвычайно важен. Он помогает сознательно проверить все звенья предварительно отработанного действия, найти ошибку в выполнении или примерить

180

способ выполнения к новым, изменившимся условиям.

Что же тогда делает этот процесс злокачественным при эпилепсии? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что в норме овладение, последовательная отработка какой-либо операции (даже если она идет с трудом, встречая на пути препятствия и требуя от человека полной сознательности и напряжения), как правило, не становится сама по себе самостоятельным мотивом, это лишь промежуточная цель, подчиненная какому-либо дальнему мотиву. Поэтому и смысл отработки лежит вне ее, он лежит в системе куда более широких отношений. Иначе говоря, любой отрабатываемый навык получает свою психологическую определенность в зависимости от характера его включения в вышележащие личностные уровни. Так, человек овладевает операцией изменения скоростей не ради ее самой, но чтобы научиться управлять автомобилем. В свою очередь умение управлять автомобилем займет разное место в моти-вационно-смысловой иерархии

в зависимости от того, кем собирается быть данный человек — профессиональным шофером или шофером-любителем.

Иное происходит при эпилепсии. Как отмечалось, вследствие нарастающей инертности психических процессов дезавтоматизация захватывает не одну какую-нибудь деятельность больного, но равно все его деятельности, что вызывает значительную перегрузку сознания, вынужденного вникать в каждую техническую подробность выполнения действия. В результате каждая такая техническая подробность, каждая операция может стать сама по себе сознательной целью, а затем и сознательным мотивом деятельности больного. «Деятельность», как основная единица психики, перемещается и замыкается в узком кругу того, что в норме является «действием» или «операцией», т. е. единицами вспомогательными.

Вместе со смещением, сдвигом мотива из широкого поля деятельности на выполнение узкого действия происходит к соответствующее смещение смысловых отношений или «сокращение смысловых единиц деятельности»: сложная, развернутая деятельность теряет смысл для больного, главным же становится выполнение отдельных, ранее вспомогательных действий, которые теперь в свою очередь становятся смыслообразующими для еще более мелких и примитивных действий. (Сдвиг мотива из широкой деятельности на выполнение узкого,

вспомогательного действия можно показать и экспериментально [6].)

Из общей психологии известно, что, чем более опосредствована деятельность, тем более она осознана, тем сложнее и разнообразнее способы удовлетворения человеческих потребностей. Именно ясное осознание дальней цели, всех многообразных, варьирующих в зависимости от обстоятельств путей к ней дает возможность человеку по своему усмотрению пользоваться теми или иными действиями, сознательно управлять своим поведением.

При эпилепсии деятельность, обедненная до уровня того, что в норме служит вспомогательным действием, становится чрезвычайно мало опосредствованной. Она лишена гибкости, стереотипна, жестко закреплена на одних и тех же способах удовлетворения. Если учесть, что выполнение такой «редуцированной» деятельности несет для больных определенный личностный смысл (феномен «сокращения смысловых единиц деятельности»), то становятся психологически понятными многие неадекватные поступки больных эпилепсией. Так, например, больные не терпят малейших нарушений заведенного ими порядка. Один из больных (упомянутый выше мастер по ремонту холодильников) буквально истязал малолетнюю дочь за пятно на скатерти или измазанное платье. Другой больной ударил жену за то, что она случайно изменила порядок расположения вещей в его комнате. Подобных примеров множество в историях болезни, но уже из сказанного видно, что в ходе болезни аккуратность, педантичность становятся не просто компенсацией (пусть и неудачной), не просто привычным и наиболее удобным способом действова-ния, но определенным отношением к миру, определенным смысловым восприятием мира, определенной социальной, межличностной позицией.

Механизм образования патологической педантичности описан здесь, конечно, достаточно схематично. В данном анализе не учитывались, например, существенные различия между формами болезни и другие особенности клиники эпилепсии. Однако те закономерности, которые мы наблюдали при формировании патологической педантичности, достаточно типичны и для образования других черт больных эпилепсией. В основе их формирования также лежит функционирование механизма «сдвига мотива на цель», переход от «широкой»

182

к «узкой» деятельности, жесткое закрепление на одних и тех же способах выполнения, «сокращение смысловых единиц деятельности» и др.

Возьмем, например, такую своеобразную черту больных, как злопамятность, которая по-видимости противоречит сведениям о существенных нарушениях памяти и мышления при эпилепсии [7]. Действительно, эпилепсия — органическое заболевание, которое при неблагоприятном течении ведет к достаточно выраженному слабоумию, снижению продуктивности интеллектуально-мнестических процессов. Как же при этих дефектах больные оказываются способными прочно и надолго запоминать?

По сути мы здесь сталкиваемся с двойным парадоксом. Первый парадокс возникает в том случае, если следовать принятой в медицине логике прямых корреляций между патофизиологическими особенностями болезни и феноменологией поведения. По этой логике мы вправе ожидать, что органический процесс приведет к грубым мнемическим нарушениям, тогда как на деле

приходится констатировать во многих случаях цепкую и долговременную память. Второй парадокс относится уже скорее к сфере психологии и заключается в том, что тонкое экспериментальное исследование констатирует нарушения, которые противоречат данным о жизненном (вне-лабораторном) поведении больных.

Разрешить эти парадоксы возможно лишь обращением к психологическому анализу всего процесса изменений личности при эпилепсии, и прежде всего роли в этом процессе происходящих преобразований деятельности. Описанное выше редуцирование деятельности, точнее, превращение некогда вспомогательных действий в самостоятельные деятельности неизбежно меняет смысловые отношения к миру. Разумеется, процесс при этом идет не только в направлении от дезавтоматизации деятельности к нарушениям смысловых образований, но и обратно: патологическая суженность последних начинает вызывать стойкие нарушения регуляции деятельности. То, что для здорового является пустяком, а иногда и вовсе незаметной деталью, для больного может иметь прямой, нередко внутренне аффективно насыщенный смысл. Вот почему такой больной может долго помнить и мстительно сохранять в себе воспоминание о некогда полученной обиде, о которой нередко не знает сам «оскорбитель», поскольку и не предполагает, что его

действия были истолкованы как обидные. Так, Г. Груле приводит слова одного больного эпилепсией: «Вы не думайте, что мои способности или, скажем, граница моего разума или рассудочные мои функции пострадали таким образом, что я не помню, как вы, когда меня увидели 26 ноября 1901 года в половине четвертого днем на улице Гёте в первый раз, обошлись тогда со мной, если позволите так выразиться, достаточно неблаговидно и оскорбительно на меня посмотрели» [8]. Понятно, что на месте больного нормальный субъект мог бы легко объяснить происшедшее рассеянностью профессора или какой-либо другой подходящей причиной, не придав ему сколь-нибудь важного значения. Надо быть больным эпилепсией, т. е. иметь все присущие ему искажения структуры деятельности и смысловой сферы, чтобы этот эпизод преобразовать в своем восприятии в смертельное оскорбление и накрепко запомнить все его самые мельчайшие детали.

Таким образом, суженный, аффективно-насыщенный смысл и является тем психологическим допингом, который улучшает показатели памяти, делая их в определенных случаях даже высокими, несмотря на дефектность органической почвы. Но что чрезвычайно важно подчеркнуть, это улучшение не памяти вообще, а именно памяти на отдельные детали *, связанные со своеобразным смысловым смещением переживаний больного. Отсюда и понятно, как можно разрешить вышеобозна-ченные парадоксы. Парадокс «медицинский» возникает потому, что при попытке установления прямых корреляционных зависимостей между патофизиологией и поведением игнорируются внутренние опосредствующие механизмы, меж тем как последние могут существенно изменять и варьировать результаты процесса, явно нарушая ожидаемые коррелятивные связи. «Психологический» парадокс объясняется тем, что в лабораторном эксперименте констатируются нарушения памяти в их дистиллированном, очищенном от реальных смысловых отношений виде. Привнесение же этих отношений, включение процессов памяти в жизнь больного неизбежно дают иные результаты. Этим, в частности, еще раз доказывается недостаточность «экспериментов в вакууме»,

* Напомним, однако, что отдельными деталями они являются лишь в нашем восприятии, ориентированном на более широкие смысловые системы; в структуре же поведения больного — это целостные, высоко значимые для него формы деятельности.

вне сопоставления с анализом жизненных данных, с анализом решения не искусственно созданных, а реальных, затрагивающих личность человека жизненных задач.

Кратко рассмотрим теперь генез еще одной широко известной черты больных эпилепсией — постоянную, особую заботу о своем здоровье. Само ее возникновение вполне понятно, ведь эпилепсия — тяжелое, прогрессирующее заболевание. Судорожные припадки, особенно в начале болезни, обычно вызывают целую гамму тягостных переживаний. По наблюдениям клиницистов, к ним следует в первую очередь отнести навязчивый страх перед припадком и его последствиями, ожидание ухудшения своего состояния, установку на получение «немедленного радикального излечения», различные ипохондрические реакции и др. Естественно, что больные готовы активно лечиться, строго выполнять все предписания врача, поскольку знают, что всякое нарушение режима лечения может

привести к появлению новых припадков.

Вначале больные рассматривают заботу о своем здоровье прежде всего как необходимое средство для продолжения привычной им деятельности (работы, учебы и т. д.), с которой связаны их основные смысловые устремления. Со временем эта забота уже перестает подчиняться более дальним мотивам и постепенно становится самоцелью («сдвиг мотива на цель» и другие рассмотренные выше механизмы). Наконец, в поздних стадиях для больных нередко становится главным уже не сама забота о здоровье, а тщательное, педантичное выполнение тех или иных врачебных процедур. Приходилось видеть, как иногда больной эпилепсией способен устроить целый скандал в больничной палате, если ему вместо привычных по виду таблеток дадут порошки или таблетки иной формы и размера. Все объяснения медицинского персонала, что по составу это то же самое лекарство, могут быть совершенно напрасными. Для больного главным и смыслообразующим становится сам прием таблеток строго определенного вида, т. е. то, что раньше было лишь технической операцией, вспомогательным средством и могло быть поэтому достаточно легко заменено другим, адекватным ему средством. В результате меняется и характер заботы о своем здоровье. Эта забота перестает отвечать объективным требованиям, становится патологической.

Подведем некоторые итоги. Прежде всего анализ из-

менений личности при эпилепсии подтверждает общие .теоретические положения, высказанные в гл. II. Мы видели, что сфера психического развивается по собственным, присущим только ей внутренним законам, что при формировании аномалий личности действуют в основном психологические механизмы, общие и для протекания нормальной психической жизни (такие, как «сдвиг мотива на цель», превращение операции в действие при столкновении с трудностями реализации деятельности и др.). Из этого не следует, однако, что можно игнорировать или умалять значение биологических особенностей болезни, речь идет о том, чтобы определить их действительное место и роль. Роль же эта, по-видимому, заключается в том, что ими обусловливаются (в случаях неблагоприятного течения можно сказать резче — диктуются) как бы все более сужающиеся рамки течения психических процессов. Вне этих условий невозможно появление специфически патологических черт, как невозможна и сама психическая болезнь. Отсюда и изменения психики надо рассматривать не изолированно от биологических особенностей болезни, но как постоянно протекающие в особых, не имеющих аналога в норме рамках условий, диктуемых болезненным процессом.

Что же касается многократно и остро дискутируемой проблемы — является ли методологически приемлемым перенос данных, полученных при исследовании патологии, на объяснение нормального поведения, или следует, наоборот, идти только от нормы к патологии,— то эту проблему в свете сказанного следует признать ложной. Если брать патологию и норму как таковые, т. е. в их конечных, ставших продуктах, то ни о каком адекватном их соотнесении речи быть вообще не может: здесь путь «от нормы к патологии», равно как и «от патологии к норме», одинаково приведет лишь к сугубо поверхностным, внешним аналогиям. Другое дело, если мы от описания конечных продуктов переходим к анализу самого движения, развития психики, вычленения его закономерностей и механизмов. В таком случае, какой бы тип движения (нормальный или аномальный) мы ни исследовали, полученные данные могут быть одинаково полезными как для патопсихологического, так и для общепсихологического понимания человеческой личности. Идти надо, следовательно, не от патологии к норме и не от нормы к патологии, а в направлении использования и нормы, и патологии для изучения с разных сто-

рон особенностей работы единого психического аппарата, способов его развития и функционирования.

Такая переориентация патопсихологии или, если брать шире, клинической психологии отвечает и логике развития современной общей психологии, прежде всего общей психологии личности. Следует признать, о чем уже упоминалось, что проблема аномалий личности остается до сих пор по-настоящему не введенной в общепсихологический контекст. Между тем, коль психика едина, то патология проистекает не из-за того, что наряду с «нормальными» начинают действовать сугубо «аномальные» механизмы, а из-за того, что общие психологические механизмы начинают извращаться, функционируя в особых, экстремальных, пагубных для них условиях. Формула — «болезнь есть стесненная в своей свободе жизнь» полностью относима и к болезни психической, душевной и, соответственно, жизни души. Поэтому клиническая психология непосредственно

смыкается с общей психологией — в широком понимании,— является ее частью, а именно — главой о функционировании психики в особых, экстремальных, стесненных условиях, главой, без которой общая психология будет заведомо не полной. Чтобы выделить эту часть, эту главу общей психологии, назовем ее *клинической общей психологией.*

Исследование изменений личности при эпилепсии дает материал и к обсуждению выдвинутой в гл. **II** гипотезы об уровнях, параметрах психического здоровья. Напомним, что высший уровень психического здоровья был определен как личностно-смысловой, или уровень личностного здоровья. Затем шел уровень индивидуально-исполнительский, определяющий адекватность способов реализации мотивационно-смысловых устремлений. Наконец, рассматривался уровень психофизиологического здоровья, непосредственно обусловленный особенностями нейрофизиологической организации актов психической деятельности.

Проведенный анализ в целом показывает правомерность выделения этих уровней и наличие достаточно тесной взаимосвязи их между собой. Последнее обстоятельство является, однако, и несколько настораживающим, ведь в предыдущей (теоретической) главе мы выдвигали в качестве принципиального положение о том, что психическое здоровье, будучи многоуровневым, может страдать на одних уровнях при относительной сох-

ранности других. Не являются ли тогда данные, полученные при анализе эпилепсии, противоречащими этому положению?

Действительно, грубое нарушение психофизиологического уровня ведет, как мы видели, к существенным искажениям условий протекания деятельности. В результате развернутая, ориентированная на дальние цели деятельность становится трудновыполнимой, происходят «сдвиги мотива на цель» и другие описанные выше процессы, приводящие к нарушению индивидуально-психологического уровня, способов реализации. В свою очередь нарушения этого уровня не могут определенным образом не затронуть и высший, личностно-смысловой уровень, уровень личностного здоровья, связанные с ним общие смысловые ориентации.

Нельзя, однако, воспринимать эти связи как сугубо трансмиссионные, механически передающие развитие дефекта от уровня к уровню. Даже при таком крайне тяжелом заболевании, как эпилепсия, с неизбежным поражением базового уровня возможны разные отношения с вышележащими уровнями, и прежде всего с уровнем личностного здоровья. Чтобы не быть голословным, приведем данные работы В. Г. Семчука, выполненной под нашим с Е. С. Мазур руководством в 1981—1982 гг. При экспериментально-психологическом исследовании больных эпилепсией были выделены две подгруппы испытуемых примерно с одинаковой формой и тяжестью заболевания. Сходными были результаты исследования психофизиологического уровня (инертность, замедленность восприятия, трудность совмещения нескольких признаков и др.). Однако личностно-смысловая направленность больных оказалась существенно различающейся. Больные первой подгруппы обнаруживали все те «классические» отрицательные черты, которые обычно приписываются психиатрами эпилептическому типу развития как имманентно ему присущие: крайний эгоцентризм, замкнутость только на себе, морализаторство, обвинение окружающих и т. п. Болезнь при этом рассматривалась как основание для оправдания уклонения от помощи другим, особого к себе отношения. Например, одна из больных жаловалась, что в семье ее иногда просят о помощи (кстати, достаточно посильной) по хозяйству: «Просят меня о помощи, а не думают, что мне самой тяжело, самой надо помочь». Другая больная уже несколько лет находится на полном иждивении родите-

лей, отказывается выполнять какие-либо работы по дому, требует, чтобы «ей не мешали», «оставили ее в покое» и т. п.

Больные этой подгруппы, как правило, не работают, объясняя это плохим отношением к ним сослуживцев, тяжелыми условиями на работе, говоря о вреде каких-либо усилий для их здоровья, и т. п. По данным проективных тестов выявлялось их в целом отрицательное отношение к труду. Социальные, межличностные связи больных предельно ограниченны, отношения с семьей конфликтны, в отношениях с другими господствует подозрительность, недоверчивость. Ведущий способ разрешения конфликтов — агрессия.

Существенно иными были данные изучения второй подгруппы испытуемых. Так, если по результатам обработки проективных методик собственные усилия рассматривались как средства достижения целей лишь в 35 % рассказов, составленных больными первой подгруппы по картинкам тематического аперцептивного теста (ТАТ), то во второй подгруппе этот показатель составил 63,3 %. Зато процент

рассказов с отрицательным отношением к окружающим людям оказался во второй подгруппе значительно меньшим, нежели в первой (44 % против 72). Качественно другим было отношение к труду, своей профессии, своему конкретному рабочему месту. Чрезвычайно важно, что большинство испытуемых второй подгруппы продолжали активно работать, подчеркивали, что не могут себя представить вне того коллектива, в котором они трудятся. Характерно, что и в оценке окружающих они обязательно указывали на то, как человек относится к труду, считая это самым важным. Если испытуемые первой подгруппы были в целом довольно безразличны к самому факту их психологического исследования и заключениям психолога, то испытуемые второй подгруппы обычно выражали беспокойство по поводу того, как скажутся результаты исследований на решении врачей о степени их трудоспособности, не повлечет ли это ограничения или даже запрета на выполнение прежней работы. Помимо работы больные этой группы оказывались тесно включенными во внутри-семейные отношения, много и охотно участвовали в домашней хозяйственной деятельности. Наблюдались случаи, когда больные ни за что не хотели переходить на более для них легкую, но нижеоплачиваемую работу, поскольку считали, что это нанесло бы урон материаль-

ному положению семьи и что болезнь не снимает с них ответственности за это положение.

Разумеется, нарисованную картину не следует воспринимать сугубо идиллически. Испытуемые второй подгруппы страдали тем же тяжелым заболеванием, что испытуемые первой подгруппы, и серьезные нарушения исходного уровня психического здоровья не могли поэтому пройти бесследно. Отмечались и смены настроения, и колебания работоспособности, и придирки к мелочам. Важно другое: несмотря на сходство нарушений данного уровня, на сходство условий, в которых развертываются процессы психической деятельности, общая личностная направленность больных первой и второй подгруппы была принципиально различной, а вместе с тем были различными и жизненная судьба этих больных, и способ их соотнесения с другими людьми *. Эгоцентризм больных первой подгруппы с неизбежностью определял их путь в одиночество и озлобление против мира. Алоцентризм (пусть даже в форме группоцентризма, скажем заботы о своей семье) был для больных второй группы той ведущей смысловой ценностью, которая включала больного в более широкие круги деятельности и формировала тем самым качественно иное отношение к себе и окружающим, иное представление о своем человеческом назначении, задачах и обязанностях.

Теперь о психологической помощи при эпилепсии. Поскольку изменение биологических условий болезни — задача не психологическая, а медицинская, то речь должна идти о коррекции вышележащих уровней психического здоровья, и прежде всего личностно-смыслово-го. В качестве основных и самых общих принципов, вытекающих из проведенного анализа, здесь следует назвать: приобщение к определенной, посильной трудовой деятельности; придание этой деятельности со стороны окружающих серьезной значимости, статуса необходимости для других людей; включение ее в систе-

* Подобные примеры можно обнаружить и при других тяжких психических заболеваниях. В. Франкл говорит, например, о своих наблюдениях за больными шизофренией: одни совершали преступления, чтобы избавиться от своих «врагов-преследователей», другие же, будучи уверенными, что это «враги», прощали их. Или, в случае эндогенной депрессии, когда одни, чтобы избавиться от тоски, кончают жизнь самоубийством, другие — при тех же страданиях — не могут позволить себе этого, думая о своих обязательствах перед другими людьми [9].

му реальных связей и взаимодействий с миром и др. Что касается внутренних психологических механизмов этого процесса, то особенно важным здесь являются учет специфики последовательных зон развития деятельности (зоны потребностного состояния, моТиво-образования и Др.), их взаимопереходов и стыковок.

В течение года (1979—1980) автор работал в качестве консультанта по проблемам психологии личности на факультете психологии Гаванского университета (Республика Куба). Одним из направлений было совместное с кубинскими коллегами исследование нормального и аномального развития личности и, в частности, теоретическое осмысление и анализ психореабилитационной практики, сложившейся к тому времени в Гаванской психиатрической больнице, по праву считающейся одной из лучших в Латинской

Америке. Результаты этого анализа в целом подтвердили верность высказанных выше положений и возможность их реализации в этой важнейшей области практики *.

В целостном и слитном, казалось бы, процессе ведущихся в больнице мероприятий по трудовой и социальной реабилитации психически больных (в том числе и больных эпилепсией) удалось в ходе совместной с кубинскими коллегами аналитической работы выделить все три основные зоны становления деятельности (см. гл. II) и рассматривать тем самым применяемые конкретные приемы как относящиеся к той или иной зоне или способствующие переходу из одной зоны в другую.

К первой зоне — зоне потребностного состояния и ориентировки — были отнесены мероприятия по выявлению и стимулированию желания пациента работать, принимать участие в каком-либо общественно полезном труде. Оказалось, что это желание очень часто не является выраженным и, главное, сколь-нибудь структурированным. Ряд пациентов лишь на словах выражают желание поработать, на деле же опасаются любых усилий, считают, что это повредит их здоровью, нарушит привычный режим, утомит и т. п. У других само желание трудиться выражено ярко, но носит ненаправленный, «размытый» характер; они хотят вообще трудить-

* Пользуясь случаем, автор благодарит за всемерное содействие в работе дирекцию больницы и руководство факультета психологии Гаванского университета.

ся, но не знают твердо, в какой именно области, в какой степени (время от времени или регулярно, в коллективе или индивидуально и т. п.). Так или иначе, мы имеем дело в этот момент не с потребностью, знающей свой предмет, а с еще не определившим своего предмета переходным состоянием.

После диагностики и психологической квалификации данного потребностного состояния пациенту предоставляется возможность ознакомления и пробы своих сил в самых разнообразных видах труда — от простых, механических, монотонных операций до сложных и творческих видов деятельности. Значительное место уделяется при этом различным ремеслам, ручным поделкам, художественной работе: здесь и производство национальных сувениров, и чеканка, и изготовление игрушек и т. д. На обширной территории больницы существуют хорошо оборудованные слесарные, столярные, мебельные мастерские, художественные студии, парикмахерский салон, есть фруктовые плантации, собственный оркестр, стадион, типография и т. д. Словом, предоставляется широчайший спектр, набор предметов, позволяющих «замкнуть» первоначально диффузное потребностное состояние и перевести пациента в следующую зону психокоррекционного воздействия — зону мотивообразования.

Как только выявляется склонность пациента и он выбрал определенный предмет *, врач-психотерапевт или психолог совместно с инструктором, мастером по данному виду труда помогают пациенту глубже заинтересоваться выбранной областью, открыть ее привлекательные стороны, показать значимость этого занятия, его пользу для других. Так возникает определенный, предметно обозначимый мотив, что позволяет перейти к третьей зоне психокоррекционного воздействия — зоне последовательного преобразования потребности (в данном случае — потребности в общественно полезном труде).

На этом этапе врачи и инструкторы помогают пациенту приобрести конкретные навыки работы, расширить операционально-технические возможности в избранной

* Спонтанный выбор пациента может быть в определенных случаях и неадекватным, даже опасным для его здоровья. Задача психолога состоит в том, чтобы найти способ изменить выбор, предложить безопасные для здоровья аспекты работы.

области. Вслед за этим пациента вводят в реальное производство, он становится вспомогательным работником, помощником и под наблюдением врача и инструктора посильно трудится в одной из мастерских, существующих при больнице. На следующей ступени ему предоставляется возможность осуществлять свою работу вне территории больницы, возвращаясь туда лишь на ночлег. И наконец, на последней ступени пациенты направляются на долгое время в общежития вне больницы, с тем чтобы работать в мастерских и цехах, где идет процесс настоящего, промышленного производства и где вместе с пациентами работают и здоровые люди. Эта ступень по сути знаменует переход пациента к самостоятельной трудовой деятельности, выход из-под непосредственной опеки больницы, т. е. начало нового, уже социально адаптированного этапа жизни.

Требования к трудовой реабилитации формулируются при этом следующим образом: «I) труд осуществляется коллективно, на первое место выдвигается

социальное содействие; 2) труд выбирается в согласии с интересами самих пациентов, учитывая их способности, как физические, так и психические; 3) работа дается в постоянно усложняющейся форме, так, что пациент может сам наблюдать свое развитие, что благоприятствует исчезновению чувства неполноценности; 4) это реальный и социально полезный труд, благодаря которому пациент чувствует себя удовлетворенным, видя результаты своего труда; 5) эта работа оплачивается; 6) условия, в которых осуществляется работа, должны как можно более походить на условия, в которых осуществляется подобная работа в обществе, частью которого является и пациент» [10].

Понятно, что в результате осуществления такого реабилитационного процесса меняется самосознание пациента, его отношение к себе и другим, появляется гордость за свой труд, чувство ответственности, желание помочь другим пациентам подняться на ту же ступень — словом, появляется качественно иная, чем прежде, позиция личности — позиция продуктивная, нормальная для человеческого развития. Таким образом, для осуществления и реализации действенной психологической помощи больному, восстановления его личности необходимым является не только опора на сложившиеся интересы и потребности человека, не только построение на их основе расширяющейся, усложняющейся

деятельности, но и постоянная ориентация всей цепи преобразований на движение — от узколичного к коллективистскому и всеобщему.

Теперь, опираясь уже на конкретный материал (исследование психических изменений при эпилепсии, сравнение групп личностно сохранных и личностно извращенных больных, анализ опыта Гаванской психиатрической больницы), мы можем подтвердить сказанное выше о том, что человек не просто пассивно приспосабливается к рамкам условий, диктуемых биологическим процессом болезни, но при постоянном и верном направлении усилий способен их до известной степени преодолевать, оставаясь тем самым в русле нормального, обращенного к своей сущности развития. Понятно, сколь труден этот путь при серьезных нарушениях базовых уровней психического здоровья, сколь нужны здесь помощь окружающих, квалифицированный совет и рекомендации психолога. Причем помощь эту не следует понимать (что происходит весьма часто) лишь как ща-жение больного, изоляция его от труда и усилий, создание особых условий. Еще Л. С. Выготский резко отверг эту линию, назвав ее «филантропически-инвалидным воспитанием», которое замыкает больного в узкий, отрезанный мирок, где все приноровлено к дефекту, все фиксирует внимание на болезненном недостатке, усиливает в больном человеке изолированность и сепаратизм, не вводит его в настоящую жизнь.

Напротив, лишь включение больного в систему отношений с другими, постановка его в позицию, когда он сам должен кому-то еще помочь и принести пользу, сделают его стойким в борьбе с недугом, будут способствовать обретению им ощущения нужности людям. Формировать эти алоцентрические и просоциальные установки, когда человек уже тяжело болен, когда жесткие закономерности болезни уже пущены в ход, крайне трудно, подчас невыполнимо. Родителям и воспитателям следует поэтому знать, что заложенные с раннего детства просоциальные установки (умение не только брать, но и щедро отдавать, не только потреблять, но и творить) не просто обеспечивают необходимые основы для будущей полноценной, счастливой жизни ребенка, но и создают главную опору, на которую он сможет опереться в случае, если придет тяжкое испытание судьбы -— болезнь.

194

2. МЕХАНИЗМЫ ЦЕЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НОРМЕ И ПРИ АНОМАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

В предыдущем параграфе речь шла о том, как поражение базового уровня психического здоровья (в данном случае—инертность, тугоподвижность) может приводить к искажениям уровней вышележащих. Это, однако, далеко не единственный путь формирования аномалий. Мы уже говорили о том, что гипотетически возможны различные сочетания степени сохранности уровней психического здоровья, и, в частности, характерологические нарушения могут наблюдаться и вне грубых расстройств психофизиологических процессов. Яркой иллюстрацией в этом плане является обширная область психопатических расстройств, различных аномалий и акцентуаций характера, приводящих к явным нарушениям способов реализации деятельности. Феноменология этих проявлений чрезвычайно пестра, и их описание составляет содержание многих солидных по объему книг. Первая монография, посвященная психопатиям, принадлежит

замечательному русскому ученому В. М. Бехтереву и вышла в свет в 1886 г. Однако поворотным пунктом в изучении психопатии стало появление в первой трети нашего века двух основополагающих для изучения этой проблемы работ — немецкого психиатра Курта Шнейдера и классика отечественной психиатрии П. Б. Ганнушкина. В этих работах были впервые достаточно четко названы клинические критерии выделения психопатий, тонко и всесторонне описаны феноменология их развития и течения. Курт Шней-дер определил психопатию как такого рода аномаль-ность, от которой страдают либо ее обладатель, либо окружающие его люди. П. Б. Ганнушкин определил психопатию как такую выраженность аномальных особенностей характера, когда, во-первых, более или менее грубо нарушается адаптация, приспособление к среде;

во-вторых, когда эти особенности тотальны, т. е. задают тон всему психическому складу человека; в-третьих, когда они относительно стабильны и малообратимы.

Вместе с тем следовало признать, что при всей образности и клинической достоверности названные критерии оставались все же малопригодными для строго научных классификаций. Это обстоятельство было достаточно понятным и самим психиатрам. В. А. Гиляров-

скип, например, еще в 1938 г. писал: «Один и тот **же** симптом может иметь различное происхождение и, следовательно, различную сущность с точки зрения генеза картин в целом. Именно поэтому все существующие классификации психопатий неудовлетворительны» [н]. Но положение с клиническими исследованиями психопатий (а если взять шире — вообще пограничных состояний) с тех пор не столь уж сильно изменилось, и спустя сорок лет современный автор пишет по сути о сходном:

«...существующие классификации пограничных форм патологии настолько пестры, фрагментарны и разнообразны, что ни одна из них не может служить основой для единой систематики всех форм пограничных состояний» [12]

Думается, что обретение более твердых критериев диагностики и классификации возможно только в том случае, если помимо анализа внешней, феноменологической стороны аномального процесса будут исследованы его более глубинные, внутрипсихологическпе детерминанты. А до тех пор мы рискуем кита отнести к рыбам, а не к млекопитающим, так как по внешнему наблюдению он имеет вид и образ жизни рыбы. Поиск внутри-психологических опосредствований - процесса психопатического развития — дело будущего, но уже сейчас можно предложить в этом плане некоторые подходы. Одним из них является исследование механизмов *целе-полагания, уровня притязаний, самооценки* и специфики их искажения при психопатиях и других формах, пограничных между нормой и патологией состояний.

Начало экспериментальным исследованиям целепо-лагания и уровня притязаний было положено в школе К. Левина. Основополагающими здесь являлись работы Ф. Хоппе, Т. Дембо, самого К. Левина и ряда других ученых. В дальнейшем общие экспериментальные приемы, взятые из этих работ, были многократно использованы психологами самых разных ориентации, так что литература, посвященная одному только уровню притязаний, настолько обширна, что ее систематический обзор представляет специальную задачу [13]. Не ставя тако-вую в рамках данной книги, сосредоточимся преимущественно на проблеме соотношения «реальных» и «идеальных» целей в планах и притязаниях человека. В этой связи представляется полезным проанализировать некоторые исходные понятия, введенные еще в первом, но до сих пор остающемся, пожалуй, наиболее глу-

196

боким исследовании уровня притязаний — исследовании Ф. Хоппе [14].

Начнем с самого понятия уровня притязаний. Человек приступает к работе с некоторыми притязаниями и ожиданиями, которые в течение действия могут ме-няться. Совокупность этих сдвигающихся то неопределенных, то точных ожиданий, целей или притязаний относительно своих будущих достижений Ф. Хоппе предложил называть *уровнем притязаний.* В зависимости от обстоятельств уровень притязаний может колебаться между целью «извлечь из действия максимум достижений» и полным отказом от какого-либо достижения.

Уровень притязаний рождается из двух противоположных тенденций: с одной стороны, тенденции поддерживать свое «я», свою самооценку максимально высоко, а с другой — тенденции умерить свои притязания, чтобы избежать неудачи и тем самым не нанести урон самооценке. Образующиеся в результате конфликта

двух тенденций колеблющиеся волны уровня притязаний выполняют по крайней мере две важнейшие психологические функции. Во-первых, они являются необходимым инструментом приспособления к постоянно меняющимся условиям среды. Во-вторых, они по возможности охраняют человека от нанесения вреда его самооценке, чувству собственного достоинства. Подробнее мы рассмотрим эти функции ниже, а пока вернемся к описанию внутренних детерминант уровня притязаний.

Обозначенный конфликт между тенденциями поднять притязания на максимальную высоту и опустить их, чтобы избежать неудачи, хотя и является главным для возникновения уровня притязаний, однако еще не прямо задает рисунок, композицию конкретных притязаний. Эта композиция опосредствована по сути всей сложной структурой личности, иерархией мотивов и целей данного человека. Если отвлечься от наиболее общих, «вершинных» личностных устремлений (роли которых мы еще коснемся в конце параграфа) и рассмотреть сами по себе цели, возникающие в ходе выполнения отдельных заданий, в ходе эксперимента или поставленного самой жизнью испытания, то здесь необходимо различать не один, а по крайней мере два вида целей: *реальную цель,* которую, по мнению человека, он может достичь в данных конкретных условиях и которая непосредственно вытекает из структуры задания, и *идеальную цель.* Последняя понималась Ф. Хоппе как

рушение может встречаться и определять различные стороны стиля жизни и при других аномалиях, в частности при некоторых формах течения алкоголизма, а также известное время (например, в период подросткового кризиса) сопутствовать и относительно благополучному ходу развития. Психологическое изучение аномального развития вообще, на наш взгляд, не должно исключительно стремиться только к «обслуживанию» отдельных нозологий и четко выделенных клинических форм; важнейшая цель такого изучения — усмотрение общих механизмов, могущих обнаружиться в самых разных вариантах личностного развития, т. е. то, что выше было обозначено как клиническая общая психология личности.

Недостаточное различение разноуровневых целей, их «слипание», отсутствие гибкости в целевых структурах приводит в свою очередь к весьма пагубным психологическим последствиям: извращению двух основных функций уровня притязаний, выделенных нами выше,— функции регуляции конкретной тактики целеполагания, ориентации в быстроменяющихся условиях реальной жизни и функции защиты самооценки, своего «я». Остановимся сначала на нарушениях первой функции.

Известно, что процесс решения трудной задачи (не только интеллектуальной, но, что важнее для психологии личности,— жизненной) обычно состоит, из трех этапов. Этапа «лобовых» решений, когда человек пытается сразу найти нужный выход; затем, после ряда неудач, начинается этап более глубокого осознания ситуации, ориентировки в ней, поиска адекватных путей выхода, который наконец может привести к пониманию нужного принципа, к третьему этапу — собственно решению. Здесь же процесс решения встающих перед человеком задач ограничивается первым этапом «лобовых» попыток или же не до конца пройденным вторым этапом, что, естественно, не приводит к нужному выходу и серьезному успеху. Своеобразный вид приобретает и кривая уровня притязаний. Потерпев первые две-три неудачи в решении трудных задач, люди психопатического склада, вместо того чтобы несколько снизить свои притязания, выбрать задачу полегче, нередко впадают в отчаяние, хватаясь за заведомо легкие цели. Это смирение оказывается, однако, на деле «паче гордости», потому что стоит им даже в малом прийти к успеху (например, решить несколько простых задач), как они вновь полны

самоуверенности и желания удовлетворить свое тщеславие выбором наиболее престижных целей. Эти скачки притязаний наглядно выявлены во многих экспериментальных исследованиях людей психопатического склада.

В результате подобной тактики все время как бы «проскакивает» мимо та зона, где лежат максимально трудные, требующие напряжения, но все же посильные для данного человека цели. Поэтому, несмотря на внешнюю активность, люди такого типа могут оказываться малопродуктивными в жизни, неспособными показать свои подлинные возможности. В начале своего пути они порой подают блестящие надежды, которые, к удивлению окружающих, по прошествии времени совершенно не оправдываются. Самые благоприятные задатки не реализуются в таланты, ибо талант — это и умение работать,— умение, которое в данном случае явно отсутствует. К каким весьма серьезным жизненным последствиям это может приводить, показывает такое наблюдение.

Юноша К. в 16 лет поступил, приехав из провинциального города, в Московский университет, выдержав при этом труднейший конкурс. Юноша, несомненно, выделялся своим дарованием, живостью, эрудицией среди сокурсников, из которых многие прошли уже службу в армии, несколько лет перед этим работали и поначалу с трудом втягивались в учебу. Студент К. схватывал все буквально на лету, к некоторым занятиям, например по иностранному языку, мог вовсе не готовиться и все же отвечать на «хорошо» и «отлично».

Но шло время, бывшие производственники втягивались в занятия, пошел материал, который нельзя было схватить только на слух, но который требовал усидчивости, регулярного труда. И здесь стало видно, что К. сначала постепенно сравнялся, а затем все заметнее начал отставать от сокурсников. Притязания у К. оставались по-прежнему высокими: ему нравилось (он уже привык) ходить в «выдающихся», слышать одобрения. Но теперь, чтобы соответствовать этим желаниям, явно надо было менять свое поведение: реализация несомненных задатков и способностей требовала усидчивости и серьезных занятий. Но перемены этой не случилось. К. по-прежнему занимался урывками:

иногда, например, он вдруг тщательно готовился к какому-нибудь семинару, хорошо выступал на нем, вызывая одобрение преподавателя. Но такие успехи в целом играли даже отрицательную роль, потому что после них К. был полон гордости и надолго забрасывал учебники. К концу третьего курса встал вопрос о его отчислении за академическую неуспеваемосгь. Но и это не смогло изменить прежнего стиля, хотя никто не сомневался, что серьезными занятиями он сумел бы наверстать упущенное. Но К. стремился утверждать себя, спасать свои высокие притязания другими, более легкими способами. Он, например, пошел на прием к декану факультета — ведущему специалисту в своей области, ученому с мировым именем — и заявил: «Вы напрасно думаете меня отчислять. Знайте, что 'через малое время я буду сидеть в вашем кресле, я буду деканом.,.».

Прошло время. Ему уже за тридцать. Он давно не учится, живет случайными заработками, дважды был женат. Последнее время стал много пить. Внешне по-прежнему самоуверен, собирает редкие книги по специальности, говорит, что вскоре будет вновь восстанавливаться на факультет. Но беседа с ним обнаруживает, что К. остался прежним, он ставит нереальные задачи вместо реальных, судорожно спасает свою самооценку довольно легкими и дешевыми приемами, обвиняет во всем не себя, а обстоятельства и т. п. Под конец разговора он спрашивает о своем бывшем сокурснике: «Неужели Р. дали доцента? А ведь на первом-то курсе он меня слушал с открытым ртом».

...Когда думаешь о людях, подобных К., всегда становится грустно и искренне жаль неиспользованных талантов, умелое развитие которых принесло бы и пользу людям, и счастье их обладателям.

Описанное строение уровня притязаний, кроме того, что оно не обеспечивает полноценного приспособления к жизни, ориентации в меняющихся условиях, ведет к искажению и выделенной нами второй функции уровня притязаний, а именно к нарушению необходимой защиты своего «я». Ведь психически уравновешенный человек надежно защищает свою самооценку уже одним тем, что может более или менее легко «разводить» идеальную, общую и актуальную цели. Потерпев поражение, он способен отнести его к неудаче в достижении именно данной актуальной цели, а не к краху своих высоких идеальных притязаний, своего «я». «Всякое поражение неприятно, но это не конечное отступление, в моих силах сделать все, чтобы в будущем, в идеале, я добился успеха» — примерно так начинает восприниматься тогда неудача. Лишь при этих условиях могут не только сохраниться, несмотря на трудности и поражения, прежние притязания и порой высокая самооценка, но они становятся и необходимым, важным двигателем развития личности. Самолюбие и притязание требуют тогда обязательного преодоления неудач, пусть не сегодня, так завтра, когда разовьются и укрепятся соответствующие способности и задатки. Таким образом вырабатывается крайне нужное в жизни умение более или менее объективно оценивать возникшую ситуацию, увидеть ее не только в актуальной сиюминутности, но и в развернутой временной перспективе и найти возможность постановки посильных реальных целей, успешное выполнение которых приблизит в будущем к идеальной.

Найти соответствие «идеального» и «реального» — сложнейшее искусство жизни. Но именно от овладения им во многом зависит *зрелость* личности. В жизни любого — притязания устремляют ввысь, а неудачи тянут к земле. Извлечь правильные уроки из того и другого,

избежать трагедии Икара и не погрязнуть в плоской обывательщине — трудная задача, решать которую приходится всю жизнь. Зрелым можно назвать вовсе не того, кто всегда уверенно приспосабливается по законам житейского разума, не ставя перед собой высоких нравственных целей, равно как не того, кто громко заявляет о своих высоких целях, не будучи, однако, в состоянии приложить себя к реальной жизни. Зрелость, как правило, подразумевает достаточно возвышенные идеальные устремления, но в то же время и осознанную готовность выполнять, если надо, самые скромные, земные задачи ради этих устремлений. Разница между юностью и зрелостью в плане нравственного развития состоит в том, что

отрочество и юность вырабатывают, усваивают идеалы по большей части «теоретически», умозрительно, без должной связи с жизнью. На зрелости лежит сложнейшая задача — осуществить, реализовать эти идеалы в своей жизни и, следовательно, принять, преодолеть как неизбежность все издержки, трудности, неудачи, с которыми будет сопряжена эта реализация. Согласно старому афоризму, благая юность — это время, когда человек готов взойти на эшафот ради великой идеи; благая зрелость — когда он готов смиренно трудиться всю жизнь ради этой идеи. Истинная зрелость — как напряженная вольтова дуга, светящаяся между полюсами реального и идеального. Разрыв этой дуги, исчезновение свечения означают, что реальное погрязло, а истина выхолостилась, реальное утеряло свет и высший смысл, а идеальное — почву и свое жиз-нешюе оправдание.

Люди же психопатического толка, мало дифференцируя разноуровневые цели, видят в каждой ситуации как бы непосредственное испытание своего «я» и потому так зависят от внешних оценок, так обнаженно реагируют на экспериментально и жизненно вызванные успехи и неуспехи. У них часто отсутствует умение стать в позицию отстранения не только по отношению к своим актуальным потребностям, к своей текущей деятельности, но и по отношению к себе самому, ко всей ситуации в целом. Образно говоря, умение, когда это надо, выйти, выпрыгнуть, хотя бы на мгновение, из данной ситуации и оценить ее и себя самого в ней как бы со стороны, критическим, а если надо, ироническим взглядом.

Случается, правда, что люди этого склада могут весьма трезво и даже не без самобичевания и cavoi-ронии

20-i

оценивать себя и свои действия. Но оценки эти (порой убийственно точные) высказываются, как правило, относительно действий уже прошедших, либо как зарок не повторять своих ошибок в будущем. Однако в очередной жизненной (причем вовсе не обязательно экстремальной, стрессовой) ситуации, в очередной поглотившей человека деятельности с удивительным постоянством вновь и вновь появляются характерные нарушения. Отсутствие своевременной коррегирующей позиционности, возможности сторонней, более или менее непредвзятой оценки всей ситуации в целом сплошь и рядом оборачивается многочисленными малыми и крупными жизненными неудачами, промахами, нелепостями, которыми обычно столь богата судьба людей психопатического склада и от которых по формуле Курта Шнейдера страдают либо они сами, либо окружающие.

Таким образом, высказанная гипотеза о недиф-ференцированности в деятельности реальных и идеальных целей как объяснительном принципе многих феноменов психопатоподобного поведения позволяет предположить единый механизм, лежащий в основе целого ряда накопленных клинических и экспериментальных фактов, рассматриваемых обычно обособленно (например, такие часто встречающиеся характеристики людей психопатического склада, как непродуктивность стиля жизни, скачкообразность кривой уровня притязаний, выражение аффективные реакции на успех и неуспех, неспособность раскрыть свои задатки и др.). Наряду с анализом клинических и жизненных данных гипотеза была подвергнута и лабораторной проверке. Последнюю задачу взяла на себя наша аспирантка из Харькова В. Н. Павленко *. Остановимся на некоторых данных ее работы.

Прежде всего было решено расширить саму исходную гипотезу. Если рассматривать необходимость разведения реальных и идеальных целей как некий общий механизм осуществления текущей деятельности, относящийся в рамках концепции уровней психического здоровья к индивидуально-исполнительскому уровню, уровню реализации личностно-смысловых устремлений, то логично предположить возможность различных отклонений в функционировании этого механизма. Так, по-

* Научным консультантом исследования была доктор медицинских наук, профессор Н. К. Липгарт.

мимо «слипания», недифференцированное™ реальных и идеальных целей, теоретически возможен, скажем, иной, полярный вариант—гиперразведение этих целей, что также должно определенным образом влиять на стиль и способ осуществления деятельности.

Наиболее адекватной моделью для экспериментального изучения недифференцированное™ реальных и идеальных целей должны были быть, исходя из всего вышеприведенного анализа, люди, страдающие психопатией *. Что касается гиперразведения целей, то соответствующие этому варианту феномены должны были, на наш взгляд, обнаружиться при изучении людей, страдающих неврозами. Наконец, наиболее гибкую и продуктивную динамику целевых структур мы вправе были ожидать у психически нормальных индивидов. Согласно этому, для исследования были подобраны соответствующие три группы испытуемых: 40 человек — страдающие психопатиями, 40 — страдающие

неврозами, а в качестве контрольной группы — 30 психически здоровых. Все испытуемые были примерно одного возрастного диапазона (от !8 до 45 лет), существенно не отличались друг от друга по образованию, умственному развитию, основным социально-демографическим показателям.

Прежде чем приступить к описанию результатов исследования, представляется необходимым (прежде всего для читателя-неспециалиста) сказать несколько слов о неврозах, их клинических отличиях от психо-

* Термин «люди, страдающие психопатией» может показаться громоздким, тем более что в литературе встречаются более компактные, например: «психопат», «больной психопатией», «психопатическая личность». Однако называть человека «психопатом* неверно с этической точки зрения, даже если езду поставлен соответствующий диагноз, так же как этически неприемлемо столь часто, к сожалению, встречающееся жаргонное обозначение больного шизофренией как «шизофреника» или больного эпилепсией — как «эпилептика». Название «больной психопатией» будет неточным с медицинской точки зрения: психопатия не болезнь-(т.е. некий патологический процесс, имеющий начало, кульминацию, исход), а состояние, обычно сопутствующее всей сознательной жизни человека. Наконец, термин «психопатическая личность» малоприемлем по соображениям психологическим, ибо если исходить из уровневой концепции, то речь идет по преимуществу о пачологии характера, способов реализации намерений, тогда как личностно-смысловой уровень (личность в узком значении) может оказаться непосредственно малоэатронутым. Поэтому наиболее подходящими для контекста данной книги представляются все же термины: «люди, страдающие психопатией'>, «человек психопатического склада» и т п.

патий. Само понятие «невроз» ввел английский ученый У. Куллен в конце XVIII в. Он понимал неврозы весьма широко — как все поражения чувствительной и двигательной сферы, которые зависят не от местного изменения органов, но от более общего поражения нервной системы. Из этого понимания общепринятым до сих пор остается представление о неврозе как о функциональном (обратимом) заболевании, при котором может страдать функционирование того или иного органа без его серьезного соматофизиологического нарушения. Например, говорят ологоневрозе (заикании), которое происходит не из-за того, что нарушен речевой аппарат,— он цел, а из-за того, что произошли более общие нарушения нервной и психической сферы.

Как это часто бывает в истории науки, автор нового понятия применял его излишне широко, и дальнейшее развитие учения шло к сокращению границ неврозов, более четкому и строгому их определению. Этот процесс сужения достиг, пожалуй, своего апогея где-то в 20— 30-х годах нашего века, когда некоторые ведущие психиатры предлагали вообще отказаться от понятия невроза, растворяя неврозы в психопатиях или низводя их до простых реакций. Затем, главным образом в связи с распространением фрейдизма, понятие невроза стало вновь расширяться, тесня на этот раз представления о психопатиях *.

Уже одна эта история «взаимотеснения» неврозов и психопатий говорит о сложности и неоднозначности границ между этими страданиями, о трудности их дифференциальной диагностики, хотя, разумеется, определенные критерии, главным образом клинические,

* Так, в западных странах современные представления о психопатиях нередко вовсе ограничиваются их сведением к так называемым социопатиям — выраженным проявлениям девиантного, асоциального поведения, что, безусловно, оставляет за рамками научного рассмотрения все богатство и разнообразие психопатических изменений. Впрочем, можно, конечно, в ученых трудах как угодно сузить рамки применения того или иного термина, но жизнь, реальность поставляла и поставляет такое обилие странных, искаженных, аномальных характеров, стойко присущих определенным людям, что ничуть не удивительным представляется то обстоятельство, что эти характеры вновь вошли в сферу активного научного рассмотрения, правда, под иным наименованием — «акценгуации личности», «акцентуации характера» или то, что на Западе называют «неврозом характера». Кстати, неврозами характера (т.е. в строгом смысле психопатиями) как предметом исследования были заняты и многие ведущие психоаналитики (В. Рейх, К. Хорни и др.).

существуют здесь достаточно давно — например уже упомянутый критерий функциональности (обратимости) невроза. (В этом плане невроз — болезнь, и потому людей, им страдающих, мы вправе называть «больными неврозом», тогда как нельзя «заболеть психопатией», ибо она, по крайней мере с устоявшейся клинической точки зрения, рассматривается как сопутствующее жизни человека состояние.) Далее, невроз — это в отличие от психопатии не рано, а нередко достаточно поздно, в зрелые уже годы, приобретенное страдание, возникающее обычно из-за чрезвычайных, непосильных для данной психической организации человека обстоятельств и требований, которые в какой-то момент предъявляются жизнью. П.

Жане писал, что невротические расстройства «обнаруживаются в моменты, когда индивидуальная и социальная эволюция становится наиболее трудной» [16].

Итак, невроз можно рассматривать как срыв личности в ее продвижении к намеченным или привычно устоявшимся целям своего развития. Разумеется, этот срыв не просто «головной», чисто психологический, но всегда связанный с определенными функциональными, обратимыми изменениями физиологии нервной деятельности, которые вносятся в общую экономику организма чрезвычайными обстоятельствами, психической травмой и т. п.[17] Срыв этот, следовательно, почти всегда происходит на фоне определенного изменения исходного уровня психического здоровья — уровня психофизиологических условий осуществления деятельности. В отличие от психопатий, где возможные искажения этого уровня являются постоянным фоном, при неврозах они благоприобретены. Дальнейшее течение невроза определяется прежде всего тем или иным отношением человека [18] к развивающимся невротическим расстройствам, к тому изменению социального статуса, к которому часто ведут эти расстройства. Таким образом, неврозы в отличие от психопатий в гораздо большей степени являются продуктом творчества личности, поставленной волей обстоятельств в особо трудные для нее условия.

Понятно, что подобные различия могут четко выглядеть, как, впрочем, и все клинические критерии, лишь на бумаге, на деле же при реальной дифференциальной диагностике появляется множество труднорешае-мых вопросов. Например, всякий ли человек, всякая ли

организация нервной системы даст срыв при трудных обстоятельствах или надо иметь уже некий врожденный дефект, слабину этой организации? П. Б. Ганнуш-кин склонялся ко второму мнению, считая по сути, что вовсе нет «чистых неврозов», что это лишь до поры до времени замаскированные, скрытые «психопатии». Современная же западная психология, как уже говорилось, напротив, чуть ли не все аномалии личности сводит к внутренним конфликтам и возникающим вследствие их неврозам. На наш взгляд, привлечение строгих психологических методов, данных экспериментальных исследований неврозов и психопатий поможет наконец найти более четкие критерии дифференциации этих страданий, что станет существенным дополнением к клиническим и психофизиологическим подходам.

Теперь, после краткого и схематического описания клинической сути соотношения неврозов и психопатий, вернемся к экспериментальному исследованию механизмов целеполагания '[9]. В. Н. Павленко была разработана специальная методика, применение которой позволяло судить об особенностях динамики соотношения реальных и идеальных целей. Полученные данные экспериментально подтвердили гипотезу о том, что степень разведения реальных (конкретных) и идеальных (общих) целей у здоровых испытуемых занимает срединное положение, в то время как при психопатиях это разведение обнаруживает тенденцию к сближению разноуровневых целей, а у больных неврозом — тенденцию к их гиперразведению.

Особенно показателен анализ конкретной динамики становления целевых структур. Здоровые испытуемые (контрольная группа) нередко начинают свою деятельность с незначительного разведения разноуровневых целей, однако после первых же неудач они корректируют свои программы, и кто раньше, кто позже, но, как правило, приходят к адекватной целевой структуре. Испытуемые психопатического склада в отличие от здоровых оказывались неспособными в процессе эксперимента скорректировать должным образом целевую структуру деятельности. Навык гибкого соотнесения реальных и идеальных целей у них фактически не формировался и за время эксперимента. При этом нередко наблюдались два варианта целевых структур. Они различались не по способу разведения реальных и идеальных целей, которые и в том и в другом вариан-

208

те остаются сближенными, а в разной направленности векторов этого сближения: при первом варианте реальная цель подтягивается вверх, к труднодоступной идеальной, а при втором, напротив, идеальная низводится до заведомо облегченной реальной. В дальнейшем при удачном выполнении заданий по целевой программе второго варианта испытуемые психопатического склада могут возвращаться к первому варианту, потом опять ко второму и т. д. Тем самым (что мы видели выше на клиническом, жизненном материале) все время как бы «проскакивается» зона оптимальных тактик решения, поскольку недостает существенного звена, рычага успеха — способности гибкого разведения разноуровневых целей.

Для больных неврозом, как уже отмечено, характерно гиперразведение целей. Это достигается за счет выраженного занижения уровня реальных целей при достаточно высоком уровне идеальных. Характерной чертой этих больных

является неуверенность, ожидание неудач, что проявляется в частых высказываниях типа: «я не смогу», «не справлюсь», «не сумею» и т. п. Малейший неуспех легко приводит к отказу от работы, и для ее продолжения нередко требуются уговоры и дополнительная стимуляция со стороны экспериментатора. При этом в качестве оправдания отказа приводятся многочисленные жалобы невротического характера на свое здоровье.

Как влияют выявленные нарушения целевых структур на уровень эффективности, успешности деятельности? Для ответа на этот вопрос было подсчитано соотношение удачно и неудачно решенных заданий. Для контрольной группы испытуемых оно составило 1:3, для больных неврозом — 1:8, для группы психопатий — 1:12. Таким образом, аномальные целевые структуры ведут к снижению продуктивности деятельности, увеличению неудач в ее осуществлении, причем особенно пагубным является недифференцированная целевая структура, свойственная психопатиям.

Выявленные нарушения целевых структур ведут не только к снижению эффективности конечных результатов деятельности, но и к определенным, специфическим изменениям внутри самой деятельности, в характере ее протекания. Прежде всего это затрагивает соотношение ориентировочной и исполнительской частей деятельности. Так, при психопатиях вследствие

недифференцированности целевой иерархии обнаруживается выраженное сокращение предварительного, ориентировочного этапа деятельности. В жизни это обычно ведет к появлению импульсивных, необдуманных поступков, совершаемых «сходу», без предварительного планирования и прогнозирования последствий своей деятельности *.

Иная картина у больных неврозом. Вследствие ги-перразведения целей у них в большей степени страдает исполнительская часть деятельности, процесс ее реализации. Больные прекрасно осознают, что необходимо сделать для осуществления намеченного, много об этом думают и рассуждают, но к самой реализации так и не приступают. Если за исходный принцип нормального соотношения между ориентировочной и исполнительской частями деятельности принять пословицу «Сначала семь раз отмерь, потом один раз отрежь», то можно сказать, что при психопатическом складе сразу без отмеривания режут, в то время как страдающие неврозом без конца отмеряют.

Особый интерес представляет проблема взаимоотношений целевых структур деятельности и самооценки. Согласно нашей гипотезе, разные виды целевых структур деятельности должны быть тесно связанными со специфическими особенностями самооценки испытуемых, составляя вместе целостные психологические синдромы, характерные для определенного типа личностных изменений.

Проверка этой гипотезы была осложнена следующим обстоятельством. Если людям психопатического склада приписывается, как правило, завышенная само-оценка, то относительно больных неврозом мнения авторов существенно расходятся: одни определяют их самооценку как завышенную, другие — как заниженную. Для объяснения причин этих расхождений надо рассматривать самооценку не как однородное, однозначно определяемое образование, а как образование структурно сложное, порой внутри себя противоречи-

* В. В. Гульдан и В. А. Иванников экспериментально показали, что для психопатий типичным является прямое следование часто случайно возникшей ситуации, непосредственным влияниям внешних условий без учета соответствующего вероятностного прогноза. Люди этого склада обычно опираются на очень короткий ряд предшествующих событий. Если в норме этот ряд в специально организованных опытах составлял 5—9 сигналов, то для психопатий — всего 2—3 ".

вое. В. Н.,, Павленко предложила в этой связи различать по крайней мере две основные подструктуры:

общую оценку собственной ценности («я» как ценность) и оценку себя с точки зрения удовлетворенности какими-либо конкретными качествами, возможностями, способностями, достижениями. Первую подструктуру можно тогда условно рассматривать как ценностную форму самооценки, вторую — как операционально-техническую.

Исходя из предложенного разделения теоретически возможны следующие четыре варианта соотношения названных подструктур: 1) высокая оценка себя как ценности сочетается с высокой степенью удовлетворенности своими (операционально-техническими) возможностями; 2) низкая оценка себя как

ценности сочетается с низкой степенью удовлетворенности своими возможностями; 3) высокая оценка себя как ценности сочетается с низкой степенью удовлетворенности своими возможностями; 4) низкая оценка себя как ценности сочетается с высокой степенью удовлетворенности своими возможностями.

Согласно полученным экспериментальным данным [21], больные неврозом являют собой яркий пример третьего из выделенных вариантов соотношения подструктур самооценки, когда высокий уровень представлений о собственной ценности сочетается с низким уровнем представлений о своих внутренних возможностях. Поэтому об их самооценке можно говорить как о внутренне противоречивой, дисгармоничной, что и приводит к столь разным мнениям специалистов, одни из которых говорят о высокой, а другие — о низкой самооценке при неврозах, поскольку в первом случае имеется в виду ценностная сторона самооценки, а во втором — операционально-техническая.

В отличие от группы больных неврозом самооценка у людей психопатического склада выглядит, как правило, внутренне согласованной, гармоничной: высокое представление о собственной ценности сочетается с высокой же оценкой своих возможностей. Согласованность сохраняется и в периоды декомпенсации больных, когда наблюдается резкое занижение самооценки по параметрам удовлетворенности собственными возможностями, которое сопровождается и падением представлений о собственной ценности и незаурядности (второй из выделенных вариантов соотношения

подструктур самооценки). Исключение составляют лишь те особые случаи, когда декомпенсация идет по невротическому типу (на обсуждении данных исследования таких больных мы остановимся ниже).

Показатели группы здоровых испытуемых занимают в целом промежуточное положение по сравнению с результатами других групп. В группе здоровых встречался наиболее широкий разброс данных, здесь были представлены фактически все варианты из рассмотренных нами структур самооценки, что говорит об отсутствии жесткой связи элементов самооценки, ее достаточной вариативности и гибкости.

Рассмотрим теперь, как увязываются полученные данные с нашим предположением о наличии тесной связи особенностей целевых структур деятельности и особенностей самооценки. Характер выдвижения идеальных целей взаимосвязан с ценностной стороной самооценки, представлениями о собственной значимости; реальные цели, их конкретная программа — с оценкой наличных операционально-технических возможностей и ресурсов. Так, высокое представление больных неврозом о своей значимости и ценности совпадает с постановкой ими далеких, часто недостижимых, идеальных целей, в то время как занижение операционально-технической стороны самооценки связано с выдвижением явно заниженных реальных целей. В противовес такой рассогласованной структуре самооценки, прямо коррелирующей с гиперразведением реальных и идеальных целей, у людей психопатического склада наблюдается иная картина: жесткая спаянность внутренних сторон самооценки согласуется с не-дифференцированностью реальных и идеальных целей. Таким образом, можно было, на наш взгляд, говорить о целостных психологических синдромах, относительно устойчивых специфических взаимосвязях целевых структур и особенностей самооценки, характерных для определенных типов личностных изменений.

Итак, на этом можно было бы, казалось, закончить описание результатов. Они в целом подтвердили в ходе экспериментальной проверки выдвинутые нами ранее гипотезы и дополнили их рядом новых существенных данных и аспектов. Однако реальная научная жизнь (что, впрочем, случается достаточно часто) сложилась так, что едва закончившееся исследование сразу потребовало новых уточняющих экспериментов,

новых доказательств исходной гипотезы. Поскольку причина этого требования прямо касалась некоторых принципиальных положений, стоит ее назвать. Когда результаты работы докладывались, на авторитетном собрании московских патопсихологов, то было, причем достаточно единодушно, высказано мнение, что нельзя предполагать единый механизм нарушения постановки целей у столь разных по своим феноменологическим проявлениям групп психопатий. В самом деле, говорили выступавшие, разве можно хоть в чем-то сравнивать, скажем, стеснительного психастеника и «работающего на публику» истероида, замкнутого шизоида или представителя взрывчатой, эксплозивной психопатии: они ведь столь различны, что и механизмы, лежащие в основе их нарушений, должны быть разными.

С одной стороны, высказанные замечания следовало признать во многом справедливыми: всякая научная гипотеза требует тщательных доказательств, тем

более что разница в феноменологии отдельных видов психопатий налицо. С другой стороны, под сомнение ставилась сама возможность существования единых внутренних механизмов для разных по своим феноменологическим проявлениям страданий,т.е. затрагивался вопрос, принципиальный для концепции данной работы. Вот почему необходимо было сразу, незамедлительно продолжить исследование, дополнив его новым экспериментальным материалом. Суть дополнения состояла в том, что если раньше мы рассматривали группу психопатий в целом, то теперь надо было разбить ее на подгруппы, соответствующие основным, выделенным в клинике формам психопатий. К этим формам, как известно, относят психопатии возбудимого, тормозимого и истероидного круга. То же предстояло сделать и относительно неврозов, разбив их на основные виды: неврастению, невроз навязчивых состояний, истерический невроз. Для этой цели был расширен контингент испытуемых, который теперь составил 60 человек психопатического склада (из них возбудимых — 20, истероидных — 20, тормозимых — 20 человек) и 57 больных неврозом (из них истерическим неврозом — 20, неврастенией — 20, неврозом. навязчивых состояний — 17 человек). Это исследование, как и предыдущее, было выполнено под нашим руководством В. Н. Павленко. Процедура опыта была та же, что и в уже описанном исследовании.

Прежде всего, как и следовало ожидать, обнаружились достаточно яркие, броские различия во внешней, феноменологической картине поведения испытуемых названных подгрупп. Так, испытуемые, принадлежащие к возбудимому кругу психопатий, нередко реагировали на неудачу с выраженной аффективной насыщенностью, агрессивностью: могли разбросать материал заданий, нагрубить, обвинить экспериментатора в том, что он «все подстроил», и т. п. Испытуемые исте-роидного круга реагировали на неудачи иным образом:

ощутив свою несостоятельность, они начинали усиленно демонстрировать весь набор жалоб, с которыми поступили в клинику (говорили о внезапном головокружении, нехватке воздуха, просили воды и т. п., не забывая при этом наблюдать за производимым ими впечатлением). Испытуемые тормозимого круга при неудачах нередко совершенно терялись, замыкались в себе, иногда у них наблюдалась общая дезорганизация деятельности. Однако, что для нас принципиально важно, дополнительное исследование в целом подтвердило наличие единого, общего для психопатий механизма целеполагания. Несмотря на выявленные определенные внутренние нюансы и особенности *, для всех испытуемых психопатического склада независимо от конкретного круга психопатий, к которому они принадлежали, были характерны недифференцированность целевой структуры деятельности, отсутствие навыка разведения разноуровневых целей, должной коррекции, перестройки целевых структур по мере накопления опыта в данной деятельности.

Данные относительно структуры самооценки оказались менее однородными: у возбудимых наблюдалась

* Так, у возбудимых явно выражен резкий переход от сближения, подтягивания реальных целей к идеальным до обратного варианта, когда идеальные цели низвергаются до уровня реальных (понятно, однако, Что и в первом и во втором варианте целевая структура остается по-прежнему недифференцированной). Сходное было и у истероидных, с той лишь разницей, что если у возбудимых особенно легко («сходу») провоцировался переход от первого варианта ко второму, то у истероидных наиболее проторенным оказывался обратный переход — от второго к первому варианту. При психопатиях тормозимого круга были зафиксированы наименьшая степень дифференцировки разноуровневых целей и — в ряде случаев — интересный, не наблюдавшийся в других подгруппах феномен, когда идеальная, перспективная цель опускалась ниже уровня реальной (отрицательное значение показателя степени разведения целей), выражение недифференцированная структура, у тормозимых — наиболее близкая среди других подгрупп психопатий к нормативным показателям, истероидные занимали как бы промежуточное положение. Но и здесь, несмотря на эти отличия, оказалась прежней общая тенденция к сближению основных подструктур самооценки, уменьшению «дистанции» между ними.

Дополнительное исследование больных неврозом также не изменило общего вывода основного исследования: несмотря на вариации феноменологической картины поведения и определенные, выявляемые с помощью психологического анализа внутренние особенности и различия, для всех больных неврозом независимо от формы протекания была характерна тенденция к гиперразведению реальных и идеальных целей. Если исследование самооценки при психопатиях

обнаружило (при сохранении общей тенденции к сближению подструктур) достаточные различия между показателями форм психопатий, то структура самооценки больных неврозом представляла собой почти неизменяемое от формы к форме, инвариантное образование (различия между данными испытуемых, принадлежащих к разным формам неврозов, касались преимущественно степени выраженности отдельных показателей и не достигали статуса статистически значимых) . Основными чертами этой самооценки были уже отмеченные выше, при обсуждении данных основного исследования, дисгармоничность, значительный разрыв между подструктурами, между ценностной и операционально-технической сторонами самооценки.

Однако результаты, полученные в дополнительном исследовании, не только в целом подтвердили существование определенных общих механизмов, во многом обусловливающих рассматриваемые аномалии, но и породили некоторые новые проблемы. Пожалуй, главной из них была следующая. Малая дифференцировка разноуровневых целей выявилась весьма отчетливо при всех формах психопатий, тогда как исследование самооценки обнаружило (при сохранении общей тенденции к сближению подструктур) известные различия. При неврозах картина была как бы обратной: вариации приходились в основном на процессы целеразведения, тогда как структура самооценки оставалась, как было уже отмечено, несмотря на разность форм неврозов, по сути инвариантной. Это ставило по крайней мере

два вопроса. Во-первых, о том, какая же из выделенных сторон является главной для каждого из рассматриваемых страданий и, во-вторых, полностью ли подтверждается в свете полученных данных гипотеза о наличии целостных психологических синдромов, составленных из устойчивых связей между целевыми структурами деятельности и особенностями самооценки?

Для ответа на эти вопросы показательными были бы данные эксперимента, в котором сталкиваются между собой разнонаправленные тенденции, представленные в нашем случае психопатиями, с одной стороны, и неврозами —с другой. Богатство клинического материала обнаруживает и такую возможность. Дело в том, что неврозом могут заболеть не только ранее относительно психически здоровые люди, но и люди психопатического склада. Изучение таких случаев и предоставляет возможность установить, что меняется, а что остается неизменным в интересующих нас психологических синдромах при их столкновении, наложении друг на друга. Понятно при этом, что тот признак, который остается неизменным, будет более существенным для психопатии, а тот, который привнесется, видоизменяя наличный,— более существенным для невротической болезни.

Исследование проводилось на испытуемых психопатического склада, у которых наблюдался невротический срыв. В этих случаях, по данным В. Н. Павленко, было обнаружено отсутствие навыка разведения реальных и идеальных целей, их слитность и недиф-ференцированность, т. е. жесткая целевая структура, типичная для психопатий. В то же время соотношение между подструктурами самооценки резко изменилось по сравнению с типичной для психопатий картиной — появились дисгармоничность, значительный разрыв между ценностной и операционально-технической сторонами самооценки, т. е. та структура, которая встречается лишь у больных «чистым» неврозом.

Таким образом, можно с известным основанием говорить, что ядерным, патогномоничным для психопатий являются нарушения целеобразования, целевой структуры деятельности, тогда как для больных неврозом — нарушения в структуре их самооценки. Отсюда, в частности, становится понятным, почему мы наблюдали известные вариации в целевых структурах при неврозах и самооценочных структурах при психопатиях,

216

тогда как самооценка в первом случае и способы целе-полагания — в последнем оставались относительно неизменными.

Что касается ответа на второй вопрос, связанный с гипотезой о наличии психологических синдромов, устойчиво соединяющих особенности целевых структур деятельности с выделенными подструктурами самооценки, то надо признать, что данное исследование заставляет внести коррективы в эту гипотезу. Действительно, исходя из предыдущих экспериментов казалось очевидным, что каждая выделенная подструктура самооценки коррелирует с определенным видом целей:

ценностная — с выдвижением далеких идеальных целей, операционально-техническая — с постановкой реальных целей. Однако последнее исследование продемонстрировало возможность и иных отношений структурных элементов самооценки с целевым строением деятельности (недифференцированность целевых структур при психопатиях, осложненных неврозом, сочеталась с гиперразведением, рассогласованностью элементов самооценки). И хотя эти отношения являются в

данном случае как бы нетипичными, их наличие все же заставляет переформулировать гипотезу, точнее, сделать формулировку более осторожной и мягкой, говоря не об однозначно сцепленной, жесткой, а лишь о достаточно опосредствованной, гибкой связи между целевыми структурами деятельности и подструктурами самооценки.

Подытоживая, сведем данные о некоторых установленных психологических механизмах в обобщенную таблицу (см. табл. на с. 218).

Мы не случайно довольно подробно остановились на описании результатов исследования. Нашей задачей было представить хотя бы небольшой фрагмент реальной логики научного поиска, показать, сколь трудоемким и для самих исследователей подчас неожиданным является путь к установлению даже одного рядового психологического механизма. Однако, обнаружив все же такой механизм, определив особенности его функционирования, психолог получает реальную возможность не только по-новому понять феномены аномального развития, но и обосновать определенные способы их диагностики и коррекции.

Выясненные в нашем случае механизмы позволяют к чисто по сути феноменологическим, во многом ин-

СООТНОШЕНИЕ НАРУШЕНИЙ В ЦЕЛЕВОЙ СТРУКТУРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И В СТРУКТУРЕ САМООЦЕНКИ

Нозологическая форма	Нарушения целевой структуры деятельности	Нарушения структуры самооценки
Невроз	Рассогласованность целевой структуры, тенденция к гиперразведению реальных и идеальных целей	Рассогласованность подструктур, тенденция к их гиперразведению
Психопатия	Недиффрренцирован-ность целевой структуры, тенденция к сближению реальных и идеальных целей	Недифференцирован-ность самооценки, тенденция к сближению подструктур
Психопатия, осложненная неврозом	Недифференцирован-ность целевой структуры, тенденция к сближению реальных и идеальных целей	Рассогласованность подструктур, тенденция к их гиперразведению

туитивным, способам традиционной клинической диагностики добавить строгие экспериментальные методы, которые достаточно надежно могли бы дифференцировать неврозы от психопатий. Ряд сведений привносится в обоснование коррекционных воздействий. Прежде всего мы видим, что при неврозах и психопатиях преимущественно поражены существенно разные уровни психического здоровья. При психопатиях это в основном уровень реализации, индивидуально-исполнительский уровень; при неврозах — вышележащий, личностно-смысловой уровень, который уже вторично нарушает процессы реализации. Если для людей психопатического склада «ядерным» нарушением, «слабым» звеном являются тактические, операционально-технические просчеты в реализации деятельности, то для больных неврозом патогенным является рассогласованность, гиперразведение самооценочных структур, что ведет к постоянному внутреннему напряжению, поддержке, «консервации» невротического конфликта.

Этот конфликт определяют, с одной стороны, высокое представление о своей ценности, которое обус-

ловливает и высокие требования к жизни, не позволяет смириться с отсутствием тех или иных благ, а с другой стороны, нежелание прикладывать необходимые усилия для достижения этих благ, что оправдывается отсутствием

необходимых характеристик и качеств. При этом болезнь как таковая становится своеобразным способом решения этого конфликта, личностной индульгенцией, смысловым самооправданием: «Я не делаю конкретных шагов к тому, чего конечно же достоин и чего хочу в жизни, потому что я болен». Для понимания же реального положения вещей формулу эту надо часто обернуть: «Я болен, точнее, я прибегаю к болезни потому, что не беру на себя ответственности делать конкретные шаги к тому, чего хочу и чего достоин в жизни».

Снятию ответственности служат по сути и вырабатывающиеся способы целеобразования, тесным, как мы знаем, образом связанные с особенностями самооценки: с одной стороны, больные могут ставить слишком далекие, нереальные, заведомо оторванные от жизни цели, а с другой стороны, в конкретной, повседневной деятельности обычно движимы мотивацией избегания неудач, боязнью риска, которая заставляет их «дуть на воду», излишне перестраховываться, выбирая легкие реальные цели. Но поскольку занижение реальных целей и операционально-технической стороны самооценки связывается исключительно с болезнью, то соответственно снимается и всякая ответственность за пассивность. Ответственность перекладывается на других, на обстоятельства и конечно же на врачей:

«Вот вылечите меня, укрепите мою расшатанную нервную систему, сделайте меня не таким ранимым, чувствительным, впечатлительным (далее может следовать любой перечень соответствующих симптомов и жалоб), и тогда я возьмусь за решение своих проблем». Но трудность как раз в том-то и заключается, что болезнь, ее симптомы стали привычным, чаще неосознаваемым уже способом защиты от собственной отвеч-ственности, и поэтому задача психокоррекции состоит в преобразовании личности пациента, в доведении до его сознания существующих смысловых отношений, в снятии внутреннего конфликта не через уход в болезнь и оправдание себя этим, а через выход из закапсу-лированной, эгоцентрической позиции избегания неудач и щажения себя, через подлинное разрешение

своих смысложизненных проблем.

Замечательны в данной связи следующие слова Л. Н. Толстого из «Круга чтения»: «Не бойся болезни, бойся лечения, и не в смысле вредных лекарств, а главное, лечения в смысле признания себя больным и потому освобожденным от нравственных требований». Невроз в известной мере и есть путь признания себя больным и потому освобожденным от нравственной ответственности за происходящее в себе и в мире. Таким образом, помощь в решении «задачи на смысл», рассмотрение вариантов реализации этого решения, их апробирование, поначалу пусть в облегченных, игровых формах,— таково, на наш взгляд, направление психокоррекционной работы с больными неврозом, которое вытекает из проведенного исследования.

При психопатиях основные нарушения происходят в процессах целеполагания, т.е. касаются другого, нежели при неврозах, уровня психического здоровья — уровня реализации. Отсюда нужная коррекция должна состоять в развернутом обучении целевому планированию с переходом от узких, простейших задач к рассмотрению сложных жизненных ситуаций.

В заключение коснемся вопроса, который обычно обходится при обсуждении психопатий. Сами названия — «психопатия», а тем паче «психопат», «больной психопатией» несут достаточно выраженную негативную окраску, акцент на некоем изъяне, ущербности по сравнению с нормой. Но ведь любой клинический психолог знает, что люди психопатического склада попадают в психиатрические больницы обычно лишь в период острых декомпенсаций, явно неадекватных действий и т. п., что случается далеко не с каждым из них. В массе же своей они живут среди нас, учатся, работают, женятся, воспитывают детей. Более того, они иногда могут быть высокопродуктивными. В поведении многих известных писателей, поэтов, ученых, составляющих подчас славу целых народов, нетрудно бывает усмотреть наличие тех или иных (иногда весьма выраженных) психопатических черт. Как же согласуется это с только что выявленными механизмами, да и вообще со множеством негативных характеристик, бытующих в психопатологии и относимых к психопа-' тиям? Ведь если опираться на одни эти характеристики, если даже просто перечислять их подряд, то вообще станет непонятно, как еще живут эти люди, как

они все еще не перессорились с начальством, подчиненными, родственниками, не развелись с супругами, не совершили преступлений и т. п. Итак, в отношении психопатий (как и любых других аномалии) мы никогда не должны довольствоваться характеристиками ущерба, но должны стремиться понять, за счет чего живут такие люди, за счет чего они могут компенсировать свои серьезные нарушения. Что же касается рассмотренных нами механизмов и их нарушений при психопатиях, то в этом плане можно сказать следующее.

Как было выяснено, при психопатиях «ядерными» являются нарушения, относящиеся в основном ко второму уровню психического здоровья — уровню реализации, поэтому мощным резервом компенсации остается вышележащий, собственно личностный уровень. В психологии иногда говорят: «личность снимает характер»; это означает, что ценностное развитие является столь важным и положительным, что оно компенсирует, «снимает» недостатки конкретных

характерологических особенностей. Мы уже отмечали в гл. II, что может быть хороший человек (житейское определение нравственной личности) с плохим характером. При психопатиях основная компенсация должна идти именно за счет воспитания «хорошего человека», нравственно ориентированной личности. Причем поскольку характер, способы реализации являются основным нарушенным звеном, то возможности развития здесь часто противоположно направленные, чуть ли не альтернативные: либо хороший человек с плохим характером, где личность в перспективе способна «снимать», компенсировать трудности характера *, либо плохой чело-

* Мы оставляем сейчас в стороне особый и очень интересный вопрос о том, являются ли выявленные особенности целеполагания только негативными, требующими всегда непременной борьбы с ними, или в каких-то условиях они способны сыграть и позитивную роль в личностном развитии. Заметим лишь, что мы склоняемся ко второму мнению. Во-первых, неразличение реальных и идеальных целей, своеобразное неведение, наивность в отношении очевидных житейских ситуаций могут освобождать поле восприятия и способствовать концентрации сил для решения более возвышенных задач. Во-вторых, что также важно, недифференцированность «хочу» и «могу» позволяет порой человеку с уверенностью браться за решение самих этих возвышенных и трудных задач, к которым более сбалансированное и реалистичное сознание не подступится не столько из-за отсутствия веры в себя, сколько из-за ясного понимания ничтожно малой вероятности успеха и необходимости поэтому твердого различения реального и идеального планов. Понятно, однако,

век с плохим характером, где негативные нравственные установки помножаются на трудности характера. Этим объясняется то, что психопатического склада люди часто оцениваются весьма полярно — либо как очень хорошие, либо как очень дурные.

Тонкий знаток психопатий, П. Б. Ганнушкин писал:

«Один эпилептоид может прекрасно вести большое дело, другой — тоже эпилептоид — совершить преступление; один параноик окажется всеми признанным ученым и исследователем, другой — душевнобольным, находящимся в психиатрической больнице; один ши-зоид — всеми любимым поэтом, музыкантом, художником, другой — никому не нужным, невыносимым без-дельником и паразитом». Причину этих глубоких расхождений П. Б. Ганнушкин объяснял следующими словами: «Все дело — в клиническом, жизненном выявлении психопатии, которое и является... определяющим практическую, главную сторону дела» [23], Но само это клиническое, жизненное выявление не случайно, оно зависит от избранных и затем отстаиваемых ориентации высших слоев личности, собственно личностного уровня психического здоровья, воспитанных, привитых, усвоенных ценностно-смысловых установок, т. е. от того в конечном счете, как, в какой плоскости социального и нравственного бытия найдут приложение одинаковые по своим клиническим характеристикам люди. И именно в зависимости от выбора этих плоскостей и будет решена их судьба.

что подлинному развитию названные особенности могут служить лишь при непременном условии соответствующих личностно-смысло-вых ориентации, т. е. формула о необходимости снятия характера личностью остается в силе. Вообще следует признать, что успех, эффективность тех или иных приемов деятельности не определимы их обязательной принадлежностью какому-то одному или ограниченному числу способов и путей, которые только и можно назвать единственно верными и прогрессивными. В качестве полезной аналогии можно вспомнить в этом плане о понятии «рассеивающего отбора», который «подхватывает и закрепляет каждую отклоняющуюся вариацию, потому что всегда или почти всегда для нее находится подходящее место в разнообразной и вечно меняющейся природной и общественной среде; в каких-то условиях любая вариация может получить преимущество перед другими» [22]. Все наблюдающиеся вариации не случайны. Они несут свой смысл, свой урок, порой горький, отрицательный, но все же нужный для истинного понимания человека и мира. В этом помимо прочего особое философское значение и ценность данных анализа отклоняющегося, ано-мального развития, ибо вне этих данных фактически невозможно создание подлинно целостного представления о феномене Человека.

ГЛАВА V
ОПЫТ ЦЕЛОСТНОГО АНАЛИЗА АНОМАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

В предыдущей главе мы рассмотрели действие некоторых единичных, отдельных механизмов, относящихся к разным уровням психического здоровья. Но реальный процесс развития всегда целостен, он движим не отдельно функционирующими механизмами, а их сложным сочетанием, затрагивает чаще не один, а сразу несколько уровней. В этой главе мы и попытаемся проследить общий

ход возникновения и развития конкретного вида аномалий личности. В качестве такового нами выбран хронический алкоголизм. Выбор алкоголизма не случаен. ,С одной стороны, это крайне опасный по своим социальным последствиям и, к сожалению, весьма распространенный ныне вид аномального развития, психологический анализ которого представляет несомненный практический, прикладной интерес. С другой стороны, этот вид аномалий остается уникальной в научном плане моделью, изучая которую можно увидеть грани перехода от практически здорового состояния в глубокую психическую болезнь и деградацию, причем переход этот свершается в отличие от всех других психозов во многом по воле самого пьющего, что оправдывает древнее определение пьянства как «добровольного сумасшествия». '

1. АЛКОГОЛЬ КАК СТИМУЛЯТОР ИЛЛЮЗОРНО-КОМПЕНСАТОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Психологическую характеристику алкоголизма необходимо начать с зарождения самой потребности в алкоголе. Лишь в этом случае мы можем - получить представление о той «точке отсчета», с которой начинается сложный путь деформации личности. ^Потребность в алкоголе прямо не входит в число естествен-

ных жизненных потребностей, как, например, потребность в кислороде или в пище. Эта потребность, как и многие другие потребности человека, появляется потому, что общество, во-первых, производит данный продукт и, во-вторых, «производит» и «воспроизводит» обычаи, формы, привычки и предрассудки, связанные с его потреблением) Если воспользоваться приведенной во второй главе моделью, то понятно, что речь идет о той плоскости пространства личности, которая связана с культурой, со значениями, нормами, образцами поведения.

Алкоголь занимает (и это надо признать прямо) вполне определенное место в современном образе жизни, и, следовательно, до сих пор остаются верными слова В. Португалова, сказанные еще в 1890 г., о том, что существующая привычка к алкоголю «порождает и в последующих поколениях преемственное расположение и путем подражания, переимчивости передается... из поколения в поколение» . Разумеется, эти привычки не присущи всем в одинаковой степени — существуют разные микросреды и соответственно разные микрокультурные традиции. В настоящее время опубликованы многочисленные работы, рассматривающие различные особенности микросреды и связанные с ними алкогольные обычаи. Достаточно общим, {типичным можно признать мнение о том, что употребление алкогольных напитков в группе или сообществе людей есть производное культуры и что именно в свете культуры данного сообщества или группы оно может быть понято.

Однако личность человека не есть лишь сколок культуры, она не просто репродуцирует обычаи и традиции своей микросреды, но активно, деятельностно осваивает их, вырабатывает к ним свое смысловое отношение, обладает определенной внутренней свободой принять или отвергнуть их. Поэтому сам факт наличия алкогольных традиций, при всей их статистически доказанной пагубности, еще не есть исчерпывающая и единственная причина тяги к алкоголю, а лишь условие, предпосылка, хотя и очень важная, ее 'появления. Иными словами, от описания внешних детерминант, связанных с культурными значениями, необходимо перейти к анализу иных аспектов развития личности.

Рассмотрим сначала «чистый» эффект действия ал- /

224

коголя, т.е. те изменения, которые привносятся в функционирование первого уровня психического здоровья — уровня психофизиологического реагирования. Психофизиологический эффект действия алкоголя не всегда однозначен и меняется в зависимости от возраста пьющего, общего состояния организма, особенностей конституции и нервной системы. В целом же, однако, наиболее общая схема заключается в том, что обычно возникает возбуждение, подъем, вызванный в основном * борьбой организма с поступившим ядом, затем возможно расслабление, угнетение, сон. Что касается изменений продуктивности памяти, мышления, внимания под влиянием однократного приема алкоголя, то они тоже носят фазовый характер В исследовании А. Ю. Харевской, выполненном-под нашим руководством, были выделены три такие фазы для дозы 0,75 г этанола на 1 кг веса тела. Первая фаза состояла из кратковременных отрицательных изменений, тесно связанных с резким сдвигом функционального состояния организма (примерно 10-я минута от начала употребления). Во второй фазе отмечалась некоторая стабилизация результатов, и на фоне периода активизирующего,

возбуждающего действия алкоголя происходили даже отдельные положительные сдвиги в решении простых интеллектуально-мнестических тестов (30—60-я минута). Затем наступала третья фаза— фаза относительно длительного и устойчивого нарушения умственной деятельности, что было связано с процессами торможения, приводящими к состоянию релаксации, сонливости, ощущению утомления (90— 120-я минута). При приеме меньшей дозы (0,5 г/кг) изменения носили более неопределенный, разнонаправ-ленный характер. Исследование показало, что увеличение дозы способствует все более единообразным изменениям элементарных интеллектуально-мнестических процессов. Добавим также, что выраженное опьянение сопровождается нарушениями моторики, рассогла-сованностью движений, речевой расторможенностью. *I*

* Мы пишем «в основном», поскольку известно, что на некоторые инстанции организма алкоголь действует, напротив, угнетающе. К важнейшей из этих инстанций относится кора головного мозга, но угнетение ее деятельности одновременно сопровождается высвобождением подкорковых центров, что лишь усиливает картину алкогольного возбуждения. При поступлении в организм все больших доз алкоголя начинают угнетаться и подкорковые центры.

Привлекательно ли для человека подобное психофизиологическое состояние, эта, по остроумному замечанию психолога М. П. Нилина, игра на аварийных системах организма? Можно лишь этим объяснить субъективную тягу к алкоголю? Очевидно, нет. Постепенно появляющаяся и могущая нарастать привлекательность алкогольного опьянения кроется, на наш взгляд, в той по большей части неосознанной, психологической мотивации обращения к вину, в тех желаниях и потребностях, которые человек пытается удовлетворить с его помощью .

Наиболее частым является здесь желание повеселиться, создать приподнятое настроение на свадьбе, дне рождения, встрече друзей, т. е. в случаях, в которых традиции винопития особенно прочны *. Обычно праздника ждут, к нему заранее готовятся, определенным образом настраивают себя, принаряжаются, что само по себе создает ту атмосферу, которая и без вина делает человека возбужденным, приподнятым, радостным. Последующее принятие алкоголя, изменяя состояние организма и нервной системы, создает лишь необычный психофизиологический фон, на который мощно проецируются психологические ожидания, вся предшествующая психологическая подготовка к данному событию. Для самого же человека этот механизм остается неосознанным, скрытым, что и порождает общепринятое представление об особых свойствах алкоголя.

Силу психологической проекции можно усмотреть не только в употреблении алкоголя (как, впрочем, и некоторых других наркотических веществ). Сходные механизмы выявляются, в частности, в многочисленных опытах с плацебо. Обычно они состоят в следующем. Некоторой однородной группе больных дается якобы одно и то же лекарство; на самом деле одной части больных дается действительно медицинский препарат, а другой — плацебо, «пустышка», т. е. таблетка, порошок такого же вида и вкуса, как соответствую-

* Прочность субъективной связи в восприятии многих вина и веселья очевидна. Это нашло отражение и в обыденном языке: о подвыпившем человеке говорят: «идет навеселе»; в словаре народных говоров Архангельской области прямо указывается, что одно из значений слова «веселое» — пьянящее, хмельное, спиртное, а в качестве примеров приводятся обиходные фразы: «Веселого не выпьете у меня? Веселого выпейте немного (водки)...»

226

щее лекарство, но приготовленные из нейтрального, индифферентного для организма вещества. Как правило, эффекты действия в той и другой группе больных оказываются сходными. Причем, что важно, сходство эффектов значительно увеличивается, если больные активно общаются друг с другом, делятся соответствующими «симптомами» и т.п.'Вообще терапевтический эффект лекарств неотделим от самовнушения, от множества неосознаваемых тенденций. Так, труднодоступное и дорогостоящее лекарство действует всегда эффективнее, нежели общедоступное; одно и то же средство окажет разное действие в зависимости от того, кем оно будет прописано — авторитетным специалистом или рядовым врачом.

Приведенные соображения, однако, служат лишь косвенным доказательством нашей гипотезы о психологических механизмах действия алкоголя. Для того чтобы получить подтверждения более прямые, необходим был эксперимент, построенный, например, по следующему плану. В одном случае ввести в организм

алкоголь, не предупреждая человека об этом, в другом — заранее сообщить о том, что будет введен именно алкоголь. Если эйфоризирующий эффект действительно присущ действию алкоголя, то в первом и во втором случае не только физиологическая, но и поведенческая, эмоциональная реакции должны совпадать или по крайней мере быть сходными, однопорядковыми. Если же важную специфическую роль играет проекция психологического ожидания на психофизиологический фон опьянения, то поведенческие реакции должны быть существенно различными.

Такой опыт удалось провести П. И. Сидорову[3]. Необходимость углубленной оценки состояния функции печени и почек с помощью инфракрасной термо-графии заставляла в ряде случаев прибегать к этано-ловым нагрузкам (внутривенному введению 33°-ного алкоголя). При этом для проверки высказанной выше гипотезы в одних случаях испытуемые предупреждались о характере инъекции, а в других она подавалась как «функциональная нагрузка». При подобном «анонимном» введении алкоголя через некоторое время появлялись жалобы на легкое возбуждение, повышение тонуса, сменяемые последующей релаксацией и сонливостью. Тем самым демонстрировалось как бы прямое отражение соответствующих физиологических

реакций, однако, что для нас принципиально важно, какого-либо отчетливого личностного, поведенческого компонента при этом не выявилось. Другая картина наблюдалась, когда заранее предупреждали о характере инъекции. В этом случае в тесной зависимости от «алкогольного анамнеза», привычек и стиля алкоголизации могли наблюдаться соответствующие эмоциональные реакции: оживление, шуточки, комментарии — словом, демонстрировалась достаточно типичная поведенческая и речевая картина опьянения. [?]

Можно привести и другие данные, подтверждающие гипотезу о существовании психологической проекции. Так, анализ агрессивности пьяных, проведенный Д. Рохсеноу и Г. Малатом, показал, что она является не прямым результатом приема алкоголя, а следствием общепринятого представления о том, что после такого приема поведение, выходящее из обычных социальных установок, извинительно. Существуют сведения об особой роли проекции, касающиеся и иных форм наркомании. Если, например, человек выкурит сигареты с гашишем, не зная об их содержимом, то он может вовсе не почувствовать того, что обычно называют эйфорией, а лишь ряд измененных ощущений — нарушения восприятия пространства, объема, цвета и т. п. «Испытывается любопытство, видится забавность происходящего и одновременно — недоумение и ожидание, что произойдет нечто угрожающее, скорее здоровью, чем личности. Эти чувства, вероятно, во времени совпадают с соматовегетативными проявлениями интоксикации (тахикардией, подъемом кровяного давления)...» В то же время «у лиц, курящих гашиш впервые, но знающих об этом и ожидающих наркотического эффекта, картина опьянения иная. Она более красочна и эмоционально насыщена» [4]. Подобные наблюдения приводят иногда даже к крайнему мнению, что наркотики лишь повод для свободной игры воображения.

Таким образом, не алкоголь как таковой, не его взятое само по себе физиологическое действие, а прежде всего *проекция психологического ожидания, актуальных потребностей и мотивов на психофизиологический фон опьянения* создает ту внутреннюю субъективную картину, которую человек начинает приписывать действию алкогольного напитка. Именно в этом «опредмечивании» первоначально содержательно не-

228

оформленного состояния и заключается то зерно, из которого вырастает психологическая привлекательность алкоголя. Отсюда начинается крайне опасный по своим жизненным последствиям и кардинальный для генеза'пьянства процесс — все большая децентра-ция, искажение восприятия: человек начинает видеть главный источник привлекающего его состояния только в алкоголе.

По тем же принципам (проекция психологической преддиспозиции, актуальных в данный момент потребностей и ожиданий на определенный психофизиологический фон опьянения) возникают представления и о других «незаменимых» свойствах и функциях алкогольных напитков. Так, алкоголь употребляют не только в связи с радостными, но и в связи с печальными событиями, например на поминках. Причем характерно, что в последнем случае, как бы ни было сильно опьянение, люди, для которых утрата действительно тяжела, грустят, а не смеются; эйфория захмелевшего на поминках оценивается как неуважение к покойному, и ссылки на опьянение не принимаются в расчет. Со

временем диапазон субъективных причин употребления алкоголя становится все шире — пьют и «для храбрости», и «с обиды», и чтобы «поговорить по душам», и чтобы «расслабиться», и чтобы «взбодриться» и т. д.

Разумеется, данной гипотезой мы не хотим перечеркнуть роль собственно физиологического действия алкоголя. Алкоголь отчасти потому и приобрел такое место в человеческой культуре, что его действие создает столь удобный и в то же время быстро достигаемый фон для психологической проекции. Причем именно содержательная неопределенность, ненаполненность этого действия делает его универсальным средством достижения разных, подчас противоречивых по своим психологическим особенностям состояний. Из двух фаз опьянения — возбуждение и угнетение — может быть выбрана, акцентуирована любая, и если первая создаст нужный фон для приподнятых, радостных событий, то вторая послужит основой для эмоциональных переживаний грустного толка.

Ясно, что эта психологическая «пустота», ненаполненность действия алкоголя в строгом смысле относительна — алкоголь снижает точность восприятия, уменьшает объем перерабатываемой информации, искажает

эмоциональные процессы и др. Речь идет о том, что сами по себе эти эффекты содержательно не определены, это пока довольно размытый, расплывчатый фон для дальнейших психологических проекций, хотя понятно, что именно подобные эффекты облегчают возникновение в сознании целого ряда типичных проявлений. П. Вютрих, например, связывает снижение способности к восприятию, уменьшение объема внимания с тем, что благодаря этому пьющему человеку легче редуцировать комплексность, сложность возникающих проблем, с которыми он сталкивается [5]. В упомянутом уже экспериментальном исследовании А. Ю. Харевской был отмечен факт явного снижения критичности под влиянием алкогольной нагрузки. Решая тестовые задачи, в особенности в период подъема возбуждения от принятого алкоголя, некоторые испытуемые были определенно уверены в том, что результаты их деятельности необыкновенно улучшаются («я эти задачки как орешки щелкаю», «чувствую, что решаю все правильно», «думать стало гораздо легче» и т. п.), хотя объективно они допускали большее количество ошибок, чем до приема алкоголя. Все это, однако, повторяем, облегчает, провоцирует те или иные формы психологических проекций, но отнюдь не определяет прямо и однозначно всего их конкретного содержания и протекания.

Другой важный момент, который надо подчеркнуть в связи с нашей гипотезой, состоит в том, что субъективная картина не создается одномоментным актом проекции психологического ожидания, актуальных потребностей на фон алкогольного опьянения. Картина эта всегда деятельностно опосредствована, она создается в ходе особой деятельности пьющего человека, которую можно назвать *иллюзорно-компенсаторной алкогольной деятельностью,* направленной на создание и поддержание искомого эмоционального состояния, особого «алкогольного», т. е. иллюзорного, удовлетворения той или иной актуальной потребности. Поэтому, в частности, когда мы говорим о потребности в алкоголе, то не следует понимать это выражение буквально. С собственно психологической точки зрения речь идет не о потребности в алкоголе как таковом, а о потребности переживания состояния опьянения,— переживания, несущего достаточно сложный, деятельностно-опосредствованный характер.

Для того чтобы понять специфику этой деятельности,

230

достаточно сравнить ее (в особенности у людей, уже больных алкоголизмом) с деятельностью здорового человека. Возьмем, например, столь важную для каждого потребность в удовлетворяющей его самооценке. Здоровый человек обычно старается ставить перед собой такие цели и задачи, достижение которых достаточно высоко оценят окружающие и он сам, что приведет к поддержанию и повышению его самооценки.

Иной способ организации деятельности, направленный на поддержание самооценки, самоуважения, у людей, злоупотребляющих алкоголем. В работе, выполненной под нашим руководством, К. Г. Сурнов, специально исследовавший этот вопрос, показал, что важнейшей особенностью алкогольного способа удовлетворения потребностей является подмена результатов реально осуществляемых действий субъективными переживаниями, приблизительно схожими с теми субъективными переживаниями, которые испытывает здоровый человек, в ходе предметной деятельности реально осуществивший намеченные действия.

Иначе говоря, если для здорового человека цели и мотивы его деятельности лежат по преимуществу в области изменений объективного мира, то пьющий сосредоточивает главное внимание на субъективных эмоциональных переживаниях, обычно сопровождающих предметную деятельность и ее результаты. Достигает же он желательных эмоциональных переживаний с помощью алкоголя, т. е. посредством не реальной, а иллюзорно-компенсаторной деятельности.

Наконец, важно отметить, что искомые субъективные состояния обычно не достигаются пьющим человеком в одиночку. Иллюзорно-компенсаторная деятельность требует достаточно развернутого «разыгрывания» этих состояний, которое подразумевает компанию, собеседника, слушателя, зрителя — словом, специфическую обстановку совместной выпивки. Если «вычесть» эту обстановку, то не возникнет и ожидаемого переживания. Это доказывает, в частности, следующий эксперимент, проведенный психологами. Испытуемые-добровольцы, позитивно относящиеся к алкоголю, были приглашены в один из кабинетов психоневрологического диспансера для проведения опыта по изучению влияния алкоголя на психику. Они должны были после принятия определенной дозы рассказать о своих субъективных ощущениях. К некоторому удивлению испытуемых, алкоголь не вызвал ожидаемого ими состояния: в казенном ме-

дицинском помещении, под присмотром врача-экспери-. ментатора ощущения были скорее тягостные, чем приподнятые. В самоотчете испытуемые говорили о физиологических коррелятах опьянения — чувстве жара, под-ташнивании и т. п. Чувство же облегчения испытуемые ощутили тогда, когда спало действие алкоголя.

Этот опыт в известном смысле даже более показателен, чем вышеприведенные наблюдения доктора П. И. Сидорова, и свидетельствует о том, что не только анонимное введение алкоголя лишает опьянение обычно приписываемых ему атрибутов. Иллюзорно-компен-саторное переживание разрушается и при нарушении определенной обстановки, антуража выпивки. Правда, этот параметр, как мы увидим ниже, значительно изменяется в том случае, если пьянство прогрессирует и переходит в болезнь, но по крайней мере в начальных стадиях его роль весьма велика. Клиницисты и патопсихо-логи знают, что пьянство в одиночку указывает либо на атипический характер течения, отягощенность сопутствующими психическими нарушениями, либо на крайнюю степень деградации. В обычных же случаях даже простое присутствие одного-двух трезвых людей нередко воспринимается как нарушение компании, участники которой стремятся либо напоить их, либо вовсе удалить из компании, чтобы восстановить прежние условия развертывания иллюзорно-компенсаторного действа. Поэтому корректнее говорить не о влиянии алкоголя на психические процессы, а о влиянии всего ритуала употребления алкоголя в той или иной компании.

Можно (с известной долей метафоричности, конечно) говорить о некоем «алкогольном театре». Каждая пьющая компания по сути есть такой театр со своим набором исполнителей и ролей. Особенность этого театра — нарочитость, подчеркнутость происходящего. Вот один утрированно мрачен, другой буйствует, третий нарочито весел. Если внимательно приглядеться и проанализировать поведение, то нередко обнаружится, что многие в этом спектакле как бы реализуют, изживают свои комплексы, обиды, что-то не сложившееся, не со-стоявшееся. Вот кто-то в роли непризнанного, а рядом — играющий роль его единственного поклонника:

«Да, брат, ты — талант, ты им еще покажешь! Давай выпьем...» Именно вследствие этого алкогольные переживания мало назвать просто иллюзорными, они всегда

232

содержат более или менее выраженную компенсатор-ную направленность, попытку прийти в конечном итоге к оправданию пьющего, к выводу, что он человек достойный. Этому обычно служит определенное построение «алкогольной роли», способ ее разыгрывания. Вот один из приемов. Часть первая — «очернительная»: «Я никто, я подлец, я разорил семью, отравляю всем жизнь, я полное ничтожество...» Слушатели сочувствуют, растроганы таким раскаянием, появляются слезы. Затем кающийся неожиданно задает вопрос: «А кто в этом ви-новат?» И следует часть вторая — «обеляющая»: «Жена, стерва, сгубила, на работе начальник сволочь, общество не обеспечило...» В результате этого действа пьющий выходит вполне «очищенным», примиренным с собой. Понятно, что это примирение и очищение временны, ирреальны. Но ведь, для того чтобы достичь подлинного очищения, надо в реальности проделать большую и сложную работу по преодолению конфликтов, претерпеть и трудности, и разочарования на пути к

целям жизни. А здесь, в «алкогольном театре», индульгенцию можно получить за один вечер. Поэтому, как мы говорили, в пьяной компании не любят трезвого: он слишком наглядное олицетворение, напоминание о другом — реальном мире, он мешает разыгрываться иллюзорно-компен-саторному алкогольному действу. Если же вычесть из пьянства это иллюзорно-компенсаторное действо, то не останется главного, ради чего и собрались стремящиеся к выпивке люди.

Особо следует упомянуть о-роли тех, кто непосредственно приобщает других к выпивке. Традиции ведь не живут сами по себе, их поддерживают, олицетворяют и предлагают конкретные люди. Как правило, в жизни почти любого больного алкоголизмом или еще «бытового пьяницы» можно усмотреть особое влияние таких «алкогольных наставников», которые показывают своим примером, а иногда просто непосредственно обучают новичка, как надо пить, в какой последовательности совершать те или иные конкретные действия, как наилучшим образом «ловить кайф» — искомое для пьющего состояние благодушия. Мы уже говорили в гл. II, что каждое психологическое образование сначала как бы разделено между двумя полюсами: ребенок и взрослый, ученик и учитель, воспитанник и воспитатель, и лишь затем оно интериоризируется и становится принадлежностью самого ребенка, ученика, воспитанника. С алко-

гольными переживаниями дело обстоит сходным образом.

Сказанное может быть отнесено по сути к любым наркоманиям. Как показал В. П. Чемиков в исследовании, выполненном под нашим с Н. И. Евсиковой руководством, эйфория сама по себе часто не является первоначальным мотивом, непосредственным побудителем и причиной наркотизации. Это состояние необходимо научиться достигать, пройдя через овладение техническими приемами и через создание образа желаемого результата, который задается извне *, путем обучения новичка опытным наркоманом. Разумеется, этот задаваемый извне образ не является сугубо произвольным, отделенным от способа действия самого наркотика. Хорошо известно, что каждому виду наркотика приписывается по преимуществу и свой особый вид галлюцинаторных образов. Речь идет лишь о том, что это действие, сводимое по сути к изменению психофизиологических систем, специфическим искажениям ощущения и восприятия, само по себе не способно породить все те подчас чрезвычайно сложные и тонкие состояния сознания, которые возникают в наркотизации. Между изменениями психофизиологии и этими состояниями лежит развернутая иллюзорно-компенсаторная деятельность — деятельность иллюзорного переживания, имеющая свою технику, свои средства и цели. Даже такой мощный

* То, что образ желаемого результата задается извне, хорошо подтверждают и исторические наблюдения. До 60-х годов нашего века наркотики не были значительно распространены на Западе и их нелегально употребляли лишь малочисленные социальные группы. В середине 60-х годов ситуация резко изменилась — невиданная волна наркомании прокатилась по западным странам. Это было связано с особой модой, которая изображала наркотики как «орудие революции», средство «расширения сознания», а наркомана — как представителя нового, прогрессивного поколения, противостоящего истеб-лншменту. Особую роль сыграли здесь «идолы молодежи». В субкультуре джазовых музыкантов была до тонкости разработана система ожиданий эф(ректа марихуаны. Участники

многих популярных ансамблей не скрывали своего пристрастия к наркотикам. Где-то в эти годы галлюциногены (например, ЛСД, мескалин) стали часто называть «путешествиями», что многие связывали с пластинкой «Волшебные путешествия», напетой ансамблем «Битлз» под влиянием наркотиков-галлюциногенов [6]. Увлечение наркотиками подготовило в свою очередь почву для новой эпидемии — появления на Западе с конца 60-х годов все новых «культов», сект, увлечений вульгарно понятым восточным мистицизмом и др. По данным социологов, с 1965 г. только в США появилось более 1300 новых псевдорелигиозных групп и объединений [7]. Понятно, что оба увлечения преемственны в стремлении уйти *о1* реальности в ирреальный план.

234

препарат, как ЛСД, по силе и яркости действия многократно превышающий все дотоле известные наркотики, не обеспечивает сам по себе нужного направления галлюцинаторных образов; на Западе существует специальная категория ЛСД-тренеров, ЛСД-терапевтов, которые пошагово руководят своими подопечными, принявшими препарат, и объясняют им смысл возникающих у них необычных состояний. Причем понятно, что сами эти состояния, будучи иллюзорными, отражают, точнее, конструируют и некий иллюзорный мир, отъединяя человека от мира реального, затмевая его собой.

Очень показательна в этом плане история английского ученого О. Хаксли, который, страдая смертельным недугом, прибег к наркотикам и вскоре стал ярым сторонником и пропагандистом точки зрения, согласно которой психоделические средства способны вызывать мистические состояния примирения со смертью и обретения смысла жизни. Однако, по свидетельству Р. Зене-ра, за неделю до смерти, когда Хаксли казалось, что он достиг под влиянием ЛСД состояния вневременного блаженства, пришло разочарование. Он понял, что это было грандиозным заблуждением, полным непониманием того, что происходит в действительности. Вывод, к которому пришел Хаксли в результате этого осознания, таков: «Мы не должны пытаться жить вне мира, данного нам, мы должны как-то научиться трансформировать и переделывать его. Мы должны отыскать способ нахождения реальности без волшебной палочки и магических заклинаний. Надо искать способ бытия в этом мире, а не стремиться стать самим бытием» [8].

Итак, возвращаясь к алкоголю, особое, часто сверхценное отношение пьющих людей к алкоголю не может быть понято лишь исходя из каких-либо особых, эйфоризирующих качеств этилового спирта, как то нередко представляется в психиатрической литературе, где психологическое пристрастие к вину, так называемая психическая зависимость, сводится к условно-рефлекторной связи между событием (выпивкой) и подкреплением (эйфорией). Человек ищет в вине значительно большего, чем состояние эйфории; принцип удовольствия слишком тривиален для объяснения столь распространенного и столь грозного по своим последствиям явления. Психологические причины здесь глубже: они кроются, во-первых, в тех возможностях (как уже говорилось, иллюзорных) удовлетворения желаний и разре-

шения конфликтов, которые дает состояние опьянения для длительно пьющего человека, научившегося разыгрывать, изживать в этом состоянии свои актуальные проблемы, и, во-вторых, в тех психологических и социальных условиях, которые толкают его на этот путь. Такой человек в состоянии опьянения может удовлетворить и свое честолюбие (похвальба пьяного), и обиду (пьяные слезы, угрозы и брань в адрес отсутствующего), и потребность в уважении (сакраментальное «ты меня уважаешь?»), и многое, многое другое. Вот почему, в частности, из крайности медицинского «психофармакологического» подхода, нередко напрямую соединяющего введение в организм этанола с появлением эйфории, нельзя впадать в другую, на этот раз «социологическую» крайность, также игнорирующую внутрипсихологические опосредствования, сводя причины выпивки исключительно к зависимости от пагубных традиций, а пьющего рассматривая как пассивного и слабовольного исполнителя этих, часто тягостных для него самого традиций, действующего по принципу: «не хочу пить, мне это не нравится, но что делать — обстоятельства (традиции, давление других) заставляют».; И хотя подобные речи приходится часто слушать даже от явно выраженных пьяниц, не говоря уже о так называемых умеренно пьющих, далеко не всегда следует принимать их за чистую монету. С психологической точки зрения в подобных ответах проявляются нередко не столько мотивы выпивки, сколько ее мотивировка, приемлемое для окружающих и самого пьющего объяснение, оправдание, в котором он, пьющий, представляет себя как жертву неблагоприятных обстоятельств. Понятно, что в результате этого перекладывания ответственности сам пьющий получает возможность чувствовать себя вполне правым и чистым.

Между тем о непосредственном давлении традиций можно говорить лишь на самых первых стадиях. Когда же начинает формироваться и укрепляться иллюзорно-компенсаторная деятельность, нельзя уже не учитывать те психологические особенности и опосредствования, которые она способна привносить в мировоззрение и способы бытия человека: неизбежно возникающие в жизни противоречия и конфликты получают тогда возможность сниматься не реальной деятельностной активностью субъекта, а все большим уходом в иной, ирреальный план. Причем возможность свершения иллюзорно-

компенсаторного действа, временного ухода в ирреальный план, начинает рассматриваться самим пьющим как благо, как важное средство поддержания равновесия с миром, что еще более укрепляет его привязанность к вину*.

Один из героев повести В. Распутина «Последний срок» объясняет: «Жизнь теперь совсем другая, все, посчитай, переменилось, а они, эти изменения, у человека добавки потребовали. Мы сильно устаем, и не так, я скажу тебе, от работы, как черт знает от чего Я вот неделю прожил и уж кое-как ноги таскаю, мне тяжело. А выпил и будто в бане помылся, сто пудов с себя сбросил. Знаю, что виноват кругом на двадцать рядов: дома с бабой поругался, последние деньги спустил, на работе прогулов наделал, по деревне ходил попрошайничал — стыдно, глаз не поднять. А с другой стороны, легче... Идешь опять работать, грехи замаливать. День работаешь, второй, пятый, за троих упираешься и силы откуда-то берутся. Ну, вроде успокоилось, стыд помаленьку проходит, жить можно. Только не пей... А как не пить? День, второй, пускай даже неделю — оно еще можно. А

если совсем, до самой смерти не выпить? Подумай только. Ничего впереди нету, сплошь одно и то же. Сколько веревок нас держит и на работе и дома, что не охнуть, столько ты должен был сделать и не сделал, все должен, должен, должен, и чем дальше, тем больше должен — пропади оно пропадом. А выпил — как на волю попал, освобожденье наступило, и ты уже ни холеры не должен, все сделал, что надо».

В этом монологе ярко проявились перечисленные выше качества алкогольного переживания: оправдание выпивки сложностью жизни, перенос конфликтов в ирреальный план, их иллюзорное разрешение («выпил — как на волю попал... все сделал, что надо») и т. д. Люди с таким самосознанием, сами того не подозревая, находятся на очень опасном рубеже. Им-то кажется, что они установили некое равновесие между двумя мирами — реальным и ирреальным, что возможность временных переходов в мир второй помогает им сносить тяготы и напряжение мира первого. Обычно они настолько уверены в неизбежности и правоте своего образа жизни и мыслей, что смело пытаются навязать его другим, рассматривая как всеобщий, обязательный для всех. По сути дела эти люди начинают выступать в роли «алко-

* В работе В. А. Цепцова, выполненной под нашим руководством, было показано, что многие пьющие вполне готовы осудить пьянство, его последствия, его пагубную роль, но не само опьянение, выпивку, эмоционально-смысловое отношение к которой остается при этом позитивным. Если же учесть, что осуждение пьянства выступает на уровне внешнем — осознаваемом и словесном, а отношение к своему опьянению, выпивке нередко может быть замаскированным, выступать на уровне внутреннем,— скрытом, и даже неосознаваемом, то налицо один из типичных парадоксов психологии пьющего: на словах — противник пьянства, а в душе и на деле — его поклонник.

гольных наставников», прививающих новичкам «идеологию» и способы, конкретную «технику» иллюзорно-компенсаторных переживаний. Обратим при этом внимание на одну важную деталь. Когда мы выше уже упоминали об «алкогольных наставниках», читатель мог вообразить себе неких особых, прожженных злодеев. На деле этого рода «наставничество» свершается повседневно и буднично. Герой повести В. Распутина — человек во многих отношениях хороший и добрый, но по сути своей является если не прямым «наставником», то по крайней мере активным пропагандистом алкогольного переживания. К пагубному наставничеству оказываются приобщенными и родитель, подносящий своему ребенку первую рюмку, и собрание милых гостей, демонстрирующих своим поведением сидящим за столом детям ритуал винопития. Прав С. Н. Шевердин, который пишет: «Представлять дело так, как будто бы подростков совращают и понуждают расстаться с трезвостью законченные «забулдыги», никчемные, не заслуживающие никакого уважения и признания «пьянчужки», люди, лишенные привлекательных и действительно ценных качеств,—это опасный самообман, который не поможет нам поставить верный диагноз изучаемого социального недуга и заведомо не позволит назначить правильный курс лечения» [9].

Иллюзорно-компенсаторная деятельность, отдаляя человека от задач реальности, от достижения в ней своего назначения и счастья, постепенно переносит центр внутренних устремлений в иной, ирреальный план, который все более обживается, обставляется все новыми атрибутами и становится наконец в смысловом отношении более важным, значимым и притягательным, нежели мир реальный.

Но этим отнюдь не исчерпывается пагуба алкоголя. До сих пор мы говорили о сугубо психологических моментах. Однако вспомним: любой наркотик, и алкоголь в том числе,— яд и его употребление может привести сначала к эпизодическим, обратимым перестройкам систем организма, а затем к их хронической и стойкой деформации. Последнее обстоятельство качественно меняет весь ход развития: к психологической зависимости прибавляется зависимость физиологическая, или, как ее иногда называют, физическая. В результате перестраивается первый уровень психического здоровья, изменяя условия протекания внутриличностных процессов не

только в периоды самой наркотизации (алкоголизации), но и вне ее. Наступает собственно болезнь.

2. АЛКОГОЛИЗМ КАК БОЛЕЗНЬ

Алкоголизм как болезнь, как разновидность наркомании имеет ряд специфических признаков. Кратко познакомимся с основными из них, поскольку без этого трудно будет в дальнейшем понять, почему алкоголизм приводит к столь грубым нарушениям психики.

Систематическое потребление спиртных напитков вызывает постепенную перестройку организма. Спустя примерно 5—7 лет после начала систематического потребления появляется первый симптом болезни — «потеря контроля за количеством выпитого». На этой стадии человек уже не в состоянии «пить, как все», т. е. сознательно контролировать количество принимаемого алкоголя и тем самым не переступать определенного порога, за которым наступает реакция

отравления или резко изменяется поведение. Но со временем даже малая доза вызывает непреодолимое желание новых и новых доз алкоголя, которое некоторые авторы сравнивают с чувством голода после приема инсулина или с возникновением зуда при крапивнице. Такое употребление алкоголя все чаще заканчивается состоянием тяжелого алкогольного наркоза, выйдя из которого больные сначала частично, а в поздних стадиях болезни и полностью (полная амнезия) не могут восстановить в памяти события недавней выпивки.

Вслед за «потерей контроля» появляются признаки абстинентного (похмельного) синдрома, или синдрома лишения, впервые подробно описанного видным отечественным психиатром С. Г. Жислиным. Явления абсти-ненции проявляются у больных хроническим алкоголизмом при падении уровня алкоголя в крови: в начальных стадиях— спустя 8—12 часов после выраженного опьянения (обычно наутро после алкогольного эксцесса); затем в ходе болезни это время сокращается, и в поздних стадиях явления абстиненции могут наступать через 1—3 часа после прерывания запоя.

Состояние абстиненции характеризуется тяжелыми физическими и неврологическими расстройствами: больные испытывают крайнюю слабость, выраженное дрожание (тремор) рук, сердцебиение, одышку. Все это сопровождается расстройством сна, подавленным настрое-

нием, раздражительностью. Надо заметить, что в отличие от неприятного состояния похмелья, которое испытывают и нормальные субъекты, состояние абстиненции у больных алкоголизмом носит затяжной и мучительный характер. Это и понятно. В норме наблюдается неспецифическая реакция здорового организма на отравление алкоголем. Болезнь же изменяет сам организм, который реагирует уже не столько на отравление, интоксикацию алкоголем, сколько, напротив, на прерывание этой интоксикации. Организм теперь уже нуждается в принятии алкоголя как-необходимого средства для восстановления нарушенной жизнедеятельности. Поэтому абстинентная симптоматика по мере удаления от приема алкоголя не затухает, как в норме, но продолжает нарастать и может держаться в развернутых стадиях болезни до 7—10 дней.

Мучительные для больных проявления абстиненции частично или полностью снимаются (купируются) только повторным принятием алкоголя. Причем дозы алкоголя, способные снять явления абстиненции, постоянно растут в ходе болезни. Однако повторное потребление алкоголя не только снимает явления абстиненции, но и снова рождает непреодолимое стремление к алкоголю. И нередко утреннее похмеление приводит к новому злоупотреблению, так что к вечеру, вследствие «потери контроля за количеством выпитого», больные вновь приходят в состояние глубокого опьянения. Такой характер употребления алкоголя становится сначала обычным для выходных дней (так называемое пьянство выходного дня), затем распространяется на последующие дни. В исходных стадиях болезни, когда состояние абстиненции возникает от все меньших доз алкоголя и через все более короткое время, появляются тяжелые и длительные запои. Если запои в предыдущих стадиях болезни (псевдозапои) могли прекратиться из-за тех или иных ситуационных моментов (например, из-за отсутствия денег), то запои в исходных стадиях болезни (истинные запои) почти не зависят от внешних обстоятельств и прекращаются главным образом из-за тяжелого соматического состояния и уже физической невозможности принятия спиртных напитков. В запойной стадии алкоголизма на фоне абстиненции возникают и наиболее опасные, психотические проявления болезни: белая горячка, острый алкогольный галлюциноз и др.

Кроме описанных основных симптомов болезненного

пристрастия к алкоголю или «физической зависимости» от алкоголя существует и целый ряд других, например изменение толерантности (переносимости) к алкоголю. Сначала потребление алкоголя растет, достигая в развернутых стадиях болезни 1,5—2 литров водки в день, затем падает, и в поздних стадиях болезни больные могут пьянеть от 25—100 граммов водки. В ходе болезни изменяется также тип опьянения: быстро наступает оглушенное состояние с последующей частичной, а затем и полной амнезией.

Для того чтобы остановить болезнь, необходимо абсолютное воздержание от любых алкогольных напитков. Однако измененная реакция организма на действие алкоголя («потеря контроля», абстинентный синдром и др.) не исчезает даже при длительном и полном воздержании. Как подчеркивают психиатры, «алкоголик однажды — алкоголик всегда». Известны факты, когда случайное употребление алкоголя спустя 7—15 лет от начала воздержания приводило к запоям, к рецидиву алкоголизма, причем иногда совершенно неожиданно для самого человека,

казалось бы давно избавившегося от болезни и успевшего забыть о ней.

Хроническое отравление алкоголем приводит не только к появлению признаков органической потребности в алкоголе, но и к явлениям так называемой алкогольной (токсической) энцефалопатии. К ним в первую очередь относят интеллектуально-мнестическое снижение, колебания внимания, эмоциональную лабильность, истощаемость нервных и психических процессов. В начале болезни эти нарушения выступают в слабой форме и обнаруживаются только в специальном экспериментально-психологическом исследовании. Постепенно признаки энцефалопатии становятся все более отчетливыми, слагаясь иногда в исходной стадии болезни в картину выраженного слабоумия.

Таковы те психофизиологические, организмические условия, в которых протекают изменения личности. Рассмотрим теперь особенности нарушений на иных уровнях психического здоровья.

3. НАРУШЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО УРОВНЯ

В первом разделе главы мы описали возникновение и развитие особой иллюзорно-компенсаторной деятель-

ности, мотивом которой становится алкоголь. На стадии алкоголизма она претерпевает дальнейшее развитие по сравнению с доболезненной стадией, что ведет в конце концов к кардинальной перестройке личности в целом.

Прежде всего происходят нарушения опосредство-ванности поведения, которые затрагивают в первую очередь структуру деятельности, направленной на удовлетворение потребности в алкоголе. Это тесно связано, с одной стороны, с резким усилением этой потребности в ходе болезни, с переходом ее в разряд влечений, т. е. потребности, отраженной в органической (интерацептив-ной) чувствительности, а с другой стороны — с действием токсической энцефалопатии, ведущей к примити-визации, конкретно-ситуационному характеру мышления. Общий ход нарушения можно наглядно проследить фактически на любом компоненте «алкогольной деятельности». Так, если в начале придумывается, чтобы избежать осуждения окружающих, множество разнообразных предлогов и оправданий для выпивки, то со временем они становятся все более однотипными, сводясь к оговоркам, которые «одни и те же во всем мире» (Р. Висе). Наконец, в поздних стадиях больные совсем перестают прибегать к каким-либо объяснениям и стремятся любыми способами к удовлетворению влечения без каких бы то ни было попыток оправдания.

Та же тенденция наблюдается и в изменениях другого вида действий, входящих в структуру деятельности по удовлетворению потребности в алкоголе,— действий по добыванию, средств на алкоголь. Со временем эти действия становятся все более неопосредствованными, примитивными и стереотипными: занять деньги под заведомо ложными предлогами, хотя обман раскроется завтра же и больной потеряет возможность дальнейшего кредита, продать за бесценок вещи и т. п. В этом отношении характерна сцена из пьесы А. Н. Островского «Волки и овцы»: молодой человек при первом же знакомстве с богатой невестой, на которой его предполагают женить, просит у нее денег на водку, тем самым лишаясь ее расположения и соответственно всех видов на получение приданого. Нарушения опосредствован-ности прослеживаются и в способе удовлетворения потребности. Если раньше это удовлетворение подразумевало развернутый ритуал выпивки, то в ходе болезни, по мере возрастания потребности, атрибуты этого ритуала все более сворачиваются, редуцируются.

?42

Тот факт, что «алкогольная деятельность» со всеми ее прогрессирующими нарушениями является у больных ведущей, главенствующей, делает более понятными и нарушения в способах реализации других, «неалкогольных» форм поведения. Прежде всего это касается дея-тельностей, требующих длительной и сложной организации. Само развертывание таких форм деятельности становится несовместимым с непреодолимой наркома-нической потребностью в алкоголе. К этому необходимо прибавить и последствия токсической энцефалопатии — нарушения внимания, мышления, памяти, работоспособности *. В результате остаются лишь те деятельности и соответственно те потребности, которые могут быть удовлетворены несложными, малоопосредствованными действиями **.

Но и этим не ограничиваются нарушения индивидуально-исполнительского уровня психического здоровья. Иллюзорно-компенсаторный характер «алкогольной деятельности» со временем распространяется и на другие,

«неалкогольные» деятельности, и чуть ли не любая из них начинает направляться не на реальное достижение тех или иных целей, а скорее на имитацию этих достижений с подключением соответствующих эмоциональных, чаще всего весьма лабильных, компонентов.

* В психиатрической литературе можно встретить утверждение, что нарушения личности при алкоголизме прямо вытекают из органической энцефалопатии. Однако проведенное нами экспериментально-психологическое сравнение больных с отдаленными последствиями черепно-мозговой„травмы и больных алкоголизмом при обнаруженных сходных психологических последствиях энцефалопатии (снижение уровня обобщения, ослабление памяти, работоспособности и т. д.) не выявило сходства направленности и структуры мо-тивационно-потребностной сферы личности между больными обеих групп. Это еще раз свидетельствует о порочности прямого, непосредственного выведения нарушений личности из органических особенностей.

** Нарушения опосредствованности поведения являются присущими многим психическим заболеваниям. Выше мы видели, что эти нарушения, причем в очень серьезной форме, свойственны, например, эпилепсии. Однако нарушения структуры деятельности при алкоголизме имеют, на наш взгляд, свою специфику. Так, при хроническом алкоголизме процесс идет по пути редуцирования деятельности, в ходе которого деятельность лишается одного за другим вспомогательных действий. При эпилепсии каждое из вспомогательных действий может стать самостоятельной деятельностью. Если в первом случае деятельность свертывается за счет исчезновения вспомогательных действий, то во втором случае, напротив, любое вспомогательное действие или операция могут как бы разворачиваться в самостоятельную деятельность.

Поэтому больных алкоголизмом можно распознать по их способам исполнения деятельности даже в те периоды, когда они совершенно трезвы и заняты посторонним, далеким от выпивки делом.

К. Г. Сурнов описывает, например, рядовую для жизни психиатрической больницы, казалось бы, ничем не примечательную сценку, как больные алкоголизмом — взрослые и физически здоровые мужчины — расчищают на территории больницы дорожки от снега: вначале много смеха, шуток, энергических движений, однако вскоре энтузиазм гаснет, начинаются перекуры, пустые разговоры, небрежность, стремление сделать побыстрее, лишь бы как; появление же малейшей преграды (временно подъехала на место уборки машина) — повод, чтобы вовсе бросить работу. И хотя задание в целом оказывается невыполненным или выполненным явно плохо, тем не менее больные возвращаются в отделение довольные, вновь шумные, уверенные, что хорошо и славно поработали. Обычно, чтобы добиться -нужного результата, с больными надо посылать бойкую санитарку или медсестру, которая восполнит недостатки внутреннего самоконтроля больных внешним понуканием к работе. Нетрудно выявить сходные характеристики выполнения деятельности и в экспериментальной ситуации. Нам не раз приходилось отмечать, что в ходе психологического исследования едва ли не основной и во многом специфической именно для алкоголизма чертой решения самых разнообразных задач (познавательных, конструктивных и т. п.) является склонность к импульсивно-бездумным способам действия, выполнение по принципу «сойдет и так», отсутствие целенаправленного внутреннего контроля. Сами же больные обычно оценивают свои действия при этом как вполне удачные, соответствующие заданной инструкции и приведшие к должному результату, тогда как на деле в основе активности лежит не столько само достижение реального результата, сколько его внешняя имитация, похожесть на заданное, достигаемая часто любыми, в данный момент под руку-попавшимися (импульсивно-бездумными) способами.

Описанные психологические процессы лежат в основе формирования многих конкретных черт больных алкоголизмом. Возьмем, например, черту, наиболее часто упоминаемую в учебниках психиатрии,— слабоволие. После сказанного понятно, однако, что в строгом пси-

хологическом значении речь должна идти не о слабости воли, а о слабости мотивов, их кратковременности, истощаемости, а главное, отсутствии развитой системы опосредствующих их целей, что лишает поведение характера произвольности, вольности, свободного воле-ния. Поэтому даже когда мотивы приобретают высокую интенсивность (а это случается в деятельности по удовлетворению потребности в алкоголе), то и тогда речь не может идти о собственно волевом поведении — оно становится компульсивным (насильственным), лишенным главного компонента свободной воли — опосред-ствованности, произвольности, сознательных усилий.

4. ИЗМЕНЕНИЯ ЛИЧНОСТНО-СМЫСЛОВОГО УРОВНЯ

Если на стадии бытового злоупотребления иллюзор-но-компенсаторная деятельность оставляет место для деятельности реальной и некоторое время как бы

мирно (на взгляд самого пьющего — вспомним монолог рас-путинского героя) сосуществует с ней, то с началом болезни для реальной деятельности места (да и времени) остается, во-первых, все меньше, а во-вторых, эта реальная деятельность меняет свою суть и функцию в жизни человека. Данные историй болезни свидетельствуют, например, что многие из больных были хорошими специалистами, гордились своей профессией, квалификацией. В ходе болезни трудовые мотивы утрачивают свою значимость; деятельность, побуждаемая этими мотивами, становится лишь вспомогательным действием по добыванию денег на алкоголь. Это происходит отнюдь не вдруг, а как неизбежное психологическое следствие развития иллюзорно-компенсаторной деятельности, требующей по мере ее расширения все больших материальных средств, все ^большего преодоления сопротивления окружающих. И именно по мере расширения этой деятельности, по мере усложнения условий ее осуществления больные все чаще начинают использовать работу только как источник денег на водку.

Такой ход подтверждается и динамикой отношения к работе: вначале больные всячески скрывают свое злоупотребление от сослуживцев, затем начинают появляться на работе в нетрезвом состоянии, выполнять свои обязанности все хуже, все более халатно, наконец после ряда предупреждений и выговоров их либо увольняют,

либо переводят с понижением в должности, и все повторяется сначала.

Приведем в качестве иллюстрации выдержки из рассказа бывшего больного алкоголизмом '°. «Первый прогул был, возможно, первой ступенью вниз, за которой последовала вторая, третья, десятая. К потребности выпить, которая росла неукротимо и требовала все больше и больше денег, прибавились муки похмелья... Проработав пять лет в конструкторском бюро, я написал заявление об увольнении. Новую жизнь хотелось начать на новом месте.

Смена места работы сама по себе ничего изменить не могла. Не меня сбивали «дружки», как считали дома, а я сам искал собутыльников.

...Через месяц, боясь «черной записи» в трудовой книжке, я вновь сменил место работы. В конструкторском бюро Министерства здравоохранения, куда я поступил на работу, никто не знал, что я лечился от алкоголизма, и первое время я тщательно старался скрыть, что пью.

Месяца четыре я. продержался на «скромном режиме», а потом наступил запой... После повторного лечения я вышел с тяжелым ощущением неуверенности в себе. Я знал много случаев, когда после больницы люди вновь начинали пить... Второй раз я продержался три месяца. А потом все началось сначала: снова смена работы, снова попытки взять выпивку под контроль, снова прогулы, депрессия и трясущиеся по утрам руки.

...Окончательно я пришел в себя в психиатрической больнице имени Кащенко. Пролежав там около месяца, я вышел из больницы, получив еще одну порцию «страха» в виде антабуса. Работать в конструкторском я уже был не в силах, даже если бы меня где-нибудь приняли на работу, в чем я был совсем не уверен. Надежды на то, что я брошу пить, тоже не было. Вставал первоочередной вопрос, где же брать деньги на водку?

Линия наименьшего сопротивления подсказывала решение — идти работать туда, где можно бесплатно пить. Я попросился на работу проводником, сопровождающим вино в транспортную контору. Закономерностью было то, что вина, полагающегося нам на «бой», не хватало, так же как и зарплаты, чтобы покрыть недостачу. После трех таких рейсов карьера проводника кончилаУь.

Записи в трудовой книжке сменяли одна другую. Рос перечень профессий: токарь, грузчик, почтальон. Наконец, после еще двух пребываний в психиатрической больнице настало время, когда поиски любой, какой угодно работы не давали результата».

Таким образом, некогда ведущие мотивы поведения постепенно утрачивают в ходе болезни свои прежние функции. В то же время алкоголь (алкогольное переживание) как мотив расширяющейся наркоманической деятельности подчиняет себе остальные мотивы и становится в конце концов ведущим, определяющим личностную направленность. Здесь мы касаемся кардинального пункта изменений личности при алкоголизме: постепенного разрушения прежней, до болезни сложившейся мотивационно-смысловой иерархии и формирования взамен ее новой иерархии.

246

В реальной жизни процесс переформирования происходит в постоянной и подчас драматической борьбе побуждений. Так, в промежутках между периодами пьянства больные нередко стремятся «реабилитировать» себя перед семьей,

сослуживцами, как бы вновь на время становятся хорошими семьянинами и добросовестными работниками. По мере углубления болезни эти побуждения становятся все менее стойкими, приводящими лишь к кратковременным вспышкам активности, тогда как «алкогольный» характер мотивацнонно-смысловой сферы приобретает все большую устойчивость и определенность. Разумеется, прежние ведущие мотивы (семья, работа и др.) не исчезают вовсе из сознания больных, но они теряют свою побудительную силу или, пользуясь терминологией А. Н. Леонтьева, из мотивов «реально действующих» становятся мотивами «только знаемыми». Семья, работа, уважение окружающих еще долго могут интересовать больных, порой они иногда в очень острой форме могут осознавать несовместимость своего поведения с прежними смысловыми установками и ценностями. Но к сожалению, это сознание довольно редко бывает полным, оно остается лишь «пониманием», могущим привести к временному раскаянию, но лишенному реально действующей силы. В ходе болезни алкогольная деятельность не просто «надстраивается» над прежней иерархией деятельностей и потребностей, но преобразует эту иерархию, преобразует сами мотивы и потребности личности. В итоге такого переформирования перед нами уже фактически новая личность с качественно новыми мотивами ц, потребностями, с новой их организацией.

Происходящие изменения мотивационно-смысловой сферы и обусловливают появление конкретных особенностей «алкогольной личности». Рассмотрим «механизм» этого процесса на примере моральной деградации, упоминание о которой присутствует практически во всех описаниях больных алкоголизмом.

Обычно выполнение отдельного действия в структуре развернутой деятельности осознается исполняющим это действие именно как вспомогательное средство, ступень к достижению конкретной цели. То же происходит и относительно рассматриваемой алкогольной деятельности. Каждый раз больной решает для себя ряд соподчиненных задач, в которых даны условия и известна цель (например, надо достать деньги при условии, что

их не у кого занять). Человек должен сам отыскать способы решения такой задачи. Однако он имеет дело не просто с отвлеченной интеллектуальной задачей, не с абстрактно взятым «действенным полем» — в данном случае перед ним жизненная, смысловая, нравственная задача, и вслед за ее решением в уме (скажем, можно продать платье дочери) неизбежно должна встать дилемма: преступать или не преступать свои прежние моральные нормы.

Сказанное не означает, что больной всегда именно так осознает данную ситуацию, однако структура, схема подобных действий, по-видимому, такова *. Это подтверждается и довольно строгой последовательностью в совершении действий (сначала утаивается часть зарплаты, затем продаются свои вещи, потом вещи жены, детей) и тем, что, находясь в «светлом» состоянии, больные предпочитают отмалчиваться или с крайней неохотой признаются в совершении именно этих действий. Точнее, действиями их можно назвать только в плане структуры рассматриваемой деятельности. С точки зрения характеристики личности — это поступки, т. е. действия, требующие соотнесения с моральными нормами. В этих поступках постепенно формируются черты личности, которые затем станут устойчивыми и как бы изначально принадлежащими больным хроническим алкоголизмом.

Речь идет, конечно, не о том, что единичные поступки могут привести к появлению тех или иных личностных особенностей. Однако в ходе болезни эти поступки перестают быть случайными и единичными, они становятся неизбежным, закономерным следствием логики развития самой жизни больных. Именно поэтому их следует рассматривать как ступени деградации.

Рассмотрим теперь логику изменений основных смысловых ориентации. До начала злоупотребления больные, по сведениям историй болезни, обладали нередко широким кругом смысловых связей с миром, проявляли алоцентрические, в том числе и коллективистские, ори-

* Вот что говорит о первой продаже своих вещей человек, сам долгое время страдавший хроническим алкоголизмом (с выдержками из его исповеди мы уже знакомились выше): «Первой пропитой вещью были часы, и этот шаг означал не сползание еще на одну степень, а большой качественный скачок. Дело было совсем не в том, что я пропил очередные двадцать рублей, а в том, что еще один нравственный барьер рухнул» ".

ентации. В ходе болезни, уже на первых ее этапах, все более формируется узкогруппоцентрическая, корпоративная ориентация. Механизмы этого формирования исходя из всего сказанного достаточно ясны. Возрастающую потребность перестают удовлетворять размеры потребляемых доз алкоголя. Оказавшись в обычной компании пьющих, они начинают торопить окружающих с очередным тостом, стремиться быстрее и больше, чем другие, выпить алкоголя. В психиатрической литературе эти проявления возрастающей потребности обозначаются как симптом «опережения круга». Но и «опережение круга» уже не может удовлетворить больных, и вскоре они находят или сами составляют себе «компанию», где их «понимают» и где они могут наконец удовлетворить свою потребность. Но это всего лишь одна линия образования «компании» — линия, так сказать, «снизу», идущая от поисков самого больного. Есть и другая важнейшая

линия, о которой мы уже упоминали в первом разделе главы,— линия «сверху», когда уже образовавшаяся «алкогольная компания», «алкогольные наставники» принимают новичка в свою сферу, прививают ему навыки иллюзорно-компенсаторной алкогольной деятельности.

В сущности в этих «компаниях» и протекает формирование многих черт «алкогольной личности». Только здесь, и нигде более, больной начинает чувствовать себя в своей стихии, чувствовать общность, спаянную одной целью — выпивкой. Именно здесь происходит формирование многих понятий, особого мировоззрения, даже целого «кодекса чести» больного алкоголизмом *.

Больные стремятся проводить в своих «компаниях» все больше времени. Вне «компании» им скучно, они раздражаются по пустякам, не знают, куда себя деть, чем заняться; зато в «компаниях» им становится хоро-

* В ответ на просьбу назвать черты, которые наиболее нравятся им в других людях, больные хроническим алкоголизмом, например, нередко называли такие черты, как честность, справедливость, товарищество. На первый взгляд приведенные ответы кажутся совершенно обычными, однако стоило больных внимательно расспросить, что они понимают под товариществом или, наоборот, под предательством, как выяснялось, что они часто связывают с этими понятиями обстоятельства, сопровождающие употребление алкоголя. Так, больной А. говорит: «Терпеть не могу вранья! Нет денег — я понимаю, а то жмется, на дармовщину старается выпить, а у самого десятка в кармане». «Товарищ — тот, кто не подведет, кто, к примеру, последнее заложит, а угостит...» (больной В.).

шо, они оживляются, много говорят, смеются, шутят. Благодушие больного алкоголизмом носит при этом особый характер. Так в, казалось бы, шутливых высказываниях больного нередко сквозят нотки агрессивности, направленности против окружающих их людей, против тех, кто ведет иной, трезвый образ жизни. Недаром поэтому «алкогольный юмор» называют иногда в психиатрической литературе «мрачным юмором алкоголиков».

Надо отметить, что больные алкоголизмом вовсе не обладают реальным чувством юмора. По мере деградации они становятся все менее способными уловить скрытый смысл юмористического рисунка или текста. Зато смешное начинают усматривать в том, что с точки зрения нормального восприятия не является таковым. При этом основным предметом шуток неизменно остается выпивка и связанные с ней коллизии. Больные охотно, с удовольствием рассказывают о своих приключениях в вытрезвителе, кто с кем, когда, сколько, при каких обстоятельствах пил и т. п.

Не следует, однако, думать, что внутри «алкогольной компании» формируются подлинно группоцентрические отношения. Напомним, что существование «компании» обусловлено, скреплено в конечном итоге выпивкой, ее ритуалом, а не самим по себе общением и поддержкой дружеских отношений. Внешняя оживленность и теплота, объятия и поцелуи (столь легко, правда, переходящие в ссоры и жестокие драки) являются по сути лишь атрибутами все той же иллюзорно-компенсаторной деятельности — имитацией, нежели подлинной реальностью душевного общения. Со временем эти формы имитации становятся все более стереотипными, заезженными, алкогольное действо — все более свернутым, все менее опосредствованным, его участники — все более случайными и легко заменимыми *.

Однако даже такая псевдогрупповая ориентация становится со временем пройденным этапом, а широкие возможности для удовлетворения потребности, которые дает «алкогольная компания»,— все более тесными. Больной отдаляется от определенной «компании» и пьет с любыми подвернувшимися собутыльниками или один.

" Сходное и при других формах наркомании. Как отмечает А. Кроицер, в сообществах, «коммунах» потребителей наркотиков люди со временем теряют имя, называя друг друга просто «типами», а их отношения между собой точно характеризуют следующие слова одного из наркоманов: «совместная жизнь без заботы друг о друге».

250

Основной ориентацией прочно становится сначала уз-коэгоцентрическая, а затем и вовсе ситуационная. Происходит выпадение из собственно смыслового, по нашей классификации, поля в поле сугубо ситуационное. Иными словами, преобладающими, наполняющими смысловую сферу становятся ситуативные смыслы, появляющиеся по поводу либо непосредственно происходящих перед глазами конкретных событий, либо отдаленных (вперед или назад) на весьма незначительное время.

Приведенные соображения позволяют по-новому подойти к одному из самых распространенных и в то же время одному из самых туманных в психиатрии определений процесса деградации, а именно определению его как «снижения»,

«уплощения» личности. Интуитивно термины «снижение», «уплощение», как и многие другие термины клинического описания, кажутся понятными, правда, лишь при условии соотнесения их с конкретными образами больных. Однако их содержание, равно как и содержание большинства других подобных терминов, остается в психиатрии очень неопределенным. На наш взгляд, предложенная концепция позволяет относить термин «снижение» к смысловой, нравственно-ценностной плоскости развития личности.

Эта плоскость как бы вертикальна в рамках предложенной модели личности (см. гл. II), и, следовательно, переход, «сползание» от вышележащей к нижележащей ступени, в свете этой плоскости может быть рассмотрен как «снижение» личности или, особенно если речь идет о «придавленности» смысловой сферы к ситуационным смыслам, и вовсе как ее «уплощение», т. е. отсутствие выраженных «вертикальных» характеристик смыслового поля. Важно заметить, что при этом человек может быть весьма активен, деятелен, ставить перед собой задачи (пусть часто и несложные). Тем самым иные плоскости «пространства личности» могут быть жестко и не связаны с ее «уплощенностью». Но для того чтобы это констатировать, необходимо обратиться именно к смысловой сфере, к тому, как она соотносится с нравственно-ценностными ступенями развития личности.

Итак, в ходе болезни происходят глубокие изменения личности, всех ее основных параметров и составляющих. Это в свою очередь неизбежно приводит к появлению и закреплению в структуре личности определенных установок, способов восприятия действительности, смысловых смещений, клише, которые начинают

определять все, в том числе и «неалкогольные», аспекты поведения, порождать их специфические для алкоголизма черты, отношения к себе и окружающему миру. В работе К. Г. Сурнова [12] было, в частности, выделено несколько таких клише, установок, определяющих смысловой, предметный и стилевой аспекты поведения. Перечислением некоторых из них мы и подведем итог анализу нарушений деятельности и смысловой сферы: установка на быстрое удовлетворение потребностей при малых затратах усилий; установка на пассивные способы защиты при встречах с трудностями; установка на избегание ответственности за совершаемые поступки;

установка на малую опосредствованность деятельности;

установка довольствоваться временным, не вполне адекватным потребности результатом деятельности.

5. ФОРМИРОВАНИЕ УСТАНОВКИ НА ТРЕЗВОСТЬ

Наиболее адекватным для задач исследования аномалий личности является аналитико-преобразующий подход (гл. III). Его реализацию можно вкратце свести к следующей последовательности. Первой исходной задачей является собственно психологическая квалификация процесса личностных изменений, выявление определенных внутренних механизмов, особенностей деформации различных уровней психического здоровья, перестройки мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер личности и т. п.

Результаты этого общепсихологического по своей сути этапа приводят к тому, что открывается возможность по-новому увидеть некоторые актуальные практические проблемы и предложить здесь свои, не пересекающиеся с психиатрическими, подходы и точки зрения. Рефлексия этих точек зрения, установление на основе данных проведенного анализа тех конкретных областей, задач, сфер применения, в отношении которых показаны собственно психологические подходы, и составляет содержание следующего — второго по счету — этапа работы психолога. Понятно, что в рамках этого этапа необходимо осознать, отрефлексировать и те сферы, в отношении которых вмешательство психолога заведомо малодейственно или способно переходить границы его компетентности. Если рассматривать научную практику как некоторое вмешательство, преобразование реаль-

ности, опосредствованное теоретическими гипотезами и моделями, то задача психолога на этом этапе — определить, к каким аспектам, феноменам психической реальности возможно адекватное применение созданных им теоретических представлений. И наконец, заключительный этап — это нахождение, разработка и апробация конкретных технических приемов, диагностических и психокоррекционных методов, с помощью которых можно было бы наиболее успешно провести намеченное преобразование реальности. Этот этап является одновременно и проверкой теоретических построений, выводов первых двух этапов, поскольку в случае его успешности, эффективности мы можем говорить о правильности этих построений, тогда как в случае неудачи — либо о недостаточно последовательном их применении, либо об их ошибочности и, следовательно, необходимости их смены.

Изложенные выше (разумеется, весьма сжато и конспективно) результаты

общепсихологического этапа аналитико-преобразующего подхода также позволяют, на наш взгляд, перейти к указанию некоторых из тех проблем алкоголизма, где помощь психолога может оказаться полезной. Рассмотрим это на примере.

Обычные способы лечения сводятся к выработке непереносимости, отвращения к запаху и вкусу спиртного либо условно-рефлекторно, либо с помощью специальных препаратов. Традиционная психотерапия дополняет это беседами о вреде и пагубности алкоголя. Ни в одном из данных случаев особого вмешательства психологов не требуется — лечение вообще прерогатива медиков, а убедительных фактов о вреде алкоголя у любого врача-нарколога предостаточно. Однако из всего ранее изложенного ясно, что перечисленные пути терапии, несмотря на их необходимость и несомненную важность в общем курсе лечения, чаще всего минуют, не затрагивают глубинные, смысловые основы тяги к опьянению. Они направлены на подавление физических, физиологических компонентов влечения и на осуждение пьянства как порока, тогда как вся сложная, деятельностно-опосредствованная подоплека пьянства, привычные, выработанные годами установки и способы восприятия мира остаются практически незатронутыми.

Чего стоит, например, типичная для медицинской истории болезни запись: «Больной высказывает установку на трезвость», основанием для которой нередко

является просто утвердительный ответ на вопрос врача:

«Собирается ли больной наконец бросить пить и следовать трезвому образу жизни?» Однако установка в строгом психологическом значении, являясь многоуровневым, в значительной части неосознаваемым образованием, не может быть «высказана». И если установки пьянства формировались в ходе достаточно длительного и сложного развития личности (в данном случае — развития аномального), то и установки трезвости должны возникнуть не вдруг, а лишь с опорой на развитие деятельности, но на этот раз, во-первых, деятельности не иллюзорно-компенсаторного типа, а ориентированной на реальность и, во-вторых, дающей возможность по-новому увидеть и удовлетворить те потребности, например в самоуважении, смене впечатлений и т. п., которые раньше привычно удовлетворялись с помощью алкоголя. И здесь мы вправе задать вопрос: является ли формирование такого рода деятельности или круга взаимосвязанных деятельностей, на основе которых возможно появление подлинной установки на трезвость, собственно медицинской, психиатрической задачей? Видимо, нет. Она близка к психолого-педагогическим задачам воспитания и коррекции личности. Правда, учитывая, что мы здесь имеем дело в основном со взрослыми людьми, с уже сложившейся аномальным образом структурой личности, лучше говорить о перевоспитании или, используя удачный термин В. Е. Рожнова, о перевоспитывающей корректировке личности.

Разработка как теории, так и практики такого перевоспитания немыслима вне компетенции профессионального психолога, хотя, разумеется, никто не будет отрицать при этом важности учета богатейшего опыта психиатрии, медицинской психотерапии, постоянных консультаций с лечащим врачом, своевременной фармакологической помощи и т. п. Меняется лишь соотношение ролей психиатра и психолога: если на первых стадиях, когда необходимо восстановить нарушенные болезнью функции, снять острые симптомы физической зависимости, привить отвращение к запаху и вкусу спиртного и т. п., психиатр, несомненно, является главной, ключевой фигурой, а психолог — по сути фоном, подспорьем, то на стадии перевоспитывающей корректировки отношение меняется — главным и ответственным становится психолог.

Заметим справедливости ради, что мысль о необхо-

254

димости перевоспитания, душевного перерождения как важнейшего условия избавления от алкоголизма высказывалась давно. Столетие назад (в 1886 г.) замечательный психиатр С. С. Корсаков писал, что нельзя излечить лишь изоляцией от алкоголя, сколь бы длительной она ни была. Можно продержать пьяницу и год, и два, но когда он выйдет, то вновь будет пить, если только за это время не дать ему какого-либо «нового душевного содержания» [13]. Речь и идет сейчас о задаче привития этого нового душевного содержания и о том, что задача эта по преимуществу психолого-педагогическая.

Итак, определив сферу применения психологии, мы, казалось бы, можем переходить к отбору, конструированию, апробации конкретных инструментов вмешательства в эту сферу. Но первоначально проведенный анализ наводит нас на слишком обширную предметную область, и поэтому возникает дополнительная задача — более ясно очертить, локализовать направленность и границы нашего

вмешательства в рамках именно данного прикладного исследования. Например, в качестве точки приложения может быть выбрано формирование смысловой установки на трезвость как одной из составляющих процесса корректировки личности. В свою очередь эта более прицельная локализация требует нового обращения к общепсихологическим рассуждениям и анализу, сосредоточенному на выбранной узкой области. В нашем случае суть этих рассуждений может быть вкратце сведена к следующему.

Как было показано в главе II, появлению новых мотивов, новых личностно значимых направленностей деятельности субъекта нередко предшествуют особого рода переходные потребностно-мотивационные состояния, возникающие вследствие тех или иных кризисных явлений личностного развития, разочарования в прежних мотивах и способах действия и т. п. В отличие от собственно потребностей, которым отвечают те или иные конкретные предметные содержания, о потребностных состояниях мы можем говорить лишь в плане достаточно широкого круга потенциальных, возможных, предполагаемых, но отнюдь не твердо закрепленных предметов. Следующая стадия движения — выбор конкретного предмета, мотивообразование. Наконец, последняя — побуждение через найденный мотив к деятельности, дальнейшая трансформация в ней потребностно-мотивационной сферы.

Исходя из подобного рода уже прицельно сформулированных для решения выбранной задачи общепсихологических принципов, мы можем наконец переходить к построению методики преобразования исследуемой реальности, в данном случае методики формирования установки на трезвость, рассчитанной на применение в наркологических отделениях психиатрических клиник.

Уже отмечалось, что «высказываемая» больными психиатрических стационаров установка на трезвость отнюдь не всегда основывается на подлинной потребности в трезвой жизни, чаще всего это не более чем вербальная, но отнюдь не смысловая установка. Тем не менее сам факт поступления, прихода человека в психиатрическую клинику говорит о том, что прежний образ жизни — пьянство — по каким-то причинам (пусть даже внешним, например требования семьи) и на какой-то срок (по крайней мере на срок пребывания в стационаре) стал для него хотя бы формально осуждаемым. С психологической точки зрения речь часто идет о достаточно диффузном и неопределенном мотивационно-по-требностном состоянии с нередким несоответствием осознаваемых и неосознаваемых компонентов,— состоянии, которое в отличие от сформированной потребности не имеет очерченных мотивов, конкретных планов и способов реализации. Поэтому основная задача методики виделась в поэтапном переводе такого потребностного состояния в качественно иной психологический ранг — ранг полноценной потребности в трезвой жизни как опоры, основы для создания подлинной трезвеннической установки взамен имевшейся вербальной.

Эта задача реализовывалась в четыре этапа. (Конкретные приемы методики были разработаны и апробированы К. Г. Сурновым в исследовании, выполненном под нашим руководством.) Первый — *мотивационный*— этап ставил целью создание у больных высокой личностной, эмоциональной заинтересованности в предлагаемых психокоррекционных занятиях по данной методике. На втором — *ориентировочном* — вводились многочисленные мотивы (предметы) трезвеннической жизни, потенциально способные опредметить существующее потреб-ностное состояние. На третьем — собственно *установочном* — на основе достижений ориентировочного этапа формировались личностно-приемлемые для данного пациента мотивы трезвеннической жизни, индивидуальная форма трезвеннической установки. Четвертый, по-

256

следний этап, названный *деятельностным,* заключался в разработке для каждого пациента развернутых планов организации будущей трезвой жизни. Сквозной для реализации этих этапов была деятельность группового общения. Критериями отбора участников психокоррек-ционной группы служили высказанные пациентом намерения воздерживаться от употребления спиртных напитков после лечения (т. е. наличие хотя бы вербальной установки); отсутствие выраженной деградации или сопутствующих эндогенных психических заболеваний.

Не останавливаясь на специальных, имеющих лишь узкопрофессиональный интерес приемах, которые частично уже описаны ранее [14], скажем лишь, что применение методики оказалось весьма продуктивным в практическом плане. Смысловая установка на трезвость, диаг-носцируемая по ряду специальных критериев, была отмечена у 90 % больных экспериментальной группы, прошедших

психокоррекционные занятия (против 30 % у больных контрольной группы, прошедших стандартное медикаментозное лечение).

Если рассматривать прикладные приемы психокор-рекционной работы не как отдельно взятые и имеющие самостоятельное значение, а как часть намеченного выше аналитико-преобразующего метода, то успешность и эффективность проведенного преобразования реальности могут рассматриваться как подтверждение правильности тех выводов психологического анализа, на которых непосредственно базировались замысел и способы построения прикладной методики.

В заключение надо признать, что на сегодняшний день намечены лишь отдельные, часто недостаточно связанные фрагменты психокоррекционной работы в области алкоголизма, скажем формирование установки на трезвость, исследование взаимопонимания больных в группе и др. Глобальная же задача состоит в том, чтобы проанализировать все без исключения звенья реабилитационного процесса и найти в каждом из них те моменты, которые подлежат компетенции психолога и возможностям перевоспитывающей корректировки *.

* Сюда же мы включаем особой важности вопрос о необходимости создания, специальной системы реабилитации, которая бы заполняла собой неизбежный разрыв между искусственной атмосферой больницы и сложностями реальной жизни. Без психологически грамотной организации этого промежуточного звена наши психокоррекционные усилия будут во многом оставаться напрасными.

Иначе говоря, создать *систему психологического обеспечения* этого процесса, разработать ее теорию и принципы практической реализации.

6. СПЕЦИФИКА РАННЕГО АЛКОГОЛИЗМА

Выше мы анализировали типичную, наиболее распространенную форму хронического алкоголизма — ту, которая развивается у мужчин в достаточно зрелом возрасте. Между тем в последнее время особую тревогу вызывает наблюдающаяся во всем мире тенденция к «омоложению» этой страшной болезни вплоть до случаев возникновения ее основных симптомов в подростково-юношеском возрасте. Кратко рассмотрим психологическую специфику ранних форм алкоголизма.

Прежде всего почти во всех случаях подростково-юношеского алкоголизма мы встречаемся с неблагоприятной средой: неполная семья, пьяница-отец, без-надзорность и т. п. Это обстоятельство следует рассматривать как одно из существенных отличий генеза раннего алкоголизма от более поздних форм болезни, при которых неблагоприятная среда — отягощающая, но не обязательная предпосылка. Второе, что обращает внимание,— весьма нередкая церебральная недостаточность в анамнезе, могущая быть выраженной в довольно стертой форме и обусловленная травмами головы, неблагополучно протекавшей беременностью, отягощенными родами и т. д. Эти два обстоятельства составляют важнейшие специфические предпосылки юношеского алкоголизма: первое обусловливает содержание и раннее усвоение алкогольных обычаев, установок микросреды, второе — те особые, отягощенные по сравнению с нормой условия, в которых разворачиваются и формируются психические процессы.

Тем не менее раннее и дошкольное детство этих детей проходит таким образом, что не вызывает острых опасений у общественности или воспитателей дошкольных учреждений. В анамнезах часто отмечается, что дети в это время были подвижны, охотно общались со сверстниками. Их ведущая деятельность обычно соответствовала возрасту: предметно-манипулятив-ная — в раннем детстве и ролевая игра — в дошкольном возрасте. Иногда, правда, отмечалась повышенная истощаемость или возбудимость таких детей в игре. Насколько можно судить по анамнезам и расспросам,

порой бывает несколько измененным по сравнению с нормой и характер игр: в них больше присутствуют мотивы наказания, элементы жестокости, что прежде всего можно отнести за счет влияния микросреды, поскольку в игре ребенок во многом моделирует свое окружение.

С семи лет эти дети вместе со всеми идут в школу. Необходимо отметить, что вследствие семейного неблагополучия их подготовка к школе оказывается нередко недостаточной **по** сравнению с нормой: они менее приспособлены к учебе и школьным требованиям поведения. Однако в целом у них, как и у других их сверстников, формируется взамен игры новая — ведущая для данного возраста — учебная деятельность. Именно с ней связаны в этом возрасте основные психологические новообразования, в тесной зависимости от ее хода формируются самооценка, самоуважение, тот или иной статус в классном коллективе.

Как уже отмечалось, многие из этих детей обладают часто невыраженной, стертой церебральной недостаточностью. Если такого рода дети попадают к психологу, то исследование обычно не обнаруживает у них явного снижения

уровня обобщения или грубых нарушений памяти, могущих серьезно препятствовать успешной учебе. Их основные отличия от нормы обычно сводятся к тому, что они более утомляемы, более нетерпеливы, возбудимы и раздражительны, не способны к длительному сосредоточению внимания, к длительным психическим нагрузкам. Оказывается, однако, что им трудно учиться, что уже к младшему подростковому возрасту у них появляются трудности поведения, они могут становиться нарушителями спокойствия в классе, больше, чем другие, тянутся к уличным компаниям, имеют склонность рано приобщаться к алкоголю.

Было **бы** грубой методологической ошибкой называть связь между ослабленностью нервной системы и асоциальным поведением прямой, из нарушений нервной системы выводить асоциальную направленность и говорить, в частности, о прямом биологическом наследовании алкоголизма и асоциальности. Вместе с тем не привели бы к успеху и попытки игнорировать факт ослабления нервной системы, обусловленной теми или иными, в том числе и наследственными, причинами. Продуктивным, как мы пытались показать выше, является здесь анализ путей изменения личности на протя-

жении всего становления данного феномена со строгим разделением физиологических условий и собственно психологического процесса, протекающего в его рамках. Что касается наших пациентов, то здесь можно отметить по крайней мере следующие основные моменты.

По мере усложнения программы таким детям вследствие описанных нарушений работоспособности становится все труднее успевать в школе. Им оказывается не под силу быть внимательными все время школьного урока, поскольку возможности их в этом плане реально ограничиваются 15—25 минутами. Им мало доступны и те объемы информации, которые требуется усвоить за один урок. Все это приводит к тому, что вторая половина (а то и две трети) урока проходит мимо ребенка, он становится невнимательным, отвлекается, ответы его на вопросы звучат невпопад, что вызывает осуждение и раздражение учителей, насмешки и порицания сверстников, у которых формируется определенное к нему отношение. Такому ребенку не под силу справиться и дома без организующей помощи взрослого (а подобная помощь в неблагополучной семье, как правило, отсутствует) с объемом заданных уроков, ибо эти объемы не учитывают ограниченности его возможностей. Отсюда недовольство родителей, обвинения в лени, глупости, нередкие наказания.

В результате важнейшие потребности ребенка этого возраста, тесно связанные с его учебной деятельностью (потребность в одобрении взрослых, окружающих, родителей, сверстников, потребность в самоуважении), начинают ущемляться, фрустрироваться, постепенно создавая глубокий внутренний дискомфорт. Когда в ходе психологического исследования такого ребенка в возрасте 9—10 лет спрашиваешь, что бы он сделал, если бы был волшебником, то часто слышишь ответ:

сделал бы так, чтобы учиться на отлично, получать одни пятерки и т. п. Более благополучные сверстники обычно отвечают по-иному: чтобы был гоночный велосипед, чтобы все были счастливы и т. п. Наши данные подтверждаются сведениями других авторов. Так, А. М. Прихожан и Н. Н. Толстых провели сравнительное исследование двух групп младших школьников. Первая группа — дети, воспитывающиеся в интернатах. Подавляющее большинство этих детей — из семей неблагополучных (алкоголизм родителей, асоциальное поведение). Вторая группа —дети из обычной школы,

живущие в «нормальных» семьях. В обеих группах предлагалось на трех разноцветных лепестках «волшебного цветка» написать три самых заветных желания. Если в обычных школах большинство ответов отражали широкие мотивы («хочу, чтобы у всех были мамы и они были здоровы», «хочу, чтобы птицы не погибали от холода и голода» и т. п.), то в ответах интернатских детей не было зафиксировано ни одного подобного ответа. Абсолютное большинство ответов было связано с учением, выполнением требований учителей [15].

Выходы из этого положения могут быть различными и, к сожалению, далеко не всегда благополучными:

иногда такой ребенок становится на время забитым, подобострастным, тихим; иногда, напротив, стремится компенсировать недостатки учебы бравадой, дерзостью, выходками на уроке; иногда — ролью постоянного шута в классе; иногда, если позволяют физические силы,— драками и т. п.

Помимо этого весьма распространенного направления существуют и другие варианты предыстории раннего алкоголизма. Укажем здесь два из них. Во-первых, это дети с более выраженной резидуальной (остаточной) патологией, чем предыдущая группа, и дети-олигофрены (часто в легкой степени дебильности), которые вырастают в неблагополучных семьях и попадают в массовую школу. В массовой школе их истории в чем-то сходны с вышеописанными, с тем, однако, качественным отличием, что хроническое отставание в учебе вызвано не только повышенной утомляемостью, раздражительностью, нарушениями внимания и т. п., но и общим снижением интеллектуального уровня, сугубо конкретно-ситуационной структурой мышления, что ведет к принципиальной невозможности овладения уровнем и объемом общеобразовательной школы. Во-вторых, встречаются случаи раннего алкоголизма, когда не выявляется органической, пусть даже стертой, недостаточности и наследственной отягощенности. Однако все эти случаи, как правило, характеризуются выраженной так называемой педагогической запущенностью, ребенок остается без психологически грамотных воспитательных усилий.

В результате описываемые дети («группы риска») оказываются психологически оторванными от школьного коллектива или занимающими в нем изолированное, отчужденное от большинства место. Эти дети. как

26:

правило, оказываются не вовлеченными и во внешкольные организации, которые, к слову сказать, обычно ставят обязательным условием участия в них хорошие отметки, заведомо отсеивая тем самым «трудных» детей, т. е. тех, кому они больше всего нужны. К этому добавляется нередкое неблагополучие в семье, «пьяный быт», наглядное восприятие алкогольных обычаев. Важно отметить, что неблагополучное влияние семьи отнюдь не ограничивается привитием алкогольных установок. В семьях «трудных» детей в порядке вещей ссоры, конфликты, драки между родителями, применение тяжелых физических наказаний, в то время как в семьях благополучных школьников это единичные случаи. В исследовании Е. Н. Голубевой, проведенном под нашим руководством, было показано, что уже в раннем детстве и младшем школьном возрасте на операциональном уровне воспринимаются и усваиваются будущими «трудными» детьми разнообразные асоциальные формы поведения, например «выяснение отношений» как обязательная драка и т. п.

С этой преддиспозицией ребенок и подходит к подростковому кризису, к новому для него потребностному состоянию, которое подразумевает выбор новых мотивов, предметов деятельности. В качестве ведущих для подросткового возраста обычно указывают потребность в общении со сверстниками, потребность в общественно значимой деятельности, потребность познать самого себя как личность, почувствовать себя взрослым, стремление к самоутверждению и самовыражению. Сознание поглощено переходом из «мира вещей» в «мир идей», выработкой самостоятельных суждений об окружающем, своих принципов, своей позиции. Этим особенностям и должны соответствовать те новые предметы, которые будут выбраны в качестве мотивов деятельности.

Наблюдения показывают, что именно с подросткового возраста рассматриваемый контингент детей начинает злоупотреблять алкоголем. Причем в некоторых случаях буквально первые же опыты алкоголизации оценивались чрезвычайно высоко. Можно ли считать па этом основании, что алкоголь становится тем предметом, на котором замыкается переходное потребностное состояние трудного подростка?

На наш взгляд, было бы ошибкой думать, что подросток ввиду своего отягощенного психического разви-

262

тия выбирает в качестве предмета новых потребностей собственно алкоголь. Как правило, выбирается не алкоголь, а компания, группа, в которой уже, т. е. вторично, обязательным элементом общения, времяпрепровождения является выпивка. Эта компания, группа, которую в литературе называют по-разному — «уличной», «дворовой», «асоциальной» и т. п.,— может быть однородной по возрасту или, что чаще, разнородной, с двумя-тремя старшими заводилами. Чем же привлекают эти группы, почему из широкого спектра предметов, отвечающих потребностному состоянию подростка (часто неосознанным желаниям личностного общения, самоутверждения, взрослости и т. п.), выбирается именно этот?

Главным здесь является то, что в «уличной» микросреде подросток с рассмотренной выше предысторией находит референтную группу себе подобных. Именно в этих группах, и, к сожалению, ни в каком другом месте, будущие пациенты алкогольных отделений находят реальное поле самоутверждения, могут

обрести наконец высокий статус, проникнуться самоуважением, чего они не в состоянии были сделать ни в школе, ни в своей семье, ни в какой-либо социально приемлемой внешкольной деятельности. Группа, особенно сначала, кажется новичку полной демократизма, теплоты, лишь позднее обнаруживаются ее жесткость, иерархия, обязательное подчинение лидерам, корпоративность и т. п. Употребление же алкоголя занимает здесь особое положение. Именно групповая выпивка нередко играет роль психологического рубежа, своеобразного посвящения в члены группы. Потребление спиртных напитков в свою очередь требует денег, которых у подростков, только начинающих самостоятельную жизнь, либо нет, либо очень мало, что толкает группу на первые выраженные асоциальные поступки.

С началом систематического употребления алкоголя подростков неизбежно возникают конфликты в учебном заведении, на работе, в семье. Однако, как правило, в историях больных ранним алкоголизмом это противодействие микросреды ограничивалось либо мерами репрессивного характера (выговоры, порицания, административное воздействие), либо их «пугали» последствиями алкоголизма, пагубными перспективами связи с «дурной компанией». Подобные меры, будучи негативными, не могли оградить подростка от «уличной» компании, поскольку не сочетались с психологически обо-

снованными позитивными решениями, с предложениями такого социально приемлемого стиля жизни, таких форм деятельности, в которых могли бы быть удовлетворены эмоциональные запросы и ожидания подростка, его потребность в личностном общении, ощущении собственной значимости, силы и т. п. «Уличная» же компания, пусть в извращенной форме, но давала им все это, и в подобной ситуации сопротивление, а тем более репрессии лишь увеличивали внутреннюю сплоченность компании, отрезая или во всяком случае крайне затрудняя путь возвращения ее членов к благополучному детству.

Несколько иными, нежели у взрослых, являются и пути формирования психологического содержания алкогольной деятельности. Во-первых, свойственные подростковому возрасту лабильность, возбудимость, быстрая «заражаемость» общим групповым настроением крайне ускоряют формирование искомых в опьянении эмоциональных состояний. Во-вторых, диапазон этих потребностных состояний значительно уже, чем у взрослых, фактически сводясь к одному — весело провести время в своей компании. В-третьих, если у взрослых притягательная сила алкогольной деятельности во многом, как мы видели, связана с возможностью «улаживания», разрешения конфликтов реальной жизни, переноса их в план ирреальный, то у подростков компенсаторная функция этой деятельности долгое время не является столь актуальной. Их ущемления в реальной жизни (неудачи в учебе, отвержения в классных коллективах и т. п.) компенсирует сама компания, членство в ней, а алкогольная деятельность является лишь атрибутом, одной из форм, хотя и чрезвычайно значимой, групповой активности.

Все увеличивающееся злоупотребление неизбежно приводит к значительным изменениям и нарушениям в еще неокрепшем организме подростка. Выше мы описали нарушения базового уровня психического здоровья, некоторые основные клинические симптомы алкоголизма у взрослых. Подростковая клиника имеет и в этом плане свою специфику. Во-первых, симптомы болезни возникают здесь значительно скорее. По данным П. И. Сидорова, например, у подростков 14—18 лет признаки алкоголизма могут появиться даже в течение 5—6 месяцев регулярного пьянства, тогда как у взрослых этот срок обычно 5—7 лет. Во-вторых, в отличие от

?f!

относительно выраженной последовательности, смены одного симптома другим, при подростковом алкоголизме наблюдается их нередкое смешение, лавинообразное нарастание. В-третьих, здесь можно наблюдать описанный психиатрами своеобразный феномен «клиники до болезни», т. е. появление внешних признаков, симптомов алкоголизма до того, как наступает собственно болезнь. Этот феномен, на наш взгляд, тесно связан с общей психологией отрочества, с выраженной группо-центрической ориентацией, подражанием групповым нормам. В данном случае это подражание приводит к тому, что подростки могут, например, демонстрировать «симптом потери контроля за количеством выпитого», полное игнорирование меры, тогда как на деле это будет не подлинным симптомом болезни, а лишь следованием принятой в компании норме пить «до отключки», «пока не упадешь» и т. п. То же и относительно центрального для всей клиники алкоголизма абстинентного синдрома:

подросток начинает наутро регулярно опохмеляться не потому, что

испытывает такую необходимость, а потому, что так «принято», так делают «все». Тем самым складывается «алкогольная личность до болезни» (А. Л. Нелидов), точнее, ее внешние атрибуты, отношение к алкоголю, способам его употребления. Здесь мы еще раз убеждаемся, что всякое психологическое образование вначале существует как бы разделенным между двумя полюсами — субъектом, его усваивающим, и неким воспитующим, несущим в себе образ, бытие этого образования началом. Лишь после того как эти два полюса замыкаются в единое смысловое поле, начинается подлинное усвоение, интериоризация данного психологического образования. Причем вначале усвоению подлежат внешние атрибуты, навыки, операции и действия. Вслед за тем присваиваются и лежащие за ними смысловые отношения, приобретающие затем инерцию и переходящие в смысловые установки.

В данном случае вхождение в «компанию», подражание ее нормам формируют не просто готовность к злоупотреблению алкоголем, но сразу навязывают самое это злоупотребление в самых его крайних, существующих лишь при уже развитой болезни формах. Понятно поэтому, что такое массированное употребление, падая на несформированный подростковый организм, столь быстро приводит к его перестройке, к появлению уже не подражательной, а подлинной, настоящей клиники

заболевания, не «алкогольной личности до болезни», а личности больного ранним алкоголизмом.

Внешние черты этой личности достаточно подробно описаны клиницистами. Картина при этом выглядит весьма разнообразной. Одни отмечают, что больным ранним алкоголизмом свойственны возбудимость, агрессивность, сексуальные извращения. Другие называют заостренность характерологических черт, депрессивные реакции, нарушения социальной адаптации, узость интересов, асоциальные тенденции. Третьи находят грубость, эмоциональную холодность, циничность, утрату привязанности к семье и т. д. Существуют и попытки классификации изменений, например описания клинических проявлений алкоголизма у подростков с различными типами акцентуации характера [16].

Отдавая дань тонким клиническим наблюдениям, необходимо, однако, заметить следующее. В их изложении нередко происходит смешение признаков, относящихся к разным уровням, разным плоскостям анализа. Так под одну и ту же рубрику — изменения личности — относят и выраженные характерологические особенности, и особенности конституции, того или иного типа нервной деятельности, и психологические черты, и характеристики социальной ситуации развития и т. п. Смешение разнородных признаков создает порой такую пестроту, мозаичность, которая не позволяет или во всяком случае крайне затрудняет возможность выделить общие закономерности и механизмы процесса. Чтобы избежать подобного смешения, можно воспользоваться концепцией уровней психического здоровья, рассматривая как особенности каждого из возможных уровней, так и способы их взаимосвязи и взаимовлияния. Что касается типологий, то при всей их значимости для клиники, систематики и терапии остается крайне актуальной задача выделения внутренних психологических механизмов — общих для всех вариантов и типов, но получающих в каждом из них свою окраску и особенность.

В целом изменения индивидуально-исполнительского и смыслового уровней психического здоровья при раннем алкоголизме во многом сходны с таковыми у взрослых больных. Однако и здесь есть некоторые отличия: изменения возникают значительно быстрее, проявляются более гротескно и в то же время с меньшей стабильностью и постоянством. Возьмем, скажем, такую

типичную особенность для всех больных, как «система самооправдания» пьянства. Психологический анализ показывает, что у взрослых больных высказывания выглядят как оправдательные главным образом после очередных эксцессов (дебоши в пьяном виде, продажа вещей и т. д.) или в состоянии тяжелого похмелья. В остальное время больные не склонны перед кем-то оправдываться. Напротив, их высказывания становятся «наступательными». Перспектива совершенно не пить (а это единственный способ избавиться от болезни) кажется им позорной, неприемлемой как для них самих, так и для любого человека. При этом больные обязательно находят в окружающей жизни факты и события, «подтверждающие» их концепцию. Так, одни больные рассказывают о своих знакомых или родственниках, которые «и пить умеют, и в доме у них порядок, и на работе — первые. А другие и не пьют, а у них все нескладно — только слава одна, что трезвые ходят»; другие приводят факты о незаменимости алкоголя как «лечеб-

ного» средства, третьи, в особенности люди с высшим образованием, утверждают, что алкоголь — обязательный спутник творчества (ведь пил же такой-то писатель, художник, поэт, музыкант). Тем самым под определенным углом оцениваются все факты своей и чужой жизни, мы сталкиваемся не с отдельными высказываниями, имеющими целью оправдать себя, а с законченным «алкогольным» мировосприятием.

Сходное формируется и при раннем алкоголизме, однако суждения здесь выглядят обычно куда менее согласованными и аргументированными, неся на себе отпечаток подростковой незрелости, неустойчивости, подчас контрастности. Подростки могут, например, то утверждать, что пьют крайне мало и редко, или, напротив, с гонором преподносить утяжеленный, явно не соответствующий действительности анамнез. Но общая направленность «системы самооправдания» остается такой же, как и при взрослых формах: трезвость представляется чуждой и неполноценной, тогда как употребление вина (а на деле — его злоупотребление) — нормальным и естественным явлением.

Что касается смысловой, ценностной сферы, то по формальным показателям и неблагополучный подросток, и подросток благополучный первое время идут как бы сходным, соответствующим их возрасту путем, оба тяготея к группоцентрической ориентации, формируя

и реализуя в ее рамках потребности в общении, дружбе, совместной деятельности и т. п.

Однако затем внутренние психологические пути развития смысловой сферы благополучного и неблагополучного подростка начинают резко расходиться. В первом случае по выходе из подросткового кризиса следует ориентация на профессиональные интересы, происходит дифференцировка нравственных оценок, выравнивается их полярность, вырабатываются обобщенные идеалы, но, что самое главное для смысловой сферы, апробируется, формируется, осваивается качественно новая ступень, уровень смыслового поля — уровень отношения к другим людям, миру вообще. Если в подростковом возрасте на какое-то время главным смыслообразую-щим отношением становится отношение «я и группа», то <оношеский возраст характеризуется снижением значимости группы, подъемом интереса и субъективной смысловой значимости отношений «я и мир» (Д. И. Фельд-штейн, О. В. Лишин). Это не означает, конечно, что юноша вообще выпадает из тесного общения, из той или иной группы. Это означает обычно лишь то, что групповая взаимосвязь как основной источник и форма выражения смысловых отношений изживает себя, а появляющийся новый смысловой уровень требует и новых, адекватных себе форм человеческих взаимосвязей, а именно направленных на создание общественно значимого, на пользу другим (пусть незнакомым, чужим, дальним) людям предназначенного результата деятельности.

Всего этого при раннем алкоголизме не происходит. «Компания» замыкает, ограничивает смысловую сферу группоцентрической ориентацией, и дальнейшее развитие идет не к обществу, а к группе-корпорации, не соединяющейся, а, напротив, все более разъединяющейся, разобщающейся с «большим миром». В результате возникающие в рамках этой ориентации личностные ценности оказываются все более расходящимися с общечеловеческими. "

Процесс этот не мог бы происходить ни столь, злокачественно, ни столь быстро, если бы его существенным, а со временем и главным системообразующим моментом не была групповая выпивка, регулярное употребление алкоголя, которое становится не только особой, асоциальной по своей направленности деятельностью, не только ведет к оторванному от реальности иллюзорно-

компенсаторному удовлетворению потребностей, не только подавляет и перестраивает иерархию мотивов, но и является опаснейшим ядом для детского организма, его нервной системы, головного мозга, ведущим к явлениям абстинентного синдрома, компульсивного влечения, токсической энцефалопатии. Не случайно поэтому по мере перерастания злоупотребления в болезнь, и особенно во время быстрого, «лавинообразного» нарастания симптомов болезни, группоцентрический уровень развития смысловой сферы, даже с его извращенным содержанием, становится слишком высоким для больных и происходит «сползание» на эгоцентрический уровень. Группа, своя компания как таковая остается, но она перестает быть смысловым центром, целью, становясь все более лишь средством для удовлетворения возрастающей потребности. Поэтому, в частности, больные перестают держаться только «своих ребят» и их интересов и начинают легко сходиться с любым злоупотребляющим алкоголем, с любой, даже на короткое время возникшей, компанией пьющих людей. Но и этот уровень не

является конечным. В развитых стадиях болезни, так же как и при «взрослом» алкоголизме, все чаще наблюдается выпадение из собственно смыслового поля в поле сугубо ситуационное, т. е. происходит тот психологический процесс, который определяет, на наш взгляд, феноменологию «снижения», «уплощения» личности.

...В первой главе книги речь шла о философских основаниях и смысле проблемы нормы и аномалий личности. Проведенное исследование позволяет наполнить эти общие положения конкретным психологическим содержанием. Прежде всего мы видим, что болезнь не уничтожает личность как таковую, но глубоко извращает, деформирует ее. В результате образуется собственно аномальная личность, т. е. не способная ни к творчеству, ни к позитивной свободе, ни к вере, ни к ответственности, ни к любви — словом, не способная ориентировать, направлять и организовывать жизненное развитие как процесс приобщения к родовой человеческой сущности.

7. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПРОФИЛАКТИКИ РАННЕГО АЛКОГОЛИЗМА

Вполне очевидна чрезвычайная опасность алкоголизма, в особенности в его ранних формах, поэтому нет

нужды специально обосновывать общегосударственную значимость действенной профилактики этого явления. Разумеется, при разработке принципов профилактики необходимо постоянно учитывать данные психологии, что делается, однако, далеко не всегда.

Возьмем, например, такой важный участок работы, как антиалкогольная пропаганда. Внешне сейчас дело обстоит, казалось бы, совершенно благополучно. Массовыми тиражами выходят брошюры, снимаются научно-популярные фильмы, ведутся просветительные беседы по радио и телевидению. И все же эффект пропаганды остается весьма низким. Что же касается больных ранним алкоголизмом, то, по их словам, они либо вовсе не встречались с антиалкогольной пропагандой, либо она не произвела на них никакого впечатления. Чем же объясняется такое положение?

Среди прочих причин (стереотипность приемов воздействия, нерегулярность усилий, игнорирование возрастной специфики аудитории и др.) можно отметить и следующие психологические моменты. Почти каждый автор популярной статьи или брошюры по проблемам алкоголизма стремится поразить воображение читателя как можно более отталкивающими примерами пагубности пьянства — «тракторист М. в пьяном виде задавил трехлетнюю девочку», «гражданин К., будучи пьяным, после ссоры, возникшей из-за пустяка, выстрелом из охотничьего ружья тяжело ранил своего друга» и т. п. Эти примеры, естественно, вызывают единодушное осуждение, но чаще не пьянства, не выпивки, а тракториста М. или гражданина К. Осуждение порой доходит до крайних мер («расстреливать их всех»), однако минует главный, кардинальный психологический факт, состоящий в том, что ни тракторист М., ни гражданин К. не родились такими, но прошли какой-то путь, часто достаточно долгий и сложный, прежде чем совершили связанное с пьянством преступление, что они не исключение, а подтверждение жесткой логики этого пути, его в известной степени психологической принудительности, и, следовательно, каждый, именно каждый (я, мой сын, брат, друг), кто вступает или тем более уже стоит на нем, подвергает себя грозной опасности прийти к таким же результатам. Так впечатляющий эпизод, выхваченный из жизни, оставляет закрытыми для широкой публики извилистые лабиринты, подходы к нему, порождая дружное (даже среди пьяниц) осуж-

дение случившегося, но не понимая его корней, его принципиальной возможности при определенных условиях для любого из окружающих.

Отметим еще один характерный момент антиалкогольной пропаганды, связанный на этот раз не столько с попытками вызвать моральное осуждение, сколько с попытками запугать возможными, прежде всего для здоровья человека, последствиями пьянства. В брошюрах и просветительных беседах вам опишут и покажут на красочном плакате печень, сердце, мозг больного алкоголизмом, расскажут о том, как от рюмки водки нарушается координация движений, работоспособность, сообразительность и т. п.

Однако и такое воздействие оказывается малоэффективным. С психологической точки зрения это можно объяснить не только отчуждением результата от процесса, о котором мы говорили выше («это у алкоголика С. скукожилась печень, а у меня этого, конечно, не будет»), но и другой важной

причиной. Дело в том, что все эти воздействия направлены к одной и, разумеется, очень важной цели — доказать, что пить плохо. Авторы полагают, видимо, что, будучи основательно напуганным «ужасами» алкоголизма, человек воспротивится пьянству. Однако психологи знают, что только негативные стимулы, только «мотивы избегания» не могут сколь-нибудь длительно и эффективно определять сложное жизненное поведение и нужны, следовательно, помимо негативных те позитивные элементы, перспективы, цели, мотивы, ради которых необходимо подвергнуть себя ограничению и сказать себе «нет». Иными словами, наглядно показывая, почему пить плохо, антиалкогольная пропаганда не говорит совсем или говорит пока крайне невнятно, неубедительно, общими фразами о том, почему хорошо не пить, почему трезвеннический образ жизни во всех отношениях превосходит образ жизни злоупотребляющих алкоголем людей. Наличие таких позитивных идеалов трезвости особенно важно для молодежи, для которой, скажем, ценность здорового функционирования печени выглядит как далекая абстракция, и сколько бы пропаганда ни запугивала пагубностью пьянства, ее эффект без реальных, привлекательных, доступных восприятию и пониманию подростка примеров превосходства трезвости над пьянством будет незначительным.

Большие перспективы открывает применение психо-

логии и в деле помощи медицине — в работе с теми, кто обращается за помощью к наркологам (а как правило, это люди с уже далеко зашедшими, запущенными формами болезни). Психология накопила достаточно большой опыт в диагностике умственных нарушений, в разработке действенных методов психокоррекции (об одном из них — формировании установки на трезвость — речь шла выше), в определении степени и формы личностной деградации и во многом другом. Однако следует сразу предупредить, что алкоголизм — крайне опасное и далеко не во всех случаях излечимое психическое заболевание, поэтому если усилия психологов поднимут реальную среднюю эффективность лечения * даже в 2—3 раза, то общий результат будет выглядеть все же скромным в сравнении с тяжестью и размерами трагедии алкоголизма. Разумеется, речь идет не об абстрактных числах и процентах, а о людях, их судьбах, и потому каждый вызволенный человек достоин любых усилий, но если говорить о главной точке приложения психологии в пресечении зла, то, очевидно, развитые формы алкоголизма таковой точкой не являются.

Тогда, может быть, надо искать ее в начальных формах болезни и сразу приниматься за лечение? Именно к тому сводятся многие распространенные модели профилактики развития алкоголизма. Согласно этим по своей сути сугубо медицинским моделям, чем раньше мы выявим признаки алкоголизма, тем эффективнее, с большей вероятностью сможем остановить процесс развития болезни (по аналогии с каким-либо соматическим страданием: чем раньше мы выявим и начнем ле-

чить, например, туберкулез, тем больше вероятность избавления от недуга). Между тем эта модель психологически несостоятельна. Ранние стадии, что отмечают и сами клиницисты, нередко значительно менее подвержены лечению, чем стадии развернутые. Психологически этот парадокс вполне объясним: человек еще не вышел из состояния «восходящего», «самодостаточного» пьянства, не столкнулся во всей жесткости с опустошающими жизнь и душу последствиями алкоголизма. Как правило, он вовсе не считает себя больным алкоголизмом и в целом доволен собой и своим образом жизни. Мало будет толку, если мы обратимся со своей помощью и к так называемым привычным, «бытовым» пьяницам, у которых нет еще признаков болезни. Они, как показывает опыт, с благородным гневом отвергают даже намеки на возможность их дальнейшего падения.

Так где же тогда основная точка приложения психологии в противодействии алкоголизму?

Точка эта находится вне алкоголизма. Пора осознать, что, говоря о борьбе с алкоголизмом, следует иметь в виду в качестве главного объекта борьбы вовсе не «алкоголика» и даже не алкоголизм как таковой. Бороться с алкоголизмом — значит бороться с его истоками, пресекать причины его возникновения, в том числе причины социально-психологические, уводящие человека из мира реального в мир иллюзорный. Главное внимание при этом надо уделять тем периодам жизни человека, когда он еще далек от тяги к вину, когда образуется его личность, круг его нравственных интересов, способы и стиль достижения намеченных целей. Иначе говоря, следует начать с психологических и социально-психологических причин, истоков алкоголизма как аномалии формирования личности, а не

сосредоточивать все усилия исключительно на борьбе (подчас заведомо бесплодной) с его многочисленными последствиями.

Но здесь, найдя уже, казалось, искомую точку, мы сталкиваемся с еще одним важным открытием. Эти психологические причины, истоки имеют отношение далеко не только к алкоголизму. Алкоголизм — одно из многочисленных последствий, вариантов действия этих причин. Скажем, человек не может отделить желаемое от реального, нетерпелив к необходимости сколько-нибудь отсрочить выполнение своих прихотей. Этот изъян при сопутствующих отягощенных условиях может

одинаково послужить толчком и к неврозу, и к противоправным действиям, и к частому употреблению спиртных напитков, способному в дальнейшем перерасти в пьянство и алкоголизм. Тем самым психологические причины, на которых следует сосредоточить внимание для пресечения алкоголизма, во многом не специфичны по отношению к нему; они могут порождать целый круг аномальных явлений, в том числе и не связанных с болезненным пристрастием к вину.

Такое открытие лишь на первый взгляд может показаться уводящим слишком далеко от вопросов алкоголизма. На деле оно обнаруживает принципиально новые подходы к решению этих вопросов и во многом объясняет, почему столь малоэффективными оказывались до сих пор привычные методы профилактической работы. Оно возвращает нас к той важнейшей проблеме, которой посвящена по сути эта книга,—проблеме поиска и исследования общих корней личностных аномалий, которые в случае своего роста могут дать начало разнообразным ветвям и сплетениям аномального развития. Мы же заняты главным образом тем, что рубим ветви, и не мудрено поэтому, что, перекрыв многие каналы распространения алкоголя, столкнулись с резким увеличением потребления других наркотиков, с распространением токсикомании и др., ибо корень — стремление к суррогатной, иллюзорно-компенсаторной деятельности — остался невырванным. Пора наконец переходить от «аварийной», перевоспитывающей политики (когда мы с опозданием реагируем на уже возникшие явления, будь то алкоголизм, наркомания или появление асоциальных групп подростков) к политике активной, формирующей, организующей свои результаты. Но пока мы прогнозируем лишь строительство заводов и электростанций, уровень образования и число специалистов, а «строительство» собственно души человеческой остается, скажем прямо, бесхозным. Точно известно и записано в инструкциях, что должен знать ребенок, кончая первый класс школы, какие усвоить арифметические действия и грамматические правила, но каковы должны быть конкретные «нормативы» его становящейся души, оказывается на деле толком неизвестным ни педагогам, ни родителям. Стоит ли после этого удивляться тем сюрпризам, которые преподносят нам вчерашние первоклассники, став подростками и юношами?

ЛА

Изучение историй жизни больных ранним алкоголизмом показывает, что серьезное неблагополучие возникает уже в младшем школьном возрасте. Необходимо поэтому обратить особое внимание на этот период, поскольку им во многом (хотя, как мы увидим ниже, не исключительно) ограничены возможности профилактики раннего алкоголизма, ибо он потому и ранний, что развивается в подростково-юношеском возрасте, т. е. следующем непосредственно за младшим школьным.

Мы уже обсуждали выше, почему у будущих пациентов происходили неудачи в осуществлении ведущей для младших школьников учебной деятельности, как в результате этого ущемлялись самооценка, самоуважение ребят, как отделялись, выпадали они из школьного коллектива, как миновала их внешкольная воспитательная работа и как поэтому при наступлении подросткового кризиса и соответствующего переходного потреб-ностного состояния без особых раздумий в качестве наиболее подходящего предмета новых возрастных потребностей выбирали они «уличную» компанию, в которой обязательным, существенным, а

затем и стержневым моментом групповой жизни становились регулярные выпивки со всеми вытекающими отсюда последствиями вплоть до возникновения алкогольной болезни.

Можно ли было, однако, избежать такого поворота событий, можно ли было разорвать взаимосвязанную, плотно пригнанную цепь социально-психологических причин и следствий, приведших детей к катастрофе, и повернуть в какой-то момент их развитие в благополучное русло? Безусловно, можно. Для этого надо проанализировать, просмотреть весь путь аномального развития, обнаружить его ключевые моменты и звенья, попытаться скоррегировать их и сделать так (в социальном и психологическом планах), чтобы впредь они не были камнем преткновения для новых поколений детей. В этом, собственно, вся суть социально-психологической профилактики, призванной оградить подрастающую смену, общество от пагубных для личностного здоровья путей *. Заметим, однако, что эти ограждения

* К сожалению, психология слишком долгое время использовала по преимуществу констатирующие методы, статичную регистрацию тех или иных результатов, выраженных, ставших отклонений. В стороне оказалось наиболее ценное для теории и практики — анализ процесса аномального развития, который привел к данному результату, его пнутренние составляющие и механизмы. Область патоло-

не смогут стать сами по себе гарантами личностного здоровья. Образно говоря, они подготавливают и обозначают место той строительной площадки, на которой предстоит еще возвести здание личности, контуры ее основных ценностей и идеалов. Таковое возведение — прямая задача уже иного процесса — процесса воспитания и самовоспитания, который тесно взаимосвязан, взаимопереплетен с психопрофилактикой, но отнюдь не тождествен ей.

Рассмотрим теперь некоторые примеры психопрофилактических действий. Сначала о детях, у которых ухудшение учебной деятельности было связано помимо семейного неблагополучия с астеническими состоя-ниями, нарушениями работоспособности, повышенной нервной и психической утомляемостью, лабильностью и др.* Во-первых, необходимо специальное, особое внимание режиму труда и отдыха таких школьников, воспитание соответствующих привычек и навыков, оказание им, особенно на первых, постановочных этапах, организующей помощи в учебе. Во-вторых, существенным

гии предстала тем самым изолированной от повседневной реальной жизни, не соединенной с ней множеством взаимопереходов. В итоге — задача научно обоснованной профилактики психических отклонений, которые по мере урбанизации имеют тенденцию к угрожающему нарастанию, оказалась по сути даже толком не поставленной в психологии. В прикладном плане все ограничивается пока однодневными решениями, часто житейскими советами и консультациями, косметическими мерами, тогда как необходимы разработка стратегии, выделение узловых точек деформации и получение хотя бы гарантий научной состоятельности коррекционной и психопрофилактической политики в стране. Лишь в этом случае данные и прогнозы психологии наконец найдут (должны найти) отражение в крупных, долгосрочных социальных программах как региональных, так и общегосударственных (может быть, в ряде случаев и межгосударственных, в таких областях, например, как охрана окружающей среды, формирование нового экологического сознания и мышления и др.). Заметим, что необходимость ранней, упреждающей профилактики все более четко осознается и на Западе. В выводах Национального института алкоголизма США она метафорически выражена в следующем вопросе: «Тратя столь много усилий и средств на спасение утопающих, которых несет река, не пора ли поинтересоваться, где же они в нее прыгают?» [19]

* Специально обратим внимание на то, что количество детей, испытывающих стойкие затруднения при обучении, весьма велико. По данным клинико-психологических исследований, оно составляет от 5 до 11 % [2Q]. Это совпадает и с мировой статистикой. По данным ВОЗ, до 10 % детей страдают пограничными формами интеллектуальной недостаточности [2]]. Что же касается контингента колоний, спецшкол, специальных ПТУ, то там число подобных детей возрастает до 50—60 % [22].

направлением профилактики является изменение оценок их личности. Оценки эти нельзя (как это, к сожалению, обычно делается) жестко связывать только со школьными отметками. В-третьих, для подобных детей существуют особые школы (лесные школы, школы при специальных детских санаториях, школа-интернат при Институте дефектологии АПН СССР и ряд других подобных школ, классы

индивидуального обучения и др.) с соответствующим индивидуальным подходом, с сокращенным временем уроков, с более растянутой по срокам программой обучения, которая, однако, в целом совпадает с программой общеобразовательной школы (напомним, что речь идет пока не об олигофренах или детях, перенесших достаточно серьезное поражение нервной системы — о них чуть позже, а о детях с той или иной, часто весьма стертой, церебральной недостаточностью) . Учет этих требований, в особенности своевременный перевод, даже на короткое время, в такие школы, оказывается крайне важным для развития подобных детей, поддержания их должной самооценки, профилактики отклонений личности. Приведем в качестве примера одно из наблюдений, заимствованное из работы Т. А. Власовой и М. С. Певзнер [23].

Женя К., 10 лет, был направлен на медико-педагогическую консультацию из-за явной недисциплинированности: дерется с детьми, не подчиняется педагогу, срывает уроки. Резко снижена успеваемость. В последнее время пропадает весь день на улице и, находясь среди. старших по возрасту детей, усваивает от них дурные привычки. Домашние условия неблагоприятные. Отец пьет, не уравновешен в общении с членами семьи.

При исследовании в медико-педагогической консультации выявилось, что у мальчика в целом сохранна интеллектуальная сфера и что трудности в поведении и обучении были обусловлены вторичными характерологическими изменениями, которые появились в результате ослабленности, утомляемости ребенка, неблагоприятных условий, создавшихся для него в школе и семье. Женю направили **на 6** месяцев в лесную школу, где был специальный режим, организующая помощь, индивидуальный педагогический подход, общеукре-пляющее лечение. В результате мальчик окреп, стал спокойнее, повысилась его работоспособность, были восстановлены основные пробелы в школьных знаниях, и, что самое главное, у него появился интерес к учебе, к занятиям. По возвращении в прежнюю школу был взят на учет школьным врачом. По катамнестическим сведениям, ребенок через полтора года повторно был направлен в лесную школу. Все это дало возможность стать Жене успевающим учеником, вы-равнять его отношения с другими, его поведение и характер.

Еще одним путем профилактики, в равной степени важным не только для рассматриваемого, но и для всех

контингентов неблагополучных детей, является вовлечение их в такого рода внешкольную, внеучебную деятельность, в которой могли бы проявиться их способности, душевные качества, где бы они могли получить одобрение, знаки внимания, уважение окружающих ребят и взрослых.

На анализе последнего направления мы особо остановимся ниже, а пока перейдем к тем пациентам, которые выросли в неблагополучных семьях и у которых выявилась более серьезная, чем в предыдущей группе, резидуальная органическая патология или даже была констатирована олигофрения, часто в'степени легкой дебильности. Отправленные в массовую школу, эти дети неизбежно начинали серьезно отставать в учебе со всеми вытекающими отсюда психологическими последствиями. Отставание это, однако, было вызвано не только повышенной утомляемостью и лабильностью, как в предыдущей группе, но и общим снижением уровня мышления, его сугубо ситуационной структурой и по сути дела принципиальной невозможностью овладения программой общеобразовательной школы.

Значимой мерой профилактики в этом случае является своевременный перевод таких детей во вспомогательную школу для умственно отсталых, где в значительно удлиненные сроки (8 лет) они овладевают программой начальной массовой школы, получают профессиональную подготовку по несложным видам труда в промышленности, бытовом обслуживании и сельском хозяйстве. Практика показывает, что эта мера значительно сокращает вероятность асоциального развития таких детей. Психологи справедливо связывают это с удовлетворением возрастных потребностей детей в самоуважении, в одобрении, которые постоянно фрустрируются в массовой школе, ибо в массовой школе такой ребенок все время терпит неудачи в учебе, тогда как во вспомогательной — он рядовой ученик в коллективе таких же, как он, ребят.

В этом отношении весьма показательна работа Л. Н. Поперечной и С. Я. Рубинштейн [24]. Ими были изучены две группы детей, перенесших в раннем возрасте органические поражения головного мозга. В первую группу вошли те ученики массовой школы, которых в свое время психологи и педагоги рекомендовали перевести во вспомогательную .школу, но их родители категорически воспротивились такому переводу. Ко вто-

278

рой группе были отнесены те, кто был вовремя переведен во вспомогательную школу. Полученные спустя шесть лет катамнестические сведения показали следующее. Вошедшие в первую группу, как и следовало ожидать, длительно не успевали в массовых школах со всеми вытекающими отсюда последствиями. Многие из них в подростковом возрасте без сожаления бросали школу и сбивались на путь асоциального поведения, пьянства, оказывались в исправительно-трудовых колониях. Во второй группе оказалось гораздо больше юношей и девушек с положительной направленностью личности. Они работали, самостоятельно жили, строили собственные семьи. Авторы описывают случаи, когда стойкая положительная направленность наблюдалась даже у тех, кто после окончания школы-интерната вынужден был жить в одной квартире с родителями-пьяницами. Согласно данным этого исследования, решающую роль в возникновении отрицательной направленности личности у первой группы сыграла именно

длительная неуспеваемость в школе, т. е. неуспех в основном виде деятельности. Во второй же группе, напротив, успехи в учебной и трудовой деятельности способствовали формированию положительных интересов и ценностей, положительной направленности личности.

Меры психопрофилактики раннего алкоголизма, конечно, не ограничиваются лишь применением их к неблагополучным детям, отягощенным той или иной органической недостаточностью. Существуют в «группе риска» и такие дети, у которых не выявляется органической недостаточности и наследственной отягощенности. Однако обычно эти случаи характеризуются выраженной, так называемой педагогической запущенностью, отсутствием должного родительского надзора, заменой воспитания наказанием и т. п., в результате чего ребенок также выходит на рубеж подросткового возраста отчужденным от школьного коллектива и ведущей учебной деятельности со всеми рассмотренными выше опасностями данного положения. Необходимо, следовательно, и в этих случаях применять действенные меры профилактики, среди которых следует выделить организующую помощь в учебе, отсутствие жесткой связи между оценками успеваемости и оценками личности, вовлечение во внешкольную воспитывающую деятельность. Последняя, как уже подчеркивалось, является важнейшим элементом психопрофилактики ран-

него алкоголизма, причем осооенно возрастает ее значение на решающем для большинства наших пациентов подростковом рубеже.

Следует поэтому подробнее остановиться на психологических принципах вовлечения «трудных» детей в воспитательный процесс. Но прежде хотелось бы обратить внимание на то, что определенные неспецифические психопрофилактические аспекты надо всегда иметь в виду воспитателям тех детей, которые в целом выглядят вполне благополучными, лишены наследственной недостаточности, изолированы от возможности употребления алкоголя — словом, не вызывают опасений относительно их будущего трезвого образа жизни. Мы видели, что болезненная привязанность к алкоголю (как, впрочем, и любому другому наркотику) формирует установку на немедленное удовлетворение потребностей при малых затратах усилий, импульсивные способы действия, неумение опосредствовать свое поведение, избегание ответственности за совершаемые поступки, игнорирование необходимости отделить возможное от желаемого и т. п. Необходимо помнить, однако, что определенные зачатки этих черт могут быть присущи любому непьющему человеку, и в таком случае вовлечение в регулярное алкогольное действо усиливает, доводит их до крайности, опасного гротеска. Подобно тому как в организме присутствуют вирусы едва ли не всех болезней, так и в организации психики могут быть зачатки склонности к иллюзорно-компенсаторным действиям, степень выраженности которых составляет, если угодно, степень латентного психологического риска, психологической предрасположенности к возникновению в случае знакомства с наркотиком тяги к нему. Важно поэтому заранее открыть воспитаннику способы полноценного, мужественного, «посюстороннего» отношения к конфликтам, неудачам, поражениям и другим негативным периодам жизни, с которых порой начинается уход в ирреальный план у взрослого человека, т. е. умение терпеть, ждать, откладывать получение привлекающей награды, разводить реальные и идеальные цели и т. п. Закладывая эти умения, обсуждая возможные трудности жизни и достойные способы их преодоления, мы тем самым закладываем и определенный психологический иммунитет к возникновению в будущем наркоманических соблазнов.

280

Этот момент наряду с привитием алоцентрической, просоциальной ориентации является важной составляющей психопрофилактики алкоголизма, точнее сказать, общей психопрофилактики аномального развития личности, частной, но, пожалуй, наиболее опасной и злокачественной формой которого является алкоголизм.

Перейдем теперь к изложению психологических принципов воспитательной внешкольной работы с подростками «группы риска».

Появление новых свойств и новой направленности личности взамен старых возможно только в ходе развития соответствующей новой деятельности, а никак не путем одного, пусть самого проникновенного, проповедования новых взглядов и интересов, не путем одних нравоучений и нотаций. Напомним, что свойства личности всегда деятельностно опосредствованы. Не будучи порождены соответствующей деятельностью, они представляют всего лишь пустую декларацию.

Здесь необходимо подчеркнуть следующие моменты, связанные с

обоснованной выше (гл. II) развернутой схемой движения деятельности, в которой выделяются три зоны: 1) потребностное состояние, выбор предмета; 2) закрепление предмета в качестве мотива, моти-вообразование; 3) преобразование деятельности. Мы говорили о том, что предмет, который будет адекватен потребностному состоянию, характеризующему подростковый кризис, и который имеет большую возможность быть выбранным среди прочих, должен отвечать стремлениям подростка к взрослости, собственной значимости и в то же время к личному, теплому, интимно-, личностному общению. Наибольшей вероятностью стать таким предметом обладает группа сверстников при наличии: 1) теплоты, тесных личностных связей и общений; 2) общего дела, объединяющего группу, общих целей, задач, общих врагов и друзей; 3) атрибутов взрослости, собственной значимости; 4) элемента «осо-бости», порой тайны, превосходства над другими подобными группами, некоторой экстремальности групповой деятельности, субъективного восприятия ее как чего-то небудничного, доселе небывалого. Жизнь подростков «группы риска» складывалась так, что в качестве такой группы они выбирают «уличную» компанию и, что важно, в дальнейшем остаются в ней, закрепляются в зоне ее влияния, претерпевая вместе с ней изменения в сторону асоциальности.

Чтобы «переопредметить» те потребности, которые находили свое удовлетворение в асоциальной деятельности, и тем самым положить начало построению новой цепи деятельности, призванной заменить, вытеснить прежнюю, асоциальную, необходимо учитывать специфику не какой-либо одной, а всех указанных этапов, зон, их взаимопереходов и взаимосвязей. Так, например, очень часто приходится мириться с тем, что предметы, мотивы, которые выбираются в первой и закрепляются во второй зоне движения деятельности, оказываются по многим своим характеристикам еще далекими от тех, которые мечтает видеть воспитатель у своих воспитанников. Желаемые мотивы, как правило, могут появиться лишь в результате длительного и сложного воспитательного процесса, в то время как первые выборы играют нередко роль крючка, приманки, для того чтобы вовлечь подростка в новый коллектив, в сферу воспитательного воздействия. Непонимание этого момента сплошь и рядом приводит к тому, что от трудного подростка сразу требуют примерного поведения и похвальных мотивов. Это обычно кончается тем, что такой подросток не принимает эти требования и, не чувствуя их внутренней необходимости, так или иначе уходит из поля влияния воспитателя, причем уходит, как мы знаем, нередко в асоциальную «уличную» компанию, которая, как это ни парадоксально, оказывается в данной ситуации куда более педагогически мудрой, ибо отвечает определенным возрастным потребностям подростка (например, потребности в неформальном, дружеском общении) и поначалу предъявляет новичку понятные и посильные для него требования. Следует помнить, что если не создать ребенку адекватные формы реализации его возрастных потребностей, то сами эти потребности не исчезнут, а будут искать иные формы реализации, не исключая отклоняющихся и асоциальных. Таким образом, воспитание должно вобрать в себя реальную жизнь ребенка, а не быть чем-то внешним, навязанным по отношению к этой жизни. Дилемма, стоящая здесь, достаточно остра:

либо воспитание, с опорой на реальные возрастные потребности, будет вести за собой развитие личности, либо это развитие пройдет своим стихийным ходом мимо организованного воспитания со всеми присущими стихии последствиями.

Любой из перечисленных выше притягательных для

282

подростка атрибутов дружеской группы не является сам по себе хорошим или плохим. Все зависит от того, каким содержанием он наполняется. К сожалению, однако, приходится встречаться с тем, что во многих педагогических разработках и публицистических статьях о воспитании конкретно-психологические особенности по-требностных состояний, мотивов, интересов ребенка по сути игнорируются, а на их место подставляются потребности, мысли и чувства, которые, по мнению авторов, должны быть или желательны на данной возрастной ступени. Это явление, которое можно обозначить как своеобразный «постулат долженствования», наносит огромный ущерб делу воспитания. Подчиняясь постулату долженствования, неизбежно начинают искать не там, где «потеряно», не там, где реально находится сейчас ребенок со всеми особенностями его психики, его личности и мышления (нравятся они нам или не нравятся, кажутся привлекательными или отталкивающими), а там, где «светло», куда он может только еще прийти вследствие определенных воспитательных усилий. Отсюда, в частности, проистекают

формализм, пристрастие к дутым, парадным показателям, игнорирование негативных явлений в жизни нашей молодежи, нежелание и неумение честно и открыто их анализировать и многое другое.

Автору, например, приходилось сталкиваться с мнением о том, что, скажем, полезных видов групповой экстремальной деятельности не может быть, а ученый, предлагающий искать и прививать такие виды деятельности, желает протащить некую крамолу, чуть ли не подрывающую общественные устои, словно данные психологических исследований (а речь шла именно о них) могут быть приняты и одобрены лишь в том случае, если согласуются с чьими-то личными вкусами и представлениями о должном. Пора наконец понять, что психологические особенности нельзя мгновенно переиначить, объявить выдумкой или «отменить» вовсе, что с такой необыкновенной легкостью порой делается в нашей действительности. Это — *объективные условия,* и если к ним относиться без должного уважения, игнорировать их, то, как и любые другие объективные условия, они жестоко мстят нам, чему есть уже немало примеров. Что же касается стремления к необычности, неординарности, экстремальности групповой деятельности на определенном возрастном этапе, то речь идет о важнейшем

психолого-педагогическом принципе: разве команда гайдаровского Тимура, ее деятельность не была особой групповой и экстремальной деятельностью, разве не имела она свою символику, не была окутана глубокой тайной, *не* была связана с риском, борьбой и опасностью? Или движение молодежных студенческих дружин по охране природы, начавшееся в 60-х годах на биологическом факультете МГУ и ныне распространившееся на всю страну? Эти дружины ведут нешуточную, сопряженную с опасностью борьбу с врагами природы, в том числе и с матерыми браконьерами. Разве это не особая, подразумевающая экстремальные ситуации деятельность и одновременно деятельность социально значимая, духовно высокая? Ясно, что подросток, юноша, прошедший через такого рода деятельность, не только полностью удовлетворит в ней свои насущные возрастные потребности, не только будет готов к сложностям реальной жизни, но и никогда не потянется к наркотику как средству самоутверждения. Ему незачем будет стремиться в иллюзорный мир, чтобы хоть на миг, страшной ценой разрушения своего мозга ощутить себя хозяином положения. Он не где-то там, а здесь, прочно, по-хозяйски обживается, борется с трудностями, решает свои проблемы, противоречия. Он *здесь* живет.

Но если даже нам удалось сформировать необходимую общественно значимую и отвечающую возрастным потребностям деятельность и она в данный момент увлекла воспитанника, задача этим не исчерпывается. Необходимо постоянно поддерживать эту деятельность с помощью расширения арсенала средств ее осуществления, усложнения целей, развития потребностей и т. п. Если такая деятельность начинает раньше времени «провисать», лишается своих перспектив, реальной привлекательности, то повышается и вероятность различного рода отклонений, вероятность выхода ребенка из поля воспитательных воздействий.

Вместе с тем надо помнить, что развитие любой предметной деятельности, обеспечение ее стабильности не самоцель, а предлог, почва, материал, на основании которых необходимо осуществлять главную задачу — задачу нравственного формирования воспитанника, привитие ему честности, доброты, социальной активности, общественной направленности. (Здесь, как видит внимательный читатель, мы переходим к выделенной

284

выше (гл. II) третьей плоскости анализа личности — плоскости смысловой, нравственной и соответственно к высшему уровню психического здоровья — уровню личностного здоровья.) Заостряя данное положение, можно сказать, что для воспитателя по сути все равно, занимается ли ребенок туризмом, фехтованием, музыкой, театром или плетением вологодских кружев,— важно, каким он становится человеком в ходе этих занятий. Это не значит, что продукт деятельности, е<е качество вовсе не играют роли. Понятно, что стремление все делать как можно лучше само по себе есть одно из начал нравственности. Это значит лишь то, что предмет воспитания не совпадает с предметом обучения. Если в первом случае предметом является нравственно-ценностная, смысловая сфера, то во втором — интеллектуальная и операционально-техническая [25].

Наконец, важно знать, что в развитии любой деятельности, какой бы налаженной, социально значимой и удобной для воспитания она нам ни казалась, возможны кризисы, появление новых потребностных состояний, к которым должен

быть готов воспитатель и к которым он должен исподволь готовить воспитанника, с тем чтобы выбор нового предмета обеспечивал его дальнейший нравственный рост и был адекватен выработанным нравственным установкам *.

Что же касается содержания самих установок, содержания смыслообразующих полей сознания, то из всего вышеизложенного становится достаточно ясным, что основным для профилактики отклонений личности путем развития должно быть опосредствованное соответствующими деятельностями движение, восхождение от узколичного к всеобщему.

Еще один принцип воспитательной работы с «труд-

* Вот, например, характерное высказывание одного из участников подростково-юношеского отряда «Дозор» (руководители О. В. Ли-шин и А. К. Лишина): «Всем самым дорогим «Дозор» может стать для человека лишь на некоторое время. Для меня отряд был наиболее ценным в 14—16 лет, а потом появилось стремление выйти в мир, проверить свои силы не в отряде, где рядом друг, а в неизведанном, загадочном, противоречивом мире: утвердить или не утвердить себя, проверить свои силы. Я чувствую — сейчас это необходимо». Понятно, что такой уход из сферы организованной, хорошо налаженной общественно значимой, общественно полезной деятельности, из сферы активного влияния воспитателей и коллектива, возникновение такого потребностного состояния должно восприниматься как вполне закономерное следствие логики развития личности, а вовсе не как неудача или срыв воспитательного процесса.

ными» подростками заключается в следующем. Мы не можем приступить к работе с ними непосредственно и прямо. Ведь если «трудный» должен «переопредме-тить» свои потребности, перенести центр своего смыслового восприятия из асоциально ориентированной группы в группу, осуществляющую просоциальное развитие, то необходимо как минимум наличие последней группы, причем не просто наличие, а обеспечение ее жизнеспособности, привлекательности для подростков, возможности противостояния пагубным и дезорганизующим влияниям. Надо помнить, что «трудные» — это отнюдь не пассивный объект воспитания. Они легко сплачиваются, и их дезорганизующая активность весьма велика. Принявший их коллектив должен быть действительно силен, чтобы его не разложила вошедшая в него даже небольшая компания «трудных». Понятно также, что речь идет не об абстрактной силе, а о силе нравственной, ориентированной на продуцирование и реализацию общественно значимых, просоциальных ценностей, усваивая, разделяя, отстаивая которые возвышается и каждый входящий в коллектив индивид. «Коллективные формы сотрудничества,— писал Л. С. Выготский,— предшествуют индивидуальным формам поведения, вырастающим на их основе, и являются их прямыми родоначальниками и источниками их возникновения» [26].

К сожалению, эти условия часто игнорируются, и на практике пытаются сразу чуть ли не из одних «трудных» формировать воспитывающий коллектив (трудовые лагеря, экспедиции и т. п.). Как правило, такие попытки заканчиваются самым плачевным образом [27].

Из сказанного следует, что в работе с «трудными» надо различать две задачи — задачу создания стойкого, просоциально ориентированного воспитывающего коллектива и задачу вовлечения в этот коллектив «трудных» подростков. Разумеется, в реальности воспитатель не может сказать явно «трудному» подростку: не ходи в наш коллектив, он еще не созрел для твоего перевоспитания. Эти две задачи приходится решать подчас чуть ли не одновременно, но различать их и по возможности обеспечивать опережающее решение первой задачи совершенно необходимо.

Отдельно следует сказать о личности самого воспитателя. Психология определяет (и надо ли говорить о том, как это важно) необходимую канву, направление,

последовательность действий, но вне живой личности воспитателя, его реального опыта, его индивидуальности любая психологическая разработка мертва *. Поэтому, чтобы овладеть той или иной методикой воспитания, надо не только познакомиться с теорией, психологической канвой процесса (что, разумеется, совершенно необходимо), но определенное время активно участвовать в этом процессе под руководством опытного воспитателя. Надо прямо констатировать: методики воспитания передаются из рук в руки. Это касается всего спектра воспитательной работы — от коррекции психических отклонений, где никакая книга не заменит сама по себе учебы у реального психотерапевта, до воспитания вполне здоровых детей и подростков, где также надо пройти определенный путь рядом с опытным учителем. Отсюда — необходимость создания различных методических центров, где на живом примере желающие могли бы овладеть теми

или иными аспектами сложного воспитательного дела, соединить его теорию и практику.

И наконец, последнее. Никакая самая изощренная педагогическая техника и интуиция, выверенная психологическая теория не спасут, если воспитатель — человек безнравственный, если его смысловая сфера ориен-

* На наш взгляд, отношения между практической педагогикой и психологией можно условно уподобить отношениям между практической медициной и, скажем, физиологией. Знание последней, даже самое совершенное, еще не делает человека врачом, однако без этого знания врачевание невозможно, ибо лишается своего фундамента. Точно так же и знание основ психологии само по себе не делает его обладателя ни педагогом, ни воспитателем, ни психотерапевтом, однако является в этих случаях необходимым, поскольку в нем содержатся сведения о внутренних процессах, структурных особенностях и, наконец, о слабых точках того «материала», к которому прилагается воспитательное и коррекционное воздействие. И если серьезная ошибка в деле врачевания, происшедшая из-за того, что врач игнорировал физиологические возможности организма, будет справедливо расценена как должностное преступление, то и грубую ошибку воспитателя, порожденную незнанием общепсихологических закономерностей, также следует рассматривать как не менее тяжкое должностное преступление, ибо если в первом случае речь идет о вреде, причиненном жизни тела, то во втором — о вреде, причиненном жизни души Сказанное вовсе не означает, что педагогике следует превратиться в некую строгую «технологию воспитания». Речь идет не о лишении педагогики элемента искусства и интуиции, не о шаблонах, а, напротив, о большем, более свободном варьировании на основе знания внутренних психологических законов, подобно тому как нередко в общем-то одинаковое или сходное знание физиологии или анатомии не уравнивает искусство врачей.

тирована на эгоцентрические ценности. Какой бы методикой он ни пользовался, он будет способствовать воспитанию людей безнравственных. Это надо твердо усвоить, а не ждать от психологов и педагогов некоего алгоритма, системы советов, которые сами по себе свершат чудо нравственного воспитания. Еще А. С. Макаренко высмеивал тех, кто считает, что «нужно найти какой-то хитрейший рецепт воспитания детей, и дело будет сделано... Если этот рецепт дать в руки самому заядлому лежебоке, он при помощи рецепта воспитает трудолюбивого человека, если его дать мошеннику, рецепт поможет воспитать честного гражданина, в руках враля он тоже сделает чудо, и ребенок вырастет правдивым. Таких чудес не бывает. Никакие рецепты не помогут, если в самой личности воспитателя есть

" **00**

большие недостатки» .

Исходя из названных принципов в одной из школ Москвы был начат психолого-педагогический эксперимент, в ходе которого решались обозначенные выше задачи: создание воспитывающего коллектива и вовлечение «трудных» подростков в коллективную деятельность. Так появилась специальная методика, разработанная под нашим руководством С. Н. Волковым. Всего за 10 лет проведения психолого-педагогической работы (1974—1984 гг.) через организованные поданной методике туристские кружки, объединенные затем в районный турклуб «Изыскатель», прошло около полутора тысяч детей и подростков, из них более 300 подростков «группы риска» (приводы в милицию, случаи пьянства и др.). Не вдаваясь здесь в описание самой методики *, ограничимся лишь иллюстрацией — историей одного из воспитанников С. Н. Волкова.

Валерий К., 18 лет. Отец—рабочий, больной алкоголизмом в стадии запойного пьянства. Внимания детям не уделял, в состоянии опьянения часто скандалил дома. Мать много работает, чтобы материально обеспечить семью.

Мальчик рос подвижным ребенком. В дошкольном детстве вслед-

* Разумеется, разработанный в ходе этого эксперимента методический подход [29]— отнюдь не единственно возможный. На сходных общих принципах, но с помощью иных конкретных приемов, способов построения коллективной деятельности успешно работают и московский отряд «Дозор», и тюменский клуб им. Ф. Э. Дзержинского, и др. Главное, что роднит работу подобных объединений — это долгосрочная, поэтапная, психологически верно рассчитанная организация живого дела, связанного с формированием общественной направленности.

ствие неблагополучия и. отсутствия надзора в семье почти все время проводил на улице, рано стал самостоятельным. В школу пошел с 7 лет. Из-за неуспеваемости был оставлен в первом классе на второй год. В начальной школе учился на двойки и тройки, был недисциплинированным, из-за этого возникали постоянные конфликты с учителями. К 13 годам все меньше внимания уделяет учебе, зато полностью переносит свою активность на улицу, где складывается «уличная» компания с гипертрофированным культом дружбы внутри своего узкого круга («браты»). Принимает участие, часто как инициатор и предводитель, в многочисленных массовых драках, в которых «выясняются» территории влияния

«дворов» и «улиц» района-новостройки. В одной из таких драк получил травму головы. Непременным атрибутом групповой жизни становится выпивка. В шестом классе (14 лет) ставится на учет в органах милиции, отмечены неоднократные появления в общественных местах в нетрезвом состоянии. К 15 годам в школе окончательно формируется представление о Валерии как о крайне плохом ученике (тяжелая неуспеваемость, особенно по русскому яаыку и математике) и опасном хулигане, состоящем на учете в милиции.

С такой характеристикой К. пришел в туристский клуб. Побудили его к этому любопытство, вызванное развешанными в коридоре школы яркими фотографиями далеких походов, перспектива путешествия на Кольский полуостров и сама фигура тогдашнего руководителя — совсем молодого человека, разностороннего спортсмена, всегда подтянутого, ладно одетого, а главное — искренне расположенного к воспитанникам, готового отдать им все свое время и силы.

Поначалу, в первых походах, К. пытался насаждать усвоенные прежде шаблоны отношений: сколачивал свою компанию с особыми привилегиями, использовал физическое превосходство, сквернословил и т. п. Однако руководитель, угадав потенциальные возможности подростка, сразу поставил его в особую позицию в клубе — позицию защитника, опекуна младших и слабых членов клуба, без которого им (младшим) будет плохо, они не справятся с трудностями путешествия. Эта позиция, оказавшаяся наиболее адекватной в воспитательном смысле для К., бывшего к тому же (из-за дублирования класса) переростком среди своих одноклассников, позволила в короткий срок выявить лучшие качества подростка, должным образом применить его лидерскую и организаторскую направленность. Валерий нес самые тяжелые рюкзаки, помогал младшим, лучше всех разжигал костер и организовывал привал, брал на себя наиболее трудную работу. Все это привело к тому, что К. стал пользоваться всеобщим признанием, уважением и любовью в коллективе — избирался командиром экипажа, дважды был капитаном всего клуба. Разносторонняя клубная деятельность (тренировки, подготовка к походам, сами походы) оказалась куда более привлекательной, чем прежняя, асоциальная. Разумеется, в новой, походной жизни (а походы предпринимались часто весьма сложные) не оказалось места и выпивке, а позиция лидера, защитника, опекуна младших членов группы и вовсе исключала ее. Связь же с прежними «братами» сказалась в том, что троих из них он привел в клуб, причем один — Михаил Н. из очень неблагополучной семьи, дублировавший 4-й и 6-й классы, состоявший на учете в милиции и в психоневрологическом диспансере (последствия черепно-мозговой травмы), прошел тот же путь, что и К., став признанным лидером коллектива. После 8-го класса К. поступил в ПТУ. До армии работал автослесарем, продолжал посещать клуб.

раннего алкоголизма не ограничиваются только младшим школьным возрастом. Действенные меры принципиально возможны здесь даже тогда, когда неблагополучный, «трудный» подросток оказался уже вовлеченным в асоциальную компанию, в ее деятельность, столь частым атрибутом которой является групповая выпивка. Дело в том, что выбор человеком в потребностном состоянии того или иного предмета вовсе не происходит по принципу импритинга, раз и навсегда совершившегося запечатления, автоматически ведущего затем к строгому развертыванию деятельности, сразу становящейся главной и единственной. В особенности это касается незрелой еще личности подростка. Выбранная неблагополучным подростком асоциальная деятельность не становится сразу определяющей по отношению ко всему внутреннему пространству личности. Она, как и любая поначалу разворачивающаяся деятельность, парциальна, частична по отношению к этому пространству. Исследователи недаром обращают внимание на известную «приписанность» тех или иных свойств личности подростка той или иной деятельности: так, в одной деятельности подросток может выявлять коллективистскую направленность, а в другой — сугубо индивидуалистскую. Поэтому в подростковом возрасте долго сохраняется возможность через развитие новой деятельности, через ее последовательное расширение и углубление изменить прежние представления, взгляды, интересы и способы их осуществления. Надо, однако, спешить, пока групповая деятельность в асоциальной компании не стала ведущей, пока она еще парциальна, частична по отношению к возможным формам деятельности подростка, отвечающим его основным возрастным потребностям.

Итак, мы видели, что путь, ведущий к раннему алкоголизму, имеет свои внутренние закономерности, свою достаточно жесткую психологическую цепь развития, составленную из определенных звеньев, этапов (предыстория злоупотребления, включение в асоциальную компанию, привыкание к алкоголю, развитие иллю-зорно-компенсаторной деятельности, изменения смысловой сферы и др.). Значительную роль играют здесь внешние предпосылки такого развития (нарушения микросреды, микрокультуры) и нередко отягощенные, измененные по сравнению с нормой условия протекания психических процессов (неблагоприятная наследствен-

ность, травмы, нарушения работоспособности и т. п.).

Вместе с тем проведенный анализ показывает, что внутренняя логика аномального развития отнюдь не является единственно возможной для этих детей при данном стечении условий и предпосылок. В каждом из звеньев аномального развития при учете психологической специфики момента возможен поворот в благополучное русло и избежание тем самым роковых последствий асоциального пути и, в частности, раннего алкоголизма. Стоит, однако, помнить, что, чем дальше уходит становление личности асоциального типа, чем в большей степени приобщается подросток к иллюзорно-компенсаторной алкогольной деятельности, тем более сложными для воспитания и более проблематичными становятся такие повороты. Что же касается самого раннего алкоголизма, если он все же возникает, то на этой стадии меры психологической профилактики, разумеется, полностью исчерпывают себя, уступая основное место мерам медицинского воздействия. Бороться с алкоголизмом как болезнью уже поздно — его надо лечить. Основное направление борьбы, что видно из всего предшествующего материала,— это поиск причин аномального развития и путей их искоренения. Ключевым периодом в отношении раннего алкоголизма является младший школьный и в особенности подростковый возраст, причем особой специфики именно «антиалкогольного» воздействия здесь по большей части нет, точнее, она растворяется в общих проблемах и задачах воспитания личности и профилактики многих других видов аномалий. Конечно, нужны особые и строгие меры по изоляции от алкоголя и наркотиков, надо вовремя информировать ребенка об их пагубности, вреде для здоровья и т. п. Однако подлинный психологический иммунитет к пьянству, алкоголизму, наркомании дают не сами по себе эти меры и знания (хотя, повторяем, они являются необходимым условием), а воспитанная в человеке нравственная, активно-творческая позиция", наличие смысловых перспектив и идеалов жизни, адекватных способов их реализации. Здесь клиническая психология по сути смыкается не только с общей, но и с возрастной, педагогической и социальной психологией, что лишний раз свидетельствует о неформальном внутреннем единстве различных областей и разделов психологической науки.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

К ГЛАВЕ 1 (с. 6—611

' См.: *Ганнушкин П. Б.* Избр. труды. М., 1964. С. 49, 50.

[2] *Dombrowski K.* Trud istnienia. Warszawa, 1975.

[3] *Крылов А. Н.* Прикладная математика и ее значение для техники. М.; Л., 1931. С. 3.

[4] Вести МГУ. Сер. Психология. 1983. № 4. С. 20.

[5] Там же. 1987. № 2. С. 55.

[6] *Binswanger L.* Heidegger's Analytic Existence and Its Meaning for Psychiatry // Being — in World: Selected Papers of Ludwig Binswanger. N. Y., 1963. P. 216.

[7] *Cooper D.* Psychiatry and Anty-psychiatry. L„ 1967; *Szasz T. S.* Ideology and Insanity. N. **Y.,** 1970; *Laing R. D.* The Politics of Experience and the Bird of Paradise. Harmondsworth, 1973.

"См.: *Ганнушкин П. Б.* Избр. труды. С. 170, 217, 56.

[9] *Карвасарский Б. Д.* Медицинская психология. Л., 1982. С. 222.

[10] *lung C. G.* Analytical Psychology: Its Theory and Practice. N. Y., 1968.

" *Madsen K- B.* Theories of Motivation //Handbook of General Psychology. N. Y,, 1973. P. 683.

[12] Вопросы психологии. 1970. № 5. С. 171.

[13] *Allport G. W.* Personality and Social Encounter. Boston, 1960.

[14] См.: *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии, М., 1969. С. 76.

[15] См • *Тудосеску И.* Идеалы и нормы в социальной деятельности // Вопросы философии. 1984. № 3; *Бачериков Н. Е.* и *др.* Философские вопросы психиатрии. Киев, 1985.

[16] Вести. МГУ. Сер. Психология. 1977. № 2. С. 95.

[17] *Пиаже* Ж. Избр. психол. труды. М., 1969. С. 61.

[18] *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М,, 197Ь.

^ *Maslow A.* The Farther Reaches of Human Nature. Harmondsworth, 1971.

[20] См- Психологический журнал. 1981. № *А.*

[21] *Форель А.* Мозг и душа. СПб., 1907. С. 5, 8.

[22] Вопросы философии. 1972. № 12. С. 119.

[23] *Levin К.* The Dynamic Theory of Personality. N. Y., 1935.

[24] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 3.

[25] Там же. Т. 42. С. 119.

[26] См.: *Мысливченко А. Г.* Человек как предмет философского познания. М., 1972.

[27] **См.:** *Буева Л. П.* Человек: Деятельность и общение. М., 1978. С. 34—35.

[28] *Кон И. С.* Социология личности. М., 1967. С. 9.

[29] См • *Каган М. С.* Человеческая деятельность. М., 1974.

[30] *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч, I. С. 476.

[31] См.: Проблема человека в современной философии. М., 1969.

[32] *Маркс К.. Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С 23

[33] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 262—263 (примеч.).

[34] *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 447

[35] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 476.

[36] См.: *Дробницкий О. Г.* Природа и границы сферы общественного бытия // Проблема человека в современной философии; Он *же.* Проблемы нравственности. М., 1977.

[37] *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 123.

[38] Там же. Т. 3. С. 440.

[39] См. там же. Т. 46. Ч. II. С. 222.

[40] Там же. Т. 42. С. 23.

[41] *Явич Л. С.* Сущность права. Л., 1985. С. 61—62.

[42] *Маркс К.; Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С, 145.

[43] *Михайлов Ф. Т.* Эмпирическое и диалектическое понимание личности // Философско-психологические проблемы развития образования. М., 1981. С. 49.

[44] Новый мир. 1985. № 3. С. 189.

[45] *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. Т. II. М., 1956. С 302. [4] *Назаров В. Н.* Моральное предвидение // Моральный выбор / Под общ. ред. А. И. Титаренко. М., 1980. С. 332.

[47] Цит. по: *Рерих Н. К..* Из литературного наследия. М., 1974. С. 109.

[48] *Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М., 1976. С. 62—63. [48] *Выготский Л. С.* Собр. соч.: В б т. Т. 3. М., 1983. С. 144.

[50] *Леонтьев А. Н.* Избр. психол. произв.: В 2 т. Т. II. М., 1983. С. 241.

[51] *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 62 (примеч.).

[52] *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. С. 369.

[53] Психология личности: Тексты. М., 1982. С. 124.

[54] *Маркс К... Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 79.

[55] *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. С. 373.

[56] *Гегель Г. В. Ф.* Эстетика. Т. 2. М., 1969. С. 253.

[57] См.: *Братусь С. Н.* Юридическая ответственность и законность. М., 1976.

[58] См.: *Муздыбаев К-* Психология ответственности. Л., 1983.

[59] *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. С. 351—352.

[60] *Фролов И. Т.* Перспективы человека. М., 1983. С. 311—312.

[61] Там же. С. 304—305.

[62] *Коган. Л. Н.* Цель и смысл жизни человека. М., 1984. С. 243—244.

[63] *Толстой Л. Н.* Поли. собр. соч. Т. XVIII. М., 1913. С. 220.

[64] *Эйнштейн А.* Физика и реальность. М., 1965. С. 348.

[65] Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974. С. 23.

[66] *Леонтьев А.-Н.* Избр. психол. произв. Т. I. С. 385.

[67] *Асмолов А. Г.* Личность как предмет психологического исследования. М., 1984. С. 21.

[68] *Наумова Н. В.* Целеполагание как системный процесс. М., 1982. С. 17.

[69] См.: *Асмолов А. Г.* Деятельность и установка. М., 1979. С. 7. |

[70] Вопросы философии. 1984. № 2. С. 101.

[71] Там же. 1970. № 6. С. 69.

[72] См.: Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 3. С. 35.

[73] Цит. по: *Сэв Л.* Марксизм и теория личности. М., 1972. С. 35.

294

К ГЛАВЕ II (с. 62—133)

' См.: *Мейли Р.* Структура личности // *Фресс* Я., *Пиаже Ж,.* Экспериментальная психология. Вып. V. М., 1975. С. 216.

[2] См.: *Платонов К. К.* О системе психологии. М., 1972. С. 128. * [3] См.: *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 162—164.

[4] Psychologie in Selbstdarstellungen. Berlin, 1972. S. 225.

[5] Вопросы философии. 1981. № 10. С. 133—134.

[6] Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 3. С. 127.

[7] *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1965. С. 408.

[8] *Ухтомский А. А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1950. С. 279.

[9] Вопросы философии. 1982. № 10. С. 46.

[10] *Толстой Л. Н.* Поли. собр. соч. Т. 40. С. 427.

" *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. С. 207.

[12] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. С. 308.

[13] *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. С. 181.

[14] См.: *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

[15] См.: Вопросы психологии. 1981. № 1. С. 162. ,

[16] Вопросы философии. 1982. № 2. С. 49.

[17] *Михеев В. В.* Учебник нервных болезней. М., 1966. С. 193. " Лит. газ. 1985. 26 июня.

[19] Соотношение биологического и социального в человеке: Матер. симп. М„ 1975. С, 74.

[20] См.: *Гальперин П. Я.* К вопросу об инстинктах у человека // Вопросы психологии. 1976. № 1.

[21] *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. С. 172—
173.

[22] См., напр.: *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.

[23] *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. С. 287—289.

[24] См.: *Фролов И. Т. и др.* Культура человека — философия:
К проблеме интеграции и развития // Вопросы философии. 1982.
№ 1, 2.

[25] *Межуев В. М.* Культура как философская проблема // Вопросы философии. 1982. № 10. С. 51.

[26] *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. С. 278.

[27] *Выготский Л. С.* Собр. соч. Т. 2. М., 1982. С. 15—16.

[28] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946.-^ С. 173.

[29] *Юдин Э. Г.* Деятельность и системность // Системные исследования: Ежегодник 1976. М., 1977. С. 31.

[30] См.: *Бернштейн Н. А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966. С. 326.

[31] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 62. М., 1953. С. 269.

[32] См.: *Вилюнас В. К.* Психология эмоциональных явлений. М.. 1976.

[33] *Levin К,-* The Dynamic Theory of Personality.

[34] *Кальвиньо М.* Автореф. канд. дисс. М., 1981. С. 19
[35] *Лазурский А. Ф.* Классификация личностей. М., 1923. С. 299.
[36] См., напр.: *Подгурецкий А.* Очерк социологии права. М., 1974.
[37] См.: Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 3. С. 35.
[38] См. напр.: *Додонов Б. И. О* системе «Личность» // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 37.

[39] *Грязное Б. С.* Логика, рациональность, творчество. М., 1982. С. 13.

[40] *Норакидзе В. Г.* Свойства личности и фиксированная установка // Вопросы психологии. 1983- № 5. С. 130.

[41] См.: О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопросы психологии. 1979. № 4; О смысловых образованиях личности // Взаимодействие коллектива и личности в коммунистическом воспитании. Таллин, 1979.

" *Герцен А. И.* Соч.: В 9 т. Т. 2. М., 1958. С. 201.

[43] См.: *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. С. 290. [43Р] См.: *Братусь Б. С.* К изучению смысловой сферы личности // Вести. МГУ. Сер. Психология. 1981. № 2; Он *же.* Общепсихологическая теория деятельности и проблема единиц анализа личности // А. Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983, и др.

[44] См.: Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. 1935. Вып. 6. Т. IV. С. 75.

[45] См.: *Зинченко В. П.* Идеи Л. С. Выготского о единицах анализа психики//Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 132.

[46] *Maslow A.* The Farther Reaches of Human Nature. Harmond-sworth, 1971.

[47] *Franki V. E.* Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn. Munchen, 1979. S. 92.

[48] *Леонтьев А. Н.* Избр. психол. произв. Т. 1. С. 384.

[49] *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. С. 381. [60] *Гегель Г. В. Ф.* Соч. Т, IV. М., 1959. С. 331.

[51] *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. С. 289.

[52] А. Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983. С. 225.

[53] *Столиц В. В.* Самосознание личности. М., 1983. С. 149.

[54] Там же. С. 108.

[55] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. Т. 2. М., 1971. С. 66.

[56] См.: *Василюк Ф. Е.* Психология переживания. М., 1984.

[57] *Милтс А.* Гармоническое и дисгармоническое в личности. Рига 1983. С. 32.

См.: *Брудный А. А., Каетарадзе Д. Н.* Экополис. Введение и проблемы. Пущино, 1981. С. 20.

[59] См.: *Сэв Л.* Марксизм и теория личности. С. 72.

[60] См.: *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. С. 192—193.

[61] *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. С. 502—503.

[62] См.: Вопросы психологии. 1971. № 4; Вести. МГУ. Сер. Психология. 1978. № 3, и др.

[63] См., напр.: *Чудновский В. Э.* Проблемы развития личности // Вопросы психологии. 1982. № 4.

[64] *Сэв Л.* Марксизм и теория личности. С. 449.

[65] См.: *Асеев В. Г. О* диалектике детерминации психического развития // Принцип развития в психологии. М., 1978.

[66] См.: *Ротенберг В. С., Аршавский В. В.* Поисковая активность и адаптация. М., 1984.

[67] *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. С. 190.

[68] См.: *Братусь Б. С., Лишин О. В.* Закономерности развития деятельности и проблемы психолого-педагогического воздействия на личность//Вести. МГУ. Сер. Психология. 1982. № 1.

[69] См.: *Асмолов А. Г., Петровский В. А. О* динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // Вопросы психологии. 1978. № 1.

296

[70] См.: *Давыдов В. В.* Проблемы развивающего обучения. М., 1986. С. 79.

[71] Вопросы философии. 1984. № 10. С. 141.

[72] См.: *Ананьев В. Г.* Человек как предмет познания. М., 1968.

[73] См.: *Норакидзе В. Г.* Типы характера и фиксированная установка. Тбилиси, 1966.

[74] Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1981. С. 199.

[75] Лит. газ. 1983. 9 февр.

[76] См.: *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. С. 221.

[77] *Пришвин М. М.* Незабудки. М., 1960. С. 38.

[78] См.: *Асмолов А. Г. и др.* О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопросы психологии. 1979. № 4.

[79] См.: *Леонтьев А. Н.* Проблема деятельности в истории советской психологии // Вопросы психологии. 1986. № 4. *ю* См.: Вопросы психологии. 1987. *№* 1. С. 19.

[81] См.: Социально-психологические проблемы производственного коллектива. М., 1983. С. 252.

[82] Вопросы психологии. 1985. *№* 4. С. 18.

[83] *Петровский А. В.* Вопросы истории и теории психологии // Избр. труды. М., 1984. С. 236.

К ГЛАВЕ 111 (с. 134—1741

' Психология личности: Тексты. С. 255.

[2] Вести. МГУ. Сер. Психология. 1985. № 3. С. 57.

[3] *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 100.

[4] Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков. М., 1967. С. 6.

[5] См.: *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекозна-ния. М., 1977.

[6] См.: Психология личности: Тексты.

[7] *Теплое Б. М.* Избр. труды. Ч. I. М., 1985. С. 306.

[8] См.: *Пропп В. Я.* Морфология сказки. М., 1969.

[9] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 108—109.

[10] См.: *Шкловский В. Б.* Лев Толстой. М., 1963. С. 713.

" *Выготский Л. С.* Психология искусства. М., 1965. С. 340.

[12] Новый мир. 1987. № 4. С. 222.

[13] Литературные манифеста западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 100.

[14] См.: *Ганнушин П. Б.* Клиника психопатий: Их статика, динамика и систематика. М., 1933.

[15] Цит. по: *Зиновьев П. М.* Душевные болезни в картинах и образах. М., 1927. С. 191—192.

"' *Levin K-* Gesetz und Experiment in der Psychologie. Berlin, 1927; *Idem.* Der Obergang von der aristotelischen zur galileischen Denkweise in Biologie und Psychologie// Erkenntnis. 1930. Bd 1. H. 6.

[17] См.: Вопросы психологии. 1981. № 1.

[18] *Wells L.. Marwell G.* Self-esteem: Its Conceptualization and Measurement. L., 1976.

[19] См.: *Зейгарник Б. В.* Теория личности Курта Левина. М 1981.

1984.

См.: Современная зарубежная социальная психология. М.,

[21] *Bronfenbrenner U.* Developmental Research, Public Policy and the Ecology of Childhood // Child Devel. 1974. Vol. 45. P. 4.

[22] См.: *Пето Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. М., 1972; Экспериментальная психология. Вып. V. М., 1975, и др.

[23] См.: Вопросы экспериментальной патопсихологии. М., 1965.

[24] См.: *Братусь Б. С.* Психологический анализ данных историй болезни как метод исследования личности // Экспериментальные исследования в патопсихологии. М., 1976.

[25] *Выготский Л. С.* Собр. соч. Т. 5. М., 1983. С. 258.

[26] Вопросы психологии. 1983. № 1. С. 85.

[27] Очерки теории темперамента. М., 1964. С. 74.

[28] *Бородин Ю. М.* К вопросу о социально-психологических аспектах происхождения первобытной общины // Принципы историзма в познании социальных явлений. М., 1972. С. 228.

[211] См.: *Братусь Б. С.* Использование общепсихологических закономерностей в психокоррекционной работе // Актуальные проблемы современной психологии. М., 1983; Он *же.* Актуальные проблемы психологического изучения и коррекции алкоголизма // Психологический журнал. 1987. № 2.

[30] См.: *Пономарев Я. А.* Методологическое введение в психологию. М., 1983.

[31] См.: Личность: Материалы симпозиума. М., 1971. С. 116.

[32] Научное творчество Л. С. Выготского и современная психология. М., 1981. С. 179.

К ГЛАВЕ IV (с. 175—222)

' *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. С. 302.

[2] *Выготский Л. С.* Собр. соч. Т. 5. С. 305.

[3] *Коган В. М., Коробкова Э. А.* Принципы и методы психологического обследования в практике врачебно-трудовой экспертизы. М., 1967. С. S1.

[4] См.: *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии.

[5] *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. С. 297.

[6] *Братусь Б. С.* Психологический анализ одного из видов патологии личности // Вопросы психологии. 1973. № 2.

[7] См., напр.: *Зейгарник, Б. В.* Патология мышления. М., 1962;

Петренко Л. В. Нарушение высших форм памяти. М., 1976, и др.

[8] Цит. по: *Гиляровский В. А.* Психиатрия. М.; Л., 1938. С. 350.

[9] *Franki V.* The Unheard Cry for Meaning: Psychotherapy and Humanism. N. Y., 1978.

[10] Hospital Psiquiatrico de la Habana. Habana, 1978. " *Гиляровский В. А.* Психиатрия. С. 621.

[12] *Ушаков Г. К,-* Пограничные нервно-психические расстройства. М., 1978. С. 123.

[13] См., напр.: *Бороздина Л. В.* Исследование уровня притязаний. М., 1985.

[14] *Hoppe F.* Erfolg und Misserfolg//Psychol. Forsch. 1930. Bd 14.

[15] Лит. газ. 1974. 13 нояб.

[16] *Жане П.* Неврозы. М,, 1911. С. 309.

[17] См.: *Гиляровский В. А.* Избр. труды. М., 1973.

[18] См.: *Мясищев В. Н.* Личность и неврозы. Л., 1960.

298

[19] Подробнее об этом исследовании см.: *Братусь Б. С., Павленко В. Н.* Соотношение структуры самооценки и целевой регуляции деятельности в норме и при аномальном развитии // Вопросы психологии. 1986. № 4.

, [20] См.: Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Коржакова. 1974. № 12.

[21] См.: *Павленко В. Н.* Изучение самооценки у больных неврозами и психопатиями в целях дифференциальной диагностики // Новые методы диагностики, лечения, профилактики основных форм нервных и психических заболеваний. Харьков, 1982.

[22] См.: *Алексеев В. П.* Человек: эволюция и таксономия. М,, 1985. С. 111.

[23] *Ганнушкин. П. Б.* Избр. труды. С. 171.

К ГЛАВЕ V (с. 223—292)

' См.: Вестник воспитания. 1890. № 8. С. 93.

[2] **См.:** *Братусь Б. С.* Изменения личности при алкоголизме. М., 1973; *Он же.* Психологический анализ изменений личности при алкоголизме. М., 1974, и др.

[3] См.: *Братусь Б. С., Сидоров П. И.* Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. М., 1984.

[4] *Пятницкая И. Н.* Клиническая наркология. Л., 1975. С. Ill— 112.

[5] *Wutrich P.* Zur Soziogenese des chronischen Alkoholismus. Basel, 1974.

[6] *Kreuzer A.* Drogen und Delinquenz. Wiesbaden, 1975.

[7] См.: *Митрохин Г. Н.* Религия нового века в США // Вопросы философии. 1982. № 4.

[8] *tenner R. C.* Mysticism and Make-believe. L., 1972.

[9] *Шевердин С. Н.* У опасной черты. М,, 1985. С. 23.

[10] См.: *Самсонов Д.* Горькая исповедь // Мнение неравнодушных. М., 1972. " Там же. .

[12] См.: *Сурнов К- Г.* Изменение установок личности при алкоголизме: Автореф. канд. дисс. М., 1982.

[13] См.: *Баженов Н. Н.* Психиатрические беседы на литературные и общественные темы. М., 1903. С. 6.

[14] См.: *Братусь Б. С., Сурнов К. Г.* Методика формирования установки на трезвость у больных алкоголизмом // Вестн. МГУ. Сер. Психология. 1983. № 3.

[15] См.: Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 83.

[16] См.: *Лично А. Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л., 1983.

[17] См.: Алкоголизм. М., 1959. С. 430.

[18] См.: Ремиссии при алкоголизме. Л., 1987. С. 23.

[19] One-sided on Research- Activities of the National Institutes on Alcoholabuse and Alcoholism. Washington, 1987.

[20] См.: Актуальные проблемы диагностики задержки психического развития детей. М., 1982.

[21] См.: *Дубинин Н. П.* Наследование биологическое и социальное//Коммунист.

1980. № I.

[22] См.: *Гурьева В. А., Гиндикин В. Я*- Юношеские психопатии и алкоголизм. М., 1980.

[23] См.: *Власова Т. А., Певзнер М. С. О* детях с отклонениями в развитии. М., 1973.

[24] См.: *Рубинштейн С. Я.* Психология умственно отсталого школьника. М., 1976.

[25] См.: *Асмолов А. Г.* Личность как предмет психологического исследования. М., 1984.

[26] *Выготский Л. С.* Собр. соч. Т. 5. С. 203.

[27] См., напр.: *Лишин О. В. и др.* Психологические принципы предупреждения и преодоления пьянства и асоциального поведения подростков: Методические разработки. М., 1986.

[28] *Макаренко А. С.* Соч. Т. 4. М.. 1951. С. 341—349.

[29] См.: Проблемы повышения эффективности педагогического процесса.на основе идей оптимизации. М., 1985. С. 115—123.

SUMMARY

The book -opens with a critical re-examination of the concept of mental health. The author challenges the majority of the prevalent criteria defining mental health in terms of pathology (mental health as the absence of mental disease), statistics (mental health as minimal deviation from the average), adaptation (mental health as adjustment to environment), etc. On the threshold of the XXI century mankind enters not only the era of super-advanced technology but also the epoch of ultimate actualization of man's humanity, human rationality and spirituality, individual uniqueness and multitude of individual manifestations. Hence some other principles underlying the difference between mental health and pathology should be sought. The author contends that it is individual's ability to reveal his humaneness, to actualize his human essence in his existence that constitutes normalrty rather than his ability to adjust to environment, to be typical or atypical, similar or dissimilar to others. This evokes another question: what are the specific characteristics of being human or what are the essential attributes of human existence?

The answer to this question, in the author's opinion, should be a starting point for a comprehensive study of abnormal personality development. Having considered philosophic foundations of the concept of mental health and its meaning, the author comes to the examination of general psychological premises and tentative assumptions of personality study. A tentative multilevel model of mental health is put forward. Special emphasis is laid upon the structure and functioning of meaning-motivational domain of personality and some patterns of their distortions in cases of deviant behaviour are outlined. Exposing the limitations of prevalent methods of personality study the author proves the necessity to elaborate new approaches, more oriented to real persons in real life situations. In this book he presents an example of such an approach which he calls analytic-transformational method.

The two remaining chapters of the book contain the exposition of the author's experience in the application of this method to a specific study of abnormal personality development. Chapter IV gives an examination of some psychological mechanisms, involved in the formation of pathological personality characteristics. It also includes some psychological techniques, aimed at the psychocorrection of various disturbances of mental health. Chapter V is devoted to a comprehensive analysis of personality changes characteristic of alcoholism and drug addictions. The author puts forward a hypothesis

concerning the origins of psychological drug dependence, traces the stages of drug dependent motivation and elucidates the mechanisms of motivational deformation. Specific psychological characteristics differentiating adolescent alcoholism from adult alcoholism are singled out. Principles and techniques of psychological correction and prevention of adolescent and adult alcoholism are described.

Thus we can trace in the book three basic successive planes of the consideration of abnormal personality development: philosophic general psychological and applied special psychological levels. Such comprehensive treatment of the problem is unprecedented in the Soviet psychological literature. There is no doubt that the book will be of interest not only for the specialists concerned — philosophers, psychologists, sociologists, educators, psychotherapists. It may also promote their mutual understanding and cooperation in their combined efforts to solve the most urgent problems of modern science of man.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Глава I. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ НОРМЫ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ... 6

1. Основные подходы к дихотомии «норма—патология» ...." —
2. философские основания проблемы . . 24

Глава II. ИСХОДНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ГИПОТЕЗЫ **.... 62**

1. Вводные замечания .... —
2. Гипотеза об уровнях психического здоровья **........... 67**
3. О роли биологического в формировании личности 74
4. Смысловая сфера личности 80
5. Циклы развичия деятельности ... 109
6. Координаты «пространства личности» 121

Глава III. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (ВЗАИМООТНОШЕНИЕ «ОБЪЯСНЕНИЯ» И «ПОНИМАНИЯ» В ПСИХОЛОГИИ) 134

Глава IV. НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ АНОМАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ 175

1. «Сдвиг мотива на цель» как механизм образования патологических черт . . —
2. Механизмы целевой регуляции деятельности в норме и при аномальном развитии 195

Г л а в а V. ОПЫТ ЦЕЛОСТНОГО АНАЛИЗА АНОМАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ 223

1. Алкоголь как стимулятор иллюзорно-компенсаторной деятельности ... —
2. Алкоголизм как болезнь 239
3. Нарушения индивидуально-исполнительского уровня 241
4. Изменения личностно-смыслового уровня 245
5. Формирование установки на трезвость 252
6. Специфика раннего алкоголизма . . 258
7. Психологические принципы профилактики раннего алкоголизма 269

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА ... 293 SUMMARY 301

Братусь Б. С.

Б87 Аномалии личности.— М.: Мысль, 1988.— 301, [2] с.

ISBN 5-244-00008-X

Книга является первым в отечественной науке развернутым монографическим исследованием психологии отклоняющегося развития личности. Проанализированы типичные подходы к пониманию проблемы нормы и патологии, рассмотрены философские предпосылки выявления общих критериев нормы, дано целостное представление о структуре и функциях смысловой сферы личности. уровнях психического здоровья, показаны конкретные внутренние механизмы возникновения аномалий личности (изменения характера, искажение субъективных ценностей, влечение к алкоголю и наркотикам и др.), пути и принципы восстановительной, психокоррекционной и психопрофилактической работы.

0304000000-129 кщ/йй Б 004(01)-88 44,88
ББК 88

Монография БОРИС СЕРГЕЕВИЧ БРАТУСЬ

АНОМАЛИИ ЛИЧНОСТИ

Заведующая редакцией М. А. Рыжова Редактор Е. С. Дых Младший редактор О. В. Колчина Оформление художника А Л. Сальникова Художественный редактор А. И. Ольденбургер Технический редактор Т. Г. Сергеева Корректор Г. Б, Абудеева

ИБ №. 3632

Сдано в набор 12 03.88. Подписано в печать 17.08.88. Формат 84Х 108'/з2. Бумага типографская № 1. Высокая печать. Литературная гарнитура. Усл. печатных листов 15,96. Усл. кр.-отт. 15,96. Учетно-издательских листов 18,43. Тираж 30000 экз Заказ № 469. Цена-1 р. 40 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Набрано в ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр , 15

Отпечатано в московской типографии № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 113105. Москва, Нагатинская ул . 1